ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ: ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ПРОШЛОЕ, ЗАДУМЫВАЯСЬ О БУДУЩЕМ

Материалы Третьей международной научной конференции Российской ассоциацией исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

1 – 3 ноября 2010 года, Череповец

Том 1

Москва
2010

При поддержке Программы Фундаментальных исследований ОИФН Российской Академии наук «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Американской ассоциации женщин-славистов (American Association of Women in Slavic Studies)

Редакционная коллегия:
Н.Л. Пушкарева (отв. ред.), О.Ю. Солодянкина,
М.Г. Муравьева, Н.В. Новикова

«Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем»: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 1–3 ноября 2010 года, Череповец – М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. – 464 с.

ISBN

Издание включает в себя материалы международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), местом проведения которой избран в 2010 году Череповецкий государственный университет (г. Череповец Вологодской обл.). Материалы конференции позволяют составить представление о путях развития и становления актуального научного направления – женских и гендерных исследований в науках о прошлом, сложностях и противоречиях, возникающих в рамках данного научного сообщества, а также женском социальном опыте и женских идентичностях в традиционном и современном контекстах; проблемах политико-правового положения женщин, семье и браке в истории и культуре народов Евразии; о гендере как категории политического и образовательного дискурса, в том числе о дискурсивных практиках его конструирования; истории женского движения.

Редколлегия сборника не несет ответственности за содержание текстов, представленных на конференцию в качестве рабочих материалов.

УДК
ББК

© Коллектив авторов, 2010
© ИЭА РАН, 2010
© ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Пушкарева Н.Л. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ, ДВА ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОШЛОГО 9

Раздел 1. Женщина в доиндустриальной Европе и России: модели восприятия и поведения.

Бикеева Н.Ю. «ВЕК АББАТИС И КОРОЛЕВ»: «ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН» В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 13

Бардашова Т.Н. ВИЗАНТИЙСКИЕ ДЕСПИНЫ В СФЕРЕ ВЛАСТИ (МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ 18

Ривчак К.В. ВЛАСТЬ КОРОЛЕВЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ И ЕЕ АПОГЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА 23

Круглова А.Р. ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ РУССКИХ ЦАРИЦ XVI В. 29

Карначук Н.В. ЖЕНЩИНА С ДУБИНКОЙ: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ АНГЛИЙСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ XVI ВЕКА ОБРАЗА ВООРУЖЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ 34

Саламатова О.В. АПОЛОГИЯ ЖЕНЩИН И ЖЕНСКОГО В РАБОТАХ ДЖОНА ДОННА И ОУЭНА ФЕЛЬТАМА 38

Будюкин Д.А. НЕПОВИНОВЕНИЕ И КОВАРСТВО: АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИРЛАНДСКИХ ЗНАТНЫХ ЖЕНЩИНАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ 43

Тычинина Л.В. ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И КНЯГИНЯ Е.Р. ДАШКОВА: ДВЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ВО ВЛАСТИ 48

Бородина Е.В. ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ) 53

Рудковская И.Е. ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ В МАКРОИСТОРИЯХ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (Э. ГИББОН, М.М. ЩЕРБАТОВ) 58

Барлова Ю.Е. НЕЗАМУЖНИЕ МАТЕРИ В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗРЕНИЯ В БРИТАНИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА) 64

Феля А. ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ ЖЕНЩИН: НА ПРИМЕРЕ МОЛДОВЫ (XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКОВ) 69

Раздел 2. Женщина доиндустриальной Европы и России в пространстве семьи и брака.

Павлов А.А. БРАЧНЫЙ РИТУАЛ В РИМЕ В ОТРАЖЕНИИ «О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ» СЕКСТА ПОМПЕЯ ФЕСТА 76

Григер М.В. «ТЫ – МНЕ, Я – ТЕБЕ»: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СУПРУГОВ В ЕВРЕЙСКОМ СОЦИУМЕ РУБЕЖА II–III ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ 84

Никонова И.Е. ЗНАТНАЯ МОСКОВИТКА И РУССКАЯ СЕМЬЯ XVI – XVII ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 86

Лабутина Т.Л. ПРОБЛЕМА БРАКА В ТРУДАХ РАННИХ ФЕМИНИСТОК АНГЛИИ 90

Трофимова В.С. ДИСКУССИИ О СЕМЬЕ И БРАКЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVII ВЕКА 96

Муравьева М.Г. СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В РОССИИ XVIII ВЕКА 101

Белова А.В. БРАКИ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ПРИНУЖДЕНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ 106

Терещенко Е.А. РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 112

Цыбульникова А.А. БЬЕТ – ЗНАЧИТ ЛЮБИТ? (О ПРАКТИКЕ ИЗБИЕНИЯ ЖЕН В КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ СЕМЬЯХ В XIX ВЕКЕ) 119

Заболотная Л.П. УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА ЛИЦАМИ НЕ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ 126

Леонов М.М. ВНЕБРАЧНЫЕ СВЯЗИ В САЛОННОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 133

Николаенко О.А. ПОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ 136

Раздел 3. Женщина и религия

Васильева Н.И. К ВОПРОСУ О «МУЖСКОМ» И «ЖЕНСКОМ» ИДЕАЛАХ СВЯТОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЕНАНЦИЯ ФОРТУНАТА 143

Дусаева Э.М. КЛАРА АССИЗСКАЯ И КАТАРИНА СИЕНСКАЯ: ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ В АГИОГРАФИИ 146

Алексеева Н.В. ФОРМЫ ЖЕНСКОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА В СЕВЕРНОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В XVIII–IX ВЕКОВ 149

Скутнев А.В. ЖЕНЩИНА В ДУХОВНОМ СОСЛОВИИ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ 153

Савичева В.В. ПОРТРЕТ ЖЕНЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ ВТ. ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ) 160

Каиль М.В. ЖЕНСКИЕ ПРАКТИКИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ – ФИГУРАНТОВ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ 1918 - НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ 165

Молодов О.Б. ЖЕНЩИНЫ–ВЕРУЮЩИЕ СЕВЕРНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В 1960–1970-е ГОДЫ 170

Ященко О.Д. ЗАПРЕТ, ГРЕХ, ПОКАРАНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТРОЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ЛОГИКИ НЕДОПУСТИМОСТИ АБОРТОВ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И КАТОЛИЧЕСКОМ КОСТЕЛЕ 176

Раздел 4. Трансформация семейно-брачных отношений в новое и новейшее время

Мухина З.З. О ДЕВИЧЬЕЙ ЧЕСТИ И ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА 182

Коляскина Е.А. ТРАДИЦИОННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ АЛТАЯ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МУЖА И ЖЕНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА) 186

Белевцова В.О. ЖЕНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ МАРИЙЕВ 192

Аргудяева Ю.В. СЕМЕЙНЫЙ БЫТ У ПРИМОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В МАНЬЧЖУРИИ 198

Николаева Д.А. АРХАИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БУРЯТ О ХОЗЯЙКЕ ДОМА КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА 201

Сушкова Ю.Н. МОРДОВСКИЕ ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ МЕЖДУ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ 205

Осипова М.П. ОПЕКУНСКИЕ ПРАВА ВЕЛИКОРУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 211

Савчук А.А. РОЛЬ МАТЕРИНСТВА И СЕМЬИ В ЭВОЛЮЦИИ ГЕНДЕР-НОГО КОНСТРУКТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917 – КОН. 1930-х ГОДОВ 219

Садовская В.Ю. БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ГЕРМАНИИ ПЕРИОДА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 224

Волкова Е.Ю. КРЕПКАЯ СЕМЬЯ – ЗАЛОГ ВЕЛИКИХ ПОБЕД (ИЗ ОПЫТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ) 229

Пушкаренко Е.А. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ 234

Клековкина Н.В. СЕМЬЯ В КАРИКАТУРНЫХ ОБРАЗАХ ЭПОХИ БРЕЖНЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЧАЯН–СКОРПИОН») 239

Гилева Н.В. БРАЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ 1960-1970-х гг. 245

Иванчина О.А. ЧУВАШСКАЯ ЖЕНЩИНА В СТРУКТУРЕ СЕМЕЙНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 254

Ильичева М.Б. БРИТАНСКАЯ СЕМЬЯ 1950–1980-х ГОДОВ: ЭВОЛЮЦИЯ РОЛЕВЫХ СТЕРЕОТИПОВ 259

Кашу Д. ВНЕДРЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ РИТУАЛОВ В СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ: НА ПРИМЕРЕ МССР 265

Эшиев А.К. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 271

Галиндабаева В.В. ФОРМЫ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ РУССКИХ И БУРЯТСКИХ СЕМЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В БУРЯТИИ) 275

Щукина М.К. ЖЕНЩИНЫ И ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 279

Клецина И.С. ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ 284

Краснова М.Н. МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В ЧУВАШИИ: МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ 290

Шубина Т.Ф. ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ) 294

Жукова З.В. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В ОДНОПОЛОЙ «СЕМЬЕ» 299

Калачева И.И. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОГО ВЫБОРА В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 302

Раздел 5. Ретроспектива решения «женского вопроса» в новое и новейшее время.

Попова О.Д. ИНТЕГРАЦИЯ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ И СПЕЦИФИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 309

Шестова Т.Ю. ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ ПЕРМСКОЙ И ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА 315

Аверина-Луговая Д.Ю. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА: ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА 321

Минеева Т.А. «НАУКА ДЛЯ ВСЕХ ОДНА, ОСОБОЙ НАУКИ ДЛЯ ЖЕНЩИН НЕТ И БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО»: ЖЕНЩИНЫ–ИСТОРИКИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 325

Кикахина Е.А. Э.К. ПИМЕНОВА И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 328

Литвин Ю.В. ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ОТХОДНИЧЕСТВА И ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЕСЛЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ КАРЕЛЬСКИХ КРЕСТЬЯНОК В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД 331

Кольчугина С.В. ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА) 336

Нагаева Г.А. ЖЕНЩИНЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 342

Лебедева Л.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОПРАВИЯ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯНСКОГО СОЦИУМА) 348

Никитина Г.А. «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ДОКОЛХОЗНОЙ УДМУРТСКОЙ ОБЩИНЕ (1917 - НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ) 355

Гонина Н.В., **Вавиленко А.Ю.** ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ И СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ (1930–1950-е ГОДЫ) 360

Гусева Ю.Е. РАВЕНСТВО В СИСТЕМЕ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕССЫ XX ВЕКА) 364

Градскова Ю. ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В ПОЛИТИКАХ «ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА» (1990–2000-е) 371

Каткова Н.В. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РОССИИ 374

Колесникова А.Л. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЛЕЙБОРИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 60-Х - 70-х ГОДЫ XX ВЕКА 378

Исакова Ю.Е. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ EUROPEAN WOMEN'S LOBBY ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН-ИММИГРАНТОК 383

Мухаметзянова-Дуггал Р.М. ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ 387

Сулейманова Р.Н. О РАВНОПРАВИИ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫМЫСЛЫ И ФАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ) 393

Раздел 6. Способы репрезентации женских образов.

Бармина В.Э. «БАБЫ БОГОМЕРЗКИЕ» КАК МОДЕЛЬ ЖЕНСКОГО АНТИ-ИДЕАЛА В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ 400

Саламатова О.В. АПОЛОГИЯ ЖЕНЩИН И ЖЕНСКОГО В РАБОТАХ ДЖОНА ДОННА И ОУЭНА ФЕЛЬТАМА 403

Ануфриева Е.В. ПОНЯТИЕ «ЖЕНСТВЕННОСТЬ» В «МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ» И. БАХОФЕНА 408

Минец Д.В. ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ЗАПИСКАХ Н.А. ДУРОВОЙ «КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА. ПРОИСШЕСТВИЕ В РОССИИ» 413

Кузнецова У.С. «ВОСПОМИНАНИЯ» Т.А. АСТРАКОВОЙ КАК САМОИН-ТЕРПРЕТАЦИЯ 418

Крючкова Н.Д. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОГО ОДИНОЧЕСТВА В РОМАНЕ Э. ГАСКЕЛЛ «КРЭНФОРД» 423

Меньшикова Е.Н. КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-КУПЧИХИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА 428

Сафронова Ю.А. ДЕЛО ПРАСКОВЬИ КАЧКИ. ОТ «ЖРЕБИЯ ВЕРЫ ЗАСУ-ЛИЧ» ДО «УБИЙСТВА В ПРИПАДКЕ УМОИССТУПЛЕНИЯ» – МЕТАМОРФОЗЫ ВОСПРИЯТИЯ 433

Черепанова Р.С. ИДЕНТИЧНОСТЬ, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА В ЖИЗНИ РУССКИХ ЖЕНЩИН–ИНТЕЛЛИГЕНТОК В ЭПОХИ БУРЖУАЗНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (ПО АВТОБИОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ) 439

Полосина А.Н. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО 444

Чуракова О.В. КАК ИЗБЕЖАТЬ В ЭПОХУ ВОЙН КРИЗИСА ЖЕН-СКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ? ОПЫТ «ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ДОМОХОЗЯЕК» ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 449

Linhardt A. KRESTIANKA, RABOTNITSA, AND KOLKHOZNITSA: IDENTITIES OF RUSSIAN WOMEN IN SOVIET PROPAGANDA POSTERS IN THE 1920-s 454

Черняева Н.А. «ЧТО ДОЛЖНА ЗНАТЬ РАБОТНИЦА-МАТЬ»: УЧЕБНИКИ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ В КОНСТРУИРОВАНИИ НОРМАТИВНОГО МА-ТЕРИНСТВА В СССР, 1917-1930. 454

Пушкарева С.В. КОНЦЕПЦИЯ РОЛИ «ЖЕНСКОГО» И «МУЖСКОГО» НАЧАЛА В ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ 461

Введение

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ, ДВА ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОШЛОГО

Гендерные исследования в истории все еще находятся в положении доказывающих свое равноправие как в системе аналитических подходов и приемов гуманитаристики в целом, так и в тематических констелляциях каждой конкретной дисциплины. Вопрос о признании женской истории и женской темы образуется сейчас не только и не столько «враждебным окружением» традиционной, андроцентричной науки, сколько равнодушием к женской теме, утверждением, что «ее время уже прошло вместе с периодом западных грантов на ее развитие». Немало и тех, кто упрекает современных историков женщин в том, что они сами так и не смогли прийти к согласию в том, что составляет содержание их работы, а главное – то «послание», тот «мессидж», которые составляют сердцевину исследовательского труда. В нашей историографии (как, впрочем, и в историографии других постсоветских государств, прежде всего Украины и Беларуси) сосуществуют с большей или меньше степенью противостояния два типа дискурсов, претендующих на маркировку гендерных.

Первый дискурс – дискурс традиционных гендерных ролей. Он, по сути, легитимирует роль женщины как комплементарную (взаимодополнительную) к роли мужчины. Философ О.А. Воронина назвала этот тип дискурса «ложной теорией гендера», а лингвист А.В. Кириллина склонна утверждать, что речь тут идет о принадлежности к старому, дофеминистскому «способу говорения» о предмете. Именно он позволил переименоваться или наименоваться немалому количеству центров, лабораторий и научных отделов в институтах гуманитарного профиля, – тех, что ранее занимались изучением социологии пола (этнологией пола и семьи, историей семьи и демографии.) в лаборатории, центры, кафедры, отделы, сектора гендерных исследований. К тем, кто является крепким профессионалом и в то же время далек от феминистской идеологии в изучении истории женщин, я бы отнесла Н.В. Середу (Тверь), Г.А. Тишкина и В.Н. Веременко (Санкт-Петербург), Н.А. Миненко (Екатеринбург). Все это имена докторов наук, профессоров, зачастую

уже имеющих свои научные школы. Их ученики и ученицы (не говоря уже о них самих) – иногда даже студентки гендерных программ или курсов, ставшие ныне самостоятельными исследовательницами и исследователями – глухи к идеям феминизма, научно-социализированы в духе традиционности. И даже такие именитые профессора, как О.А. Хасбулатова (Иваново), без трудов которой невозможно представить сейчас изучение женского либерального движения в России, или Л.П. Репина (Москва), чьи работы ввели в нашу историографию само слово *гендер* (она же ныне возглавляет серийное издание «Адам и Ева. Альманах гендерной истории») вряд ли назовут себя открыто, с высокой трибуны, убежденными феминистками.

Второй дискурс – тот, что ставит под сомнение естественность (то есть эссенциалисткую обусловленность) взаимодополнительности гендерных ролей в прошлом и в настоящем. Обращу внимание на то, что приверженцы такого методологического ракурса по-иному подходят уже к сбору эмпирического материала, поскольку сами вопросы, которые они перед собой ставят, предполагают феминистскую рефлексию. Я причисляю себя к этой менее многочисленной группе ученых и смею надеяться, что таковых становится все больше. Назову хотя бы А.В. Белову (Тверь), М.Г. Муравьеву и И.И. Юкину (Санкт-Петербург), Н.В. Новикову (Ярославль), О.В. Шнырову (Иваново), Е.И. Якушкину (Воронеж), М.А. Текуеву (Нальчик), на русскоязычном пространстве в духе феминистской убежденности пишет и публикуется историк протестных движений И.Р. Чикалова (Минск) – вот, кто является реально гендерными историками с именем, часто - авторами монографий и составителями сборников, написанных уже с новых позиций. Они уже тоже доктора наук (М.А. Текуева, А.В. Белова, И.Р. Чикалова), либо пишут сейчас вторые диссертации.

Все они – прежде всего – *моложе* представительниц первого типа историописания о женщинах. Они застали проникновение гендерной концепции в Россию в момент, когда их собственный жизненный опыт был открыт ее восприятию. Поэтому и гендерные исследования прошлого в их работах базированы на исследовательском материале их регионов (обращу особое внимание на то, что перечисленные выше авторы не только моложе «традиционалисток», но и

представляют региональную науку, где – собственно – и возникли первые гендерные центры как «рассадники вольномыслия»).

И все же разные подходы к толкованию содержания гендерных исследований настолько переплелись, что в одном и том же учреждении, в одном и том же научном центре - по крайней мере, в исторических науках России – могут вполне мирно сосуществовать сторонники и сторонницы разных подходов. И это, с моей точки зрения, нормально. Организуемая уже в третий раз конференция Межрегионального общественного объединения «Российская ассоциация исследователей женской истории» в этом контексте становится проявлением неформальной политической событийности, фактом существования укрепляемого сетевого коммюнити, диссенсусным сообществом, а не очередной политически неэффективной (формально-стабильной) посткоммунистической институцией.

Созданная в начале нового тысячелетия РАИЖИ – это сеть исследователей, которая предполагает рождение новых надежд, способных обновить современные социальные теории, социальную, политическую и культурную антропологию, отечественную и всеобщую истории. Размышляя об этом явлении, инициатор и создательница украинской школы гендерных исследований, И.А. Жеребкина, на первое место выдвигает развитие отчасти утопического, но в определенных проявлениях вполне практического понятия «демократии как грядущего» для всех наших Академий наук. Она говорит о демократии в грядущем, которое она остроумно именует «посттеррористическим», иными словами – посттоталитарным, толерантным, то есть дающим возможность ставить новые, непривычные темы и в то же время сосуществовать и сторонникам разных, в том числе и старых подходов.

Второе следствие «сетевого», а не иерархического восприятия двух дискурсов (первое – как выше следует – это *терпимость* друг к другу) может стать в каком-то смысле главным и важным с точки зрения методологической. Речь о концепции стирания грани между западными и незападными интеллектуальными политическими стратегиями в социальных науках и художественных практиках. Что мы можем предложить Западу, на который все «лихие 90-е» смотрели с подобострастием? Можем ли (точнее: сможем ли) предложить свои методики, идеи, толкования и понимания? Оформившиеся в рамках традиционалистского дискурса, российские исследования «женской

темы» сделали немало для того, чтобы в нашей научной среде были *созданы условия* для распространения основных идей феминистской эпистемологии и для их развития.

Буду честна: направление гендерных исследований в истории и этнологии в России по-прежнему маргинально. Описательная «история женщин» развивается благополучнее и успешнее гендерной. Сосуществование двух дискурсов (эссенциалистского и феминистского) по-прежнему размежевывает сообщество исследователей, создает соперничество исследовательских центров между собой, не говоря уже о сильном расхождении «теории» и «практики» – исследований в центрах с современным политическим активизмом. Как преодолеть разобщенность двух дискурсов в научном пространстве, различных центров между собой, в том числе феминистски-продвинутых и не слишком разбирающихся в теоретических концепцтах постмодерна, поддержанных фондами и финансировавшихся плохо (а потому менее успешных), практического женского движения и меритократического сообщества исследовательниц теоретического феминизма? Мне думается, что для того, чтобы ее преодолеть, нужно ставить задачу быть понятным и услышанным не только представителями своих научных групп и центров, но и теми, кто к ним не принадлежит. Нужно встречаться на конференциях, развивать диалог между феминистски-ориен-тированными историками и этнологами и теми, кто работает в русле «ложной теории гендера». Нужно быть терпимее и искать пути обмена мнениями, иначе феминистки-единомышленницы соби-раются на одни научные форумы, а сторонницы старых подходов – на другие.

Преобразование «чужого» в «своё» (в том числе чужого феминизма в его российский вариант), принимающее форму индивидуальной интериоризации отдельных концептов, освоения самих теорий через их культурное «присваивание», – не есть потеря или недостаток. Диссенсус, толерантность к мнению другого, готовность его выслушать, понять его логику должны стать основой нашего взаимодействия, в том числе в рамках «Российской ассоциации исследователей женской истории».

Н.Л. Пушкарева,
Председатель МОО
«Российская ассоциация исследователей женской истории»

Раздел 1.
Женщина в доиндустриальной Европе и России: модели восприятия и поведения

Н.Ю. Бикеева,
Казань, Казанский государственный университет

«ВЕК АББАТИС И КОРОЛЕВ»: «ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН» В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В современной исторической науке наблюдается возрождение интереса к политической истории. Но само понимание ее подверглось значительным изменениям. На то, что новая политическая история не похожа на прежнюю, указывал Ж. Ле Гофф: «Политическая история в качестве истории власти вновь обретает вербальное достоинство, которое связано с изменением ментальности»[1].

Эти изменения коснулись и исследований так называемых «темных веков», эпохи перехода от античности к средневековью. Если раньше историки изучали преимущественно различные государственно-политические структуры раннесредневекового общества, условия и обстоятельства их эволюции[2], то теперь фокус исследований политической истории переносится в сферу изучения общих принципов организации власти, механизмов ее функционирования и форм реализации. Причем, властные отношения рассматриваются не только в контексте публичной сферы, включающей мир официальной (государственной) политики, юридические права и обязанности, рыночные институты, но также и в частной сфере[3]. К тому

---

[1] Ле Гофф Ж. Является ли политическая история по-прежнему становым хребтом истории? // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С.К. Цатуровой. М., 2001. С. 407.

[2] Обзор отечественной и зарубежной историографии проблемы политической истории см.: Сидоров А.И. Организация власти во франкском королевстве в VIII–IX вв. / Средние века. Вып. 64 / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 3–34.

[3] См.: Репина Л.П. Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте // Адам и Ева. Альманах

же, если речь идет, например, о переходной эпохе от античности к средневековью, публичная и частная сферы оказываются очень тесно переплетенными. В этот период сфера власти характеризуется значительной децентрализацией; она рассредоточивалась в социальном и территориальном отношении[1].

На любом уровне, в любом секторе в этот период в отправлении власти принимает участие довольно широкий круг людей. Складывается широчайшая система личных связей. В подобных условиях возрастает роль отдельной личности, будь то мужчины или женщины. Поэтому при изучении политической истории меровингской эпохи большие возможности предоставляют методы гендерного анализа. Без выяснения той роли, какую играли женщины в политических реалиях той эпохи, невозможно понять сами принципы организации власти.

Не случайно документы этой эпохи не только называют нам большое число женских имен, но и повествуют об их деятельности, в частности, роли «варварских» королев и монахинь в распространении христианства. На это указывают современные зарубежные исследования, посвященные франкским женщинам[2].

Власть и социальное положение женщин зависят от соотношения между частной и общественной сферами общества. При этом частная сфера в основном соотносится с семьей и домашним хозяйством и характеризуется большой ролью женщин в ней. Вполне логично предположить, что в условиях слабого разграничения частной и публичной сфер возможности женщин влиять на политику возрастают. Об этом, в частности, пишут современные американские историки, специализирующиеся на изучении франкских женщин,

---

гендерной истори. Под ред. Л.П. Репиной. № 10. М., 2005. С.140–166.

[1] Об этом, в частности, см.: Сидоров А.И. Указ соч. С. 6.

[2] См., напр.: Wemple S. Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister (500–900). Philadelphia, 1981; McNamara J.A. A Legacy of Miracles: Hagiography and the Nunneries in Merovingian Gaul // Women in Medieval World / Eds. J. Kirshner and S. Wemple. Oxford, 1985. P. 36–52; McNamara J. A., Wemple S. The power of Women Trought the Family in Medieval Europe, 500–1100 // Women and Power in the Middle Ages / Athens and London, 1988. P. 83–101, etc.

Дж. Э. МакНамарра и С. Уэмпл в совместной статье, опубликованной в сборнике «Женщины и власть в средние века»[1].

В исследованиях, посвященных раннесредневековым женщинам, больше всего внимания уделено их деятельности в религиозной сфере, гораздо меньше внимания посвящено их мирским деяниям. Основная причина этого заключается в характере источников. Большинство из них принадлежит перу духовных лиц – Григорию Турскому, Павлу Диакону, Беде Достопочтенному и т.д., которые главным образом подчеркивали деятельность святых женщин, аббатис, королев в религиозной сфере.

В результате до сих пор мы мало знаем об участии женщин в политике – местной и региональной, а также на уровне всего королевства. При этом многие святые женщины активно участвовали и в светских делах, например святые Радегунда и Батильда. Даже королеве Брунгильде, одной из наиболее активных фигур во франкской истории второй половины VI в. уделено мало внимания в исследованиях, касающихся политической истории. Вероятнее всего, это связано с тем, что письменные источники, создающие яркие и эмоциональные образы властных женщин, скупо упоминают об их непосредственной политической деятельности.

Даже, на первый взгляд, политическое поведение влиятельных франкских женщин, по-видимому, отличалось от мужского. Читая «Историю франков» Григория Турского, нельзя не заметить, что, в отличие от мужчин, доступ к власти не был закрыт женщинам невысокого социального статуса. Примером может служить королева Фредегонда (История франков. IV, 27).

В отличие от мужчин, для женщин одним из основных средств достижения власти и ее удержания была ее способность привлечь мужчин, стоящих у власти. Поэтому положение женщин было менее стабильным и больше зависело от отношения к ней, например, супруга. Этим объясняется большой арсенал средств, от обольщения до политических убийств, которые авторы раннего средневековья приписывают франкским королевам. Даже наиболее могущественные женщины, такие как Радегунда[2], Брунгильда, Фредегонда, Батильда,

[1] McNamara J. A., Wemple S. Op. cit. P.83–101.

[2] О большом авторитете Радегунды среди современников свидетель-

были политически более слабыми, чем их современники мужчины. Они должны были действовать более осторожно, чем мужчины, больше использовать методы убеждения, «дипломатию», чем методы силового воздействия. Например, Григорий Турский описывает достаточно подробно, как уговорами и убеждениями Радегунда пыталась привлечь на свою сторону могущественных королей и епископов в борьбе за право своего монастыря обладать реликвией Святого Креста (IX, 39–42).

Более надежной и безопасной гарантией для женщин, находившихся у власти, были их дети, наследники политической власти своих отцов. В то время как честолюбивый сын мог оказаться опасным для своего отца-короля, редко их королевы-матери имели причины опасаться своих детей. В большинстве случаев враги сына были также врагами его матери, как, например, в случае с Хильдебертом II, сыном короля Сигиберта и королевы Брунгильды, провозглашенным в шестилетнем возрасте королем Австразии после гибели отца. Конечно, были исключения, например, когда Брунгильда потеряла возможность влияния на своего внука Теодеберта II. Но, несмотря на важность наличия наследников мужского пола, некоторые вдовы были также достаточно могущественны, чтобы удерживать свою власть, не опираясь на сыновей.

Монастырь как «место власти»[1] также предоставлял женщинам возможность влияния на политические события. Статус аббатисы (или фактическое управление монастырем через своих ставленниц, как это было в случае с Радегундой) был достойной, а зачастую предпочтительной альтернативой положению королевы или жены знатного землевладельца той эпохи. Основательница женского монастыря имела большие возможности и рычаги духовного воздействия, чтобы сохранить свою власть и имущество монастыря. Святые Радегунда, Садальберга, Батильда, Гертруда Нивелльская, Бургундофара, Рустикола и другие женщины, посвятившие себя служению Богу, принадлежали к слою политической элиты общества.

ствует Григорий Турский в своей «Истории франков» (VII, 36).

[1] Термин «место власти» очень активно используется в современной англо-американской историографии.

Нахождение у власти женщин в меровингскую эпоху требовало от раннесредневековых авторов специального обоснования, в чем не нуждались мужчины. Этого требовал даже такой жанр, как Жития. Когда Венанций Фортунат пишет «Житие Святой Радегунды», он в предисловии говорит о физической слабости Радегунды, присущей всем женщинам, в противовес ее духовной силе. Подобный прием автор не использует при создании Житий святых мужчин.

Во многом правы те исследователи, которые называют VI, VII и VIII века в истории западной Европы «веками аббатис и королев»[1]. Однако, несмотря на то, что от эпохи раннего средневековья до нас дошло немало имен женщин, в той или иной степени принимавших участие в отправлении политических функций, в целом их гораздо меньше, чем мужчин. В основном в источниках описываются такие случаи, когда женские стратегии и тактика были настолько заметны в политической сфере, что они просто не могли не быть упомянуты. Прочие деяния раннесредневековых королев, аббатис и знатных женщин в большинстве своем остались скрытыми от нашего взгляда. Пути и способы, посредством которых женщины осуществляли свою власть, отличались от тех, которые использовались мужчинами. А поскольку большинство раннесредневековых авторов были мужчинами, они редко могли (и хотели) показать политические методы женщин. Как правило, в своих произведениях авторы используют два стереотипных образа женщин, участвующих в политике. Первый – это образ злых королев, которые коварны и не гнушаются любых методов обольщения мужчин и политических убийств. Другой – это благочестивые дамы, которые посвятили свои жизни служению Богу в женском монастыре или действовали при дворе королей и знатных

[1] См., например: Wemple S. Op. cit.; McNamara J.A. Op. cit., P. 36–52; McNamara J. A., Wemple S. Op. cit. P. 83–101; Schulenburg J.T. Female sanctity: Public and Private Roles, ca. 500–1100 // Women and Power in the Middle Ages. Athens and London, 1988; Sainted Women of the Dark Ages / Ed. and transl. by J.A. McNamara, J.E. Halborg, G. Whatley. Durham and London, 1992; Harrison D. The Age of Abbesses and Queens: Gender and Political Culture in Early Medieval Europe. Lund, 1998; Mooney C.M. (ed.) Gendered Voices: Medieval Saints and their Interpreters. Philadelphia, 1999, etc.

персон в качестве миротворцев. В произведениях раннесредневековых мужчин-авторов прослеживается в целом неодобрительное отношение и страх мужчин перед женщиной, обладающей властью. Конечно, нельзя забывать, что за этими литературными образами стояли реальные женщины, которых нельзя описывать, используя только черную или белую краски. Вряд ли они были столь ужасающе коварны и жестоки или, наоборот, ангельски благочестивы в реальной жизни.

В целом, в отличие от мужчин, принадлежавших к королевскому роду и имевших вполне обоснованные, законные претензии на власть, женщины, сыгравшие большую роль в политических событиях этой эпохи, могли рассчитывать только на свои личные качества и силу духа. Им приходилось прилагать больше сил для выживания.

***Т.Н. Бардашова*,**
Екатеринбург,
Уральский государственный университет им. А.М. Горького

ВИЗАНТИЙСКИЕ ДЕСПИНЫ В СФЕРЕ ВЛАСТИ (МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ)[1]

Роль женщины в Византийской империи во многом определялась занимаемым местом в обществе. И если зависимое положение от мужчин – отцов, братьев, мужей, – было особенно тяжелым бременем для представительниц низших сословий[2], то чем более прочной являлась социальная основа бытия женщины, тем более видную роль в общественной и культурной жизни она могла играть[3].

---

[1] Деспина – женский вариант слова «деспот»; женщина привилегированного, благородного происхождения. Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (научно-исследовательский проект «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

[2] Каждан А.П. Византийская семья // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 213.

[3] Kyrris C. P. Le rôle de la femme dans la société Byzantine particuliér ement pendant les derniers siécles // JÖB, 1982. Bd. 32/2. P. 464.

Во все времена деспины занимали привилегированное положение в византийском обществе. Несмотря на это, они, как и рядовые византийки, прежде всего, были матерями и супругами, главной заботой которых было рождение детей. Вместе с тем появление на свет наследника престола имело важное политическое значение и вменялось в главнейшую обязанность, возлагаемую на василисс[1].

Другой, не менее важной, функцией византийских деспин при императорском дворе, была репрезентативная[2], В соответствии с политической доктриной империи Ромеев, василевс трактовался как земное божество[3]. В связи с этим подражание Богу было первейшей обязанностью государя, а весь сложный ритуал дворцовой жизни был предназначен не только для того, чтобы напоминать о таинственной связи между автократором и небесным царем[4], но и об особом предназначении Византийской империи[5], ее первенстве среди всех других государств Средневековой Европы[6]. Однако византийский император мог возглавлять церемониальные действия лишь мужской половины двора. Поэтому собственной автономной социальной и церемониальной сферой, сформированной из жен знатных членов государственной иерархии, так называемым «двором женщин»[7], руководила его августейшая супруга. Она давала официальные аудиенции женам высших чиновников, присутствовала на литургиях в

---

[1] Talbot A. Women and Religious Life in Byzantium. Aldershot; Burlington. 2001. P. 143.
[2] Ibid. P. 141.
[3] Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 116.
[4] Каждан А.П. Византийская культура X-XII вв. СПб., 1997. С. 105.
[5] Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats– und Reichsgedanken. Zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956. S. 112–114.
[6] Райс Т.Т. Византия. М., 2006. С. 15.
[7] Kazdan A. P., McCormick M. The social World of the Byzantine Court // Byzantine Court Culture. Washington, 1997. P. 182–183.

храме Святой Софии, вела беседы с праведными мужами[1], занималась благотворительностью[2], а также участвовала в приеме иностранных послов.

Известный своими литературными талантами византийский император Константин VII Багрянородный в своей книге «О церемониях» оставил любопытное описание приема русской княгини Ольги, где непосредственное участие принимали и его царственные родственницы[3]. Так, после того как архонтесса Ольга была удостоена аудиенции у самого Константина VII, она была принята женскими членами августейшей семьи. Вслед за этим русскую княгиню пригласили в жилые помещения дворца, где ее встретили «василевс с августой и багрянородными детьми»[4]. Тогда же состоялись два праздничных обеда – клитория. В одном из них, организованном в честь правительницы Руси, участвовали только женщины – деспины, знатные византийки, а также Ольга со своей свитой. В то же время в другом торжественном пире, где присутствовал император, принимали участие исключительно титулованные византийцы и мужская часть посольства русской княгини[5].

Как мы видим, в византийском придворном церемониале деспины занимали свое особое место, и ни один византийский автократор не мог обойтись без василиссы. Кроме того, царские сановники были уверены, что «не пристойно ни для императора жить без жены, ни для наших жен быть лишенными повелительницы и императрицы»[6]. В этой связи интересен пример Льва VI, когда в очередной раз овдовевший император «венчал Анну (свою дочь), дочь Зои, внучку Заутцы, ибо не мог устраивать царские приемы без августы»[7].

---

[1] Ibid. P. 183–184.

[2] Talbot A. Op. cit. P. 140.

[3] Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–XII в.). СПб., 2000. С. 173.

[4] Константин Багрянородный. О церемониях / ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006. С. 344.

[5] Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 344–345.

[6] Kazdan A. P., McCormick M. Op. cit. P. 183–184.

[7] Продолжатель Феофана Жизнеописания византийских царей / Подгот. Я.Н. Любарский. СПб., 1992. Кн. VI. Лев VI. Гл. 17. С. 227.

Важно заметить, что граница, отделяющая двор женщин от двора мужчин, не была непреступной. Известны случаи, когда деспины могли временно вводиться в мужскую сферу императора[1]. Были в истории Македонской династии и эпизоды, когда женщины императорского дома полностью входили в жизнь мужской части дворца. Скажем, дочь Константина Багрянородного по имени Агафа в течение пяти лет жила на отцовской стороне дворца. Продолжатель Феофана свидетельствует, что «неустанно прислуживала она ему в болезни, и передавал через нее царь распоряжения секретам и архонтам; и представляла она собой посредницу, и не только представляла, но и была признана и являлась ею на деле»[2]. Не вызывает сомнений, что молодая принцесса пользовалась особым уважением при императорском дворе, и даже ее мать, и супруга византийского правителя императрица Елена, а также соправитель и наследник империи Ромеев Роман все свои просьбы Константину VII передавали исключительно при ее посредничестве[3].

Во многом значимость положения деспины в глазах придворного окружения определялась ее порфирородностью. Очень часто именно багрянородные принцессы становились тем ключевым звеном, которое было способно в условиях кризиса власти в империи узаконить притязания амбициозных претендентов на высшую власть в Византийском государстве. Одной из наиболее ярких иллюстраций приведенного выше тезиса является женитьба Иоанна Цимисхия в ноябре 970 г.[4] на дочери Константина VII Багрянородного, монахине Феодоре, которая хоть и не слишком выделялась красотой и стройностью[5], но, будучи порфирородной царевной, обеспечила

---

[1] Kazdan A. P., McCormick M. Op. cit. P. 183–184.
[2] Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 190.
[3] Garland L. Empresses. Women and Power in Byzantium, ad 527–1204. London, 1999. P. 128; Norwich J.J. Byzanz. Auf dem Höhenpunkt der Macht 800 – 1071. Düsseldorf; München, 1994. T. II. S. 220.
[4] Лев Диакон. История / Подгот. Г.Г. Любарский. М., 1988. Кн. VII. Гл. IX. С. 66–67.
[5] The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 2065.

легитимность властным претензиям императора–узурпатора[1].

Некоторые из византийских императриц после смерти венценосных супругов становились регентами своих юных сыновей[2]. В частности, после смерти в 913 г. автократора Александра опекуншей своего малолетнего сына-императора Константина VII стала Зоя, которая на протяжении семи лет фактически управляла державой Ромеев. Только незаконный приход к власти Романа I Лакапина, который обвинил императрицу в заговоре и попытке его отравить, позволили новому самодержцу удалить Зою из дворца и, облачив в монашеские одежды, поместить в монастырь святой Евфимии в Петри[3].

Отметим, что часто именно в результате династической нестабильности василиссы оказывались у власти в империи[4]. Наиболее показательным примером может служить восстановление на византийском престоле власти двух дочерей Константина VIII Зои и Феодоры,[5] которые в ходе напряженной борьбы за право управления империей оказались невольными узницами монастыря: Феодора в 1030 г.[6] – по воле сестры Зои[7], а Зоя в 1042 г. – по распоряжению своего коронованного пасынка Михаила V Калафрат[8]. Лишь вмешательство народа, восставшего против очередного императора-узурпатора Михаила V [9], сделало возможной реставрацию власти обеих императриц-соправительниц.

---

[1] Talbot A. Op. cit. P. 141.
[2] Laiou A.E. Women in the History of Byzantium // Byzantine Women and Their World. Cambridge, 2003. P. 25.
[3] Garland L. Op. cit. P. 124.
[4] Ibid. P. 1.
[5] Gregory T.A. Op. cit. P. 248; Laiou A.E. Op. cit. P. 25; The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. 2228.
[6] Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 2004. Кн. 1. С. 139.
[7] Пселл. Михаил. Хронография / Подгот. Я.Н. Любарский. СПб., 2003. Михаил V. XXXIV. С. 66.
[8] Там же. XXIII. С. 60.
[9] Angold M. Belle époque or crisis? (1025–1118) // The Byzantine Empire. Cambridge, 2008. P. 588.

Обращает на себя внимание, что даже законные императрицы не могли править державой Ромеев без мужей-императоров. Как мы уже убедились, сложный церемониал византийского двора требовал участия в нем как василевса, так и василиссы. В результате Зоя, которой в 1042 г. было уже более 60 лет, была вынуждена в четвертый раз выйти замуж. После ее смерти, супруг Зои Константин IX Мономах и ее сестра Феодора продолжали править империей совместно, а после кончины василевса уже Феодора вступила в «виртуальный брак»[1] с Михаилом VI.

В заключение следует признать, что византийские деспины, хотя они и не пользовались такой полнотой свободы, как, скажем, их царственные родственники, и большую часть времени были вынуждены проводить в своих покоях[2], все они, являясь спутницами византийских императоров, играли важную роль в династической и церемониальной составляющей жизни державы Ромеев. Более того, в критические моменты в истории своего отечества женщины, облаченные в пурпур, становились во главе великого государства и оказывали существенное влияние на историю Византийской империи.

К.В. Ривчак,
Москва, Российский государственный гуманитарный университет

ВЛАСТЬ КОРОЛЕВЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ И ЕЕ АПОГЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА

В течение X в. в раннесредневековом англосаксонском государстве происходило усиление королевской власти, ее идеологии и культа. Данная тенденция сопровождалась параллельными процессами в отношении статуса королевы. С конца X в. стала стабильной традиция коронации королев. С этого же времени королевы начинают играть значительную роль в государственной

[1] Laiou A.E. Imperial Marriages and Their Critics in the Eleventh Century: The Case of Skylitzes // DOP. Washington, 1992. № 42. P. 165.
[2] James L. The Role of Women // The Byzantine Empire. Cambridge, 2008. P. 643.

политике Англии. Наибольшая активность была присуща королевам так называемого англо-датского периода 1016-1066 гг., когда правящая элита страны была сформирована по итогам Датского завоевания Англии. Королева Эмма, вдова англосаксонского короля, была взята в жены завоевателем, датским конунгом Кнутом, который занял английский престол (1017-35 гг. правл.). В последующем Англией правили дети Эммы: Хардакнут (1040-42 гг. правл.), ее сын от Кнута, а затем Эдуард Исповедник (1042-66 гг. правл.), сын от первого брака. Жена Эдуарда по имени Эдита стала последней англо-датской королевой накануне Норманнского завоевания Англии в 1066 г. При жизни как Эммы, так и Эдиты были созданы полемические произведения, посвященные королевам и отстаивающие их претензии на власть [1]. Ниже будет дана характеристика англосаксонской королевы как политического деятеля и анализ того, как в рамках данной модели действовали королевы англо-датского периода.

Обретение статуса королевы происходило через брак, который всегда заключался по политическому расчету. Как правило, король брал в жены представительницу аристократической семьи, в политическом союзе с которой он был заинтересован. Брак Эммы и Кнута явился частью мирных договоров 1017-18 гг. между ним и всей английской аристократией, став символом примирения данов и англосаксов[2]. Опыт и связи Эммы как вдовы англосаксонского короля были важны для Кнута первое время после завоевания. Кроме того, таким образом, Кнут получал санкцию на правление со стороны нормандского герцога, из семьи которого происходила Эмма [3].

---

[1] Соответственно «Похвала королеве Эмме» (Encomium Emmae Reginae / Ed. A. Campbell – Cambridge, 1998) и «Житие короля Эдуарда» (Life of King Edward Who Rests at Westminster / Ed. F. Barlow – Oxford, 1992).

[2] Роль Эммы в заключении брака оценивается различно: от пассивного инструмента в руках Кнута (Stafford P.A. Queen Emma and Queen Edith: Queenship and woman's power in Eleventh-Century England. Oxford, 1997. P. 299) до полноправного участника договора (Howard I. Swein Forkbeard's invasions and the Danish conquest of England. Woodbrige, 2003. P. 140).

[3] Вопрос о том, была ли определяющей внешняя политика (Lawson

Особенно знаковым событием в тенденции увеличения власти королевы стала коронация Кнута и Эммы. В содержании литургии, совершавшейся при коронации, подчеркивалась роль королевы как миротворца и особенно как соправителя при короле. Окончательно утвердив Кнута на английском престоле, коронация заявила об участии Эммы в правлении страной в больше степени, чем это было присуще ее предшественницам.

Браки с представительницами могущественных семей образовывали каналы влияния на самих королей. Рост англосаксонского государства в X в. привел к тому, что знатные семьи, из которых короли брали себе жен, фактически принадлежали местным правителям отдельных областей Англии. В англо-датский период данная тенденция сохранилась. Эдита, жена Эдуарда Исповедника, была дочерью крупнейшего английского магната Годвина, который сыграл большую роль в восшествии Эдуарда на престол. Королевская опала против ее семьи в 1051 г. привела к удалению Эдиты в монастырь. Однако уже в 1052 г. в результате скорого возвращения Годвина к власти его дочь вновь заняла место рядом с королем.

В раннее средневековье королевская власть как государственная должность основывалась на более древней власти главы семьи. Такие же истоки имела власть королевы, но с соответствующими гендерными отличиями. Королевская власть была связана с самой личностью короля. Власть королевы же была возможна лишь как власть жены или матери короля. Статус представителей правящей элиты можно проследить по характеру подписания ими королевских хартий. Подпись короля всегда стояла на хартии первой, согласно его неизменному статусу. Напротив, характер подписания королев не только был различен, но и мог меняться в течение жизни. В любом случае статус королевы как государственной должности зависел от репрезентации ее семейной роли.

При Кнуте подписание Эммой королевских хартий носило более значительный характер, чем это было присуще любой из ранних королев. Если они подписывались в основном как *regis conlaterana* –

M.K. Cnut: the Danes in England in the early XI century. L., NY., 1993. P. 86) или внутренняя (Stafford P.A. Op. cit. P. 228), является дискуссионным.

«жена короля», то подпись Эммы приобрела стабильную форму *regina* – «королева». Уже в первые годы подпись Эммы заняла первые строчки списка участников подписания. Затем она начала следовать сразу за подписью самого короля. В царствование Хардакнута характер подписания Эммы оставался неизменным. Изменилась лишь форма подписи: из *regina* она превратилось в *regis mater*, что отразило изменение репрезентации статуса Эммы. Характер подписания Эдиты являлся отражением успешности семьи ее отца, Годвина: от потери власти в 1051-52 гг. до достижения пика в конце царствования Эдуарда. С конца 1050-х ее подпись (сначала *regis conlaterana*, а затем *regina*) стала регулярной и всегда располагалась после королевской. Именно в это последнее десятилетие до Норманнского завоевания семья Годвина получила контроль над большей частью королевства.

Статус королевы не был связан с исполнением каких–либо функций на государственном уровне. При нормальном ходе событий королева не участвовала в управлении страной, что оставалось в юрисдикции короля и высшей аристократии. Королева не получала верховной власти и в том случае, когда король покидал свое королевство. На это время назначались своего рода регенты из высших духовных и светских лиц. Кнут часто покидал Англию ради своих скандинавских владений и передавал верховную власть нескольким лидерам, в число которых королева Эмма, по-видимому, не входила[1].

Основные функции королевы определялись ее гендерной ролью в королевской семье – это производство и воспитание наследников престола. В соответствии с этим, королева зачастую покровительствовала всем малолетним представителям королевской династии, в том числе детям короля от предыдущих браков. Особенно активно этим занималась Эдита, таким образом, играя роль королевы-матери, несмотря на отсутствие собственных детей. Данная роль была тем более важна для Эдиты, потому что в последнее десятилетие царствования Эдуарда вопрос о наследовании престола стоял остро.

[1] Есть предположение, что Эмма все же являлась регентом.. Stafford P.A. Op. cit. P. 188.

Королева становилась ключевой фигурой политики в ситуации престолонаследования. К естественному желанию видеть на престоле своего потомка прибавлялось стремление сохранить собственное привилегированное положение. Королева могла добиться назначения своего сына наследником еще при жизни правящего короля. Тогда ее статус повышался – она становилась матерью наследника престола. Этого удалось достигнуть Эмме после рождения ее сына Хардакнута.

Однако в англосаксонском обществе глубоко коренилась идея о равных правах на престол у всех сыновей короля. Поэтому на практике вопрос престолонаследования обычно решался в борьбе враждующих партий, в которой участвовали и королевы. Такая ситуация сложилась после смерти Кнута в 1035 г., когда претензии на наследование заявил его сын от первого брака с представительницей знатной североанглийской семьи. Борьба двух претендентов за престол одновременно являлась борьбой двух матерей за статус королевы-матери. В этой борьбе Эмма использовала те ресурсы власти, которые были традиционно присущи королеве.

Ресурсы, служившие основой власти королев, можно разделить на несколько типов. 1) Землевладение. Знатные англосаксонские женщины обладали значительными правами владения и распоряжения землей. А женщины из королевской семьи имели большие возможности ее приобретения. Личные земли Эммы стали инструментом ее влияния на местную знать, в том числе на севере Англии. К данному ресурсу относится и обладание движимыми богатствами, чей объем вырос в X-XI вв. вместе с укреплением центральной власти. Как Эмма, так и Эдита распоряжались королевской сокровищницей, служившей залогом их привилегированного положения. 2) Отношения личной преданности. Королевы стремились приобрести сторонников в правящей элите, особенно среди духовных лиц. Церковное покровительство было идеальным полем деятельности для женщин. В обмен церковные иерархи предоставляли королевам идеологическую и практическую поддержку. В частности, на стороне Эммы выступал архиепископ Кентербери. 3) Родственные связи. Представительница могущественной семьи могла рассчитывать на ее поддержку, особенно если король был заинтересован в союзе с данной семьей. Важным ресурсом Эммы стало не только ее нормандское происхождение, но и в первую очередь ее материнство. Эмма имела

сыновей до брака с Кнутом, и они вступили в борьбу за престол, поддерживаемые герцогом Нормандии.

Статус королевы был привязан к личности ее мужа, правящего короля. Наследование престола ее сыном на какое-то время продлевало привилегированное положение королевы, но лишь до того момента, когда он сам не вступал в брак. В королевской семье не могло быть двух королев одновременно. Лишившись своего статуса, королева превращалась во вдову и теряла все ресурсы власти. Такая участь постигла Эмму дважды: сначала временно в 1035 г., в результате проигрыша борьбы за престолонаследование; затем окончательно в 1043 г., когда ее царствующий сын Эдуард Исповедник вышел из-под влияния матери[1]. Оба раза сопровождались лишением Эммы ресурсов власти: земельных владений и контроля над сокровищницей, а также гонениями на приближенное к ней духовенство. Потеря статуса угрожала и Эдите в 1066 г.: Эдуард Исповедник, ее муж, был близок к смерти, а при отсутствии наследников престол занимал ее брат, готовый взять в жены новую королеву. Эдита добилась того, чтобы в последней воле Эдуарда сохранение ее положения было оговорено специально.

Бурная политическая история англо-датского периода, когда Англия подвергалась воздействию со стороны Скандинавии и Нормандии, привела к тому, что тенденции к увеличению объема власти королевы были реализованы в полной мере. Королевы англо-датского периода, однажды обретя свой статус, стремились удержать его, участвуя в политической борьбе. При этом активно использовались присущие им ресурсы власти, в том числе вытекающие из их гендерной роли в королевской семье. Частая смена королей и неопределенность в престолонаследовании способствовали выдвижению королев в ряд ведущих политических деятелей того времени.

---

[1] В отличие от господствующего мнения (Stafford P.A. Op. cit. P. 252), другая теория утверждает, что и после 1043 г. Эмма вернулась к власти (Barlow F. Two Notes: Cnut's Second Pilgrimage and Queen Emma's Disgrace in 1043 // EHR 73, 1958. P. 633).

А.Р. Круглова,
Санкт-Петербург, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ РУССКИХ ЦАРИЦ XVI В.

Знатные женщины Древней Руси, как известно (в основном, из записок иностранцев)[1], вели замкнутый образ жизни в своих скрытых от чужих глаз покоях. Их размеренный распорядок дня был довольно подробно описан И.Е. Забелиным в его фундаментальном труде «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях»[2]. Он же в этом труде упоминает в соответствующей главе и о рукоделиях в царицыной светлице, благочестивых занятиях вышивкой для украшения церквей.

Насколько в действительности эти занятия были важны и даже необходимы знатным женщинам Древней Руси, дают представление сохранившиеся до наших дней произведения золотного шитья, некогда вложенные царицами в монастыри. Они хранятся во многих музеях, содержащих коллекции древнерусского искусства. Самыми значительными среди них являются собрания Оружейной палаты Московского Кремля, ГРМ, ГИМ, Вологодского краеведческого музея, Ростово-Суздальского и Новгородского музеев[3]. Первым серьезным исследователем этого материала была Н.А. Маясова[1].

---

[1] См., напр.: Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908; Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994; Сказания иностранных писателей о России. Т. 1. Московские летописи Конрата Бусова и Петра Петрея. СПб., 1851; Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557–1558 гг. при царском дворе // Известия англичан о России XVI века. ЧОИДР. 1884. Кн. 4. Раздел 3. С. 12–30.

[2] Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2001.

[3] См., напр.: Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитье: Каталог. М., 2004; Манушина Т.Н. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея: Альбом. М., 1983; Балдин В.И., Манушина Т.Н. Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV-XVII вв. М., 1996; Лихачева Л.Д.

Первая русская царица Московского государства, супруга Ивана IV Васильевича с 1547 г., Анастасия Романовна с первого же года своего замужества стала деятельной хозяйкой своей, царицыной, золотошвейной мастерской и вышила в 1548 г. небольшую, так называемую монастырскими описями «жемчужную пелену» под образ Кирилла Белозерского кисти Дионисия Глушицкого. Она повторяет размеры иконы и силуэт святого старца. Шитые вещи с изображением преподобного Кирилла дарили в его обитель многие знатные вкладчицы в надежде на рождение младенца «мужеска пола» молитвами святого. В житии Кирилла Белозерского, записанного Пахомием Сербом, среди чудес преподобного было описано излечение князя Белевского и его супруги от неплодия [2]. Это послужило поводом для множества вкладов в монастырь с прошениями о даровании наследника. Правда, надо заметить, в другой раз Анастасия Романовна подарила в Белозерский монастырь покров с образом святого Кирилла уже после рождения всех своих сыновей. Этот покров отличался не только выразительностью печального лика святого с возведенными к небу очами, но и

Древнерусское шитье XV - начала XVIII века в собрании ГРМ: Каталог выставки. Л., 1980; Лихачева Л.Д., Плешанова И.И. Декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985; Игнашина Е.В. Древнерусское лицевое и орнаментальное шитьё в собрании Новгородского музея: Каталог. Великий Новгород, 2003.

[1] См., напр., публикации, в той или иной степени касающиеся темы данного доклада: Маясова Н.А. Указ.соч.; Она же. Древнейший покров митрополита Ионы // Древнерусское художественное шитье: ГММК. Материалы и исслед. М., 1995. Вып. 10. С. 26–38; Она же. Древнерусское лицевое шитье из собрания Кирилло-Беллозерского монастыря // Древнерусское искусство: Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 203–224; Она же. Кремлевские «светлицы» при Ирине Годуновой // ГММК. Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2. С. 39–6; Она же. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья. ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 294–310.

[2] Житие Кирилла Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подгот. Г.М. Прохоровым, Е.Г. Водолазкиным и Е.Э. Шевченко. СПб., 1993. С. 50–167.

необычным выбором черной траурной камки для фона. Несомненно, такой выбор был продуман и выражал скорбь по первому из сыновей, Дмитрию, погибшему во время паломничества царской семьи в Белозерскую обитель. Мастерская при Анастасии Романовне работала непереставая над лицевыми покровами и пеленами, которые были и престижными для царской семьи вкладами в монастыри, подтверждающими высокий статус вкладчиков, и воплощенной мольбой царицы о своих сокровенных надеждах, выражением благодарности за помощь.

Так, например, в шитье катапетасмы (завесы для храма) 1557 г., предназначенной в дар Хиландарскому монастырю, совершенно очевидно выражавшей могущество и величие дарителя искусным и роскошным шитьем торжественной композиции «Предста царица одесную тебе» и имеющей вкладную надпись о даре от имени царя Ивана Васильевича (с указанием его полного титула) и его семьи, есть и задушевная нотка — мольба царицы о благополучии своей семьи, запечатленная в образах ее святых покровителей на каймах.

О том, что царица лично участвовала в создании шитых пелен, свидетельствует упоминание о ее «боголепных трудах» в житии Никиты Столпника Переславского[1]. И это полностью совпадает с идеалом благочестивой жизни в представлении русского народа.

Всего на сегодняшний день идентифицированы 12 памятников шитья, созданных в мастерской Анастасии Романовны. Если учесть, что большинство из них — покровы на гробницы святых и плащаницы — вышивались не менее двух лет, а Анастасия Романовна (ум. 1560) была хозяйкой мастерской всего 13 лет, то можно судить и о том, насколько интенсивно шла работа в царицыной светлице.

Следующие жены Ивана Грозного — черкешенка Мария Темрюковна и умершая в дни своих свадебных торжеств Марфа Собакина — не оставили следа в истории древнерусского шитья. Ничего пока неизвестно о шитье Анны Колтовской, которая в начале 70-х гг. сопровождала Ивана IV в некоторых его поездках по церквям и монастырям[2]. Однако последняя его супруга — Мария Нагая, всего за

---

[1] Житие Никиты Столпника Переславского. РНБ. Собрание Погодина. № 1612, XVII в. Л. 29.

[2] ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая

четыре года своего пребывания в Московском Кремле (после смерти Грозного в 1584 г. она была отослана с малолетним сыном царевичем Дмитрием в Углич) успела сделать богатые вклады шитьем, из которых нам известны два — покров на гробницу Сергия Радонежского и пелена с изображением Богоматери Иерусалимской (Покровский собор Рогожского кладбища в Москве). Нет сомнений в том, что покров был подарен с традиционной для знатных женщин мольбой о чадородии, а пелена с образом Богоматери была вложена, судя по вышитой надписи на ней, в одну из Московских церквей в первую годовщину рождения царевича Дмитрия. Позднее, уже будучи в Угличе, Мария Нагая, лишенная возможности вышивать в богатой царицыной светлице, тем не менее, подарила в Кирилло-Белозерский монастырь два, правда, довольно бедно вышитых покрова на гробницу Кирилла Белозерского[1]. Первый был подарен при жизни царевича Дмитрия, другой — уже после его смерти и от нового своего иноческого имени Марфы. Этот факт убеждает в том, что шитье было необходимым духовным деланием для знатных женщин, и церковным рукоделием они старались заниматься, даже не имея достаточно средств на богатые дары.

Московская царица следующего поколения — Ирина Годунова, супруга царя Федора Ивановича — начала работу в кремлевских светлицах еще до женитьбы Грозного на Марии Нагой. Первый покров вклада Федора Ивановича и царицы Ирины датируется 1579 г. — покров на гробницу Варлаама Хутынского. Всего до нас дошло не менее 20 довольно крупных работ этой светлицы. Половина из них приходится на несколько месяцев ожидания рождения младенца и год жизни скоро умершей царевны Феодосии (1592-1593). Это еще раз свидетельствует о том, что главным побудительным мотивом для шитья цариц были их молитвы о чадородии и о здоровье своего потомства. Главным, но не единственным. После смерти царя Федора Ивановича Ирина Годунова приняла монашеский чин и пребывала в Новодевичьем монастыре, продолжая заниматься шитьем. Сюжеты изображений, конечно, изменились. Теперь это уже были не покровы

(Архивская) летопись. М., 1965. С. 194.

[1] Один из них хранится в Вологодском музее, другой покров известен только по упоминаниям в монастырских описях.

на гробницы святых, прославившихся своими чудесами, включая исцеления неплодных, а пелены с отвлеченными гимнографическими и литургическими композициями, такими как «Христос во гробе» на больших воздухах из комплекта покровцов и «Похвала Богоматери».

Царица Бориса Годунова Мария Скуратова-Бельская никак не прославила себя в истории шитья. Богатые шитые вклады делались Годуновым и от имени боярина конюшего, и, впоследствии, от имени царя Бориса, но редко с упоминанием имени царицы (все они очень похожи на шитье Ирины Годуновой, так как, очевидно, создавались все в тех же царицыных светлицах). Однако сохранились предания о рукодельных талантах юной и прекрасной дочери царя — Ксении Борисовны[1]. В годы, когда Ксения была невестой, она вышила красивейшие вещи, подаренные в Троице-Сергиев монастырь — индитию на престол с изображением композиции «Предста царица…» и сударь на главу преподобного Сергия с «Троицей Ветхозаветной». В годы Смуты Ксению постигла трудная трагическая участь, народ слагал о ней песни в духе свадебных плачей[2], и несмотря на то, что ей удалось выжить, и духом она была достаточно сильна, судя по сохранившемуся ее письму из осажденной Тушинским вором Сергиевой обители[3], в традиционные рамки ее несчастье не укладывалось, и шить, очевидно, ей уже было незачем.

Таким образом, в памятниках золотного шитья цариц XVI в. отобразились стиль жизни, статус и душевные и духовные потребности, важнейшими из которых в миру были молитвенная забота о чадородии, благополучии семьи, утверждение своего

---

[1] См.: Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // РИБ. Т. 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1909. Стлб. 621.

[2] Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619–1620 гг. // ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 536–540.

[3] Письмо царевны Ксении Борисовны к ее тетке княгине Домне Богдановне, 29 марта 1609 г. // Русская хрестоматия: Памятники древней русской литературы и народной словесности с историческими, литературными и грамматическими объяснениями / Сост. Ф. Буслаев. М., 1912. С. 268–269.

высокого статуса, а в монастыре — отрешенность от прежних земных забот, устремленность горе.

Н.В. Карначук,
Томск, Томский государственный университет

ЖЕНЩИНА С ДУБИНКОЙ: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ АНГЛИЙСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ XVI В. ОБРАЗА ВООРУЖЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Свобода выбора женщиной приемлемой социальной роли в обществе, а также широта имеющегося выбора, несомненно, во многом обусловлены набором уже существующих ролевых «матриц», которые данное общество предлагает своим членам, воспринимая в качестве нормативных. Над формированием этих матриц работает, как правило, многовековая традиция, однако изменения, возникающие в социально-экономической, религиозной или политической сфере, способны внести свой вклад в формирование набора ролей: так, к примеру, в Европе XI-XII вв. расцветает едва заметный в предшествующей церковной традиции образ матери-заступницы, отразившийся в расцвете культа девы Марии[1].

В период активной модернизации стран Европы, на пороге Нового времени, как хорошо известно, большая часть стран Запада пережила острый гендерный кризис, который сопровождался маскулинизацией сферы общественной и политической жизни, а также ростом «гендерной тревожности» - страха перед женщиной, забывшей свое место. В результате, как показывают, например, К. Гендерсон и К. МакМанус [2], усиливается негативное отношение к женщинам, отступающим от традиционной роли «покорной жены». Предаются проклятию атрибуты, неизбежно связанные с якобы происходящим переворотом в отношениях полов: детали мужского костюма в женском гардеробе, оружие в женских руках, вообще – все

[1] См. об этом, напр.: Рябова Т.Б. Женщина в истории Западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 19.
[2] Henderson C., McManus K. Half human kind: Contents and texts of the controversy about women in England, 1540-1640. Oxford, 1994.

проявления физической и вербальной агрессивности со стороны женщин. Таким образом, появляющаяся в XVI в. дешевая литература массового потребления: памфлеты, площадные баллады, новостные листки, – тиражирует и усиливает роль «женственной женщины», а жену с дубинкой или мечом в руках представляет фигурой зловещей или, в лучшем случае, гротескно-комической.

Хотелось бы подчеркнуть, что наряду с этой общеевропейской тенденцией существовали региональные вариации, обусловленные исторически сложившимися комплексами социальных практик и психологических установок, характерных для той или иной территории. Это блестяще доказала Дж. Вилтенбург, проанализировавшая в сравнительном аспекте отношение к «непокорным женщинам» в английской и германской площадной балладе [1]. В частности, Вилтенбург показала, как в германской площадной балладе женская агрессия заканчивается чаще всего кровавой расправой мужа над строптивицей, в то время как в балладе английской тот же сюжет обретает более добродушно-комические черты, и агрессивная жена нередко торжествует победу. Как представляется, более жесткая экономическая и социальная ситуация, в которой находилось немецкое бюргерство в XVI в., породила и особенно сильную тревожность, находившую выражение в большей авторитарности гендерных отношений, в усиленном отторжении самой мысли о проявлении женщиной активности и независимости.

Другой, более мрачной иллюстрацией общей тенденции является еще один лик вооруженной женщины – осужденной муже- или детоубийцы[2]. Как правило, принадлежность преступницы к женскому полу мыслится авторами памфлетов и баллад как отягчающее

---

[1] Wiltenburg J. Disorderly women and female power in the street literature of Early modern England and Germany. Charlottesville, 1992.

[2] Богатым собранием источников по теме женской преступности в Англии XVI – начала XVII в. является: The Early modern Englishwoman: a facsimile library of essential works. Series III. Essential works for the study of early modern women. Part 1, Vol. 7: Women and murder in early modern news pamphlets and broadside ballads, 1573–1697 / Ed. by Randall Martin. Farnham, 2005.

обстоятельство, а проявленная ею агрессия – как неестественность, как противоречие самой женской природе.

Казалось бы, все вышесказанное однозначно определяет негативную окраску образа воинственной женщины, жены, взявшей в руки дубинку, нож или ружье, дополнительно подкрепляет традиционное распределение гендерных ролей и превращает в табу поведение, отклоняющееся от предписанной покорности. Однако английская площадная литература дает возможность увидеть, что негативные коннотации образа «женщина с оружием», «воинственная женщина» отнюдь не являются обязательными.

Как правило, это сюжеты, выводящие женщину за грань внутрисемейных отношений. Именно они нередко разрешают ей такие проявления агрессивности, которые в отношениях с мужем были бы расценены как недопустимые. Несколько ярких примеров. В памфлете «Вторая часть примечательного раскрытия мошенничества, в наши дни ежедневно совершаемого всякими распутными личностями, называемыми Ловцами кроликов и Перехватчиками», написанном в 1591 г. Робертом Грином и посвященном разоблачению разного рода мошенников, среди прочих есть история о том, как женщины проучили мошенника, наживавшегося на нечестной продаже угля[1]. Женщины, прихватив дубинки, поймали мошенника в доме одной из них и учинили над ним импровизированный судебный процесс, имитирующий подлинный суд: с ритуальными вопросами подсудимому, с показаниями обманутых и предоставлением доказательств, с вердиктом присяжных и заключительной речью судьи. Приняв решение покарать преступника, женщины пускают в ход дубинки, избитый жулик улепетывает, а автор памфлета всецело одобряет их поступок, нисколько не смущаясь тем фактом, что женщины взялись за палки.

Другой, анонимный, памфлет, посвященный все той же теме мошенников и мошенничеств и являющийся ответом на памфлет Грина, «Катберт Кони-Кэтчер. Защита ловли кроликов», также включает эпизод, где женщине, жене дворянина, приходится встать на защиту семейного имения, которое хочет оттягать бессовестный ростовщик. При помощи слуг и собственных детей она хватает ростовщика, прибивает его за уши к оконному ставню и требует от

[1] См.: Greene R. A notable discovery of coosnage. L., 1923. P. 58–60.

него вернуть обманом полученное от ее мужа обязательство об уплате. Сбежавшимся на крики ростовщика соседям она раскрывает его плутни и получает с их стороны полное понимание, а мы вновь встречаемся с авторским одобрением «неистовой женщины»[1].

Примеры, подобные приведенным, можно было бы умножить. Но очевидно, что все они фиксируют ситуацию, в которой агрессивность женщины, использование ею оружия, полностью легитимизируются и принимаются обществом. Это – сюжеты, в которых женщина выступает как защитница справедливости как в отношении себя и своих близких, так и в целом – закона и порядка.

Несколько позже, в середине XVII в., в английской площадной балладе появляется еще один вариант такого «легитимизирующего» сюжета: девушка или молодая женщина, переодевается в мужчину и отправляется служить в армии. К примеру, баллада «Отважная девушка: сообщение о девице из Вестминстера, которая оделась в мужское платье и записалась в солдаты ради войны во Фландрии» восторженно предлагает читателю «послушать весть о девицах нашей нации, которые сражались, чтобы защитить королевство и корону в нынешнее царствование»[2]. Кросс-гендерное переодевание, обычно сурово осуждавшееся моралистами, когда речь заходила об изысках моды, и тот факт, что женщина берет в руки меч, получают моральное одобрение в ситуации, когда женщина выступает в качестве защитницы страны.

Таким образом, в английском общественном сознании (прежде всего, безусловно, в сознании «средних слоев»), допустимыми оказываются образцы жесткого, воинственного поведения женщины – в том случае, если жесткость ее служит достижению несомненно достойной цели. В свете этих фактов многократно обсуждавшееся историками одобрительное принятие Англией образа женщины-монарха в лице королевы Елизаветы Тюдор обретает дополнительные оттенки. Там же, где речь идет о распределении

---

[1] Greene R. The blacke bookes messenger, 1592. Cuthbert Conny-catcher. The defence of conny-catching, 1592. L., 1924. P. 20–24.

[2] The Valliant Damsel: Giving an Account of a Maid at Westminster who put her self in Mans Apparel and Listed herself for a Soldier for the Wars of Flanders // Pepys Collection. Vol. 5. P. 137.

власти внутри семьи, об агрессии против супруга, традиционная гендерная модель остается более жесткой и запретительной.

Эта особенность формирования гендерных моделей заставляет еще раз задуматься о том, насколько успешное втягивание Англии в новые, торгово-рыночные отношения, способствуя смягчению психологического кризиса в целом, формированию менее авторитарного характера общественных отношений, давало возможность и в выстраивании стереотипных рисунков ролей для женщин найти нишу для нетрадицонно активной женщины.

О.В. Саламатова,
Архангельск, Поморский государственный университет

АПОЛОГИЯ ЖЕНЩИН И ЖЕНСКОГО В РАБОТАХ ДЖОНА ДОННА И ОУЭНА ФЕЛЬТАМА

В 1601 г. при обсуждении в палате общин вопроса об ответственности главы семейства за отсутствие в церкви жены Энтони Дайет заметил: «Всякий человек может обуздать мегеру, но только не тот, кто ее имеет»[1]. Шутка прикрывала стремление защитить жен-католичек, равно как и финансы их мужей, однако она была начинена характерным для того времени сарказмом в отношении женщины. Это было время, когда оформлялась английская мизогинисткая литература, хотя ее расцвет наступил уже после смерти царствовавшей тогда королевы Елизаветы Тюдор. Аргументы о порочной природе женщин английские авторы нередко заимствовали у своих предшественников из античности и средневековья. Если Диоген или Катулл высмеивали у женщин склонность к злословию и непостоянство, то Св. Амбросий или Св. Хризостом видели в них глубоко греховную природу. Известные в начале XVII в. высказывания последних именовали женщину «вратами Ада», «аллеей зла», «жалом скорпиона» и «острейшей стрелой дьявола»[2].

[1] Townshend H. Historical Collection or An exact Account of the Proceedings of the 4 last Parliaments of Q. Elizabeth. L., 1680. P. 224.
[2] Felltham O. Resolves: Divine, Moral, Political. London, 1670. P. 357–358.

Нападки на женщин породили ответную волну памфлетов и речей в их защиту. В этой дискуссии наиболее интересными представляются идеи тех авторов-мужчин, которые выступили против очернения женщин. В их работах почти не было экстравагантных заявлений, они не стремились шокировать окружающих, а содержали позитивный взгляд на женскую природу, объясняли, кем или чем должна быть женщина в этом мире по замыслу Создателя. Данное исследование является попыткой рассмотреть эти вопросы на примере работ двух авторов первой трети XVII в. – выдающегося проповедника и поэта Джона Донна и писателя-моралиста Оуэна Фельтама. Эти люди обладали различным социальным опытом и духовным настроем. О. Фельтам к тому же был еще очень молодым человеком, когда создавал свои эссе, в отличие от Донна, писавшего в зрелом возрасте. Сопоставление их взглядов может показать различные практики конструирования гендера в дискурсе той эпохи и пролить дополнительный свет на место женщины в английском обществе с точки зрения гуманистических и религиозных представлений.

Фельтам неоднократно обращался к женской теме в своем главном труде *«Resolves: Divine, Moral, Political»* (1623), содержащем отдельное эссе «О женщинах», и других работах и письмах. У Дж. Донна эта тема наиболее полно раскрывается в проповеди о женщинах и в проповеди, посвященной памяти Леди Дэнверс (1627).

Эссе «О женщинах» Фельтама и одноименная проповедь Донна начинаются с осуждения идеи о женской неполноценности, крайним проявлением которой было отрицание создания женщины по образу и подобию Божьему. Однако далее каждый автор следует своим путем. Фельтам объясняет господствующее положение мужчины не его прерогативой в связи с более высокими достоинствами, а наказанием женщины за грех *(«Если бы воздержались они оба, ...она никогда не была бы в подчинении»*). Все его эссе нацелено на то, чтобы доказать, что женщина есть лучшее создание Творца. Физически для воспроизведения потомства она устроена более искусно, чем мужчина. Согласно Библии, мужчина был «сделан» *(«God made man»)*, а женщина «построена» *(«God builded her»)*, как если бы Бог занимался созданием более превосходной постройки с точной композицией. Переходя к психологической характеристике женщины, Фельтам сравнивает ее с мужчиной и утверждает, что Бог не вложил бы худшую душу в лучшее тело. Умеренность и скромность женщины,

определяемые ее лучшей конституцией, сопоставляются с неистовством, дерзостью и склонностью к насилию мужчины. Ее милосердие намного превосходит мужское, то есть она ближе к Богу, согласно главному принципу христианства. Таким образом, в женщинах не меньше добродетелей, чем в мужчинах, и по качеству, и по количеству, но политическое устройство общества («*Мужчины всегда заседают в парламенте и предписывают свою волю...»)* и разница в воспитании позволяют представлять женщин виновными в пороках[1].

Однако Фельтам не так далеко ушел от мизогинистов, как представляется на первый взгляд. Он скорее подтверждает, чем опровергает их идею о склонности женщин к греху, указывая, что души женщин более «ковки», мягки, доверчивы, поэтому они могут быть и много лучше и много хуже, чем мужчины. В последнем случае они являются видом *«самых отвратительных, самых мерзких созданий».* Возникает вопрос, действительно ли Фельтам считал, что женщина была создана равной мужчине, если она столь внушаема и зависима от внешнего влияния? Он пишет, что единственное различие было в поле *(«in the Sex»)*, «*иначе говоря, они оба были Человеком/Мужчиной»(«they both were Man»)*[2]. Но то, что поистине может сделать женщину равной – интеллект, проявление воли, – Фельтам по сути считает мужскими качествами, не присущими женской природе. Так в эссе «*О браке и одинокой жизни»* говорится, что мудрая жена – женщина по своему телу и мужчина внутри, потому что ее душа подобна душе мужа. Рассудительные и добрые женщины – «*женщины только телом»* [3] . В другом эссе он называет раздраженную женщину сердитым мужчиной женского пола – *she-angry-man*[4] . В письме к даме он комплиментарно сообщает: «*Вы имеете дарования выше возможностей вашего собственного хрупкого пола»*[5]. Парадокс заключается в том, что признавая женщин

[1] Ibid. P. 51–53.
[2] Ibid. P. 51.
[3] Ibid. P. 130.
[4] Ibid. P. 219.
[5] To Remilia // Felltham O. Op. cit. P. 73–74.

равными мужчинам, Фельтам не признавал равным мужское и женское. Отсюда достойная женщина получала двойственную природу. Вероятно, он не смог уйти от христианского стереотипа, что Ева была создана *для* Адама: «*Если бы Бог не сделал Женщину с умом подходящим (подчеркнуто мной – О.С.) Адаму, любое животное, какое он сделал, так же служило бы для утоления, как она»*. С другой стороны, противоречивость восприятия подводит Фельтама вплотную к идее женской сущности Христа, которую он, впрочем, не развивает: «*Вся плоть, которую имел наш Спаситель, была женской, без всякого мужского вклада в нее»*[1].

Проповедь о женщинах Дж. Донна состоит из двух частей – апологетической и критической. В первой он решительно выступает против всякого искажения Святого Писания относительно женщин и души вообще. Женоненавистнические сочинения, по его мнению, порождены обидами, недостатком мудрости и жаждой парадоксов. Он отрицает различия между дарованиями и умом женщин и мужчин не с помощью спекулятивных рассуждений, а ссылаясь на исторические примеры руководящей роли женщин в управлении государством, дипломатии и религиозных движениях на Западе и Востоке, в древности и современности. И первым ярким примером является Елизавета Тюдор: «*Наш век дал нам такую королеву, какой редко был равен какой-нибудь прежний король»*[2]**.** В критической части он обращается к теме плотского греха, в котором чаще всего упрекали женщин. Он его не опровергает, но с помощью риторики фактически минимизирует и делает заурядным по отношению к другим грехам: «*Я желал бы, чтобы нужно было думать так, что из-за того, что она была женщиной, ее называли грешницей, таким образом, [именно] этот грех должен быть ее, как будто они [женщины] не способны на другие грехи»* [3] . Далее он говорит о грехе гордыни. Некоторые женщины только из-за нее не опускаются до плотского греха, и они тоже грешницы. Некоторые из-за презрения к другим сохраняют свое

---

[1] St. Luke 14.20. And another said, I have married a Wife and therefore I cannot come // Felltham O. Op. cit. P. 64, 359.

[2] Donne J. Women // Donne's Sermons: Selected Passages. Oxford, 1919, P. 86.

[3] Ibid. P. 87.

достоинство, и они также грешницы, хотя и не грешат. Таким образом, Донн показывает, что соблазн, приписываемый женщинам, далеко не всеми ими практикуется. Многие от него воздерживаются из-за других грехов, которые не являются уже чисто женскими – грех гордыни считался более свойственным мужчинам. Формально конец проповеди выглядит как порицание греха и поучение. Фактически и в этой части Джон Донн утверждает равенство женщин с мужчинами, но уже не через их дарования, а через их грехи.

Идеям этой проповеди конца правления Елизаветы Тюдор можно приписать политические соображения. Однако проповедь, прозвучавшая в 1627 г. при погребении Магдален Херберт, Леди Дэнверс, уже не могла быть ориентирована на правление женщины. Он представляет историю жизни Леди Дэнверс в виде последовательной смены социальных ролей и связанных с ними ассоциаций. В детстве и ранней юности он уподобляет ее цветку, в первом замужестве – библейскому Иову, поскольку она произвела на свет 7 сыновей и 3 дочерей. Но далее наступило вдовство. Именно этот самостоятельный период Донн называет «величайшим предприятием» *(greatest business)* ее жизни, так как она 12 лет посвятила наилучшему воспитанию своих детей и приумножению состояния. Переселившись в Оксфорд, она компенсировала детям потерю отца второй матерью – Университетом. *Alma mater* имеет в данном случае и обратную ассоциацию, возвышающую деятельность покойной. Второе замужество Магдален он рассматривает с точки зрения ее женских достижений, а также хозяйственной и общественной деятельности. Именно благодаря своим исключительным женским качествам она вышла замуж за Сэра Джона Дэнверса, который был моложе ее на 10 лет, обладал значительным состоянием и положением при дворе, то есть брак был по любви. По согласию мужа она продолжала управлять состоянием и была активным благотворителем. Донн называет ее «Божьим стюардом», в полном объеме в женском варианте применяя идею Фомы Аквинского о частной собственности. Благотворительность Леди Дэнверс предстает как неустанная общественная работа. Обращаясь к ее загробной жизни, Донн объявляет ее последнюю и вечную «социальную» роль – быть примером для других – и ассоциирует ее со святыми. К концу жизни она объединила в себе все социальные роли: была наилучшей Супругой для одного, наилучшей Матерью для

многих, наилучшим Соседом для города, наилучшим Другом для большого количества благородных друзей, и наилучшим примером Святой Души для всего мира[1].

Модель жизни Магдален Херберт, выстроенная Дж. Донном, содержит наряду с женскими мужские ассоциации – Иов, Университет (постольку, поскольку это был мужской институт), Друг, Стюард, Благотворитель *(Almoner)*. Однако, в отличие от Фельтама, двойственную позицию Магдален Херберт Донн считает естественной для женщины ее происхождения и не делает никаких оговорок насчет способностей ее пола. Это была линия христианского гуманизма, рассматривавшая всех людей вне зависимости от пола или этнического происхождения с позиции равенства и не нуждавшаяся в интеллектуальных усилиях для интегрирования женщины в систему по преимуществу «мужского» мира.

Д.А. Будюкин,
Липецк, Липецкий государственный технический университет

НЕПОВИНОВЕНИЕ И КОВАРСТВО: АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИРЛАНДСКИХ ЗНАТНЫХ ЖЕНЩИНАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В современной гендерной теории хорошо известно о существовании внутренней взаимосвязи между расовыми и гендерными предубеждениями, в которых проявляются всепроникающие отношения и структуры власти и подчинения. В связи с этим важно и интересно проследить эту взаимосвязь в прошлом, когда идеи расового неравенства только начали формироваться и не были еще «научно» обоснованы и структурированы[2].

---

[1] Donne J. Funeral Sermon on Magdalen Herbert, Lady Danvers, 1627 // Donne's Sermons. P. 36–37.

[2] О применении гендерной теории в исторической науке см.: Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007; Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. М., 2002.

В Ирландии расовый дискурс очень рано начал использоваться для легитимации колониального господства англичан над коренным населением. Становление раннего расизма имело место через приобретение этнокультурным стереотипом «диких ирландцев» дополнительных значений наследственной невосприимчивости к цивилизации и «нечистоты крови», что нашло отражение, в частности, у Спенсера[1]. С другой стороны, гендерно обусловленные образы, связывающие Англию и англичан с мужественностью, а Ирландию и Ирландцев — с женственностью, фактически стали общим местом. Они использовались в прошлом и продолжают использоваться в наши дни, став важной частью ирландской национальной идентичности, причем как для противников независимости Ирландии, так и для ее сторонников[2].

Представители социальной элиты нередко оказываются уязвимы к делегитимации их статуса с расовой и гендерной точек зрения. В частности, концепт «нечистоты крови» является эффективным средством делегитимации знатного происхождения[3]. Не менее мощным средством могут быть обвинения в гендерных девиациях[4]. Поэтому вполне ожидаемо, что оба дискурса активно использовались англичанами по отношению к ирландской и англо-ирландской знати.

В качестве важнейших признаков приписываемого ирландцам варварства рассматривались неуважение к закону, склонность к бунту и предательству, презрение к английской власти. Те же качества

---

[1] См.: Herron T. Spenser's Irish work: poetry, plantation and colonial reformation. Ashgate, 2007. P. 29.

[2] См.: Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж, 2004. С. 67.; Попова М.К. и др. Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху. Воронеж, 2006. С. 117–119.

[3] Ведюшкин В.А. Кастильское дворянство XVI в. и «чистота крови» // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 282–283.

[4] Муравьева М.Г. Лорд или джентльмен: к эволюции английских маскулинностей в раннее Новое время // Социальная история. 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 109–130.

считались худшими проявлениями женской природы[1]. Кроме того, женщины в ирландском обществе традиционно пользовались значительной свободой и нередко действительно играли важную политическую роль[2]. Поэтому, начиная с XVI в., со стороны англичан регулярно возникают обвинения жен ирландских вождей в побуждении своих мужей к неповиновению, а нередко и в непосредственной организации восстания.

16 февраля 1534 г. Джон Ален, информируя Томаса Кромвеля о событиях в охваченной восстанием Шелкового Томаса Ирландии, пишет, что леди Джанет Юстас, жена сэра Уолтера Делахайда и тетка 9-го графа Килдара, была главным советником и возбудителем восстания[3]. Леди Джанет и дочь графа Элис упоминаются в числе лидеров восстания и в других источниках[4]. В других ирландских восстаниях англичане также видели самую активную роль женщин. По словам сэра Уорема Сент-Леджера, граф Десмонд после четырех лет восстания наконец убедил свою злокозненную жену согласиться с его намерением подчиниться[5]. Рафаэль Холиншед в своей хронике делает глобальные выводы о том, что ирландские женщины всегда бесчестны и способны воспламенять в своих мужьях ярость и стремление к бунту[6].

---

[1] Palmer W. Gender, Violence, and Rebellion in Tudor and Early Stuart Ireland // Sixteenth Century Journal. Winter 1992. Vol. 23, No. 4. P. 699.

[2] См.: Михайлова Т.А. Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М., 2004; O'Dowd M. A history of women in Ireland, 1500–1800. Pearson Education, 2005; McAuliffe M. Irish Histories: Gender, Women and Sexualities // Palgrave Advances in Irish History / ed. by M. McAuliffe, K. O'Donnell, L. Lane. Palgrave Macmillan, 2009. P. 191–221.

[3] Calendar of the Carew Manuscripts, Preserved in the Archiepiscopal Library at Lambeth. 1515–1574 / Ed. by J.S. Brewer, W. Bullen. L., 1867. P. 61.

[4] Palmer W. Op. cit. P. 701.

[5] Palmer W. Op. cit. P. 701.

[6] Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland / ed. by Henry Ellis. L., 1808. P. 32.

Возмущение по поводу чрезмерного влияния ирландских женщин на своих мужей, которое виделось англичанам как одна из основных причин трудностей с подчинением Ирландии, нисколько не мешало им возмущаться обращением ирландских вождей со своими женами и любовницами, в котором они усматривали дикость и варварство. Особенно их возмущало открытое сожительство вождей с чужими женами и столь же открытое содержание любовниц низкого происхождения и в целом более свободные отношения полов, обозначаемые ими как беспорядочные и случайные связи[1].

Женщины играли очень активную роль в формировании в Ирландии после Реформации оппозиционной католической идентичности. Само по себе пребывание католической церкви вне закона способствовало привлечению в нее именно женщин, отстраненных от официальной общественной жизни гендерными стереотипами; в свою очередь, убеждения женщин оказывали влияние на их мужей[2]. В связи с этим религиозный «беспорядок» в Ирландии также постоянно связывался англичанами с расовой неполноценностью и гендерными девиациями ирландцев, и упорная приверженность «ложной» религии рассматривалась как признак их общей дикости и вырождения[3].

Культурный конфликт с ирландским обществом в сочетании с чувством собственного расового и культурного превосходства в течение длительного времени заставлял англичан видеть в самобытной ирландской культуре только дикость и варварство. Особенно глубоким этот конфликт оказался в гендерной сфере, в результате чего гендерные отношения в Ирландии представлялись с английской точки зрения сплошной девиацией. Собственные, присущие англичанам предрассудки по отношению к женщинам, во многом связанные с новой религией, заставляли их видеть в ирландской женщине причину и источник всевозможных бед и

---

[1] Palmer W. Op. cit. P. 705–707.

[2] Lawrence A. Real and Imagined Communities in the Lives of Women in Seventeenth-Century Ireland: Identity and Gender // Women, Identities and Communities in Early Modern Europe / ed. by S. Broomhall, S. Tarbin. Ashgate, 2008. P. 17.

[3] См.: Palmer W. Op. cit. P. 708.

напастей. В результате был вызван к жизни целый комплекс неразрывно связанных между собой гендерных, расовых, религиозных и культурных стереотипов, постоянно подпитывавших ксенофобию англичан и не допускавших мирного разрешения ирландского вопроса.

Л.В. Тычинина,
Москва, Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И КНЯГИНЯ Е.Р. ДАШКОВА: ДВЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ВО ВЛАСТИ

В свете изучения гендерной истории представляется интересным обратить внимание на взаимоотношения двух выдающихся женщин XVIII столетия – императрицы Екатерины Великой и княгини Е.Р. Дашковой. Эти взаимоотношения, продолжаясь в течение тридцати семи лет, претерпевали определённые изменения: периоды сближения сменялись охлаждением, за тесным сотрудничеством могли последовать более или менее серьёзные размолвки. Тем не менее, две женщины сохраняли взаимное уважение и симпатию.

Встретившись впервые в начале 1759 г., Екатерина Алексеевна и Екатерина Романовна, несмотря на четырнадцатилетнюю разницу в возрасте, почувствовали духовную близость. Период с 1759 г. по весну 1763 г. стал временем их наиболее тёплых личных отношений, когда двух женщин сближали дружеские отношения, энтузиазм в восприятии жизни в целом и глубокий интерес к философским идеям эпохи Просвещения: от переустройства государства до воспитания «новой породы людей». Этот период характеризуется участием Е.Р. Дашковой в политических событиях – в частности, в дворцовом перевороте 1762 г., приведшем к власти Екатерину II и прославившем княгиню как ближайшую подругу государыни и активного участника этого знаменательного события.

Период с весны 1763 г. по первую половину 1782 г. отмечен охлаждением личных отношений Е.Р. Дашковой и императрицы. Непосредственного участия в политической жизни княгиня больше не принимала, находясь после смерти супруга, князя М.И. Дашкова, вдали от двора. Она жила в основном в Москве и усадьбе Троицкое. Кроме того, на эти годы приходятся два заграничных путешествия Екатерины Романовны, предпринятые с целью знакомства с культурой, экономикой и традициями европейских стран, а также ради образования детей.

Со второй половины 1782 г. наступил третий период во взаимоотношениях двух Екатерин, продолжавшийся по август 1794 г.

Произошло их новое сближение – прежде всего как государственных деятелей: княгиня участвовала в разработке и осуществлении политики в сфере науки и просвещения. В 1783 г. Е.Р. Дашкова возглавила сначала Санкт-Петербургскую Академию наук, а чуть позже – Российскую Академию, созданную по её инициативе. В эти годы она постоянно бывала при дворе и тесно общалась с императрицей.

Наконец, с августа 1794 г. Екатерина Романовна отдалилась от государственной деятельности и двора, прекратив контакты с государыней до самой смерти последней в ноябре 1796 г.[1]

Гендерные проблемы в эпоху двух Екатерин ещё не были обозначены теоретически, но практически они ярко проявлялись в государственной жизни России. XVIII век не без основания называют «царством женщин».

В XVIII столетии мы видим женщин прежде всего в традиционных ролях дочери, жены и матери – но не только. Владелица и управительница поместий (как своих, так и находящегося на службе мужа), хозяйка светского салона, писательница, композитор – дворянка екатерининской эпохи могла проявить себя как в семье, так и в общественной, и в культурной жизни. Наконец, в русской политической жизни появляются женщины – государственные деятели, но до Е.Р. Дашковой эту роль играли лишь дамы из императорской фамилии. При этом в глазах мужчины (и в собственных глазах!) уделом женщины были семья, хозяйство и подчинённое положение по отношению к мужчине, который во всех отношениях чувствовал своё превосходство над «слабым» полом.

С ранней молодости княгиня не соответствовала стереотипу женщины, существовавшему в ту эпоху[2]. В противоположность Екатерине Великой, воспитанной в атмосфере любви несколько легкомысленных родителей и лёгкости назиданий французской

---

[1] Подробнее о взаимоотношениях двух Екатерин см.: Тычинина Л.В. Екатерина II и княгиня Е.Р. Дашкова // Словарь Академии Российской. 1789–1794. Т. 6. М., 2006. С. 9–23.

[2] Исследователи отмечают её стремление стать выдающейся женщиной в мужском мире, например: Воронцов-Дашков А.И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале. М., 2010. С. 30, 292.

гувернантки Бабет Кардель, будущая княгиня Дашкова росла в доме дяди-канцлера, М.И. Воронцова, окружённая заботой, но не любовью, получая образование ума, но не воспитание души. Испытывая огромную потребность в любви и внимании окружающих, девочка стремится заслужить их не красотой нарядов и любезностью манер, а умом и образованностью. Отсюда некоторая тяжеловесность характера, вспыльчивость, некоторая неуверенность в себе при внешней самоуверенности, а впоследствии – склонность к депрессиям.

Она очень мало внимания уделяла женским проявлениям собственной личности: украшениям предпочитала книгу, светской болтовне – интеллектуальную беседу, бальным нарядам – практичную одежду, слезам в спорах – деловую аргументацию. При этом, как отмечал А.И. Герцен, «…Дашкова родилась *женщиной* и *женщиной* осталась всю жизнь (курсив А.И. Герцена. – *Л.Т.*). Сторона сердца, нежности, преданности была в ней необыкновенно развита»[1]: нельзя не отметить её любовь к мужу и детям, сочувствие и помощь ближнему, стремление к созиданию и украшению окружающего мира, выражающееся в коллекционировании произведений искусства, в создании пейзажных парков и великолепных домов в Москве и Троицком. Зачастую качества, которые современники Екатерины Романовны оценивали бы как мужские, переплетались у неё с лучшими женскими. Так, по наблюдению современного английского исследователя Э. Кросса «в её характере соединялись черты самоотверженно преданной матери и властного энергичного отца»[2].

Е.Р. Дашкова стремилась воплотить модель универсальной личности: [3] государственного деятеля, мыслителя, писателя, владелицы и хозяйки поместий, воспитательницы… Обладая внутренней свободой личности, в первую очередь она ощущала себя

---

[1] Герцен А.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М., 1957. С. 361.

[2] Кросс Э.Г. У Темзских берегов: россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 152.

[3] Мамаева О.В. Универсальная женская личность в «Записках» Е.Е. Дашковой // Е.Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М., 2009. С. 78.

Человеком, и только затем – Женщиной. Благородное происхождение, блестящая образованность, общение с выдающимися людьми, и прежде всего – мировое признание в качестве сподвижницы Екатерины Великой, способствовали поддержанию честолюбия и высокого собственного достоинства княгини. Всю жизнь она ощущала себя на равных с самыми выдающимися мужчинами своего времени: её с одинаковым почтением принимали и европейские монархи, и философы-просветители: Вольтер, Д. Дидро, учёные Эдинбургского университета. В общении с ними Е.Р. Дашкова обнаруживала необычайную широту взглядов и понимание самых насущных проблем России и Европы. Поэтому, оказавшись в 1783 г. вот главе двух Академий, Екатерина Романовна – единственная женщина в сообществе учёных мужей – не могла даже допустить и мысли о неравенстве с мужчинами. Осуществляя руководство научными учреждениями, она использовала арсенал качеств, традиционно считающихся мужскими: активность, энергичность, последовательность, твёрдость и настойчивость в достижении поставленных целей, желание руководить обстоятельствами и держать ситуацию под постоянным контролем, честолюбие, гордость. Княгиня достигла очень высоких результатов – 1780-е – начало 1790-х гг. были золотым веком Академии наук.

Таким образом, в своей государственной деятельности Е.Р. Дашкова позиционировала себя как руководителя вне пола, то есть как универсальную личность, Человека. Тем не менее, в обществе, где доминировали мужчины, это практически предполагало преобладание «мужских» методов управления.

Отметим, что достигнув вершин государственной карьеры, княгиня оценивала свою жизнь как достойную своего имени и происхождения, но по-человечески несчастную: в детстве она испытывала недостаток тепла и любви, рано овдовела и всю жизнь оставалась одинокой, испытывая в старости неудовлетворённость результатом создания людей «новой породы» в лице собственных детей.

Немаловажное обстоятельство, способствовавшее назначению княгини на высокие государственные посты – то, что во главе государства стояла женщина, с которой Е.Р. Дашкову связывали многолетние тесные отношения. Это удивительный пример высокоэффективного сотрудничества двух выдающихся женщин.

Екатерина Великая как государственный деятель руководствовалась совершенно иными методами осуществления власти, нежели Екатерина Малая. Обладая всеми достоинствами государя-мужчины и являясь в первую очередь истинным Монархом, императрица не считала предосудительным использовать для достижения своих целей преимущества женского пола: обаятельность, доброту, терпимость, чуткость, тактичность, весёлый нрав и, можно сказать, даже актёрское мастерство. С ними сочетались потрясающий самоконтроль и верный расчёт. На русском престоле оказался не монарх вне пола, а истинная Женщина, которая умела совместить в сердцах подданных желание служить России с желанием служить лично ей, вызывая, по словам Е.Р. Дашковой, «чувство благоговейного почтения и уважения, согретого любовью и благодарностью»[1].

Таким образом, лучшие женские качества были поставлены на службу управления государством. Находясь на вершине власти, Екатерина Великая оставалась Женщиной, что давало ей значительные преимущества перед монархом–мужчиной и обеспечивало высокую эффективность управления государством.

Её личную жизнь вряд ли можно назвать удачной, однако государыня была гораздо счастливее Е.Р. Дашковой. Семейная жизнь императрицы не сложилась, но с некоторыми фаворитами Екатерину связывали очень тёплые отношения. Не испытав в полной мере радостей материнства, она была любящей и заботливой бабушкой.

Итак, мы рассмотрели две модели поведения женщины во власти. На наш взгляд, модель, принятая Екатериной Великой, обеспечила более высокую эффективность управления и сделала более счастливой её личную жизнь. Таким образом, гендерные преимущества женского пола во власти очевидны.

[1] Цит. по.: Там же. С. 67.

***Е.В. Бородина*,**
Екатеринбург, Уральский государственный лесотехнический университет

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ)

Одним из наиболее часто используемых источников исторической науки является судебно-следственная документация. Эта группа источников представляет особый интерес, так как дает очень разнообразные сведения практически обо всех аспектах жизни людей: особенностях быта, понимании нормы и девиации, деятельности структур управления и суда, – которые помогают восстановить историю повседневности[1].

Так как за последние годы возросло внимание исследователей к изучению ментальности человека, исследованию господствовавших мировоззренческих стереотипов, материалы суда и следствия и здесь нашли применение. Стоит лишь вспомнить монографию Н.Ш. Коллман о бесчестии в русском праве XVII в. или работы Е.Б. Смилянской и А.С. Лаврова, реконструирующие «народную религиозность» и взгляды простого народа и власти на колдовство[2].

Данные документальные комплексы не менее информативны при изучении места женщины в обществе, переходном от Средневековья к

---

[1] См., напр.: Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006; Миненко Н.А. В круговороте повседневности: к характеристике быта и нравов горожан в XVIII в. (по материалам г. Тюмени) // Уральский город XVIII – начала XX века: Сб. статей. Екатеринбург, 2004. С. 43–74.

[2] Коллман Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII века. М., 2003; Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

Новому времени. В России этот период приходится на время правления Петра Великого, внесшего существенные изменения в жизнь российского государства первой четверти XVIII в. Через призму документов проступают социальные роли и набор статусных характеристик, присущих «слабому полу». Цель статьи – на основе судебно-следственных материалов проанализировать социальное положение женщины первой четверти XVIII в.

Исследуемый период интересен тем, что в 1720-е гг. проходит судебная реформа. Практически в каждом более или менее крупном городе страны создаются отделенные от административных судебные органы. Судебные канцелярии стали местом рассмотрения большинства спорных гражданских и уголовных дел, которые ранее находились в ведении воеводских канцелярий уездов. Именно их документы войдут в поле нашего интереса.

Территориальные рамки исследования – Урал и Западная Сибирь. Этот регион был выбран не случайно. Так как в большинстве монографических работ и статей обращается основное внимание на европейскую часть России, то восточные «окраины» страны подчас остаются без внимания. Немногие исследователи занимаются историей урало-сибирского региона. Среди них следует назвать Н.А. Миненко, которая в своих работах об истории крестьянской общины, особенностях жизни сибирских городов обратилась к гендерной истории[1].

В историографии утвердилось мнение, что женщина XVII – начала XVIII в. принимала активное участие в судебном процессе. Об этом факте упоминают О.М. Кошелева, А.Б. Каменский[2]. Данная точка зрения подтверждается ими разнообразными источниками.

В статьях Соборного Уложения 1649 г. можно найти упоминания о женщинах. В главе 10 «О суде» женщине как участнице судебного процесса посвящена не одна статья. В статьях 173, 174 и 176 говорится о допросе женщин – свидетелей, проходящих по делу[3]. Статья 198 защищает жизнь и здоровье женщины как

---

[1] Миненко Н.А. Указ. соч.

[2] Кошелева О.М. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 309-312; Каменский А. Б. Указ. соч. С. 149.

[3] Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. С. 135.

представительницы семьи истца [1]. Женщина могла получить компенсацию за умершего в результате «насильства», «боя» или «раны» по иску, возбужденному мужем [2]. Она могла нести ответственность за действия мужа в случае неуплаты долгов[3].

Несмотря на достаточно широкий круг оговоренных в Уложении дел, где предполагалось участие женщин, их положение не отличалось самостоятельностью. Статья 185 главы 10 Соборного Уложения проговаривает о необходимости участия в судебном процессе представителей вдов, девок и недорослей: «А будет кто, в каком деле ни будь, приставит к недорослю, или ко вдове, или к девке, и отвечати им за себя не умети, а родимцов у них на Москве нет, а скажут они, что есть у них родимцы, кому за них отвечати, и тем их родимцом отсрочено, алюдей у них и крестьян таких нет, кому за них отвечати, и учнут они бити челом государю, чтобы за них отвечати родимцом их на отсрочной срок, и аким недорослям, и вдовам, и девкам в исцовых искех срок давати против их челобитья, и давати их на поруки з записми в том, что им тех, кому за них отвечати, по указному сроку ко ответу поставити безо всякого переводу. А не поставят они в свое место ответчиков на указной срок, и их тем обвинити».[4]

Таким образом, 185 статья Соборного Уложения 1649 г. должна противоречить существующему в историографии мнению. Для того, чтобы лучше разобраться в сути вопроса, обратимся к анализу поступавших в судебные канцелярии дел.

В фонде «Тюменской канцелярии судных дел Тобольского надворного суда» отложились разнообразные источники, касающиеся ее деятельности. Наряду с межведомственной перепиской в этом архивном фонде содержатся и различного рода челобитные и следственные материалы, описи поступивших в течение года дел, где подробно излагалась суть волновавшего истца вопроса.

Среди данных документов мы можем найти целые подборки источников с общим заголовком «Челобитные и следственные

---

[1] Там же. С. 140.
[2] Там же. С. 142.
[3] Там же. С. 73, 141–142.
[4] Там же. С. 137.

материалы о нарушении брачного законодательства». [1] В этих «остатках прошлого» женщина предстает в разных ролях. В некоторых делах она выступает как ответчик. Ее дело оформляется в качестве обычного привода, обвиняется в «прижитии младенца блудно». [2] Здесь она выступает как нарушитель существующей в обществе морали. В ряде случаев ее вина оказывается смягчена. Она приходит в судебную канцелярию по собственной инициативе и выступает как истец.

Казалось бы, разница в содержании дела оказывается невелика. Во всех случаях женщина становится нарушительницей существующих в обществе половых запретов. Тем не менее, социум относится к ней по-разному. Возможно, такая ситуация была связана, во-первых, с репутацией представительницы слабого пола, а во-вторых, с частотой проверок, выявлявших незамужних «чревастых» девок или оставшихся без присмотра мужей жен и одиноких вдов. Несмотря на порядок возбуждения дела, в большинстве из них женщина являлось более пострадавшей, нежели мужчина, так как предстает перед нами как объект сексуального домогательства.

Разумеется, в большей степени эта ситуация проявляется при изнасиловании или обмане (обещании скорой женитьбы в будущем),[3] когда «блудное насилие за страхом ево никому не сказывала».[4] Все вышеперечисленные ситуации позволяют говорить о женщине как полноправном участнике судебного процесса лишь наполовину. Справедливо ли сказанное для других случаев?

Обратимся к источникам. Судебно-следственная документация предоставляет информацию и о других случаях участия женщин в судебном процессе. В первую очередь это касается женщин, которые в силу определенных, чрезвычайных, обстоятельств становились во главе семейства, о них некому было позаботиться.

Женщина шла в судебную канцелярию с вполне определенной целью: защитить своих родных и близких от произвола соседей, пришельцев или властей. Например, она стремилась уберечь членов семьи от побоев и брани, начинала разбирательство в случае гибели

---

[1] См., напр.: ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 32.
[2] ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 32. Л. 1об.
[3] ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 16. Л. 11об.–12, 28об.–29.
[4] ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.

мужа или пыталась отстоять имущественные права после умершего супруга.[1]

Обращаясь в судебную канцелярию, эти женщины представляли не столько себя, сколько свою семью, в которой уже более не имелось других возможных защитников. В большинстве случаев они просили помощи в чрезвычайной для существования семейной группы ситуации. Обращаясь с челобитными указанного содержания, женщина фактически становилась временно, в позицию мужчины.

Таким образом, судебно-следственная документация первой четверти XVIII в. представляет исследователю разные женские образы: невинной жертвы насилия, нарушительницы социальных норм, главы семейства – защитницы рода. Несмотря на утвердившуюся в историографии позицию о том, что женщина рассматриваемого периода уже являлась активным участником судебного процесса, следует отметить двойственность ее общественного статуса. С одной стороны, она могла выступить в несвойственных ей «мужских» социальных ролях. С другой – она не рассматривалась однозначно как самостоятельный субъект права, отделенный от семейной организации. В течение еще очень долгого времени ее лицо оставалось лицом семьи, которое следует беречь и хранить. Такая двойственность положения иллюстрирует социальные процессы, характерные для общества, находящегося на стадии перехода от Средневековья к Новому времени.

[1] ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 16. Л. 21–21об.; ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 32. Л. 10–10об.; ГАТО. Ф. И–167. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1об.

И.Е. Рудковская,
Томск, Томский государственный педагогический университет

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ В МАКРОИСТОРИЯХ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (Э. ГИББОН, М.М. ЩЕРБАТОВ)

При компаративном анализе британской и российской историографических традиций позднего Просвещения, несомненно, большой интерес представляют финальные труды XVIII в. – «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона и «История России от древнейших времен» М.М. Щербатова. Проблема роли женщин в политике в оценке этих историков представляется одной из важнейших линий сопоставления, позволяющих понять специфику подхода не только данных авторов, но и других историков-просветителей (Д. Юма, В. Робертсона, Н.М. Карамзина)[1].

История Рима предоставила Э. Гиббону целый ряд поводов обозначить свою позицию по данному вопросу. Ситуация абсолютного преобладания мужчин в политической сфере не рассматривалась Э. Гиббоном в качестве нормы. Он подчеркивал, что во все века и во всех странах «самый разумный или, по меньшей мере, самый сильный пол присваивал себе государственную власть, предоставляя другому полу лишь заботы и удовольствия семейной жизни» [2]. Характеризуя отношение римского общества к перспективе женского правления, историк признавал, что, несмотря на то, что жены и матери римских императоров носили имя Августы, царствование женщины было бы ничем не изгладимым нарушением общих правил в глазах коренных римлян[3]. Ему представлялась странной ситуация в наследственных монархиях новейшей Европы, где «дух рыцарской

[1] Рудковская И.Е. Женщины в политике в трактовке В. Робертсона и Н.М. Карамзина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 31. Специальный выпуск: Нормы и девиации в гендерной истории и историографии. М., 2010. С. 229-250.
[2] Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I. СПб. 1993. С. 183.
[3] Там же. С. 184.

вежливости и законы наследования» позволяют признать женщину «абсолютною государыней большого королевства», несмотря на то, что в нем она «не считалась бы способной занимать самую скромную гражданскую или военную должность»[1]. Историк не мог не признать, что новейшая Европа «произвела немало женщин, со славой несших на себе бремя управления целыми империями, и в нашем собственном веке бывали такие примеры»[2].

В «Истории» Гиббона воссоздание различных вариантов женских правлений (Мамеи, Виктории, Зиновии и др.) обеспечивало формирование представления как об исключительности женских правлений, так и об их позитивных возможностях. Давая в целом негативную характеристику гордой и алчной Мамеи, бывшей при Александре Севере «регентшей и над сыном, и над империей», он, тем не менее, подчеркивал, что «ее управление было вообще полезно и для ее сына, и для империи», поскольку она «избрала с одобрения сената шестнадцать самых мудрых и самых добродетельных его членов и организовала из них постоянный государственный совет»[3]. Характеризуя ситуацию в Галлии и на Востоке империи в 70-е гг. III в., историк отметил, что «в довершение позора эти два трона были заняты женщинами»[4]. Очевидно, что, с точки зрения Э. Гиббона, в ситуации постоянных войн, «умерщвления стольких храбрых государей», должно было казаться странным, «что в течение долгого времени повелевала гордыми галльскими легионами женщина», Виктория, чья власть, основывавшаяся на разных хитростях и больших богатствах, прекратилась только с ее жизнью[5].

Особенно высоко оценил Э. Гиббон правление «знаменитой Зиновии, господствовавшей над Пальмирой и над Востоком», признанной им «едва ли не единственной гениальной женщиной, сбросившей с себя иго той рабской зависимости, которую налагал на

---

[1] Там же. С. 183–184.
[2] Там же. С. 313.
[3] Там же. С. 183–184, 190, 204–205.
[4] Там же. С. 311.
[5] Там же. С. 311–312..

ее пол азиатский климат и азиатские нравы»[1]. Историк ввел в структуру своей работы целый ряд пунктов, посвященный Зиновии: «Характер Зиновии», «Ее красота и ученость», «Ее мужество» и др. Уделяя внимание ее внешним данным, историк подчеркнул, что, «когда идет речь о женщине, эти мелочи получают важное значение»[2].

Именно характеристика, данная Э. Гиббоном Зиновии, позволяет в наибольшей мере судить о специфике подхода историка к проблеме женских правлений. Контраст между первоначальной характеристикой Зиновии как правительницы, которая «руководствовалась в делах управления не теми мелкими страстями, которые так часто обуревают царствование женщины, а самыми благоразумными политическими принципами»[3], и завершением ее царствования, когда она «позорно купила свое помилование принесением в жертву и своей славы, и своих друзей»[4], был слишком силен. История превращения «королевы Востока» в римскую матрону, которая «выдала своих дочерей за знатных римлян»[5], дополненная рассуждением историка о легкомысленных сирийцах, которые «всегда готовы предпочесть святости римских законов даже царствование женщины»[6], вероятно, может рассматриваться как ощутимый вклад в формирование в следующем столетии представления о нежелательности участия женщин в политике. Не способствовала повышению статуса женских правлений в глазах читателей и данная историком характеристика принцессы Константины, у которой «можно было купить за жемчужное ожерелье смертную казнь одного невинного, отличавшегося и знатностью своего происхождения и своими добродетелями»[7]. Та позитивная оценка, которая была дана историком императрице Евсевии как женщине, «отличавшейся красотой и личными

---

[1] Там же. С. 313.
[2] Там же. С. 313.
[3] Там же. С. 314.
[4] Там же. С. 317.
[5] Там же. С. 320.
[6] Там же. С. 326.
[7] Там же. Ч. II. СПб. 1993. С. 203.

достоинствами и пользовавшейся влиянием, которое она имела на своего мужа, – для того, чтобы в некоторой мере противодействовать совместным усилиям евнухов» [1], давала возможность судить не только о потенциале женского влияния, но и об его ограниченности. В то же время Э. Гиббоном был дан очень значительный материал, позволявший представить реальный вклад женщин в формирование большой политики, дававший возможность читателю делать собственные выводы, в зависимости от степени его предрасположенности разделить скептицизм английского историка в данном вопросе.

«История» М.М. Щербатова создавалась в женское правление, что обусловило неизбежность реверансов в адрес Екатерины II [2] и невозможность открытого обсуждения проблемы легитимности женских правлений. Тем не менее текст его труда позволяет выявить специфику его подхода к ней.

М.М. Щербатов считал важным фиксировать на полях «Истории» информацию о супругах, реже – дочерях князей (об их рождении, пострижении, пленении и т.д.), [3] об их смерти (кончине, преставлении)[4], что, однако, в отличие от вполне ординарных рубрик, посвященных рождению князей [5], их кончине или убиению [6],

---

[1] Там же. С. 207.

[2] Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. III. СПб. 1774. С. 1-2 (ненумерованные). Выделено М.Щ.

[3] Там же. Т. II. СПб. 1805. С. 36, 529. Т. III. С. 20, 197, 272, 464.

[4] Там же. Т. II. С. 36, 80, 82, 96, 116, 164, 375, 433, 504. Т. III. С. 34, 130, 255, 273, 337, 391, 395.

[5] Там же. Т. II. С. 18, 324, 385, 397, 403, 405, 408 , 411, 422, 450, 457, 462, 547, 555. Т. III. С. 28, 71, 86, 89, 103, 123, 144, 189, 194, 197, 220, 228, 244, 249, 276, 293, 305, 317, 327, 342, 352, 403, 422, 424, 428, 437, 459.

[6] Там же. Т. II. С. 4, 5,8, 17, 23, 26, 28, 33, 36, 41,42, 44, 51, 70, 73, 80, 84 (2), 87, 88, 91, 94, 96, 97, 116, 120, 121, 122, 139, 140, 148, 164, 165, 172. 201, 209, 218, 224, 228, 251, 269, 279, 287, 291, 294, 296, 302, 309, 324, 326, 328, 331, 334, 337, 354, 364, 367, 369, 378, 400, 403, 408, 409, 411, 421, 423, 424, 426, 431, 435, 447, 454, 460, 486, 491, 493, 518, 524,

встречалось ощутимо реже. Наиболее частым вариантом «политического участия» женщин в «Истории» Щербатова следует признать супружества, брачные союзы князей или их дочерей [1]. Политические причины заключения браков в княжеской среде для историка были очевидны: «Но удивительно, как *Святополк* мог согласиться отдать в супружество свою дочь за сего ослепленного Князя, который хотя и был после на *Венгерском* престоле, но тогда ни малой надежды взойти на оный не имел» [2]. Брачные союзы рассматривались им как вполне легитимное средство противостояния междоусобицам: «Однако хотя междоусобии таким образом в одной стране *России* и продолжались; но в другой *Российскиѧ* Князья согласие их брачными союзами утверждали»[3].

Те немногие характеристики женщин-правительниц, которые даны Щербатовым, свидетельствуют о том, что он разделял присущие веку Просвещения представления о правомерности женских правлений. Посвятив в первом томе небольшую главу правлению великой княгини Ольги, он позитивно отозвался о ней в следующей главе, отметив, что «яко мать, и известной премудрости жена, имела большую власть, и могла в политических делах давать многие советы; и опыты ее власти обретаем» [4]. Неоднократно упомянутая историком английская королева Елизавета была признана им разумной и гордой[5].

528, 529, 546, 550, 572. Т. III. С. 46, 61, 69, 71, 79, 86, 89, 94, 109, 121, 132, 137, 140, 142, 145, 146, 171, 182, 183, 188, 208, 209, 211, 217, 220, 221, 229, 232, 234, 242, 244, 246, 248. 249, 257, 261, 286, 292, 293, 296, 305, 315, 318, 324, 326, 337, 342, 347, 350, 357, 363, 368, 393, 395, 398, 401, 424, 433, 434,437, 443, 445, 459, 461, 464, 469.

[1] Там же. Т. II. С. 79, 81, 88, 89, 93, 94, 96, 153, 154, 211, 222, 241, 272, 286, 294, 296, 299, 346, 353, 375, 398,402, 411, 451, 466, 504, 528, 541, 547, 555. Т. III. С. 8, 46, 63, 77, 94, 97, 135, 141, 168, 188, 211, 215, 269. 291, 334, 337, 344, 380, 395, 422, 423, 424, 442, 446.

[2] Там же. Т. II. С. 79. Выделено М.Щ.

[3] Там же. С. 299. Выделено М.Щ.

[4] Там же. Т. I. СПб. 1794. С. 221.

[5] Там же. Т. V. Ч. II. СПб. 1789. С. 271–273.

Большинство данных Щербатовым кратких характеристик женщин, так или иначе приобщившихся к политике, проникнуты негативным отношением к их чрезмерному честолюбию. София Палеолог в «Истории» Щербатова упомянута в основном по поводу заключения брака в связи с тем, что «по супружестве своем» Иоанн III «всегда старался сообщения с Европейским странами сохранять», а также в связи со стремлением Софьи «заблаговременными происками» добиться возведения на престол Василия Иоанновича[1]. О Марфе Борецкой историк писал, что она «великую имела силу в Новегороде», употребляя ее «беспрестанно для заведения беспокойств и смущений», направленных против Великого Князя Московского[2]. В Елене Глинской он видел правительницу, способную на «твердые поступки», владычествовавшую «со всем самодержавством, яко точный государь», «толь обширного разума, коль неумеренного честолюбия», не страшившуюся и преступлений, если «они могли ее до желаемого ею конца довести», хотя и «не видно в ней духа мучительнаго и жаднаго к крови». [3] Вдова Феодора Иоанновича, Ирина, по Щербатову, «на все внутренне согласна была, и участвовала во всем сем посмеятельном игрище, якобы в неволю брата ея на престол Российской возводят»[4]. Вдова Бориса Годунова, Мария Григорьевна, полагал историк, лишь ускорила гибель Федора Борисовича, так как, кажется, «никакого другого качества к правлению не имела, окроме властолюбия; слаба во всех делах, не имела никакого предвидения».[5] Марину Мнишек историк характеризовал как «деву гордую, хитрую, дерзновенную и готовую себя пожертвовать ради удовольствия своего честолюбия», не щадившую «ни веры, ни совести, ни чести», «дабы ей *Марине* паки быть Московскою царицею»[6].

---

[1] Там же. Т. IV. Ч. II. СПб. 1783. С. 65, 77, 80, 89, 288 -289, 304 -305.
[2] Там же. С. 149.
[3] Там же. Т. V. Ч. I. СПб. 1786. С. 13, 128, 129.
[4] Там же. Т. VII. Ч. I. СПб. 1790. С. 12.
[5] Там же. С. 265, 280.
[6] Там же. Т. VII. Ч. I. С. 215. Ч. II. СПб. 1791. С. 223.

Предопределенный реалиями отечественной истории минимализм женских характеристик у М.М. Щербатова сопровождался признанием реального потенциала влияния женщин на политику их мужей: «Не редко хитрость женская наитвердейшия сердца превращает, и слава, соединенная с пользою, легко может ослепить честолюбивых людей» [1]. «Историям» и Э. Гиббона, и М.М. Щербатова, таким образом, как и трудам других историков–просветителей, присуще представление о возможности вполне легитимных женских правлений, однако вероятность их эффективности и стабильности оценивалась как весьма проблематичная.

Ю.Е Барлова,
Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д Ушинского

НЕЗАМУЖНИЕ МАТЕРИ В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗРЕНИЯ В БРИТАНИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Женщины всегда занимали особое место в системе социального призрения. Даже сегодня специалисты указывают на «неравную», по сравнению с мужчинами, уязвимость женщины перед лицом депривации и, несмотря на это, на «гендерную слепоту» большинства государственных программ борьбы с бедностью[2]. Похожая ситуация сложилась и в изучении истории социального призрения: по словам специалиста, «интерес к влиянию социальной помощи на жизни пауперов-мужчин генерализировал проблему и оставлял историю женщин-бедняков нерассказанной»[3].

Как идеологические основы, так и практическое воплощение концепции социальной политики в новое время неразрывно связаны с

[1] Там же. Т. IV. Ч. II. С. 356. В данном случае речь шла о жене казанского царя, убежденного женой начать войну против Иоанна III.
[2] Poverty and social exclusion in Britain: the millennium survey / Ed. By Ch. Pantazis, D. Gordon, R. Levitas. Bristol, 1996. P. 375.
[3] Abramovitz M. The Family Ethic: Female paupers and public aid, pre–1900 // Social Service Review. 1985. No. 3.

историей Британии. Публичные дебаты о бедности, развернувшиеся там во второй половине XVIII – первой половине XIX столетия, стали первым примером обсуждения этой социальной проблемы на широком общественно-политическом уровне и привели к ряду смелых преобразований и экспериментов в сфере социального призрения.

Среди пестрой толпы нуждавшихся в социальной помощи людей отдельное место занимала категория *незамужних матерей* – т.е. матерей-одиночек, разведенных или оставленных мужьями женщин, вдов с детьми. Сегодня эта категория считается одной из самых уязвимых, однако развитие британского законодательства и практики социального призрения в XVIII – первой половине XIX в. показывает, что вопрос о поддержке одиноких женщин с детьми в лучшем случае ставился под сомнение, а в худшем – решался отрицательно.

На XVIII столетие пришелся своеобразный «бум» законодательства о матерях-одиночках и детях–бастардах. Большинство актов и статутов носили ограничительный и даже репрессивный характер. Так, по законам 1732–33 гг. беременная, но незамужняя женщина была обязана заявить об этом приходским властям и сообщить имя отца, инициировав процедуру установления отцовства. Помощь со стороны прихода оказывалась женщине лишь в случае, если отцовство будет доказано (что в то время было сделать крайне сложно) и на условиях полного возмещения отцом ребенка приходских расходов на его содержание. В 1743–44 гг. парламентом были приняты акты, по которым дети-бастарды регистрировались (получали прописку – settlement) по месту регистрации матери. Это изменяло (а по факту, отменяло) положения «Акта о поселении» 1662 г., регистрировавшего внебрачного ребенка по месту его рождения. Иными словами, до принятия актов 1743–44 гг. приход мог выслать беременную мать-одиночку за свои пределы – например, договорившись о женитьбе на ней (до рождения ребенка) паупера из соседнего прихода. Теперь эта практика прекращалась, но, родив внебрачного ребенка, женщина должна была вернуться в свой родной приход, на который и ложилось бремя по его содержанию (если, напомним, будет доказано отцовство и компенсированы расходы). Данный закон также разрешал приходским властям, если те примут такое решение, публично наказывать женщину, родившую бастарда, в назидание остальным – например, пороть ее кнутом. При Георге III «дурное поведение» женщины, родившей ребенка без отца,

интерпретировалось как преступление. В 1795 г., в частности, был принят статут, согласно которому в ряде случаев матерей бастардов разрешалось приговаривать к смертной казни[1].

Тем не менее, в условиях «старой» системы социальной помощи (до 1834 г.) законы о бедных носили разрешающий характер, и приходы имели относительную свободу в выборе стратегии помощи нуждающимся. Это отразилось и на призрении одиноких матерей. Во многих приходах сохранились свидетельства «открытого» – без помещения в работный дом – призрения матерей-одиночек. Такие случаи сообщаются в отчетах «Общества по улучшению условий жизни и обеспечению удобств бедняков». Например, вдовы с детьми, находящиеся на содержании прихода, обучались ремеслу повитухи, что «помогало приходу сэкономить на медицинских счетах… и спасало саму женщину от бедности». В графствах Бакингемпшир и Эссекс в течение 10 лет практиковалась раздача бедным одиноким женщинам детских вещей и белья, которые они затем «возвращали обратно чистыми», при этом особо подчеркивалось, что за это время не отмечалось ни одного случая порчи, кражи или иных «злоупотреблений милосердием»[2].

И всё же в половине случаев незамужним нуждающимся женщинам приход предлагал «закрытое» призрение – то есть призрение в работном доме, особенно после принятия «Акта Нэтчбулля» 1732 г., вводившего «проверку работным домом». Согласно этому закону, приходское начальство могло заставить просивших о помощи «отработать ее в суровых и отталкивающих условиях работного дома», чтобы доказать, что они действительно нуждаются в поддержке. Вопреки расхожему заблуждению, описанные Диккенсом «ужасы работного дома» не были «изобретением» XIX века. Так, в 1797 г. в своей работе «Положение бедных» Ф.М. Иден приводил пример работного дома на острове Уайт, где «особо сурово» обращались именно с одинокими женщинами, рискнувшими родить *второго* незаконного ребенка: «они вызывались к мировым

---

[1] See: British History Online: primary sources [electronic resource]: http://www.british-history.ac.uk/catalogue.aspx?type=2

[2] The reports of the Society for Bettering the Condition and Increasing the Comforts of the Poor. Vol. 1. 1798. P. 126–128, 163–165.

судьям, их лишали мяса в и без того скудном рационе, и к тому же они были вынуждены носить грубые желтые холщовые платья или плащи, или же иные подобные знаки бесчестья»[1].

В 1832 г. в Англии начала работу Комиссия по пересмотру «старого законодательства о бедных», на основании отчета которой в 1834 г. был принят знаменитый «Акт о поправках к законодательству о бедных», поставивший институт работного дома в центр всей системы призрения бедных. Комиссионеры подвергли критике «излишнюю помощь» приходов не только матерям внебрачных детей, но и вдовам – казалось бы, ставшим одинокими матерями не по своей воле. Относительно первых отчет комиссии провозглашал: «Бастард должен быть тем, кем ему определено быть Провидением господним – обузой для своей матери». Относительно вторых было замечено: «Имеется класс, закрепивший за собой общественную поддержку независимо от требуемых для этого условий… и получающий пенсию только потому, что они – вдовы»[2].

Закон 1834 г., соответственно, «усложнил жизнь» обеим категориям незамужних матерей. Незаконные дети, по сути, провозглашались «личной ответственностью» матери вплоть до достижения ими возраста 16 лет. Еще более усложнилась процедура установления отцовства. Если до 1834 г. отцовство могло быть установлено по решению мировых судей прихода без присяжных, то по новому закону такой вопрос решался на суде четвертных сессий графства, причем вынести вопрос на рассмотрение графства могли только наблюдатели или попечительский совет, но не сама женщина. Что касается вдов, то по «новому законодательству» они имели право на социальную помощь только первые полгода после смерти мужа. Наконец, помощь и той, и другой категории женщин должна была осуществляться *в работном доме*.

Интересно, что в годовом отчете 1835 г. о функционировании Акта 1834 г. любое обращение одиноких женщин – вдов или матерей одиночек – за помощью прихода позиционировалось как результат

---

[1] Eden F.M. The State of the Poor, in 3 vol. L., 1797 (reprint edition: Bristol, Thoemmes Press. 1994). Vol 2. P. 226.

[2] Report from His Majesty's commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. London, 1834.

плохой организации системы призрения, открывающий дорогу «ленивым и недостойным пауперам»[1].

Документом, показательным с точки зрения отношения к помощи незамужним матерям, является Протокол комиссии по законодательству о бедных от 5 марта 1839 г. *«Унизительная одежда для непристойных женщин в работных домах»*. Непристойными именовались одинокие матери или незамужние беременные женщины, которых в ряде работных домов принуждали носить одежду особого цвета, чтобы «маркировать своё бесчестье»[2]. С одной стороны, цель протокола – осудить и признать «нецелесообразной» подобную дискриминацию с помощью одежды «или другой эквивалентной маркировки бесчестья» в работных домах. Совет попечителей, говорится в нем, «не является трибуналом, выносящим приговоры за *прошлые* грехи, путем каких-либо вариаций в осуществлении закрытого призрения». Составители протокола критикуют и практику изоляции незамужних матерей от других обитательниц работных домов. С другой стороны, заявленная цель контрастирует с риторикой и аргументацией документа. Во-первых, показательна уверенность, что унизительные одежды «преследуют в первую очередь задачу *покарать зло*… и *продемонстрировать общее отношение* к этой проблеме». Во-вторых, критикуя наказания матерей-одиночек внутри работного дома, комиссионеры не отвергают идею *наказания как такового*, а значит – причисления матерей-одиночек к преступникам. Наказание должно заключаться в том, чтобы «они несли бремя естественных последствий своего порока – самостоятельно поднимали ребенка, а если на это не хватает средств - пребывали в работном доме». Денежная помощь, по их мнению, несет лишь зло. Особо подчеркивается недопустимость

---

[1] Levine-Clark M. Engendering relief: women, ablebodiedness, and the New Poor Law in Early Victorian England//Journal of Women's History. Vol. 11. 2000. P. 105–106.

[2] Ignominious Dress for Unchaste Women in Workhouses. Minute of the Poor Law Commissioners 5th March 1839 pp / 098–100/#4. [electronic resourse]: http:www.institutions.org.uk/poor_law_unions/unmarried_mothers.htm

поблажек вдовам с детьми, к которым советы попечителей могут «проникнуться симпатией»[1].

Думается, что специфика законодательства и практики социального призрения незамужних женщин с детьми напрямую связана с *общим восприятием проблемы бедности* в идеологии и дискурсе эпохи. Во-первых, в XVIII - первой половине XIX в. бедность воспринималась как категория *моральная, лично обусловленная,* а потому – постыдная [2]. Во-вторых, экономические теории Дж. Тауншенда, Т. Мальтуса и Дж. Бентама, тиражируемые в религиозных проповедях, прессе и литературе, напрямую связывали бедность с *перенаселением*, вызванным необдуманным размножением самих бедных. Бентам даже предлагал «воспевать как героинь» старых дев, т.к. они сохраняют нацию от перенаселения. Происходил, соответственно, некий «перекос» в восприятии идеи материнства как такового, т.к. женщина-мать «воплощала» угрозу избыточного размножения, и ее убеждали, что ограничить число детей – значит «выкарабкаться из ловушки бедности», сделав шаг к респектабельности, независимости и более высокому социальному статусу. В-третьих, идеология протестантизма, а впоследствии – доктрина утилитаризма, порицавшие «лень и праздность», культивировали труд и *независимость* т.н. «физически-крепких» (able-bodied) бедняков от сторонней помощи. Именно новая концепция “able-bodiedness” (трудоспособности, основанной на физическом здоровье) делила нуждающихся на «достойных» и «недостойных», причем *не разделяя*, несмотря на гендерную асимметрию во всем остальном, женщин и мужчин. Женщина, если она бедна и здорова, должна работать, а не просить о помощи, т.к. ее трудоспособность уже является средством заработка[3].

Таким образом, одинокая незамужняя женщина с ребенком или детьми, не имевшая явных физических недостатков или уродств и просившая приход о социальной помощи, «нарушала» весь комплекс

---

[1] Ibid.

[2] See, e.g.: Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary // Library of Economics and Liberty [electronic resource]: http://www.econlib.org/library/LFBooks/Hume/hmMPL1.html

[3] Levine-Clark M. Op. cit. P. 106.

моральных требований, негласно предъявляемых к ней ценностной системой эпохи, и, соответственно, с легкостью вписывалась в категорию маргиналов, лучшей помощью которым был объявлен тяжелый принудительный труд и изоляция от «добропорядочного сообщества».

А. Феля,
Кишинев, Институт истории, государства и права АН Молдовы

ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ ЖЕНЩИН: НА ПРИМЕРЕ МОЛДОВЫ (XVIII – начало XIX ВВ.)

Завещание как правовой документ имело определенную форму и четкий текст, инспирированный византийской традицией. При всех формах, которые являются характерными для составления завещания, и при их сравнениях мы не находим два одинаковых завещания. Их индивидуальной особенностью является автор. Это естественно, так как человеческая жизнь состоит в соблюдении определенных правил, введенных обществом, и каждый человек реагирует по-своему на изменения. Эта реакция зависит от личных качеств и характера определенного лица, от его условий жизни, которые разрешали или запрещали присоединиться к нормам общества.

В историографии завещания классифицируются как ритуал подготовки к смерти, прелюдией похоронной церемонии[1]. П. Шоню определяет завещание как документ личного характера, характеризующий личность[2]. Андрея Янку, говоря о завещании, определяет его как момент большой торжественности, в то же время

---

[1] Briffauaud S. Le Temps de la sourse. Testament et methodologie en l'Histoire des mentalites // Sources. Travaux historique. 1987. No. 11. P.16; Mihai N. Sensilibilitatea faţă de moarte în testamentele din Oltenia premodernă şi modernă (1700-1870) // Caiete de antropologie istorică. 2004. T. III. No. 1–2. P. 121; Horn I. Testamentele maghiare din Transilvania premodernă // Caiete de antropologie istorică. 2004. T. III. No.1–2. P.110.

[2] Chaunu P. La mort à Paris au XVI, XVII, XVIII - e siècles. Paris, 1978. P. 233.

оно является свидетельством, в котором завещатель предлагает зрителям репетицию перед церемонией прощания и перед похоронами[1]. Волеизъявления в византийских, русских, итальянских, польских духовных в целом и анализ преамбул завещаний стали объектом исследования не только юристов, но и историков при изучении преемственности и частной жизни[2].

Завещание в Молдавском княжестве, также как и формуляр русской или польской духовной, основывается на византийском образце. [3] Структура завещания, как правило, стереотипна: религиозная преамбула, имя завещателя, обстоятельства составления завещания, реституция приданого, разделение движимого и недвижимого имущества, положения, связанные с похоронами и поминками, в случаях оспаривания достоверности этого документа или нарушения воли завещателя – заклятия, подписи завещателя и свидетелей[4].

Женщины, как и мужчины, использовали свое право завещать свое имущество и дать последние наставления. В данном сообщении мы приведем несколько примеров того, как были составлены завещания женщин в Молдавском Княжестве, и некоторые аспекты, связанные с их волеизъявлением.

Преамбула является составной частью, которая подчеркивает представление о моменте перехода в небытие и мотивации. В Молдавском Княжестве, также как и в Румынском Княжестве, Трансильвании и в других Европейских странах, оформление завещания оправдано теми же аргументами: человек смертен, время

---

[3] Iancu A. Blestemul şi binecuvântarea părinţilor(sec. XVIII–XIX) // Studii şi Materiale de Istorie Medie. 2003. Vol.XXI. P. 68.

[4] Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики. Л., 1988; Falkenhausen V. Von., Amelotti M. Notariato e documento nell Italia Meridionale greca(X-XV secole). Roma, 1982; Fichtenau H. Arenga: Spatantike und Mittelalter in Spiegel von Urcundelformeln. Graz, Koln, 1957; Barbu V. „Sic Morienur". Discourse upon death in Wallachia during the Ancien Regime // Revue Roumaine d'Histoire. 1994. No.1–2. P. 116.

[5] Horn I. Op. cit. P. 110.

[6] Iancu A. Op. cit. P. 72; Barbu V. Op. cit. P. 116; Mihai N. Op. cit. P. 124.

смерти неизвестно, и о судьбе даров, полученных от Бога, следует позаботиться заранее[1].

Особый интерес представляет завещание Руксанды, жены Думитру Карпу от 26 ноября 1785 г.: «Так как любящий людей Бог, милосердный, создал нашего прородича Адама, по его подобию и образу, воодушевляя его божественным дыханием, придавая ему красоту жизни в Раю и сопровождая его женой из его тела, благословляя их, так как он наказал кушать все райские плоды, кроме плодов дерева знаний, их не трогать, иначе, умрут…»[2]. Завещатель, зная о ближайшем неизбежном конце, решила не оставлять разногласий между родственниками. Данный документ представляет собой источник не только правовой и исторический, но и литературного стиля, демонстрируя ее интеллектуальные качества.

Как правило, большинство завещаний писались в непосредственной близости от смерти, серьезного заболевания, во время войны или чумы. Марина, жена Иона Кантараджиу писала 10 сентября 1754 г.: «Я сделала это духовное, будучи бессильной перед моей болезнью и перед моей смертью...»[3]. 1 июня 1745 г. Мария, жена Статие, написала завещание будучи «бедной женщиной и беспомощной старухой»[4].

Частная жизнь любой семьи часто скрыта от взглядов посторонних. Однако завещания занимают отдельное место, так как становятся достоянием не только семьи, но всего общества, особенно при громких процессах о разделе имущества.

Одним из таких являлось завещание Пембы (Каниани) Манук-Бей. При замужестве Каниани не получила приданое. 12 октября, а потом и 14 ноября 1823 г. она составила духовное. Завещание было секретным, написано самим завещателем, заверено печатью и свидетелями [5]. Свидетели впоследствии рассказали, что в

---

7 Horn I. Op. cit. P.111.

[2] Moldova în epoca feudalismului(дальше MEF). Vol. X. Chişinău, 2005. Nr.160.

[3] Documente Iaşi. Vol.V. Nr.508. P. 529.

[4] Documente Iaşi. Vol.V. Nr.479. P. 274.

[5] Национальный Архив Республики Молдовы (дальше НАРМ). Ф.37. Оп.2. Д.521. С. 201.

воскресенье утром, 20 января 1824 г. служитель Мелектерабова, Илья Малтер, по просьбе госпожи Пембы Мелектерабовой пригласил зайти вечером представителя Бессарабского областного уголовного суда, статского советника Петра Василисова. Вечером того же дня Василисов вместе с поверенным Австрийского консульства Иосифом Лукашевичем пришел в семью Мелектерабова. После обмена приветствиями госпожа Мелектерабова достала из одежды какую-то бумагу. На турецком языке, а для господина Лукашевича на французском языке, Пемба Мелектерабова сказала, что это бумага написана собственноручно, и попросила их подписаться под ней как свидетели. Сначала приглашенные отказались подписываться, мотивируя, что не знают армянского языка. Тогда госпожа Мелектерабова объяснила, что это ее завещание, и попросила засвидетельствовать ее. При внимательном осмотре завещания свидетели обнаружили три части: за текстом на армянском языке следовал текст на французском за подписью постельника Скина, а сверху рядов – печать с сургучом с буквами Р.М.Г. В то же время госпожа Мелектерабова попросила их держать в секрете составление завещания до соответствующего времени. Проконсультировавшись между собой и находя завещателя в полном умственном здравии (что было обязательным условием при составлении завещания), Василисов и Лукашевич решили удовлетворить просьбу Пембы и подписать завещание[1].

Судебные иски и процессы длились несколько лет. 4 декабря 1831 г. Мелектерабов вновь подал иск к опекуну над имуществом и сиротам помещика Манук Бея[2]. 24 февраля 1832 г. Оргееевский Уездный Суд рапортовал Бессарабскому Областному Гражданскому Суду, что во исполнении указа данного суда от 2 февраля 1832 г. обязать опекунов имущества Манук Бея заплатить 140 тысяч лей с процентами[3].

Особое внимание уделяется траурной церемонии. В контексте судебного процесса по завещанию говорилось: «…И после полковника Енаке, оставшись боярыня, полковнишна Катрина, при смерти, все

[1] НАРМ. Ф.37. Оп.2. Д.521. С. 44–45об.
[2] НАРМ. Ф.37. Оп.2. Д.1208. С.1.
[3] НАРМ. Ф.37. Оп.2. Д.1208. С. 14–14об.

отдала его превосходительству великому логофету, чтоб тот позаботился о ней и похоронил по христианскому обычаю...»[1].

Особая часть завещания – институт свидетелей, которые играют особую роль в заключении юридических документов. Свидетели имеют ключевую роль в процессе проверки подлинности или подтверждения точности и достоверности воли. В Западной Европе все более важную роль и авторитет возлагают на нотариуса, нотариальные действия снижают значимость института свидетелей. В Молдавском Княжестве, также как и в Румынском Княжестве и Трансильвании, как известно, опирались на местные обычаи и местное право, инспирированное из византийского права, указывалось количество свидетелей и условия для становления свидетеля. Согласно кодексу Калимаки, не могли быть свидетелями «Монах до 18 лет, женщина**,** немые, глухие, сумасшедшие…». В уставе Караджи со ссылкой на руководство Донича в пункте 39 говорится, что «женщина свидетельствует там, где мужчины не подходят».

Однако есть завещания, где женщины подписываются в качестве свидетелей. Например, Марина, жена Иона Кантараджиу, 10 сентября 1754 г. подчеркивает: «И я сделала это духовное перед моим духовником, отцом Николай и перед моими соседями, которые были и ниже подписались, а кто безграмотные поставили палец». Этот документ интересен тем, что в качестве свидетелей упомянуты четыре женщины, хотя число подписавших свидетелей – девять мужчин, является достаточным, чтобы завещание было действительным. Эти женщины-свидетели были Мэрикуца Мэтеяса, Мария Рэндуляса, Замфира Кирилой, Сафта Нагараджица[2].

Завещание означало не только передачу движимого и недвижимого имущества наследникам. Завещатель пересматривал свою жизнь, делал какие-то выводы, давал распоряжения, касающиеся разделения собственности и рекомендации по будущей жизни членов семьи, не забывая при этом наиболее важную проблему – умиротворение души - для поминовения. Именно завещание является подлинным отражением духовного состояния человека,

[1] Documente privitoare la istoria oraşului Iaşi.Vol.VI. Nr.34.
[2] Documente Iaşi. Vol.V. Nr.508. P. 529.

отражая его взгляды на жизнь и смерть. Принятые решения были не только личного характера, но и касались всего общества. Женщины завещали свое имущество и давали указания также как и мужчины, однако их душевные завещания выделялись большей чувствительностью.

Раздел 2.
Женщина доиндустриальной Европы и России в пространстве семьи и брака

А.А. Павлов,
Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет

БРАЧНЫЙ РИТУАЛ В РИМЕ В ОТРАЖЕНИИ «О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ» СЕКСТА ПОМПЕЯ ФЕСТА

Во всех традиционных культурах ритуалы перехода, одним из которых является бракосочетание, занимают центральное место в ритуальной практике[1]. Одним из важнейших источников, дающих нам представление о брачной церемонии в архаическом Риме, является лексикографическое сочинение «О значении слов» грамматика II в. н.э. Секста Помпея Феста в 20 книгах. Работа представляет собой словарь устаревших слов и выражений, составленный в алфавитном порядке; характер ее грамматико-антикварный, с преобладающим вниманием к этимологии. Как полагают, текст словаря Феста был сокращенной переработкой гораздо большего по объему не сохранившегося сочинения грамматика эпохи Августа Веррия Флакка[2], однако и сам он дошел до нас в единственной плохо сохранившейся и обгоревшей копии (Codex Farnesianus)[3]; полностью мы имеем лишь его эпитому, выполненную в VIII в. ученым монахом Павлом Диаконом[4].

---

[1] Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
[2] См.: Glinister F. Constructing the past // VERRIUS, FESTUS, & PAUL: lexicography, scholarship, & society / Ed. by Fay Glinister & Clare Woods with J. A. North & M. H. Crawford. L., 2007. P. 11-32.
[3] См.: Moscadi A. Il Festo Farnesiano (Cod. Neapol. IV. A. 3). Florence, 2001; Pieroni P. Marcus Verrius Flaccus' *De significatu verborum* in den Auszügen von Sextus Pompeius Festus und Paulus Diaconus. Einleitung und Teilkommentar (154, 19 – 186, 29 Lindsay). Frankfurt am Main, 2004.
[4] См.: Cervani R. L'epitome di Paolo del De verborum significatu di Pompeo Festo. Struttura e metodo. Roma, 1978.

Из переходных ритуалов брачный более других получил внимание автора: с ним (не считая статей, дающих информацию о семье и браке) связано содержание 28 статей[1], что делает его, пожалуй, самым полным в этом отношении среди римских источников[2]. Все это дает нам возможность не только реконструировать сам брачный ритуал (эта реконструкция, несомненно, не может быть полной, но лишь ограниченной рамками информации словаря) и его элементы, но и попытаться выяснить их назначение и отношение к ним, отразившееся в том числе в этимологических и этиологических построениях автора.

Фест (s.v. Ritus. 337P) определяет ритуал (ritus) как *mos* и *consuetudo* (обычай). В римском брачном ритуале тесно переплелись

---

[1] S.v. Aqua et igni. 3P; Cumerum. 43P; Cumeram. 55P; Caelibari hasta. 55P; Cingillo. 55P; Camelis virginibus. 55P; Cinxiae Iunonis. 55P; Fescennini. 76P; Facem. 77P; Flammeo. 79P; Genialis lectus. 83P; Gaia Caecilia. 85P; In pelle lanata. 102P; Nuptam. 173P; Nuptias. 174F; Nupta verba. 175P; Nuces. 178F; Nonarum. 187P; Obnubit. 201P; Pronubae. 282F; Patrimi et matrimi. 282F; Procare. 291P; Reputia. 351P; Regillis tunicis. 364F; Rapi. 365P; Rapi. 365P; Senis crinibus. 454F; Talassionem. 479P. Лишь в 6 статьях имеются указания на источники: у Павла Диакона упомянуты Плавт (s.v. Nupta verba. 172P) и Пакувий (s.v. Reputia. 342P), у Феста – Гомер (s.v. Nuptam. 172F), Сантра, Корнифиций, Элий [Галл], Цинций [Алимент] (s.v. Nuptias. 174F), Граний (s.v. Ricae. 342F), Тициний (s.v. Rica. 368F). Из приведенного списка видно, что информация о бракосочетании черпалась из различных по характеру источников II–I в. до н.э. – комедий и трагедий, грамматических, антикварно-юридических и исторических сочинений.

[2] Информация о ритуале имеется и у ряда других авторов, однако в гораздо менее систематическом виде. О ритуале, как и об иных источниках, см.: Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995. С. 57–62; Каркопино Ж. Повседневная жизнь древнего Рима. Апогей империи. М., 2008. С. 120–126; Гуревич Д., Рапсат-Шарлье М. – Т. Повседневная жизнь женщины в древнем Риме. М., 2006. С. 89-91; Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. СПб., 2002. С. 206–209; Treggiary S. Roman Marriage. Iusti Coniuges from the Tiame of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford, 1991. P. 161–180.

различные слои, прежде всего юридический и религиозный – сферы, тесно связанные в римском сознании. Римские юристы основное внимание уделяют первому: они различают три ритуальные формы заключения «правильного» брака *matrimonium* (confarreatio, coemptio, usus; – Gai. I. 111–113)[1]. Напротив, Фест почти ничего не сообщает о первом, касаясь лишь второго, что определяется преобладающим вниманием к этимологии и антикварности.

Римский ритуал бракосочетания имеет в основе тот же характер перехода, что и в других традиционных культурах. В этом переходе, являющемся сугубо сакральным действием, тесно переплетены символическое и материальное содержание. Фактически он выражается в переходе жены из отцовского дома в дом мужа (или его pater familias), о чем говорит уже само понятие «жениться», «брать в жены» – «uxorem ducere», т.е. «вести жену» (s.v. Tandem. 495P)[2]. Ритуал не предполагает возможности обратного движения – жена всегда переходит в дом мужа; более того, исполнение ритуального перехода возможно и без участия жениха (заочно), но не в отсутствие невесты[3]. Он состоял из трех основных стадий: проводы невесты в доме ее отца – расставание с «прежним временем и миром», торжественное шествие в дом жениха – собственно состояние «между», прием невесты в доме жениха – включение ее в «новые время и мир». Фест практически ничего не говорит нам о роли жениха в ритуале бракосочетания, основное внимание уделяя невесте, что, несомненно, указывает на ее определяющее место и роль в ритуале.

Римская женщина впервые выходила замуж в 12 лет, достигнув пубертатного возраста, что было предопределено ее биологической готовностью к родам (s.v. Pubes. 297P). Бракосочетание для нее в этой связи совпадало с ритуалом инициации, знаменующим переход девочки во взрослое состояние, что проявлялось, в частности, в смене

---

[1] Дигесты (D.23.2.1-68) включают обширный титул, который называется *De ritu nuptiarum* (О свадебном ритуале), который касается, однако, только правового регулирования брачных отношений.

[2] См., напр.: D.2.4.2; 23.2.9–9; 23.2.11; 23.2.12.4; 23.2.25.

[3] D.23.2.5.

девичьей одежды на женскую (vestis muliebris; – s.v. Vestis. 506P)[1], а также в разрешении использования табуированной до этого лексики, связанной с сексуальной сферой (s.v. Nupta verba. 175P)[2].

Согласно Фесту (s.v. Religiosus. 348F), бракосочетание должно было справляться в благоприятный (с точки зрения божественного права) день. К таковым не относились 36 дней в году, именуемые «черными» (календы, ноны и иды каждого месяца; – s.v. Nonarum. 187P), день сражения с галлами при Аллии в 390 г. до н.э. (18 июля), в котором римляне потерпели катастрофическое поражение (s.v. Aliesis. 6P), дни почитания умерших, когда открыт *mundus* (24 августа, 5 октября, 8 ноября).

Большое внимание он уделяет происхождению самого слова «невеста» (nupta), которая в обряде бракосочетания именовалась «nova nupta» [3]. Ритуальным наименованием мужа было «novus

---

[1] По заключении брака, став *mater familias* (s.v. Materfamilias. 112P), женщина получала, очевидно, и право ношения столы. Фест пишет (s.v. Matronas. 112P), что «матронами называли обычно тех, которые имели право ношения столы». В свою очередь Авл Геллий (XVIII. 6. 8) сообщает, что «матроной в подлинном значении называли ту, которая состояла в браке с мужем, до тех пор, пока этот брак сохранялся, даже если дети еще не были рождены». Фест называет и один из видов девичьей одежды (нижняя сорочка), именуемой суппаром (s.v. Supparus. 407P).

[2] «*Nupta verba* древние называли слова, которые было непозволительно произносить девушке. Плавт (fr. 71): *«Virgo sum, nondum didici nupta verba dicere»* (Я девушка и еще не обучена произносить слова, присущие замужней)». Подобный переход имел место и у мальчиков, однако он не был связан с браком, а имел место в 16 лет: они меняли тогу-претексту на мужскую тогу (toga virilis; – s.v. Regillis tunicis. 364F; Vesticeps. 506P), в канун дня инициации надевая специальную тунику (recta), особым образом сотканную для этого случая (s.v. Rectae. 343P); с них снимался запрет на обсценную лексику (s.v. Praetextatis. 283P); они также демонстрировали свою возмужалость, вступая в интимные отношения (s.v. Irquitallus. 93P).

[3] Буквально: «новая невеста». Ср. в русском языке – «новобрачная». Термин используется Фестом неоднократно: s.v. Cingillo. 55P; Cinxiae

maritus» (s.v. Reputia. 351P), однако Феста оно не интересует, поскольку этимология «maritus» не оказывается значимой для ритуала и его трактовки[1]. По его мнению, *nupta* происходит из греческого языка, ибо греки называют невесту νεωα νυωμφη[2] (s.v. Nuptam. 173P). Этот термин дал наименование и всему ритуалу бракосочетания – *nuptiae* (s.v. Nuptias. 174F; Obvubit. 201P), что подтверждает определяющую роль невесты в нем. Объяснение значения *nupta* для него очевидно: слово происходит от глагола *obnubere* (покрывать)[3], поскольку невеста покрывалась цвета пламени подвенечной фатой (s.v. Flammeo. 79P). Однако почему ее именовали *nova,* предшественники Веррия объясняли по-разному (s.v. Nuptias. 174F), склоняясь к правовому контексту понятия: Куриаций полагал, что требовалось новое намерение (nova ratio), а Корнифиций, что новые соития (nova coniugia).[4]

Важное место в тексте занимает описание (и трактовка) облика невесты; Фест касается всех ритуально важных его деталей. Он отмечает, что невеста покрывалась подвенечной фатой цвета пламени (Ibid). Происхождение этого обычая связывается им с заимствованием головного покрывала у фламиники (flammeum) – жены фламина Юпитера, поскольку та не имела права на развод, что должно было символизировать крепость заключенного таким образом брака. Фест проводит параллели не только с фламиникой, но и с весталками. Как у последних, волосы невесты заплетались в шесть кос (s.v. Senis crinibus. 454F), что, по мнению некоторых, должно было означать обещание хранить себя непорочной. Волосы при этом

Iunonis. 55P; Facem. 57P; In pelle lanata. 102P; Nuptias. 174F; Nuces. 178F; Rapi. 364F.

[1] «Novus maritus» – «новый муж». *Maritus* происходит от *mas* – мужчина, самец. Единственный раз он упоминает и слово «жених» (procus), которое производит от глагола *procare* – просить (s.v. Procare. 291P).

[2] Т.е. «новая невеста», то же что и «nova nupta».

[3] *Nupta* – причастная форма от глагола *nubo*, т.е. «покрытая», «закутанная в покрывало».

[4] Впоследствии в праве закрепится мнение, что брак совершается не сожительством, а согласием. См.: D.24.1.32.13; 35.1.15; 50.17.30.

разделялись специальным т.н. целибарным копьем, т.е. копьем, которое было вынуто из тела убитого гладиатора. Фест дает различные тому объяснения (s.v. Caelibari hasta. 55P)[1]. На голову невеста возлагала небольшой венок, что сплетала сама из цветов, трав и священных ветвей оливы (s.v. Corolla. 56P). Еще в канун брачной церемонии невеста надевала особую тунику, именуемую *recta* (прямая), которая специально ткалась (стоя и снизу вверх) для этого случая; Фест называет ее также *regilla* (царская)[2]. Тогда же на голову надевалась специальная золотисто-желтая сеточка. Завершал наряд невесты пояс, сделанный из овечьей шерсти, который завязывался специальным «геркулесовым» узлом и впоследствии развязывался мужем уже в его доме. Фест считает пояс символом укрепления брачных уз, а узелок – символом плодородия (s.v. Cingillo. 55P; Cinxiae Iunonis. 55P).

Помимо самих невесты и жениха Фест основное внимание уделяет двум категориям участников ритуала, которые фактически и выступают в нем «проводниками»: это «подружки» невесты – *pronubae* и три

---

[1] «Волосы невесты приводились в порядок целибарным копьем, что прежде застряло в теле поверженного, умерщвленного гладиатора, чтобы сама она была связана с мужем так, как оно было связано с телом гладиатора; возможно, и потому, что матроны находились под опекой Юноны Куриты, которая именовалась так от носимого ею копья, что зовется в языке сабинов *curis*; либо потому, что оно предвещало рождения храбрых мужей, или [означало], что в силу брачного права невеста передается под власть мужа, так как копье – и лучшее оружие, и символ высшей власти. По этой причине и храбрые воины награждаются им, и пленники, которых греки называют δορυαλωϖτοι и δορυκτηϖτοι («добытые копьем»), продаются под ним же».

[2] *Fest*. s.v. Regillis tunicis. 364P: «В канун свадьбы, благого знамения ради, девушки возлегали на ложе, надев прямые (recti), что ткались стоя снизу вверх, белые «царские» туники и золотисто-желтые сеточки; то же имело обыкновение почитаться, когда [мальчикам] предоставлялось право одеть мужские тоги».

мальчика-претекстата[1]. Он ничего не говорит о роли первых, лишь подчеркивает, что выбирали их из единомужних женщин, дабы те служили провозвестниками постоянства брака (s.v. Pronubae. 282F)[2]. Претекстаты играли важную роль на второй стадии – *deductio*. Начиналась она с символического вырывания женихом невесты из рук ее матери или ближайшей родственницы. Фест связывает его с похищением сабинских девушек, имевшим место при Ромуле (s.v. Rapi. 365P). Далее процессия направлялась в дом жениха. В пути невесту поддерживали под руки два мальчика–претекстата, третий нес впереди особый факел (процессия происходила вечером) из белого терновника (spina alba), который возжигался на очаге дома невесты[3]. Мальчики должны были быть *matrimi et patrimi*, т.е. иметь в живых отца и мать (s.v. Patrimi et matrimi. 282F). Мальчик–камилл нес свадебную корзинку (s.v. Cumerum. 43P), в которой находились принадлежности невесты (s.v. Cumeram. 55P). [4] Фест замечает, что камиллом именовался *ingenuus*, т.е. местный, свободный, восходящий своими корнями к началам Рима мальчик (s.v. Camillus. 38P). Участвующие в процессии женщины не раз поминали Гайю Цецилию, жену Тарквиния Древнего, что была лучшей пряхой (s.v. Gaia Caecilia. 85P) и восклицали *Talassio*. Истинный смысл возгласа антикварам уже не был ясен и они объясняли его по-разному[5]. Фест, со ссылкой на Варрона, называет так корзинку для пряжи, полагая, что возглас имел символическую связь с прядением (s.v. Talassionem. 479P). Во время процессии бросали также грецкие орехи детям. По мнению Феста, делалось это ради благих предзнаменований для новобрачной (s.v. Nuces. 178F): обряд, несомненно, был связан с плодородием. На пути

---

[1] Претекстатами именовались мальчики, носившие тоги-претексты, не произведшие обряд инициации и не сменившие еще их на мужскую тогу (toga virilis).

[2] *Pronuba* соединяла руки жениха и невесты в ее доме в знак их единения (dextrarum iunctio), что нашло отражение на ряде саркофагов; она же усаживала ее на брачную постель в доме жениха.

[3] *Varro*. De vita populi Romani 2.78 (Riposati), ap. Non. 161L.

[4] Сама невеста или помощник несли прялку и веретено (*Plut*. RQ. 31).

[5] *Plut*. RQ. 31.

следования к дому мужа распевались также *fescennini*, куплеты фривольного содержания, чтобы оградить новобрачных от порчи (s.v. Fescennini. 76P).

Третий этап начинался с задабривания невестой косяков дома мужа[1] и переноса ее через порог дру́жками со стороны мужа[2]. Согласно Фесту, факел (s.v. Rapi. 365P), зажженный в доме невесты, спешно уносился, так как его сохранение означало бы скорую смерть одного из супругов; вслед за тем муж символически приобщал ее «к огню и воде»: очевидно невеста взбрызгивалась водой и прикасалась к факелу, зажженному от очага мужа. Обряд этот являлся одним из тех, что включали невесту в род мужа (делая ее агнаткой мужа), завершая ее переход из рода отца. Этот же обряд использовался и в похоронной обрядности, символизируя переход из мира мертвых в мир живых. Аналогичный обряд в публичном праве означал включение в гражданскую общину, тогда как лишение огня и воды – гражданскую смерть (s.v. Aqua et igni. 3P). Фест объясняет ритуал двояко: чисто утилитарно – и то, и другое основа жизни, и символически – окропление водой должно означать чистоту и невинность невесты (s.v. Facem. 77P). Далее невесту сажали на шкуру нестриженной овцы, чтобы показать, как считает Фест, что она должна заниматься обработкой шерсти (s.v. In pelle lanata. 102P). Наконец, муж развязывал геркулесовый узел на поясе новобрачной (s.v. Cingillo. 55P; Cinxiae Iunonis. 55P), что должно было внести в дом счастье, которое ассоциировалось с многочисленным потомством. Молодые возлегали на специальном брачном ложе, именуемом *Genialis lectus*. Свое название, как указывает Фест, оно получило от гения (s.v. Genialis lectus. 83P), которому он дает различные трактовки (s.v. Genium. 84P)[3]. На следующий день происходило застолье в доме жениха, завершавшее ритуал перехода (s.v. Reputia. 351P).

---

[1] E.g.: *Plin*. HN. XXVIII. 142; XXIX. 30; *Ovid*. Fasti. VI. 155–6.

[2] *Plut*. QR. 29.

[3] «Гением называли бога, который обладал властью во всех сферах. Ауфустий говорит: *«Genius est deorum filius, et parens hominum, ex quo homines gignuntur. Et propterea Genius meus nominator, quia me genuit»* (Гений – сын богов и отец людей, от него рождаются люди. И по той причине о нем говорят «мой Гений», что он «породил меня»).

Церемония бракосочетания, как видим, помимо собственно ритуала перехода, целью которого было включение жены в род мужа, перевод ее из-под власти отца под власть мужа, включала различные символические действия, направленные на плодородие невесты, ее очищение, а также определение ее функциональной роли в будущем семействе как пряхи. Особое внимание (в сравнении с другими ритуалами перехода), уделяемое Фестом (собственно Веррием) бракосочетанию, акцентуация на крепости брака, его плодородии, следовании в семье старым добрым нравам, - все это показывает особое значение уделяемое ему римлянами. Вместе с тем, концентрация внимания на нем автора отвечала духу и запросу идеологии Августа, провозгласившего возврат к старым добрым нравам и к семейным ценностям и принявшего ряд законов, направленных на укрепление семьи и увеличение рождаемости. Ритуал бракосочетания имел и более глубокий семантический уровень сакрального перехода, который уже не осознавался римскими антикварами, исходившими в своем объяснении из *usus*, однако сколько-нибудь подробно касаться его в настоящей работе мы не имеем возможности.

М.В. Григер,
Казань, Казанский государственный университет

«ТЫ – МНЕ, Я – ТЕБЕ»: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СУПРУГОВ В ЕВРЕЙСКОМ СОЦИУМЕ РУБЕЖА II – III ВВ. Н.Э.

Жизнь семьи имеет много граней: ее можно представить через любовь друг к другу, половые отношения, совместное времяпровождение, отношения власти и т.д. и т.п. Каждый может делать акцент на своем, и это во многом говорит о человеке и о стереотипах общества, в котором он живет. Письменный текст имеет свои границы, которые просто вынуждают делать акценты.

Евреи–интеллектуалы начала тысячелетия создали литературный памятник – Мишну, в котором значительный пласт информации затрагивает вопросы семейно-брачных отношений. Созданный, по общему мнению, около 200 г. н.э. на территории Галилеи (Северной Палестины), этот текст отражает чаяния определенной группы (рабби)

Некоторые же полагали, что гений – это бог всякого места».

внутри еврейской общины. Данная группа, начавшая формироваться после разрушения Иерусалимского Храма на основе различных религиозно-общественных течений периода Второго Храма (главным образом на основе фарисейского движения), стала обретать лидирующие позиции в еврейском социуме Палестины к концу II в. н.э. О последнем свидетельствует появление института «наси», который при Р. Иуде, видимо, был признан полуофициально римскими властями. Именно с именем Р. Иуды традиция связывает составление Мишны. Ученые не дают однозначного ответа на вопрос о причинах создания данного сборника, но одна из важнейших целей, которую он должен был выполнить – пропаганда идей раввинистической группы среди еврейской общины. Цель обуславливала определенный уровень приспособления к ожиданиям и знаниям той аудитории, на которую был рассчитан текст и их отражение.

Мишнаитский редактор во многом представляет отношения в браке как хозяйственные обязанности супругов. Размывая границы между приданым женщины и ее независимой собственностью, рабби наделяют мужа правом обладания плодов от обоих видов имущества. В правовых построениях таннаи всегда стремились к своеобразному балансу. Поэтому, наделяя мужа подобной привилегией, они позиционируют ее как компенсацию за обязательства мужа. Представление о связи права мужа на узуфрукт с его обязанностью содержать жену было общим местом в античной культуре.

Хозяйственные обязанности жены по отношению к мужу в Мишне четко регламентированы. Мишна рассматривает данные работы как вклад в хозяйство мужа. В соответствии с Мишной, если жена не выполняет свои законные обязанности по отношению к мужу, он наделен правом вычитать деньги из ее брачного контракта. Показательно, что на последнем месте, то есть, на самом важном, стоит работа жены с шерстью. В данном факте нет ничего уникального, поскольку это было обычным правилом в средиземноморской культуре Античности. Если женщина происходила из богатой семьи и приводила с собой рабов-слуг, то это избавляло ее от хозяйственной деятельности. Жизнь богатой еврейской женщины в мишнаитскую эпоху рисуется как сходная с жизнью римской матроны.

Создатели Мишны ограничивают женскую экономическую деятельность такими работами, как выпечка и прядение, кои выполняются дома, уединеннно. Однако в реальности картина была

более сложная, и говорить о делении пространства на публичную и частную сферу, где женщины живут только в последней, нельзя.

Необходимо учитывать, что не существовало какой-либо единообразной еврейской семьи. Археологические раскопки жилищ этого времени демонстрируют, что в архитектуре семьи жилое и рабочее пространство частично совпадали. Археологические свидетельства данного периода говорят о том, что еврейские семьи в Галилее частично могут быть характеризованы как рабочие группы. Работа и ведение хозяйства составляли значительную часть внутрисемейных отношений и ассоциировались с самим понятием «семья». Характеристика семьи как рабочей группы подчеркивается наличием в таннаических отрывках описаний ежедневной хозяйственной семейной жизни. Существование в таннаических документах занятий, строго не разделенных по гендерному признаку, указывает на важный феномен римского мира, который, видимо, характеризует и еврейскую общину в римской Галилее.

Супружеское хозяйство, как мы видели, подверглось правовой регуляции. Подобное внимание свидетельствует о затруднениях мудрецов в определении права собственности на доходы, получаемые женами и несовершеннолетними дочерьми. Внимание таннаев к обязательным, но не оплачиваемым работам женщин по хозяйству демонстрирует специфический путь, которым мудрецы организовали взаимоотношения членов семьи по отношению друг к другу, описав их через работу и хозяйственную деятельность (интересно, что более поздние рабби отказались от такого хозяйственного понимания семьи; они были не заинтересованы в мишнаитской программе, регулирующей взаимообязанность супружеских отношений, и скорее полагали, что жена обязана мужу выполнением определенных обязанностей просто потому, что она жена). Повышенное внимание мудрецов свидетельствует не только о проблеме, которую они обнаружили в факте наличия женского труда, но и о масштабах трудовой деятельности девушек и женщин.

И.Е. Никонова,
Барнаул, Алтайская государственная педагогическая академия; Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ЗНАТНАЯ МОСКОВИТКА И РУССКАЯ СЕМЬЯ XVI-XVII В.

В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Американские историки всегда уделяли большое внимание изучению историю России, причиной чему был и дух соперничества, и искренний интерес, и желание познать загадочную русскую душу. Особый интерес история России вызывала и у историков-гендеристов. В данной статье будут проанализированы несколько работ американских исследователей, которые были написаны в последнюю четверть века, с 1980 по 2005 г., и посвящены тем или иным аспектам института брака и семьи, положению женщины в период существования Московии (Московской Руси). Я полагаю важным оценку зарубежного опыта в изучении женской истории России, так как американские исследователи дают несколько иные интерпретации известных событий. Именно зарубежные исследователи часто первыми поднимали острые вопросы, которые не затрагивались отечественной историографией.

Открывает обзор статья С. Леви, посвященная историографическому обзору положения женщин в Московской Руси (стоит принять во внимание, что обзор этот – 25-летней давности, и в последние годы вышли новые работы)[1]. Ценность его, однако, в том, что он дает сведения о состоянии историографии, начиная с XIX в. и до 1980-х гг. включительно, посвященной избранной теме. С. Леви выделяет несколько аспектов изучения, которые занимали зарубежных историков: анализ источников (Домострой, Судебники и другие), правовые аспекты имущественных прав женщин Московии, наследственные права женщин, вопросы чести и бесчестия женщин, проблема «теремного затворничества»[2].

Так, например, в 1983 г. выходит статья Н.Ш. Коллманн «Затворничество знатных московских женщин»[3]. В своей статье Коллманн говорит о чрезмерной изоляции женщин Московии из

---

[1] Levy S. Women in 16th century Muscovite, 1980. Paper presented to the Midwest Slavic Conference, May 3, 1980. Cincinnati, Ohio.

[2] Подробнее см.: Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002.

[3] Kollmann N.S. The seclusion of elite Muscovite women// Russian history 1983. Vol. 10, no. 2. P. 170–187.

высших слоев общества. Такая ситуация не была характерна для других сословий и для всех женщин западной Европы. Кроме того, автор обращает внимание читателя на то, что данный вопрос не был раскрыт ранее историками, и они подходили к изучению положения женщины на Руси обобщенно, начиная от восточных славян и заканчивая Московской Русью и не учитывая разницы положения в зависимости от сословной принадлежности. По ее мнению, женщины, принадлежащие к элите Московской Руси, находились в том же положении, что и женщины мусульманских стран, так как были полностью зависимы от мужа, должны были проводить все время дома, скрывать свое лицо под накидками, не могли распоряжаться имуществом. Их власть распространялась только на их приданое. В то время как западные женщины основывали свою независимость на доступе к бюджету поместья, в котором они жили [1]. Изоляция московских женщин из высших сословий была гораздо сильнее, чем остальных женщин, и сказывалась на их возможностях и правах.

Следующей стала статья Е. Левин «Запрещенные браки в средневековом русском православном церковном праве» [2] 1984 г. Е. Левин приходит к следующим выводам. Во-первых, брачные отношения находились под влиянием церкви. В период Московской Руси существовало так много церковных правил, что даже те, кто хотел следовать им, все равно нарушал, хоть и неосознанно. Законы, созданные церковью, давали ей возможности получать выгоду от многочисленных условий и запретов путем наложения штрафов и епитимий. Во-вторых, такое количество условий (запрет выбирать супруга из круга некровных родственников или родственников вследствие крещения, равнозначность помолвки и брака, невозможность развода, нежелательное второе замужество или женитьба, запрет на третий и последующий браки и многие др.) существенно сужало круг для выбора супруги или супруга. Особенно при этом страдали элитные сословия, так как родители вынуждены были искать партнера для брака для своего сына или дочери в других городах Руси или за границей. Однако эти же правила, по

[1] Там же. С. 175, 183, 187.

[2] Levin E. Prohibited marriages in Medieval Russian Orthodox canon law // Central Slavic Conference, October, 19–20. 1984. P. 21.

мнению Е. Левин, способствовали сохранению политического, либо экономического союза, основанного на браке. Когда в 1991–1992 гг., вышли статьи Н.С. Коллманн, посвященные понятиям чести и бесчестия женщины Московии[1], то это уже было время начала распада СССР. Сами 90-е годы связаны с существенными изменениями моральных принципов и устоев России. На фоне данных событий и проникновения идей феминизма и гендерной теории в Россию возник и интерес к теме женской чести.

Н. Коллманн говорит о том, что фактически в Московской Руси честь женщины была юридически защищена очень сильно. Суды уделяли большое внимание рассмотрению дел, связанных с защитой морального облика женщины и компенсацией вреда, нанесенного ей, если был доказан факт преступления. В итоге Н. Коллманн делает два взаимоисключающих вывода. С одной стороны, серьезная юридическая защищенность чести женщины означает, что она имела существенные права, которые могла самостоятельно и публично защищать в суде. И такие возможности, данные женщине, могут свидетельствовать о ее далеко не второстепенном положении в обществе Московии. Дарованные женщине права и их юридическая защищенность могли быть основой для проявления самостоятельности женщины. Н. Коллманн считает, что в этих правах заключались большие перспективы.

Однако второй вывод сводил на нет первый. Потенциально высокий социальный статус женщины был подавлен патриархальной системой Московской Руси. И вся забота о чести женщины сводилась к тому, что она была необходима для поддержания доброго имени и социального статуса мужчины (отца, мужа, сына).

И, наконец, в 2003 г. была опубликована статья Д. Кайзера, которая была посвящена невыполнению обязательств, а так же обману и мошенничеству при заключении брака[2]. Автор считает, что

---

[1] Kollmann N.S. Women's honor on early modern Russia // Russia's women. 1991 P. 60–73; Kollmann N.S. Honor & dishonor in Early modern Russia // Forschungen zur osteuropaischen geschichte. Berlin, 1992. P. 131–147.

[2] Kaiser D.H. Default & deception in Muscovite weddings // От древней Руси. 2003. P. 432–437.

брачные традиции Московской Руси существенно отличались от европейских. В том числе он называет такие традиции, как то, что жених не мог просить руки невесты сам, жених не мог видеть невесту до свадьбы, не мог познакомиться даже после помолвки. В результате это часто приводило к обману со стороны невесты и ее родителей. После свадьбы оказывалось, что невеста могла быть больной, некрасивой или не той девушкой, о которой договаривались. А невозможность развода заранее обрекала данную семью на несчастное существование.

Таким образом, рассмотрев несколько работ американских историков, посвященных некоторым аспектам истории женщин-московиток, брачных и семейных традиций Московской Руси, можно заметить, что большая часть этих исследований была написана еще до коллапса СССР. Не удивительно, что американские историки выбирали для исследования сюжеты, которые характеризовали «темные стороны» брачного и семейного законодательства Московии, старались показать, насколько угнетены были современницы царя Ивана Грозного, как патриархат и самодержавие исключали возможность женской самореализации. Именно эти историки, однако, поставили проблему гендерных особенностей понимания чести и бесчестья, вопросы истории сексуальной культуры в браке и безбрачии, увязали вопрос о женской социальной свободе с темой артикулированности этих сюжетов в письменных памятниках того времени. Должно было пройти совсем немного времени, и в российской историографии появились работы, достойно и масштабно освещавшие эти сюжеты на основе скрупулезного научного архивного поиска[1].

Т.Л. Лабутина,
Москва, Институт всеобщей истории РАН

ПРОБЛЕМА БРАКА В ТРУДАХ РАННИХ ФЕМИНИСТОК АНГЛИИ

[1] Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991.

Ранний феминизм возник на английской почве благодаря идейному влиянию буржуазной революции середины XVII в. и Просвещения. Заметим, что сама проблема возникновения феминизма в науке до сих пор принадлежит к числу дискуссионных. Если большинство российских ученых возникновение феминизма связывают с движением суфражисток, то ряд зарубежных исследователей (Г. Смит, Р. Перри, К. Роджерс, Б. Мэннинг) уверены: феминизм впервые возник в Англии во время и под влиянием Английской буржуазной революции середины XVII в. Обращаясь к указанной проблеме, мы также пришли к аналогичному мнению и сочли возможным ввести термин «ранний феминизм» для характеристики этого движения по аналогии с западными учеными, которые назвали его «протофеминизмом».

Если революционное наследие питало стратегию раннего феминистского движения, то его тактику формировало социальное положение женщин в XVII в. Англичанка продолжала жить в патриархальном обществе, во всех сферах которого господствовал мужчина. Все государственные и общественные институты утверждали подчиненное место женщины. Общество не видело в женщине личность, а закон не предполагал, что она будет жить самостоятельно, за счет своего труда. Женщине ничего не оставалось делать, как мириться со своим подчиненным положением по отношению к мужчине, будь то отец, брат или муж.

В раннебуржуазной Англии женщина имела много обязанностей и почти никаких прав. Она должна была рожать и растить детей, работать (не только присматривать за домом и хозяйством отца или мужа, но и вносить посильный вклад в бюджет семьи и экономику государства.). В идеале женщина никогда не должна пребывать в праздности. В особенности это касалось жен и дочерей земледельцев, а также служанок, проживавших в сельской местности, то есть, по сути дела - большинства женского населения страны. Как только женщина заканчивала работу по дому, она тотчас садилась за прялку или бралась за спицы, чтобы своим трудом заработать хотя бы несколько пенсов для семейного бюджета. В обществе, где господствовал мужчина, было распространено мнение о том, что усталая от работы женщина будет более целомудренной. От женщины общество требовало целомудрия и добродетели, тогда как над прегрешениями мужчин оно лишь добродушно посмеивалось. Мужской мир не только подчинял женщин, но создавал мораль, оправдывавшую это подчинение.

Единственной возможностью занять признанное положение в обществе для женщины становился брак. Примечательно, что такое чувство, как любовь, при заключении брака, как правило, во внимание не принималось. Впрочем, и в браке закон целиком и полностью стоял на страже интересов супруга и, прежде всего, в его праве распоряжаться имуществом семьи. Даже собственность, полученная женой в наследство, или ее приданое могли реализовываться ею лишь по усмотрению мужа. В случае, если супруги участвовали в совместном бизнесе, муж являлся работодателем, а жена – его неоплачиваемой работницей. Вся прибыль от бизнеса, как правило, оставалась в собственности мужа, на долю же супруги выпадали лишь упреки в транжирстве и мотовстве, если она вздумала что-то купить для детей. Если жена становилась вдовой, она могла претендовать лишь на третью часть имущества супруга. Женщина была лишена возможности заключать брачный контракт, поскольку закон не видел в ней ответственное лицо, и даже в случае совершения преступления уголовную ответственность за нее нес муж.

Супруг строго контролировал образ жизни жены. В случае его смерти она не имела права на своих детей, если только он заранее не назначал ее их опекуншей. В обществе прочно утвердился двойной стандарт в отношении к супружеской измене и разводу. То, что прощалось мужу, осуждалось и порицалось по отношению к жене. Единственной возможностью избавиться от невыносимого брака для женщины становился развод, обязывавший супруга обеспечить надлежащее содержание бывшей жене. В то же время развод дискредитировал женщину, невзирая ни на какие обстоятельства.

Двойной стандарт сохранялся также в женском образовании (девушек не принимали в университет, их не обучали латыни, истории, математике и ряду других предметов, в результате англичанки в XVII в. были лишены серьезного образования); неудивительно, что проблемы образования и брака сделались определяющими в идеологической платформе раннего феминистского движения.

Следует признать, что до феминисток с критикой существующих брачных институтов выступали и некоторые представители сильного пола. Многие осуждали институт брака, в котором мужчина пользуется большей свободой действий, чем женщина, и в котором родители лишают своих детей права выбора супруга по любви. Они обвиняли мужчин в том, что те рассматривали брак как тюремное заключение, и

не пытались увидеть в своей супруге компаньона и товарища. Однако авторы подобных трактатов не призывали к изменению во взаимоотношениях полов. Они лишь констатировали существующее положение вещей. В противоположность сочувствующим женской доле авторам, ранние феминистки полагали, что подобная участь англичанок являлась не результатом «природы», но социальной модели общества, которую можно и должно изменить. В этом признании заключалась решающая направленность феминистского движения XVII в.

Феминистки неоднократно указывали на подчиненное место женщины в браке и на те неудобства и страдания, которые она переносит, выходя замуж. Некоторые из них были вообще настроены скептически к институту брака. Будучи сама счастливой в браке, герцогиня Ньюкасл признавала, что брак «приятен лишь вначале, со временем же он теряет свою привлекательность». Она уверяла, что брак не выдерживает «реальностей будней» и прежде всего пренебрежения, неуважения, лицемерия, адюльтера, раздражительности, сварливости, развязности со стороны супруга. Герцогиня поражалась, почему женщины «идут добровольно в рабство» и подчиняются во всем своим мужьям. Вероятно, высказывала она предположение, женщины так поступают, поскольку не видят лучшего способа устройства своей жизни. Однако семейная жизнь наполнена беспокойством и волнениями, связанными с рождением и воспитанием детей, с хлопотами по дому и хозяйству, присмотром за слугами, наблюдением за финансовыми расходами семьи и т.д. «А если к этим треволнениям добавить плохого мужа, то это еще больше усугубит страдания женщины»,– утверждала герцогиня. Но тогда зачем женщине вообще стремиться к замужеству? Размышляя над поставленным вопросом, герцогиня приходила к выводу о том, что к браку девушек толкает «социальный пресс». Она утверждала: «В обществе считается неприличным оставаться незамужней, тогда как брак приносит уважение женщине».

О подчиненной роли женщины в браке писала и Ханна Вуллей. Однако, в отличие от других феминисток, она считала подобное подчинение естественным. В то же время Ханна оговаривала, что супруг должен пользоваться своей властью «мудро». Брак, на ее взгляд, мог стать «прекрасной и удобной формой взаимоотношений партнеров», если только подобные союзы рассчитаны на «продолжительную привязанность, а не на темпераментную страсть».

Достоинствами замужней женщины, по мнению Х. Вуллей, являются ее «скромность, молчаливость и благоразумие». Образование же должно подготовить женщину к сложностям семейной жизни. Для ранних феминисток совершенно нетипичным было восхваление работы домохозяйки. Между тем, Вуллей считала, что управление домом – это «прекрасное и выгодное занятие». «Нет ничего лучшего, чем управление собственным домом, – писала она. – Эта профессия несложна и, если женщина ничего другого не умеет, то уж с этим справится наверняка».

Наиболее подробно взгляды на брак выразила в своей книге «Некоторые рассуждения по поводу брака» Мэри Эстелл. Она повествовала о том, что изначально брак представляется юным созданиям «серьезным предприятием», достойным их мечты. Но вот девушка выходит замуж и попадает в чужую семью, в полную власть, по сути дела, чужого мужчины, которого обязана предпочитать своим родным. Молодая жена вынуждена исполнять все желания супруга, даже не задумываясь над тем, насколько они разумны. Особенно тяжело ей мириться с тем, если муж женился на ней ради денег. В этом случае, подчеркивала Эстелл, супруг будет больше озабочен тем, как увеличить приданое жены, нежели взаимоотношениями с ней. Эстелл не советовала обольщаться юным девушкам чарами своей красоты. Женская красота подобна скоропортящемуся продукту, с долей иронии писала Эстелл, а значит надеяться на нее, как на залог семейного счастья, вряд ли оправдано. Мужчина, женившийся по расчету, никогда не будет заботиться об улучшении и совершенствовании интеллекта и характера своей супруги, поскольку женился отнюдь не для того, чтобы восхищаться своей избранницей. Тем более, что ни один мужчина не видит в женщине существо высшего сорта. Таковым он считает только себя. Большинство же мужчин вообще презирают женщин и их пол.

Эстелл изображала портрет идеальной, на взгляд большинства мужчин, супруги, как продолжательницы рода и «главного управляющего» в доме. Жена–управляющий, интересы которой не расходятся с его собственными, которая к тому же работает бесплатно – лучшего положения в браке муж не мог себе и представить. Женщины, которые мирятся с подобным существованием, на взгляд феминистки, оказываются глубоко несчастными. Эстелл была твердо убеждена в том, что женщины должны быть готовы противостоять подчинению мужчинам в браке.

Надо заметить, что не только мужчины, но даже и феминистки не принимали во внимание чувства женщины, вступающей в брак. На взгляд Эстелл, женщина выходит замуж для того, чтобы продолжать род и поддерживать существующий в обществе порядок. Привязанность, страсть, любовь и другие «неразумные нежности», по ее разумению, только принижают женщину и не должны приниматься в расчет. Любые внебрачные связи Эстелл осуждала. При этом она не делала исключений, как для мужчин, так и для женщин. Ей представлялось, что физическое влечение исключает духовность и потому только унижает женщину. Негативное отношение Эстелл к проявлению женщинами чувственности, страсти и иных эмоций отчасти объяснялось, на наш взгляд, личной неустроенностью самой феминистки. Она не была замужем, не испытывала серьезной привязанности к кому-либо из мужчин. Более того, судя по отдельным фактам жизни М. Эстелл, складывалось впечатление о том, что она опасалась мужчин и избегала любых контактов с ними, предпочитая только переписываться и вести полемические дискуссии на безопасном для себя расстоянии.

Социально-политические изменения, которые произошли в стране после Славной революции 1688-1689 гг., в определенной мере повлияли на взгляды Эстелл в отношении брака. Она стала рассматривать брачный союз как своеобразный договор двух сторон. По ее мнению, муж имел право над женой, чего нельзя было сказать о власти мужчины над женщиной вообще. Брак узаконивал власть мужчины над женщиной и потому к семье, как к монархии, должно было относиться с уважением. Вместе с тем Эстелл осуждала проявление тирании в семейной жизни. Брак предопределял подчинение, но ни одна уважающая себя женщина не желала подчинять свою жизнь тирану. Лучше не вступать в брак вовсе, чтобы не подчиняться деспоту, считала Эстелл. Средство спасения от семейного тирана Эстелл усматривала в разводе.

Эстелл признавала, что даже счастливые браки не должны становиться пределом мечтаний женщины. Она повторяла, что женщина предназначена для большего, нежели управление домом или рождение и воспитание детей. Женщины должны стремиться к высоким целям, а не смотреть на брак, как на награду. Брак не должен занимать все помыслы женщины. Он должен быть только частью ее жизни.

Итак, как мы могли убедиться, большой заслугой ранних феминисток явилась пропаганда ими идей, пробуждавших самосознание англичанок, которых призывали бороться за свое освобождение от деспотии мужчин, прежде всего в повседневной жизни. Ранние феминистки помогли создать женскую аудиторию, достаточно обширную и интеллектуально подготовленную для чтения серьезной литературы. Большое влияние они оказали также на просветителей, в частности, на Д. Дефо, предложившего в своем «Очерке о проектах» открыть «женские академии» по типу колледжа М. Эстелл. Социальный эффект идей раннего феминизма в общественной мысли Англии в XVII–XVIII вв. был в определенной мере ограничен (потому-то и ранние феминистки очень скоро были забыты) в силу того, что движение феминисток опережало свое время. Тем не менее, ранние феминистки подготовили почву для своих последовательниц в XIX–XX вв. И в этой связи нам представляется правомерным говорить о трех этапах в феминистском движении. Если на первом этапе, в XVII–XVIII вв. феминистки боролись за право женщин на образование, а также поднимали вопрос об их освобождении от деспотии мужчин в браке, то на втором этапе – в XIX веке, они уже выдвигали требование политических прав. Наконец, в XX веке женщины стали отстаивать свои экономические права, что и явилось третьим этапом феминистского движения.

В.С. Трофимова,
Санкт-Петербург, Высшая школа народных искусств

ДИСКУССИИ О СЕМЬЕ И БРАКЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVII ВЕКА

На протяжении XVII в. во Франции меняется отношение к браку. Если ранее брак рассматривался как религиозное таинство, то теперь он стал актом гражданского состояния. Было также подвергнуто пересмотру старое каноническое правило, по которому при вступлении в брак не требовалось согласие родителей. По новому закону дети, которые нарушили родительскую волю, могли быть лишены наследства. Брак, заключенный против воли родителей, не мог быть признан недействительным, но объявлялся заключенным незаконно, а, следовательно, не порождал юридических последствий. Такого рода

нововведения не могли не обострить вечную, по сути дела, проблему отцов и детей. К последнему десятилетию XVII в. во Франции нарастают противоречия, связанные с институтом семьи и брака. Эти противоречия находят свое отражение в литературе того времени. Институт брака активно критикуют французские писатели конца XVII в., а начинает своего рода «Спор о браке» знаменитый поэт и сатирик Никола Буало. В 1694 . он выпускает в свет свою Десятую сатиру «Против женщин».

Как отмечает А. Дугган вслед за Г. Блохом, произведение Буало вписывается в традицию обсуждения «радостей брака», восходящую к Средневековью[1]. Самым знаменитым произведением на эту тему была книга «Пятнадцать радостей брака», в которой были показаны распутные и жестокие жены. В начале XVII в. отголоски этой традиции еще слышны в так называемом «Споре алфавитов», который был инициирован публикацией в высшей степени антифеминистского памфлета Жака Оливьера «Алфавит женских недостатков» (1617). Этот памфлет выдержал как минимум восемнадцать переизданий к 1650 г.[2] Однако, сам «Спор алфавитов» затих уже к 1625 г., и на протяжении XVII в. во Франции появлялось мало откровенно антифеминистских произведений.

Произведение Буало, хотя и носит название «Против женщин», направлено, прежде всего, против самого института брака. Оно построено в виде диалога между повествователем и Альципом, который собирается жениться. Сатира начинается с обращения к Альципу и сатирического описания приготовлений к свадьбе с введением образа нотариуса и упоминанием о брачном договоре. Затем Буало дает слово Альципу, чтобы тот высказался в защиту брака. Альцип верит, что в столице еще можно найти верных жен. Однако повествователь тут же разбивает эти аргументы в пух и прах, издевательски заявив, что, возможно, и отыщет трех таких женщин во всем Париже. Альцип замечает, что брак всегда подвергался нападкам, но только в браке можно стать счастливым. Брак – это

---

[1] Duggan A.E. Salonnières, furies, and fairies: the politics of gender and cultural change in absolutist France. Cranberry: University of Delaware Press, 2005. P. 130–131.

[2] Ibid. P. 131.

средство укрощения страстей. Среди авторов, которые критиковали институт брака, Буало упоминает Лафонтена и Мольера, Вийона и Ариосто, Боккаччо и Рабле.

Буало критикует институт брака, исходя не из правовых нововведений, а из особенностей женской природы и женских пороков. Он обращается к современным женским типам и рассматривает кокетку, игрока, скрягу, ученую даму, кичливую дворянку, ханжу-богомолку и т.д. Женщина-игрок неизменно приведет семью к краху. Ученая дама, интересующаяся науками, – новый, современный тип француженки – также не лучшая кандидатура для невесты, по мнению Буало. Все свое время она посвящает астрономии и другим предметам: ее можно увидеть с астролябией в руках или рассматривающей новый микроскоп. Такая дама ко всему проявляет любопытство – даже к препарированию трупа беременной женщины[1]. Ханжа-богомолка – еще более опасный тип, под этой личиной могут скрываться и развратницы, и женщины, интересующиеся только паломничествами в монастыри и молебнами и совершенно не заботящиеся о своих семьях.

Альцип считает, что в том случае, если его жена окажется «дьяволом», он сможет с ней расстаться без взаимных обид. Однако повествователь осмеивает его планы насчет развода: друзья и суд будут на стороне жены, и ему ничего не останется, как помириться с супругой, иначе судебная тяжба полностью разорит его.

Десятая сатира Буало вызвала целый ряд откликов со стороны его противников. Жак Прадон в своем «Ответе на сатиру X господина Д.» (1694) защищает брак как способ продолжения рода. Он также подчеркивает, что прекрасные манеры французского двора – результат женского влияния.

«Сатира против мужей» Жана-Франсуа Реньяра была самым резким ответом на сатиру Буало. Построенная симметрично по отношению к Десятой сатире, она вводит повествователя, который отговаривает свою племянницу Евдоксию от брака с Альципом. В коротком предисловии автор отмечает, что его цель – не отговорить девушек вступать в брак, а подчеркнуть, что проблемы в супружеских

[1] См.: Boileau N. Oeuvres complètes de Boileau Despréaux. Tome Premier. Paris: Chez Peytier, Libraire, Galerie Delorme, 1825. P. 214.

отношениях возникают не только по вине жен, как считает Буало, но и по вине мужей. Реньяр критикует неравные браки и останавливается на нескольких типах самых несносных мужей, среди которых мы встречаем ревнивца Алидора, безнравственного Лисидаса, который отправил свою жену в монастырь только для того, чтобы через три месяца сочетаться браком с другой, и Лисимона, избивающего свою жену. Реньяр подчеркивает бессилие жен и преимущества мужей в браке и, таким образом, показывает, что примеры, приведенные Буало, – не более чем низкие нападки на женщин.

Среди откликов на Десятую сатиру Буало мы находим и драматические произведения. В своей пьесе «Отмщенные женщины» (1695) Донно де Визе через образ Лизандра показывает, что негативное отношение мужчины к женщине обычно является отражением его собственных пороков. Женоненавистник нередко оказывается просто лицемером, и, если он влюбится в женщину, ему придется пожалеть о своем поведении.

«Апология женщин» Шарля Перро стала самым знаменитым ответом на Десятую сатиру Буало, но и самым умеренным по своему содержанию. Перро с иронией отзывается о «богомолке» как о «шедевре», показывающем, насколько тот ошибается, а в случае с ученой дамой и вовсе обвиняет своего противника в незнании предмета: астролябия не может помочь определить, вращается Солнце вокруг своей оси или нет. В конце предисловия Перро признает, что его «Апология» призвана защитить брак, и одновременно критикует тех дам, которые проводят свою жизнь в праздности. Автор «Золушки» ставит в пример всем представительницам прекрасного пола женщин работящих, занятых подобающими для их пола делами. Перро не отрицает целибат, однако не признает безбрачие как возможность вести распутную жизнь.

«Апология женщин» Ш. Перро разворачивается как наставление Тимандра своему беспутному сыну, не желающему жениться. Он доказывает, что нельзя недостатки отдельных представительниц прекрасного пола переносить на всех женщин, и на несколько распутниц найдется «тысяча добропорядочных женщин, которые живут спокойно и о которых не говорят»[1]. Бесполезно искать их на

[1] Perrault C. L'Apologie des femmes. Paris: Chez la Veuve de Jean Baptiste

балах или в Опере. Чтобы их найти, нужно пойти в больницы, где они ухаживают за больными в ужасных условиях, заглянуть в амбары и хижины бедняков, где работают без сна «матери и дочери». Перро согласен с Прадоном в том, что именно женщины являются проводниками хороших манер, а также хорошего вкуса. Что касается скандалов, то нередко их инициаторами являются мужчины. Хорошая жена ухаживает за своим мужем во время его болезней и не покидает его, даже когда он окажется на смертном одре. Перро заканчивает свою «Апологию» прославлением брака и его преимуществ перед холостяцкой жизнью.

Французская драматургия 1690-х гг. живо реагировала на современные проблемы семейно-брачных отношений. При этом авторы пьес активно используют темы и образы, которые присутствовали в Десятой сатире Буало: тема брака-сделки, образ нотариуса, женские типы, в частности, тип женщины–игрока. По мнению Л.И. Мурсалиевой, «в этот период большую популярность в комедии приобрел персонаж нотариуса, так как именно с его помощью герои пытаются осуществить поставленные цели, именно на него падает ответственность составления и закрепления подписями брачного контракта. Внимание героев к договорной процедуре отражает намерение показывать в театре наиболее прозаические аспекты брака, и, в частности, финансовые сделки, которые ему предшествовали»[1]. Брачный контракт упоминают, среди прочих, герои комедии Данкура «Деревенский праздник» и комедии Реньяра «Игрок». Образ женщины-игрока возникает в пьесе Реньяра «Серенада» и в пьесе Дюфрени «Игральщица». Следуя за Буало, драматурги показывают, что увлечение женщины азартными играми губительно отражается на ее семье. Так, мадам Оронт из «Игральщицы» проигрывает приданое собственной дочери. Однако и для мужчины подобное

Coignard, Imprimeur du Roy, et Jean Baptiste Coignard Fils, Imprimeur Ordinaire du Roy, & de l'Académie Françoise, rue S. Jacques, à la Bible d'or, 1694. P. 5.

[1] Мурсалиева Л.И. Тема брака и галантных нравов во французской комедии рубежа XVII–XVIII веков (Данкур, Реньяр, Дюфрени) // XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи: Научный сборник. Под ред. Н.Т. Пахсарьян. – М.: Экон-Информ, 2008. С. 399.

увлечение не менее пагубно: игрок Валер из одноименной пьесы Реньяра своей одержимостью азартными играми рушит личное счастье.

Л.И. Мурсалиева считает, что в комедии последнего десятилетия XVII в. «отмечается ослабление родительского произвола в вопросах брака»[1]. Тем не менее, власть, данная родителям новым законом о браке, подвергается критике в некоторых пьесах, например, в «Серенаде» Реньяра. Скапен говорит о том, что природа более не играет значительной роли при заключении брака; последнее слово остается за «господином отцом» и «госпожой матерью»[2]. Дети стремятся сделать родителей своими союзниками в матримониальных делах. Так, в комедии Реньяра «Единственный наследник» мадам Аргант, мать возлюбленной Эраста Изабеллы, встает на сторону молодых людей, но с условием, что Эраст получит наследство дяди. В «Игроке» Реньяра отец Валера Жеронт также поддерживает сына в стремлении жениться на прекрасной Анжелике, но его усилия оказываются бесплодными. Развязка «Игрока», в которой Анжелика порывает с Валером и соглашается на брак с нелюбимым, но благородным Дорантом, весьма показательна. Прагматизм играет все большую роль в браке. В отличие от юных героев Мольера и других французских драматургов предшествующего периода, герои комедий последнего десятилетия XVII в. значительное внимание уделяют материальному аспекту в семейных отношениях. Они не мыслят счастливой семейной жизни без денег.

Тема семьи и брака становится центральной во французской литературе конца XVII в. Светский характер брака подчеркивают и сатирики, и драматурги. Писатели критикуют отношение к браку как к выгодной сделке, однако финансовая составляющая играет серьезную роль в супружеских отношениях героев французских комедий 1690-х гг. Вместе с тем прагматизм в браке не отрицает борьбы за счастье.

М.Г. Муравьева,
Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

---

[1] Там же.

[2] Regnard J.-F. Œvres completes. Tome premier. Paris : Adolphe Delahays, 1854. P.242.

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В РОССИИ XVIII ВЕКА

Уровень сексуального насилия в ту или иную историческую эпоху или в той или иной культуре напрямую связан с положением женщины в данном обществе и является неотъемлемым компонентом функционирования патриархата. Специфика сексуального насилия заключается в том, что основным объектом или жертвой насилия является женщина, тогда как субъектом, осуществляющим насилие, мужчина. Сексуальное насилие признавалось криминальной практикой практически во всех странах на протяжении разных исторических периодов, однако система преследования и защиты женщин от посягательств на половую сферу варьировалась в зависимости от целей и задач уголовно-правовых систем, отражавших соответствующие идеи патриархата в ту или иную эпоху. Россия XVIII в. представляет собой важный период для изучения взаимодействия положения женщины в обществе, уровня сексуального насилия и уровня защиты женщин в контексте специфики российского патриархата, ключевую роль в которой играли женщины.

Изучение сексуального насилия в этот период сопряжено как с отсутствием историографической традиции, так и собственно с довольно ограниченным кругом источников, к тому же специфических по своему характеру. Речь идет о судебных делах, сохранившихся в разных видах судов этого периода. С одной стороны, судебные дела дают представление лишь о том, как сексуальное насилие криминализировалось и конструировалось в рамках расставляемых государством приоритетов уголовной политики, а также в них отражается весьма формализованный нарратив событий, через который трудно оценить морально-психологические аспекты явления. С другой стороны, при умелом и адекватном анализе, судебные дела могут довольно много рассказать о мотивации поступка, об отношении общества к сексуальному насилию, о допустимых сексуальных практиках, о пограничных сексуальностях. Необходимо, однако, принимать во внимание специфику изучаемых источников.

Сексуальное насилие как преступление оставалось слабо классифицированным и изученным в российской юридической традиции даже в XIX в. Несмотря на положенную главу в учебниках уголовного права, «насильное (пре)любодеяние» вызывало мало

споров (особенно по сравнению с такими преступлениями как мужеложство), а в последнем проекте Уголовного уложения и вовсе вошло в главу под названием «непотребство» – понятие, традиционно использовавшееся для обозначения проституции [1]. В XVII–XVIII вв. сексуальное насилие регулировалось системами светского и церковного права, хотя ведущая роль все же отводилась церкви. Светское право закрепляло наказание лишь за те случаи сексуального насилия, которые, по мнению законодателя, угрожали общественному порядку. Так, в Соборном Уложении 1649 г., указаны три случая наказания за сексуальное насилие: совершенное служивыми людьми (едущими на государеву службу или возвращающимися с оной) – гл. VII, ст. 30 (смертная казнь); изнасилование крепостной ее владельцем – гл. XX, ст. 80 (отправить в церковный суд и рассудить по правилам св.отец и св.апостол); и изнасилование хозяйки дома – гл. XXII, ст. 16 (смертная казнь как насильникам, так и помогавшим им дворовым людям) [2]. Таким образом, все остальные случаи сексуального насилия подпадали по юрисдикцию церковного права в категории «блуд». К началу XVIII в. в рамках церковного права, конечно, сложился список обычных канонов, применявшихся в качестве референтной системы по таким делам, но фактически, за все формы блуда, включая «блудное насильство», применялось общее телесное наказание (кнутом или батогами, розгами, палками, шпицрутенами).

Петр I в «Воинском артикуле», построенном по известным европейским образцам, включил целую главу, посвященную криминальным сексуальным практикам, где ст. 167 и 168 определяли наказание за похищение и изнасилование женщин. Хотя формально «Воинский артикул» предназначался для регулирования поведения военных, фактически он использовался вместе с Соборным

---

[1] См. обсуждение данных статей Уголовного уложения и мнения ведущих юристов в: Свод замечаний на проект особенной части Уголовного Уложения, выработанный Редакционною Комиссиею. СПб., 1888. Т. 3. С. 1–280; Уголовное уложение. Проект Редакционной Комиссии и объяснения к нему. СПб., 1897. Т. VI. С. 567–573.

[2] Соборное Уложение 1649 года // Акты Земских соборов / Под ред. А. Г. Манькова. М., 1985. С. 85–256.

Уложением как источник уголовного права вплоть до издания т. XV «Свода законов» 1833 г. [1], как показывают экстракты из законов, составляемые судьями перед вынесением вердикта [2]. Петр также предпринял попытку передать все дела по сексуальному насилию в ведение светских судов в 1722 г. [3], однако судебная практика показывает, что даже в конце XVIII в. дела об изнасиловании все еще поступали в церковные суды и лишь оттуда перенаправлялись в светский суд. Такая процедура подчеркивала, что изнасилование оставалось преступлением против нравственности, нежели против личности женщины, с соответствующими последствиями для положения женщины в российском обществе.

Судебная практика также показывает, что церковная юрисдикция не составляла автономной юрисдикции в XVII–XVIII вв., что хорошо видно при изучении процессуального права. Церковные суды подчинялись общей уголовной процедуре и широко использовали светское уголовное право при расследовании преступления и вынесения приговора. К тому же именно в монастыри ссылались виновные в сексуальном насилии, что превращало монастырь в

---

[1] См. подробнее об этом: Муравьева М.Г. Морской устав Петра I как регулятор сексуального поведения // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург-Кронштадт, 21–24 октября 2007 г.). М.: ИВИ РАН, 2007. С. 128–131; Муравьева М.Г. Сексуальные преступления в европейском военно-уголовном праве раннего Нового времени // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2009. Вып. 29: Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. С. 248–279.

[2] См., напр.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1913. Т. IX. С. 636; РНБ, ф. 775, Тит. 4575, л. 70; ЦГИА СПб, ф. 1732, оп. 1, № 90; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1913. Т. IX. С. 636. [далее ОДД]

[3] Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VI. № 3963. [далее ПСЗ]

универсальную тюрьму. Источники церковного права, помимо Библии, решений церковных соборов и правил отцов церкви и св. апостолов, включали также и византийское светское право (так называемые Градские законы или Прохирон, Эклога, Закон судный царя Константина и т.д.), что опять же указывало на синкретический характер русского церковного права. Таким образом, несмотря на церковную юрисдикцию, правосудие осуществлялось в рамках государственного права, и приговоры редко оспаривались разными типами судов, чаще всего выносился совокупный приговор с учетом всех указаний в законах (телесное наказание в совокупности с епитимией и заключением в монастырь и т.д.).

Другой особенностью подсудности таких дел являлся сословный характер суда. Часто складывалась ситуация, когда иски по делам об изнасиловании подавались в профильный суд: магистрат, если речь шла о горожанах, в военную или адмиралтейскую коллегию, если о военных, моряках и членах их семей, или рабочих данных ведомств, в мануфактур-коллегию, если речь шла о рабочих мануфактур, в синод – если дело касалось монастырских крестьян и священнослужителей и т.д. В данном случае, профильная коллегия часто либо прямиком отправляла дело в Синод для консультации, либо направляла отношение в Сенат с просьбой дать разъяснения. В регионах все иски поступали либо в местные духовные консистории, либо в губернские (провинциальные, воеводские) канцелярии, также тесно сотрудничавшие между собой.

Дело начиналось с жалобы (явочной челобитной) потерпевшей или ее законного представителя (как правило, родителей (обычно матери) в случае несовершеннолетней дочери), по данной челобитной брались показания истицы и ответчика, опрашивались свидетели (если таковые имелись), иногда (исключительно редко, как правило, в Санкт-Петербурге) проводилось медицинское обследование или простой осмотр ран, затем очная ставка (при несовпадении показаний), по итогам мог применяться допрос с пристрастием и/или пытки (допрос с пристрастием заключался в телесном воздействии кнутом, пытка могла включать дыбу, применение огня и т.д. – в делах по изнасилованию обычно применялся допрос с пристрастием, только в отягчающих обстоятельствах – использовании колдовства или объявлении слова и дела – пытки), наконец, составлялся экстракт по делу (кратко излагалось дело и делались выписки из релевантных

законов), выносился приговор и отправлялся приказ о его осуществлении в соответствующий исполнительный орган. Помимо деликатности самого дела, женщины часто подвергались разного рода дискриминации в процессе расследования: например, при нахождении при съезжем дворе (то есть в состоянии предварительного заключения до суда) колодники должны были содержаться на их собственном коште, что ставило женщину и мужчину часто в неравное положение, учитывая имущественные права мужчин и женщин в XVII–XVIII вв. В случае разноречивых показаний на очной ставке (то есть в простом случае отрицания ответчиком вины и поддержки его организованными по такому случаю свидетелями) истица также подвергалась порке, как и ответчик, что, безусловно, не способствовало подаче исков. Женщина (в качестве истицы или свидетельницы) не могла претендовать на дополнительные меры защиты: показания брались публично на съезжем дворе в присутствии большого количества народа (съезжий двор имел многофункциональное значение для местной общины). Поэтому не удивительно, что количество судебных дел по изнасилованию достаточно небольшое (по сравнению с убийствами и делами по домашнему насилию), что лишь доказывает в целом исключительно неравное положение женщины в российском обществе XVIII в., даже при условии длительного нахождения женщин на российском престоле, а также более широкими по сравнению с европейскими странами правами в области владения и распоряжения собственностью, на основании чего часто делается вывод о высоком правовом статусе русской женщины.

А.В. Белова,
Тверь,
Тверской государственный университет

БРАКИ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX В.: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ПРИНУЖДЕНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ

Являясь традиционным социальным институтом, брак на протяжении веков оставался одним из существенных факторов устойчивости общественной организации и сложившихся гендерных порядков. Однако, сколь ни консервативна была эта сфера жизни, и в ней можно обнаружить «очаги» резистенции, сопротивления общепринятым стандартам поведения. Насколько женщины,

представительницы высшего сословия российского общества, еще не вступившего в эпоху модернизации, способны были оказывать противодействие налагаемым на них социальным ограничениям и предписаниям, давать отпор психологическому прессингу тех, от кого они зависели? Могли ли дворянки, выходившие замуж, противопоставить собственные эмоциональные предпочтения конъюнктурному выбору старших? Какое место отводилось любви (при всем историческом многообразии значений этого термина) в организации матримониальных отношений?

Российская дворянская культура XVIII – середины XIX в. относилась к разряду тех, в которых брак считался своего рода социальной неизбежностью. Причем, эта установка распространялась более жестко на женщин, чем на мужчин. Поэтому любые жизненные стратегии, исключавшие пребывание женщины в браке, не поощрялись, дискурсивно девальвировались и воспринимались как социально нежелательные и неполноценные.

Замужество для женщин как этап на пути стяжания христианского благочестия на протяжении веков имело целью обуздание женской сексуальности и установление «мужского» контроля над ней. Рассматривая гетеросексуальный брак как институализированную форму «обмена женщинами», Гейл Рубин утверждает, что «асимметрия гендера, то есть разница между участниками и предметами обмена, ведет к подавлению женской сексуальности»[1].

Мотивы вступления в брак в разных слоях дворянства в исследуемый период варьировали от материальных соображений до взаимной склонности. Для мужчин матримониальный выбор определялся в большей степени социально значимыми критериями, нежели эмоциональными предпочтениями: в XVIII в. знатность происхождения невесты могла «перевесить» ее богатство, красоту и личные симпатии к ней, соотношение же между внешней привлекательностью и состоятельностью избранницы склонялось в пользу последней. Зачастую женитьба воспринималась дворянином как разновидность экономической сделки. Мемуаристки употребляли в таких случаях выражение «брак по расчету», наделяя его негативной

[1] *Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Сб. пер. / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Мн., 2000. С. 112.

коннотацией. В понимании же некоторых мужчин, напротив, «партии, без расчета оженившиеся», представлялись неприемлемыми. Для дворянки более важна была эмоциональная привязанность, однако далеко не каждая могла позволить себе, подобно императрице, обратиться на поиски таковой при неудачном браке: «…Бог видит что не от распутства к которой никакой склонность не имею, и естьлиб я в участь получила с молода мужа которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась, беда та что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви…»[1]. Возможно, такие критерии оценки брачного партнера, как его имущественное положение и нравственные качества отражали бытовой аспект православного представления о браке. В идеале повседневное семейное благополучие как залог счастливого брака не мыслилось российским дворянством, в особенности провинциальным, не только без взаимной любви и уважения супругов друг к другу, но и без определенного материального достатка, гарантировавшего им стабильный размеренный уклад жизни. Однако подобные идеальные конструкции совершенно не исключали разнузданного поведения мужей по отношению к женам, отсутствия с их стороны как любви, так и уважения в каждодневном совместном существовании.

Анализ процедуры, предшествовавшей замужеству дворянок, позволяет выявить их отношение к этому событию как поворотному и судьбоносному в своей жизни. Однако в решении собственной «участи», или «перемене судьбы»[2], как они выражались, сами они, как правило, принимали пассивное участие. Осознавая всю важность вступления в брак, дворянская девушка в большей степени полагалась на жизненный опыт родителей и родственников, от которых ждала одобрения сделанного выбора, своего рода психологической легитимации, если, конечно, ее предпочтения хоть как-то учитывались. К сожалению, интуиция взрослых не всегда играла позитивную роль в

[1] Письмо императрицы Екатерины II к князю Потемкину. Б/д // Любовь в письмах великих влюбленных: Сб. / Сост. Д. Сажневой. Ростов-н/Д, 2000. С. 76.

[2] Письмо П. Рыкачевой к П.Л. и А.В. Абазам от 14 июля (1836 г.) // Государственный архив Тверской области. (Далее: ГАТО). Ф. 1016. Манзеи - помещики Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Оп. 1. Д. 45. Л. 85 об.

замужестве[1], и даже редкие исключения свидетельствуют не об удачности родительского выбора, а, скорее, о способности женщин приспосабливаться к принудительному браку, обретать психологическую нишу при осознании невозможности изменить внешние условия своего существования[2].

Однако даже сознательное «принесение себя в жертву» не могло компенсировать отсутствия чувства счастья, не говоря уже о вынужденном принятии на себя этой роли. Редко встречающиеся свидетельства мемуаристок о благополучно сложившейся жизни той или иной российской дворянки выводят своеобразную *«формулу счастья»*: собственное эмоциональное предпочтение в девичестве – позитивная любовная история – удачный брак. При этом смысл жизни, вопреки высокопарным ожиданиям или, напротив, приписываемой женщинам пассивности, отождествлялся ими со способностью самой испытывать *нерепрессируемое чувство любви*: «Кузина пережила в юности своей счастливый роман с избранным ею женихом и много лет провела в счастливом замужестве. <…> Кузина, вспоминая свою юность, говорила, что жить можно только для того, чтобы любить!»[3]

Перефразируя мемуаристку современным научным языком, речь идет о *состоявшейся женской сексуальности*, не подлежащей

---

[1] См., напр.: «…Николай Васильевич (Капнист. – А.Б.), вышел в отставку по приказанию матери своей и женился в Малороссии, тоже по ее приказанию, на девице хорошей фамилии, с небольшим состоянием, но вовсе не любил ее, отчего она и была впоследствии истинной страдалицей всю жизнь свою». (*Капнист-Скалон С.В.* Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII - первой половины XIX века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 286.)

[2] А.П. Керн вспоминала о сватовстве к ней избранника ее отца: «Передательницу генеральских желаний я спросила: «А буду я его любить, когда сделаюсь его женою?», и она ответила: «Разумеется...»». (*Керн А.П.* Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987. (Далее: *Керн А.П.*) С. 371.)

[3] *Щепкина А.В.* Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / Сост., вступ. ст., биогр. очерки и прим. И.И. Подольской. М., 1990. С. 394–395.

«подавлению», о котором упоминает Г. Рубин и которое в преобладающем ряде случаев в XVIII – середине XIX в. воспринималось как нормативное правило даже теми дворянками, кому оно доставляло наибольшие нравственные и физические страдания. Брак, заключенный по любви вопреки желанию матери девушки, оказывался счастливым даже при его экономической несостоятельности: «Наталия Ивановна и Василий Иванович были очень добры, любили друг друга и были счастливы, хотя он и разорялся от карт, но жена все ему прощала»[1].

Альтернативной браку по сговору формой заключения брака считался так называемый «тайный брак», реализовывавшийся как этнографический брак «увозом», когда родители по тем или иным причинам не давали согласия на замужество дочери, а она, напротив, стремилась к этому из-за сильной романтической привязанности. Среди таких браков, заключавшихся исключительно по любви и по желанию девушки, встречались как счастливые, так и несчастливые истории. Возлюбленные «увозили» своих избранниц и из родительского дома, и из института.

При добровольности и обоюдном стремлении не всякая дворянская девушка могла набраться внутренней решимости обойтись без родительского благословения и пренебречь общественным осуждением, которому подлежал тайный брак, поэтому склонить ее к нему жениху было затруднительно. Иногда усилия оказывались безрезультатными. Кроме того, организация отъезда и тайного венчания стоила немалых средств.

Реакция отца на тайный брак дочери характеризовалась той же «неумеренной строгостью», что и его отношение к ее эмоциональным предпочтениям.

Мемуаристка С.В. Капнист-Скалон воспроизвела уникальную историю тайного брака в 1780 г. Марии Алексеевны, урожденной Дьяковой (1755–1807), с Николаем Александровичем Львовым (1751–1803), свидетельствующую о том, что данная форма брака могла носить и своего рода компромиссный характер, исключающий открытый конфликт с родителями и длительный разрыв родственных отношений с ними. При этом близкие по возрасту молодые супруги, с одной стороны, отстаивали свою эмоциональную привязанность и

[1] *Керн А.П.* С. 345.

собственный матримониальный выбор, с другой, – в течении нескольких лет вынуждены были приносить в жертву родительскому мнению себя и свои взаимоотношения, скрывая факт венчания и проживая врозь.

В то же время запретный «тайный брак» по любви, в противоположность легальному «пресному» браку по выбору родителей, заключючал в себе притягательные для молодежи элементы авантюризма и романтики, дефицит которых в повседневной жизни побуждал к их мысленному конструированию. Атмосфера непубличности, интимности, сокрытия происходящего, в отличие от официального, парадного, демонстративного сговора, способствовала тому, что даже ребенок, каковым некогда был и князь П.А. Вяземский, «угадывал» во внешнем облике героини счастливой любовной истории, увенчавшейся супружеством без родительского благословения, «какую-то романическую тайну» [1].

Как правило, даже упорно противившиеся самостоятельному выбору детей родители вынуждены были, в конце концов, принимать его и признавать существующий супружеский союз. Одним из способов легитимации тайного брака могло стать признание представителями старшего поколения детей обвенчавшихся помимо их желания супругов.

Более решительно, чем совсем молоденькие девушки, на тайный брак соглашались взрослые молодые особы, для которых единственным способом обрести самостоятельность было «бежать из дома, так как иго было невыносимо» [2], как вспоминала о себе О.С. Павлищева, урожденная Пушкина. Не только церковное венчание могло стать содержанием тайного брака, но и такая часть свадебного обряда, как встреча новобрачных после венца, если их намерения были скрыты лишь от отца. Осуществление хотя бы «осколка» нормативных обрядовых действий должно было легитимировать тайный брак в глазах родителей и родственников, хотя с формальной,

---

[1] *Вяземский П.А.* Московское семейство старого быта // Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Сост. Н.Г. Охотина; Вступ. ст. и прим. А.Л. Зорина и Н.Г. Охотина. М., 1988. С. 318.

[2] Цит. по: *Кунин В.В.* Ольга Сергеевна Павлищева // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. / Сост., биогр. очерки и примеч. В.В. Кунина. М., 1986. Т. I. С. 45.

канонической точки зрения для этого было достаточно только церковного таинства венчания. Это свидетельствует о том, что брак по-прежнему оставался социальной интеракцией в большей степени, нежели фактом духовной жизни, несмотря на то, что душеспасительная мотивация приводилась как главный аргумент в пользу необходимости его заключения.

Активное участие мужчин во всех ступенях свадебного обряда и в конфликтах, связанных с его нарушением, относит заключение матримониальных союзов к сфере мужских социальных взаимодействий и мужского престижа. Собственно девушке отводилась роль «канала» достижения мужских притязаний – статусных, имущественных, сексуальных и других.

Девушки в письмах, как правило, транслировали свою объектность, авторы же мемуаров, писавшихся в конце жизни, уже пытались рефлексировать над ней и критически ее оценивать. Для женского дискурса специфична плюральность обозначений разновидностей браков в зависимости от их движущих мотивов - «брак по расчету», «замужество по выбору родителей», «брак по любви». Как бы то ни было, господство традиционных представлений об обязательности для дворянки «своевременного» и «успешного» замужества, зачастую не имевшего ничего общего с достижением личностной состоятельности, внутреннего комфорта и эвдемонии, приводило к соблюдению привычных жизненных сценариев. Те, кто пытались отстаивать право на земное счастье в собственном понимании, не сопротивлялись искажавшим основы самореализации женщин патриархатным гендерным порядкам, а лишь руководствовались своими внутренними эмоциональными побуждениями, вопреки семейному принуждению.

Е.А. Терещенко,
Чернигов, Черниговский национальный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко

РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Говоря о положении женщины в браке, нельзя обойти вниманием проблему развода и отношения к нему крестьянской общины. По

мнению многих исследователей, развод в традиционной крестьянской культуре являлся достаточно сложной проблемой, а количество поводов к нему было ограниченным. Кроме того, и сами крестьяне считали, что «Женитьба есть, а разженитьбы нет»[1], подчёркивая тем самым устойчивость брачных уз. В данной статье мы сделали попытку рассмотреть наиболее распространённые причины расторжения брака в крестьянской среде на примере Черниговской губернии, проанализировать инициативу самих крестьян в этом процессе, а также роль помещиков и церковных властей, и, наконец, распространённость разводов в крестьянской среде. В качестве источников мы опирались на церковное право, а также материалы Государственного архива Черниговской области, в частности, фонда Черниговской духовной консистории, где сосредоточен основной массив дел по данному вопросу.

Итак, возвращаясь к возможности расторжения брака, отметим, что, согласно «Кормчей книге», которой церковное судопроизводство руководствовалось и в XIX в., расторжение брака допускалось в таких случаях:

- распутная жизнь жены («*аще жена блуд сотворит*»);
- посягательство жены или мужа на жизнь своего супруга (или несообщение о таких намерениях посторонних лиц);
- если муж за три года совместной жизни «*не способен к брачному совокуплению*»[2].

В некоторых случаях разрешение на раздельное жительство супругов (как правило, временное) мог дать и сельский сход. Обычно это делалось в тех случаях, когда муж пил, издевался над женой, не следил за хозяйством, или же в случае супружеской измены[3]. Мы попробуем на основе документальных материалов проследить, как реализовались эти нормы на практике.

---

[1] Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х томах. Т.1 М., 1984. С. 282.

[2] Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912. С. 1117.

[3] Ефименко А. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С.39–40.

Материалы по Черниговской губернии подтверждают, что развод в крестьянской среде не был очень распространённым явлением. Так, по данным Черниговской духовной консистории с 1800 по 1855 г. случаев расторжения брака было всего 50. То есть в среднем даже меньше, чем по одному в год. Кроме того, 37 из них были инициированы церковью, так как, по мнению духовного начальства, являлись незаконными. Самым распространённым нарушением, которое автоматически вело к признанию незаконности брака и его принудительному расторжению, было венчание вторым браком при живом первом супруге. Часто по этой причине незаконными признавались браки солдаток. Они не имели права выходить замуж без письменного подтверждения военного ведомства, что муж, будучи на военной службе, действительно умер или погиб[1].

Во многих случаях браки, заключённые с нарушением церковных норм, венчали не в своём приходе, а в соседнем уезде или даже губернии. Например, некоторые пары из Черниговской губернии венчались в приходах Орловской губернии[2], в то же время жители Орловщины заключали брак в Черниговской губернии[3]. Так, фигуранты одного из дел фонда Черниговской духовной консистории незаконно обвенчались с беглой крестьянкой и солдаткой из Орловской губернии. Венчание происходило тайно, в обычной крестьянской хат. Кроме того, женщины ещё и обманули священника, назвав местом свого проживания село Брянской округи, которого там вообще не существовало. Этот населённый пункт находился в Трубчевской округе[4].

Браки крепостных крестьян могли признать незаконными, если на них не было разрешения помещика. В одном из дел Черниговской духовной консистории девушки-крепостные обвенчались с казаками, но брак было предписано расторгнуть со следующей формулировкой при-

---

[1] Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф.679. Черниговская духовная консистория. (далее – ГАЧО. ЧДК) Оп. 2. Д. 94, 117, 362, 1229, 1461, 2335.
[2] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК Оп. 2. Д. 94, 191, 362
[3] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп 2. Д. 2335.
[4] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК.Оп. 2. Д. 2335. Л. 26.

чин: «указы запрещают венчать крепостных девок с казаками и без ведома помещика»[1].

В случае таких незаконных браков помещики даже могли предъявить иск к священнику. Так, одна черниговская помещица пожаловалась духовному начальству, что её беглая крестьянка обвенчалась с неизвестным солдатом, который подкупил священника. Теперь она требовала от недобросовестного служителя церкви компенсировать ей убыток от побега крестьянки[2]. Другой аналогичный случай – беглый крепостной три года был в услужении у священника, после чего тот обвенчал крестьянина с сестрой дьяка. В то же время у крестьянина дома осталась законная жена, с которой они прожили в браке семь лет и имели двух детей. Однако крестьянин подался «в бега», по его словам, «от притеснений помещика»[3].

Отдельно надо остановиться и на браках, заключённых между несовершеннолетними. В фонде Черниговской духовной консистории сохранилось одно дело о расторжении такого брака. Невесте было 23, а жениху 13 лет, то есть по церковным канонам он ещё не мог вступать в брак. Решением духовного начальства паре было предписано разъехаться и жить отдельно до совершеннолетия мужа. Потом они смогут решить сами – продолжать ли свою супружескую жизнь[4].

Однако надо отметить, что далеко не всегда несовершеннолетие супругов было поводом к расторжению брака. Часто священники за определённое вознаграждение соглашались ещё до свадьбы накинуть несовершеннолетнему супругу годик – другой, в частности, если делалась выписка из метрики[5].

Единичными являются случаи развода по другим причинам. Например, в одном из таких случаев паре из Черниговской губернии приказали разъехаться, так как венчание было совершено сумасшедшим священником (который ко времени возбуждения дела уже умер), и его признали незаконным. Пара выполнить это

---

[1] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2 Д. 460. Л. 16.
[2] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК.Оп. 2 Д. 96. Л. 26об.
[3] ГАЧО.Ф. 679.ЧДК. Оп. 2. Д.3059. Л.16.
[4] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 461. Л. 16 - 22об.
[5] Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни. СПб, 2007. С. 218.

предписание отказалась, и священник направил жалобу в губернское правление, что они «живут блудно», то есть в незаконном браке[1].

Также брак могли расторгнуть потому, что он являлся 4-м по счёту и по церковным канонам считался незаконным. В фондах Черниговской духовной консистории нами выявлен один такой случай[2]. По подсчетам американского исследователя Г. Фриза, 4-е браки в пределах Российской империи не были распространенным явлением. Так, рассматривая покаянные списки по империи за 1851 г., он обнаружил лишь 1 случай 4-го брака[3].

Как видим, все эти случаи разрыва брака происходили не по инициативе самих крестьян, а во многих случаях даже вопреки их желаниям. Но в то же время они позволяют обрисовать и отношение крестьян к институту брака как таковому, и довольно «свободное» отношение к церковным нормам и канонам.

Из 50 рассматриваемых нами случаев разрыва брака фиксируем 7 обращений за правом на развод в связи с бегством одного из супругов (в 5 случаях – из-за бегства жены[4] и в двух – мужа[5]). В шести случаях брак был разорван с указанием, что муж или жена, которые были «в бегах», в случае возвращения должны оставаться безбрачными. В случае бегства жен мужья апеллируют, что те живут «блудно», пьянствуют, не заботятся о семье и детях, в связи с этим они просят дать разрешение на развод.

Некоторые из подобных дел заслуживают отдельного внимания. Один казак обратился с просьбой о разрыве брака, потому что жена, не прожив с ним и года, сбежала к помещику, живет с ним уже около 20 лет. Прижила незаконно 4-х детей, при этом свою законную жену

---

[1] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 883. Л. 1–12.
[2] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 2336.
[3] Freeze G.L. The Wages of Sin (the Decline of Public Penance in Imperial Russia) // Seeking God. The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia / Ed. S.K. Betalden. De Kalb, 1993. P. 61.
[4] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 192, 1234, 1239, 1244, 2317.
[5] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 1245, 30.

помещик выгнал [1]. Церковь решила наложить на гулящую жену епитимью, а брак расторгнуть[2].

В пяти выявленных нами случаях с просьбой о разрыве брака обращаются солдатки, поскольку их мужья, находясь на службе, давно не подают о себе вестей[3]. В таком случае прежде, чем позволить повторный брак, духовное начальство обращалось за справкой к военному ведомству, чтобы убедиться в том, что мужа действительно нет в живых. Согласно церковным канонам, брак могли расторгнуть, если о солдате нет вести 5 лет[4].

Лишь в одном случае развод был инициирован непосредственно крестьянской семьёй, притом, что ни один из супругов не сбегал, не был признан пропавшим. Инициатором выступил отец жены, а причиной стала половая несостоятельность зятя (8 лет пара прожила в браке, не имея интимных отношений, как показала медицинская экспертиза, муж был физически к ним неспособен)[5].

Также в фонде уголовного суда Черниговской губернии находим случай обращения за разрешением на развод и повторный брак в связи с тем, что муж, обвинённый в воровстве, находится в длительной ссылке, в то время как жена очень бедствует[6].

Таким образом, следует заметить, что наиболее частой причиной разрыва брака в Черниговской губернии было заключение его с определенными нарушениями церковных норм (в таком случае он разрывался по инициативе духовных властей), на втором месте стоит бегство или исчезновение без вести одного из супругов. Разрыв брака по инициативе самой семьи из-за физического дефекта (половой несостоятельности) зафиксирован лишь в одном случае.

Обобщим полученные данные в таблице.

---

[1] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 2317. Л.20об.
[2] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 2317. Л. 137об.
[3] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 337, 367, 2329, 2680, 3057.
[4] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 367. Л. 7.
[5] ГАЧО. Ф. 679. ЧДК. Оп. 2. Д. 142. Л. 4. л. 14–15.
[6] ГАЧО. Ф. 242. ЧДК. Палата уголовного суда Черниговской губернии. Оп.1. Д. 196. Л.1.

Разводы на территории Черниговской губернии (1800 – 1855)

Причина	Количество случаев
Незаконное венчание	37
Побег одного из супругов	7
Гибель / исчезновение без вести мужа-солдата	5
Половая несостоятельность мужа	1
Пребывание мужа в длительной ссылке	1
Всего случаев	**51**

Можем предположить, что принудительный разрыв брака вследствие незаконности его, с точки зрения церковных канонов, был, вероятно, одной из наиболее распространенных причин разводов в крестьянской среде первой половины XIX в. Аналогичные материалы имеем и по Тульской губернии[1].

Что касается других регионов Российской империи, то, например, в Тамбовской епархии, как отмечают исследователи, чаще всего жёны требовали развода из-за ссылки или исчезновения мужа, а также из-за жестокого обращения супруга. Мужья требовали развода из-за побега жены или её «блудодейства»[2].

Следует отметить, что причины, которые побуждали крестьян обращаться к церковным властям за правом на развод, были сходными в разных регионах империи. В то же время не последнюю роль, как видим на примере Черниговской губернии, играло и вме-шательство церковных властей, которые следили за соблюдением всех соответствующих канонов. Также незаконным могли признать браки

[1] Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Тульская духовная консистория. Оп. 18. Д. 25, 1777, 2346, 2348, 2719, 2721, 6923, 6982, 7082, 7097, 7166; Ф. 22. Тульский уездный суд. Оп. 1. Д. 569, Ф. 60. Канцелярия тульського губернатора. Оп. 1, т.6. Д. 5841, 6027.

[2] Мареева Е.П. Мужчины и женщина при заключении и расторжении брака в XIX в. (по материалам тамбовской епархии) // От мужских и женских к гендерным исследованиям. Тамбов, 2001 [электронный ресурс]: http:// www/tambovdem.ru/thesises.php?id=gender0.mareeva.

крепостных, заключённые без согласия помещика. Развод, однако, не был распространённым явлением в крестьянской среде, стойким был стереотип о нерасторжимости семейных уз. Кроме того, очевидно, что и экономические, хозяйственные соображения побуждали сохранять семью. Вероятно, по своей воле крестьяне решались ходатайствовать о расторжении брака лишь в крайних случаях.

А.А. Цыбульникова,
Армавир, Армавирский государственный педагогический университет

БЬЕТ – ЗНАЧИТ ЛЮБИТ? (О ПРАКТИКЕ ИЗБИЕНИЯ ЖЕН В КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ СЕМЬЯХ В XIX ВЕКЕ)

В отличие от большинства современных семей, казачьи браки большей частью строились не на отношениях любви и взаимоуважения. Традиционная кубанская семья являлась в первую очередь экономической единицей, а потому чувства брачных партнеров принимались во внимание в последнюю очередь. В результате женщина (особенно у линейного казачества) оценивалась не с позиции ее значимости для конкретного мужчины, а с точки зрения экономической полезности ее для семьи в целом.

Это порождало взаимное равнодушие мужей и жен, которыми брачные отношения воспринимались как необходимая обязанность. При этом если казак мог позволить себе связи на стороне (и тем самым как-то компенсировать холодность в семейной жизни), то женщина такого негласного права не имела.

Следствием экономической доминантности в брачных отношениях было малое количество разводов в кубанских станицах и четко закрепленное в обычном праве неприятие подобных эксцессов (даже при юридической возможности)[1]. Расторжение брака разрешалось

[1] В отличие, например, от черкесов, у которых разводы допускались, особенно если они инициировались мужем. См., например: Сталь к.ф. Этнографический очерк черкесского народа. // Русские авторы XIX в. о народах Кавказа. Ч.1. Нальчик, 2001. С. 243. См. также: Пушкарева Н.Л. «Жену с почину берут»? (устыдительные наказания девушек в

только при бесплодии одного из супругов и изредка – по причине аморального поведения или крайне жестокого обращения с женой[1]. В результате невозможность казачки лишить мужа хотя бы частичных прав на нее, чтобы поднять в его глазах собственную ценность (например, завести любовника или уйти из семьи в случае его неадекватного поведения) порождало в мужчине чувство вседозволенности по отношению к жене. Очень трудно ценить то, что невозможно потерять. Следствием этого стали избиения женщин, снохачество и прочие факты неприемлемого на современном этапе общественного развития поведения.

Право мужчин на избиение своих жен закреплялось не только в общественных нормах станиц, но и на уровне традиций и даже обрядов. Так, у черноморских казаков, например, существовал обычай, когда во время свадьбы новоиспеченный супруг ради наглядного выражения своей власти над молодой женой бил ее по спине три раза плетью[2]. Аналогично у линейных казаков в день свадьбы было принято дарение плетки отцом невесты жениху. Этой плеткой жених, шутя, «бил» молодую жену, приговаривая: «Покидай батьков и материн норов и бери мой». Невеста при этом трижды кланялась жениху в ноги, демонстрируя свою покорность[3]. После этого подаренная нагайка вешалась в хате молодоженов на левом косяке к двери в спальню.[4] Понятно, что в свадебной обрядности данные действия носили еще и сакральный сексуальный характер. Например, в некоторых селениях Дагестана в исследуемый период в процессе свадьбы жених при вводе молодой в дом наносил ей символические удары кинжалом,

---

традиционной русской культуре XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2009. N 3

[1] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп.1. Дд. 879, 1018.

[2] Короленко П.П. 200 лет Кубанского казачьего войска. Мин.–Воды, 1991. (Репринтное воспр. Екатеринодар, 1896.) С. 41.

[3] Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999. С. 167.

[4] Чуванева З.П. Какую власть давали казаку нагайка и шашка? // Оранжевая медуза. 2004. Июнь. С. 15.

олицетворяя этим овладение невестой[1]. Но, в отличие от горских традиций, плетка использовалась казаками по отношению к жене и в дальнейшей семейной жизни. В номере газеты «Кавказ» за 1848 г. отмечалось, что линейный казак «даст жене суровый урок ногайкою, если та пристально станет глазеть на проходящих молодцев».[2]

Впрочем, даже Н.И. Костомаров отмечал, что в старину на Руси плеть была неразлучной спутницей супруга, священным символом брака[3]. Это лишний раз говорит о том, что обычай избиения жен мужьями не был сугубо кубанским или казачьим - корни этого обычая лежали в древнеславянских традициях, а так же в особенностях социально-культурного развития общества в исследуемый период. У сибирских и уральских казаков в XIX в. также существовал обычай наказывать жену ногайкой, но при этом общественное мнение осуждало мужей, которые без всякого повода «колотили» или постоянно бранили супруг, не прислушивались к их советам[4].

Причинами избиения могли послужить не только измена женщины, но и другие факторы. Как отмечал дореволюционный исследователь П. Близнюков: «Муж бьет жену из ревности, либо с намерением научить добру, либо под пьяную руку. Последний случай жена извиняет; к побоям второго рода относится с уважением; побои же первого рода доставляют ей даже некоторое приятное чувство самообольщения. Приняв их, она не прочь даже и прихвастнуть перед своими подругами»[5].

Несмотря на то, что подобная практика сохранилась в казачьих семьях вплоть до начала XX в., во многом жестокость наказания зависела не только от характера мужа и его родственников, но и от позиции самой женщины. Участие казачек в военных столкновениях с горцами способствовало сформированию у большей части из них

---

[1] Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб, 2001. С. 91.

[2] Кавказ. 1848. № 48-49.

[3] Куракеева М.Ф. Указ. соч. С. 167.

[4] Миненко Н. «Жена мужа бьет – не на худо учит» // Родина. 2004. № 5. С. 120.

[5] Цит. по: Мануйлов А.Н. Статус женщины в общеправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX - 20-е годы XX века). Армавир; Краснодар, 1998. С. 23.

достаточно независимого и решительного характера, который вполне мог противостоять мужской агрессии. Когда прочноокопский казак Лаврентий Харланов попытался побить «для научения» свою невестку Татьяну, так же как он поступал и с остальными снохами, то в ответ получил отпор. Казачка сказала, что если свекр невестку побьет – это будет нормально, а вот если невестка свекру «бороду повыдерет», то ему стыдно тогда будет идти на сход. Лаврентий так и не решился применить силу, так же как и муж Татьяны Александр, которому она за всю жизнь так и не простила первого и единственного удара плетью[1].

Войсковое начальство пыталось бороться с немотивированным и чрезмерно жестоким избиением женщин. Так, в 1863 г. был предан военному суду отставной сотник Михайло Бельчанский за жестокое обращение с женой, нанесение ей побоев и аморальное поведение[2]. Но подобное вмешательство администрации в личную жизнь казаков происходило в редких случаях.

Внутрисемейное положение женщин в свете данных фактов было несколько легче в первые годы после переселения на Кубань. Казаки большей частью служили недалеко от своих станиц, имели возможность, возвращаясь из разъездов или кратковременных преследований, бывать в семьях. Да и сами тревожные военные условия не способствовали сексуальной активности женщин вне семьи. Ситуация постепенно меняется после того, как начиная с 1804 г. Кубанский полк принимает участие в крупных «закордонных походах» на реки Зеленчук, Уруп, Тегени[3].

Длительное отсутствие мужей служило одной из главных причин измен обоих супругов, но наказывалась по всей строгости только женская неверность[4]. А.С. Пушкин, будучи в 1829 г. на Северном

---

[1] Ширяева Людмила Георгиевна, 1945 г.р., г. Грозный.

[2] Приказы по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным. Ставрополь, 1863. Приказ № 80 от 24 декабря 1863 г.

[3] Виноградов Б.В. Боевой ранжир казаков Кубанской Линии в нач.XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2000. С. 33.

[4] У сибирских и уральских казаков длительное отсутствие мужчин в результате военной службы, так же приводило к изменам и дальнейшему наказанию женщин плеткой. См. например: Миненко Н.

Кавказе и достаточно близко познакомившись с кубанскими казаками, пришел к выводу, что избиение жен объяснялось «простотой нравов» служилого населения Кубани. В своих путевых заметках он записал следующий диалог линейных казаков Кубани:

«– А скажи, – прервал его молодой артиллерийский офицер, – не родила ли у тебя жена во время отсутствия?

– Ребята говорят, что нет, – отвечал веселый урядник.

– А не блядовала ли без тебя?

– Помаленьку, слышно, блядовала.

– Что ж, побьешь ее за это?

– А зачем бить? Разве я безгрешен?

Справедливо; а у тебя, брат, – спросил я у другого казака, – так ли честна хозяйка, как у урядника?

– Моя родила, – отвечал он, стараясь скрыть свою досаду.

– А кого бог дал?

– Сына.

– Что ж, брат, побьешь ее?

– Да посмотрю; коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли нет, так побью.

– И дело, – подхватили товарищи, – побьешь да и будешь горевать, как старик Черкасов: смолоду был он дюж и горяч, случись с ним тот же грех, как и с тобой, поколотил он хозяйку, так что она после этого 30 лет жила калекой. С сыном его случись та же беда, и тот было стал колотить молодицу, а старик ему: «Слушай Иван, оставь ее, посмотри на мать, и я смолоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад». Так и ты, – жену-то прости, а выблюдка посылай чаще по дождю.

– Ладно, ладно, посмотрим, – отвечал казак уряднику.

– А в самом деле, –спросил я, – что ты сделаешь с выблюдком?

– Да что с ним делать? Корми да отвечай за него, как за родного.

– Сердит, – шепнул мне урядник, – теперь жена не смей показаться ему: прибьет до смерти»[1].

Для замужних женщин, уличенных в измене[2], существовали не только внутрисемейные (избиение мужем или свекром), но и

Указ. соч. С. 120–121.

[1] Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10-ти томах. Т.5. Романы. Повести. М., 1975. С.488–489.

[2] Особенно для родивших внебрачного ребенка за время военной

общественные меры наказания[1]. Женщину могли гонять по станице с обрезанными волосами. (Длинные женские волосы у славянских народов изначально являлись «очагом производительности», символом главного предназначения женщины – деторождения[2]. Теряя волосы женщина как бы лишалась своего пола, обезличивалась[3]). Казачку гоняли по станице, привязанную за руки к телеге, при этом невестку били свекор, свекровь, муж. Ее привязывали к дереву в центре станицы и били (иногда по указанию атамана или решению станич-

---

службы мужа. (Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани /Отв.ред. К.В.Чистов. М., 1967. С. 196.)

[1] Интересно, что для черкесских замужних женщин, уличенных в измене, наказанием служили либо смерть, либо продажа в рабство. (Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.) С. 219.) С.Броневский пишет, что у черкесов «за смертоубийство жены, уличенной в неверности, муж не подвергается великой ответственности, кроме нареканий от жениных родственников». (Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Репринт. Нальчик, 1999. С.186.) Согласно адату шапсугов и натухайцев, «женщины и девушки, впавшие в грех прелюбодеяния, продавались вместе с их незаконнорожденными детьми туркам. Это делалось с той целью… что для них нет уже никакой возможности выйти замуж в своем крае» (Люлье Л.Я. Черкесия. СКФ, 1990. С. 44).

[2] Качко Л.Е. Дети в традиционной свадебной обрядности кубанского казачества // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 227.

[3] С сакральностью женских волос у кубанских казаков связан обычай сбережения обрезанных или выпавших волос, особенно тщательно этому следовали женщины, считавшиеся ведьмами или знахарками. Информатор из пос.Мостовского рассказала, что у них в поселке была ведьма Устинья, которая всю жизнь собирала все свои выпавшие или обрезанные волосы, а перед смертью набила ими подушку и завещала положить ее в гробу ей под голову. (Гергидава Надежда Федоровна, 1942 г.р., пос.Мостовской.) У некоторых народов Кавказа также существовал обычай публичного обрезания волос или обривания головы женщине, уличенной в прелюбодеянии. (Карпов Ю.Ю. Указ. соч. С.96–98, 101.)

ного суда били плетьми[1]) и т.д. Подобное обращение с провинившейся женщиной вовсе не означает того, что «аналогично адату дагестанцев на Кубани казак имел право убить свою жену, уличенную в прелюбодеянии», как считает, например, современный исследователь О.С. Мутиева[2]. Хотя такие факты, конечно же, имели место[3]. Но при этом необходимо учитывать, что на уровне уголовных преступлений в кубанских станицах в XIX в. (в отличие от дагестанских аулов первой половины века) действовало не обычное, а юридическое право[4]. Поэтому убийство казачки вело к уголовной ответственности убийцы. В Государственном Архиве Краснодарского края хранятся уголовные дела XIX в.: «О предании военному суду казака Круглолесской станицы Корнея Стефанова за нанесение побоев жене своей Марфе (от коих она и умерла»[5]; «О предании военному суду урядника… Богданова… за убийство своей жены Прасковьи»[6]. И они далеко не единственные.

Были случаи, когда доведенные до отчаяния побоями женщины, прибегали к убийству мужа как к последнему способу самозащиты[7]. В ход пускали все – от яда до ножа и топора. Вот только несколько дел, в

---

[1] Так же поступали и с проститутками. (Куракеева М.Ф. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков. Черкесск, 1994. С. 25.)

[2] Мутиева О.С. Общественное и правовое положение женщины-горянки и терской казачки (втор.пол XIX в.). // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 86.

[3] Прадед информатора из ст.Степной – черноморский казак – отрубил голову своей жене, которая загуляла в его отсутствие (Буряк Наталья Филипповна, 1921 г.р., ст. Степная).

[4] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30 «Ведомости судебных дел…» (1794 г.); РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 204 «Рапорты об аресте лиц, подозреваемых в грабежах…» (1819 г.).

[5] ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 289.

[6] Там же. Д. 337.

[7] В Дагестане в этот период женщина имела право безнаказанно убить мужчину, если она подверглась нападению с его стороны с целью оскорбления или изнасилования. (Мутиева О.С. Общественное и правовое положение женщины-горянки… С. 85.)

которых раскрываются преступления такого рода: «Об отравлении сулемой казака 1-го Лабинского полка Шерлицина его женой»[1], «О предании военному суду казачки… Анны за намерение отравить сулемой своего мужа»[2], «О поражении Екатериной Варнавинною своего мужа ножом от чего он и умер…»[3], «О нанесении казачкой Куриловою мужу своему под грудь ножом раны…»[4].

Таким образом, в XIX в. случаи избиения жен в кубанских казачьих семьях были довольно широко распространены, они считались неизбежной нормой семейной жизни. Побои чаще всего являлись способом наказания казачки за различные проступки, в особенности за измену. Но при этом, если избиения женщины не имели под собой более-менее объективных причин, или если они причиняли серьезный вред здоровью, то станичная общественность осуждала поведение таких мужчин и пыталась каким-либо образом помочь страдающей жене. Подобные меры общественного осуждения были малоэффективны, что подтверждается фактами убийств мужьями жен в ходе побоев, а так же ответными убийствами женщинами своих супругов в качестве самозащиты.

Л.П. Заболотная,
Кишинев, Институт истории, государства и права АН Молдовы

УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА ЛИЦАМИ НЕ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ (НА ОСНОВЕ ГРАМОТЫ НИКОЛАЯ I «*ЗАКОН О СОЮЗЕ БРАЧНОМ*»)

Согласно мнению Н.Л. Пушкаревой – одного из самых авторитетных специалистов в области истории гендерных исследований в России, «в научной литературе современного периода… изучавшие семейный быт исследователи интересовались структурой семейно-родовых связей, численностью семей,

[1] ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 281.
[2] Там же. Д. 286.
[3] Там же. Д. 282.
[4] Там же. Д. 321.

зависимостью между составом семьи и степенью хозяйственного освоения регионов, но крайне редко уделяли внимание трудноуловимым аспектам частной жизни различных слоев общества… Проблематика рассыпана по отдельным отраслям знания и проанализирована фрагментарно»[1].

История семейно-правовых отношений и, в частности, условия заключения брака для лиц не православного вероисповедания являются одной из малоизученных проблем. В последние десятилетия тема семейных отношений стала одной из самых притягательных в исторической науке. Как отмечает Л.П. Репина, современные гендерно-исторические исследования пронизали собой все области исторической науки: это огромное междисциплинарное поле охватывает социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое, интеллектуальное измерения. В тематике гендерной истории отчетливо выделяются ключевые для ее объяснительной стратегии узлы, каждый из которых соответствует определенной сфере жизнедеятельности людей прошлых эпох: «семья», «труд в домашнем хозяйстве», «право» и «политика», «религия», «образование», «культура» и др.[2] В представленной статье мы попытаемся осветить основные положения семейно-правовых отношений в ракурсе религиозных канонов, традиций, сложившихся веками и отразившихся в законодательных актах XIX в. В частности, основным документом, послужившим базой для нашего исследования, стал «Prawo o małżeństwie» или «Закон о союзе брачном. Грамота от 14 февраля 1832 г. императора Николая I»[3]. Документ был изучен автором в Ягеллонской библиотеке города Кракова.

В императорском указе рассматриваются условия заключения и расторжения брачных отношений лицами не православного вероисповедания, а именно: Римско–Католического, Евангелическо–

---

[1] Пушкарева Н.Л. Изучение истории русского материнства в отечественной историографии советского и постсоветского времени // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. Часть I. М., 2006. С. 111–127.

[2] Репина Л.П. Гендерные исследования в истории: теория и практика. М., 2001. С. 5.

[3] Prawo o małżeństwie. Warszawa, 1836.

Лютеранского, Евангелическо–Лютеранского–Реформаторского. Изучение данного документа представляет огромную историческую ценность в освещении правовых норм семейно-брачных отношений в Российской империи XIX в., т.к. сила действия представленного документа распространялась в пределах всей Российской империи, что, естественно, отражалось и на жителях Бессарабии.

С древнейших времен известно, что у всех европейских народов для заключения брака необходимо было соблюсти целую серию условий: брачный возраст, согласие родителей, отсутствие запрещенных степеней родства, включая духовное, разрешение вступать в брак не более трех раз, вероисповедание брачующихся, физическое и психическое состояние здоровья, не принуждение к браку. Для того, чтобы соблюсти все эти условия, процедура заключения брака состояла из нескольких этапов – выбор невесты, сватовство, помолвка, затем свадьба. Данная процедура требовала строгое исполнение канонических и светских условий, т.к. именно они служили гарантом прочности в создании крепкой семьи.

Согласно «Закону о союзе брачном», в главе 1, статье 1 дается определение брака: «Брак между лицами Римско-Католической церкви составляет союз, прекращающийся единственно смертью одного из супругов», и указываются условия брака между лицами Римско-Католической церкви:

1. законом определенный возраст;
2. взаимное согласие сочетавшихся лиц;
3. дозволение родителей;
4. физическая способность к сожитию сочетавшихся»[1].

В статье 6 устанавливается брачный возраст для юношей 18 лет и для девушек 16[2], а в статье 8 подчеркивается, что брак будет недействительным, если жениху 14 и невесте 12 лет[3]. Данная статья явно указывает на тот факт, что прилагались усилия законодательно повысить рамки брачного возраста.

---

[1] Prawo o małżeństwie. C. 5.
[2] Там же.
[3] Там же.

Согласно исследованиям М.Г. Рабиновича, в XIX в. в России наблюдалась тенденция к повышению брачного возраста, особенно среди горожан. В конце столетия в кругах «благородных» считалось, что для девушки вступать в брак в 16 лет рановато, в 18-22 года самое лучшее, а девство в 25 лет – уже трагедия. Для мужчин вступать в брак в 30 лет считалось лучше, чем в 18 «чтобы перебесился и поумнел»[1]. Такое повышение брачного возраста было характерно в целом для всей Европы.

В статье 10 обращает на себя факт равных возможностей жениха и невесты в избрании супруга, «согласие сочетающихся лиц признается недействительным, если исторгнуто насилие»[2]. Вероятнее всего эта статья закона распространялась не столько на свободное волеизъявление жениха или невесты, а их родителей. Известно, что в большинстве случаев браки заключались по принуждению родителей. Возможно, эта статья должна была оградить взрослых детей от принудительного брака со стороны родителей.

В то же время как гражданские, так и религиозные каноны категорически запрещали вступление в брак без согласия и благословения родителей. Статья 15 гласила: «Запрещено до 21 года вступать в брак без дозволения отца»[3].

Однако не только брак заключенный без позволения родителей до указанного возраста считался недействительным. Традиция уважения родительского благословения имела свою силу независимо от возраста и особенно свято соблюдалась. Не благословленные браки считались недействительными, дети, рожденные в таком браке незаконнорожденными. Члены семьи, нарушившие эту традицию, лишались прав наследства и становились изгоями семьи. Обязательным условием при заключении брака было согласие родителей как со стороны жениха, так и невесты.

Одним из условий, необходимых при заключении брака, было состояние здоровья молодых. Согласно статье 22, «если доказано будет, что одно из сочетавшихся лиц, до совершения брака, по

---

[1] Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 213–214.
[2] Prawo o małżeństwie. С. 12.
[3] Там же. С. 9.

неизлечимой неспособности, не в состоянии было исполнять супружеские обязанности, то брак таковой может, по просьбе другого лица, признан недействительным» [1] . Особенно это правило распространялось на душевнобольных, т.к. «основной целью брака было создание прочного союза между мужчиной и женщиной для рождения здоровых детей и избежание греховной жизни, он должен заключаться единожды и длиться всю жизнь супругов»[2].

Душевнобольные люди, в первую очередь, не могли принимать самостоятельное решение и были под опекой кого-либо из родственников. С другой стороны, это условие, в определенном смысле, ограждало от рождения неполноценных детей.

Христианский свадебный обряд имел глубоко уходящие в века традиции Для заключения брачного союза необходимо было соблюдать церковные правила. Еще в XVI в. известный католический Тридентский Собор[3] постановил не признавать действительными не церковные браки[4].

В «Законе о союзе брачном», в III отделении «О брачных обрядах» дается детальное и предметное их описание. Во- первых, жених и невеста «должны уведомить священника»[5].

Во-вторых, как гласит статья 43, «оглашение производится как в приход невесты, так и в приход жениха»[6]. В-третьих, «если в течение 6

---

[1] Там же. С. 13.

[2] Цатурова М.К. Русское семейное право XIV-XVIII вв. М., 1991. С. 6.

[3] Триде́нтский собо́р — девятнадцатый Вселенский собор (по счёту Римско-католической Церкви), открывшийся 13 декабря 1545 г. в Триденте (ныне Тренто), главным образом в ответ на Реформацию, по инициативе Папы Павла III и закрывшийся там же 4 декабря 1563 в понтификат Пия IV, был самым важным собором в истории Католической Церкви.

[4] Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. С. 218.

[5] Там же. Статья 41. С. 15.

[6] Там же. С. 17.

месяцев со дня первого оглашения бракосочетание не состоялось, то оно совершается при оглашении нового»[1].

В этот период происходило обручение, что являлось первой стадией заключения брака. Срок до 6 месяцев устанавливался по многим причинам: для более близкого общения будущих супругов, обсуждался вопрос приданного невесты, его размеры, день венчания. Так же в этот отрезок времени собирались сведения о женихе и невесте, препятствующие их браку.

Помимо условий для заключения брака в документе законодательно были оговорены «препятствия, подвергающие брак уничтожению: (1) иноверие; (2) прежний брачный союз, законно не уничтоженный; (3) духовный обет и священство; (4) преступление; (5) родство и свойство; (6) правила общественной благопристойности (honestas publica)»[2].

Первым из «препятствий» – иноверие или вероисповедание брачующихся, – было определяющим при заключении брака. Чаще всего браки лиц разных вероисповеданий запрещались и были большой проблемой.

М.К. Цатурова в своем исследовании приводит интересные доводы, говорящие о том, что Священное Писание разрешает брак лиц, если один из супругов не исповедывает христианство. В Первом Послании к Коринфянам Святого Апостола Павла говорится: «Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставить ее; И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с ней, не должна оставлять его; ибо неверующий муж освящается женою (верующего), и жена неверующая освящается мужем (верующим); иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы»[3].

Другим препятствием для заключения брака был прежний брачный союз, законно не уничтоженный. Католическая Церковь не признавала разводов, только смерть могла разлучить супругов, а в таком случае освобождение от предыдущего брака для повторного не требовалось.

---

[1] Там же. С. 17–18.

[2] Там же. Статья 15. С. 13.

[3] Библия. Первое Послание к Коринфянам. Глава 7:12-14.

Брак считался недействительным и по причине физической неспособности одного из супругов.

В статье 68 приводятся условия для вступления в новый брак: «Лицам женского пола запрещалось вступать в новый брак прежде истечения 10 месяцев со дня смерти супруга или со дня признания первого брака недействительным»[1].

Последующее заключение брака строго ограничивалось и разрешалось в особых случаях. Для этого необходимо было доказать признание предыдущего брака недействительным. В статье 69 указывается: «Лицам мужского и женского пола, которых брак признан недействительным, вступать при жизни другого супруга, в новый брак, прежде истечения 3 лет со дня суда»[2].

Одним из главных условий, препятствующих заключению брака, было отсутствие запрещенных степеней родства, свойства и духовного родства. Недействительность брака признавалась по причине: (1) по родству в боковой линии второй и последующих канонических степеней; (2) по свойству в боковой линии всех запретных степеней; (3) по духовному родству; (4) по родству и свойству гражданскому[3].

Определить степени, запрещенные к браку, входило в компетенцию священника. *Кровное родство не разрешалось до седьмой степени* включительно, т.е. между родными по восходящей и нисходящей линиями, между родными братьями и сестрами, единокровными и единоутробными, отчимом и падчерицей, мачехой и пасынком, зятем и тещей, невесткой и свекром, племянником и тетей. Аналогичные запреты распространялись в православии, у греко-католиков, евангелическо-лютеранской и евангелическо-реформаторской церквях.

Более сложным был вопрос об определении степени свойства. *Свойство* возникало посредством брака, в результате которого муж и его родственники считались в свойстве с родственниками жены и наоборот. Оно *запрещалось до шестой степени* включительно. Трудность установления степени свойства состояла в том, что многие

---

[1] Prawo o małżeństwie… Отделение 5. Ст. 68.
[2] Там же. Отделение 5. Ст. 69.
[3] Там же.

родственники могли не поддерживать каких-либо контактов между собой и не знать о браке их дальней родни[1].

Духовное родство, которое возникало путем крещения, считалось родством в первой степени, между крестным отцом или крестной матерью и крестником, поэтому так же являлось препятствием к браку.

Одним из запретов на заключение брака было усыновление. Запрещались браки между отчимом и пасынком или мачехой и пасынком, т.к. усыновление приравнивалось к кровному родству.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что изучение указанного историческо-юридического источника имеет особое значение в реконструировании семейного права, нравственно-бытовых, духовных и религиозных ценностей общества XIX в. Законодательство XIX в., в некотором смысле, являлось результатом аккумуляции писаных и неписаных законов, обычаев семейно-брачных отношений на протяжении последних нескольких столетий. Это позволяет проследить эволюцию сохранения определенных устоев института семейного права: условия заключения брака, обязанности супругов, воспитание детей, расторжение брака и т.д. Многие основополагающие постулаты семьи имеют и сегодня неизменные веками правила и традиции, а документы из «прошлого» позволяют увидеть историю нравственности и морали в супружеских отношениях через призму веков. Работы, освещающие историю семейных отношений, позволяют понять, как функционировали гендерные структуры, насколько реальная практика расходилась с доминирующими в обществе гендерными представлениями и как влияла на них[2].

М.М. Леонов,
Самара, Самарская академия государственного и муниципального управления

ВНЕБРАЧНЫЕ СВЯЗИ В САЛОННОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

[1] Цатурова М.К. Русское семейное право XIV-XVIII вв... С. 9.
[2] Гендер и общество в истории / Под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб., 2007. С. 3.

По меткому выражению Оноре Бальзака, светское общество XIX в. жило «напоказ». Репутация отдельного лица отражалась на престиже целого семейства, поэтому понятию чести уделялось особое внимание. Социальный контроль, неусыпно осуществлявшийся светским обществом, с одной стороны, и стремление аристократа при любых условиях сохранить лицо – с другой, делали внебрачные связи крайне болезненным и деликатным вопросом. В условиях фактического отсутствия возможности добиться развода, многие пары уже через несколько лет, а то и месяцев после свадьбы сталкивались с проблемой супружеской неверности. Зачастую напряжение снималось путем разъезда супругов и обустройства ими личной жизни в частном порядке, при формальном сохранении прежнего, ставшего фиктивным, брака. Число таких пар было тем более велико, что понятия «брак» и «любовь» мыслились раздельно, а имущественный фактор и социальный статус каждого из будущих супругов при оформлении отношений, как правило, ставились выше, чем их взаимные симпатии.

В то же время многие пары продолжали существовать под одной крышей, маскируя измены одного или обоих супругов. Как русская, так и европейская литература XIX в. затрагивала эту щекотливую тему. Многие романисты были знатоками салонной культуры: подобно Шодерло де Лакло, Оноре Бальзаку и Александру Дюма-сыну, русские авторы были желанными гостями в лучших гостиных. Граф В.А. Соллогуб, графиня Е.П. Ростопчина, князь В.П. Мещерский благодаря происхождению с молодых лет попали в водоворот светской жизни, а со временем стали хозяевами собственных салонов.

Их взгляд на салонную жизнь – это взгляд изнутри, причем немаловажно, что их романы, пользовавшиеся несомненной популярностью у публики, выполняли просветительскую миссию. Ориентируясь не столько на аристократов, сколько на читателей, незнакомых со светским миром, они детально разъясняли логику салонных отношений. Сюжеты их произведений брались из жизни, отдельные герои имели прототипов (так, в центральном персонаже повести Соллогуба «Большой свет» Михаиле Леонине современники угадали М.Ю. Лермонтова). Почти во всех работах отмечалось, что светские сплетники были падки на пересуды о внебрачных связях того или иного знакомого, однако серьезная угроза для репутации появлялась лишь в том случае, когда в руки недоброжелателей

попадали доказательства супружеской измены. Компрометация женщины осуществлялась много проще, чем мужчины: подсмотренная сцена свидания, любовная переписка, эскапады обманутого мужа гарантированно вели к общественному порицанию. Ярлык «распутной женщины» обуславливал социальную изоляцию: даму переставали посещать и принимать у себя, в ней видели угрозу нравственности других женщин, а особенно девиц.

При этом важно отметить, что светское общество XIX в. проявляло известную гибкость в вопросах морали. Если оглашение факта супружеской измены могло серьезно подмочить или вовсе уничтожить репутацию человека, то при сохранении внешних приличий, то есть в отсутствие скандалов, на любовные интрижки смотрели снисходительно.

Такое положение дел обусловило существование особых порядков в семьях светских «львиц». К категории «львиц» относили молодых замужних женщин, обладавших независимым характером и пользовавшихся успехом в обществе. Без них не обходилось ни одно шумное собрание. Они охотно принимали у себя, среди «львиц» было много хозяек салонов. Светский этикет не возбранял ухаживаний за «львицей» и даже вменял гостям в обязанность расточать ей комплименты. Салонные альбомы пестрят похвалами красоте, обаянию, музыкальному или литературному таланту хозяйки.

Светские «львицы» предпочитали мужское общество. Каждая из них была окружена плеядой «кавалеров», проводивших целые дни в ее доме и «обожавших» ее. Гости были посвящены в детали семейной жизни, знали мысли и чувства хозяйки. Обычай «обожания» подразумевал романтические отношения, не переходящие границ платонической любви; возникавшие связи интимного плана тщательно камуфлировались.

Мужья светских «львиц» носили прозвище «ослов». Чаще всего в эту категорию попадали два типа мужчин: люди добродушные и слабохарактерные, уступившие властной супруге главенство в семье и примирившиеся со своим положением, либо люди предприимчивые, умевшие извлекать из этого положения пользу. В последнем случае супруг мог играть роль старшего из «кавалеров». Благодаря успеху жены, он приобретал значимые социальные контакты и возможности для карьерного роста.

Такой порядок, остроумно названный современником «аристократической коммуной», расходился с традициями

патриархального общества. Исследование этих отношений представляет несомненный интерес в контексте изучения семейной культуры в России XIX столетия.

О. А. Николаенко,
Харьков, Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

ПОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

История семьи, брачных отношений, домохозяйств находится в центре внимания историков современности. Долгое время семья как приватная сфера исключалась исследователями в качестве проблемы изучения, однако гуманизация науки поставила личность во всем ее многообразии в центр научного интереса. Семья как микросоциум, в котором происходит первичная социализация личности, и как отражение модели отношений «большого» мира, стала сферой изучения многих историков, в том числе и гендерных.

История семьи позволяет увидеть женскую историю, так как многовековая замкнутость женщин в границах дома и семьи, сделала частную жизнь главным полем их деятельности. В то же время, задача гендерной истории состоит не только в том, чтобы «сделать женщин видимыми», но и проанализировать, как на различных уровнях формируется и воспроизводится система патриархата. И в этом смысле история семьи позволяет проследить, как устанавливается место женщины в семье и ее роли, как создаются отношения доминирования и подчинения, какие факторы лежат в основе воспроизводства отношений неравенства.

Именно эти вопросы стали главными при изучении польской семьи конца XIX - начала XX вв. Хотелось бы уточнить, что данное направление интенсивно развивается в самой Польше[1], поэтому в

[1] Kobieta i rodzina w średniowieczu i na progu czasów nowożytnych. Toruń, 1998; Rodzina-prywatnośc-intymnośc: dzieje rodziny polskiej w kontekście europejskim: zbior studiów. Warszawa, 2005; Rodzina i gospodarstwo

центре нашего внимания оказались польские семьи, проживавшие в украинских губерниях Российской империи. В это время польское население данного региона переживало коренные трансформации. Оправившись после разгромов национально-освободительных восстаний, поляки принимали активное участие в экономической модернизации края. Политические гонения и административные притеснения сначала заставили сосредоточиться на сохранении экономических позиций, а позже, в конце XIX столетия – привели к формированию различных идеологий и движений.

Специальных исследований данной темы не проводилось, хотя многие историки касались ее в своих исследованиях[1]. Однако это зачастую описательные характеристики семейного быта, повседневности, традиций. Наша же задача состоит в том, чтобы проанализировать историю семьи с гендерных позиций и ответить на поставленные выше вопросы. В данной работе будут проанализированы только ключевые проблемы темы, а именно – особенности брачного выбора и разрыва семейных связей, а также статусно-ролевые позиции женщин в польской дворянской семье.

Трудность изучения данной темы состоит в специфике источников, с которыми приходится работать. В основном – это нарративы польских дворян, проживавших в Юго-западных губерниях Российской империи. Следует сказать, что большинство из них написано в межвоенное время в независимой Польше. Характерной чертой этих эго-документов является ностальгия по утраченному времени, влияющая на сентиментальный тон текстов. Описанные события в дымке прошлого теряют свою отчетливость, оставляя на письме лишь нечеткие следы романтических воспоминаний. В данном случае из текста были выбраны те его части, которые характеризовали семью,

---

domowe na ziemiach polskich w XV–XX wieku: structure demograficzne, spoleczne I gospodarcze/ pod red. C. Kukli. Warszawa, 2008.

[1] Rzepniewska D. Rodzina ziemianska // Społeszeństwo polskie XVIII i XIX wieku. T. IX Studia o rodzinie. Warszawa, 1991. S. 137–200; Ustrzycki M. Ziemianie polscy na kresach 1864–1914. Swiat wartości i postaw. Kraków, 2006; Sikorska-Kulesza J. Kobieta w rodzinie drobnoszlacheckiej w XIX wieku. Litwa i Bialorus // Kobieta i społeczeństwo na ziemiach polskich w XIX wieku. Warszawa, 1990. S. 92–108.

взаимоотношения, роли и использовано «насыщенное описание», позволяющее анализировать данные отрывки. Семья в нарративах польского дворянства выступает твердыней польскости[1]. Такое определение сфера семьи и дома получила не случайно. Поляки, проводившие активную общественную жизнь, во второй половине XIX в. столкнулись с политическими притеснениями, которые ограничивали их возможности в публичной сфере. Участие в дворянских собраниях, земствах, местных органах власти для многих стало невозможным. Поэтому произошла переориентация на приватную сферу и сохранение межличностных связей в своем социальном круге. Имение, соседи, друзья-поляки стали тем социумом, в котором проходила общественная жизнь польских дворян, однако семья играла здесь главенствующую роль[2].

Такое предназначение семьи приводило к потере статуса ее приватности и к изменению функций ее членов. «Предназначением» польской дворянки стало не только содержание дома, организация светских мероприятий, но и воспитание патриотизма в детях, привитие им чувств национального долга[3]. С одной стороны, такие новшества вели к повышению статуса женщины, но с другой – сосредоточение мужского внимания именно на сфере домашнего хозяйства приводило к их доминированию в этой, ранее считавшейся женской, области.

Особенности брачного выбора польских дворян в Юго-западных губерниях стали предметом исследования польского ученого Т. Эпштейна, который установил, что большинство браков заключалось в своей социальной среде. Важными факторами при выборе партнеров считались финансовое состояние, а именно количество земельных угодий, имеющиеся предприятия. В то же

---

[1] Jedynak B. Obyczaje domu polskiego w czasach niewoli 1795–1918. Lublin, 1996. S.13, 69; Rodowicz, W., Rodowiczowa, S., z Rodowiczow Iwanicka, Z. Tryptyk rodzinny. Dzieje rodziny Rodowiczów. Warszawa, 1999. S. 72.

[2] Siekierski St. Kultura szlachty polskiej w łatach 1864–2001. Pultusk, 2003. S. 160–163; Ustrzycki M. Op. cit. S. 25–31.

[3] Ніколаєнко О. Жіноча освіта в середовищі польського населення Південно-західних губерній Російської імперії в 60-х рр. XIX – початку XX ст.// «Історичний архів». 2008. В. 2. С. 138–146.

время не очень богатая, но имеющая старинную родословную молодежь могла надеяться на то, что в будущем ей прдестоит жить в одной семье с зажиточными, недавно разбогатевшими соотечественниками[1].

«Неравные» в финансовом отношении браки порождали для молодых семей в будущем определенные трудности. В нарративах польских дворян встречаются упоминания о проблемах, возникающих из-за разного имущественного положения членов семьи. Один из авторов воспоминаний, Е. Покрывницкий, вспоминает, что его отец, женившись на девушке из богатой семьи и став собственником имения, так и не смог установить контакта с польским сообществом его ранга. Отец чувствовал себя «недоречно и чуждо» в этом обществе и общался с соседями лишь на нейтральной территории – в общественных учреждениях, во время торговых ярмарок и т.п.[2]

Об общественном вакууме говорит и другой автор, Т. Фабианский, чей отец, управляющий имения, женился на дочери хозяина. И хотя, по его свидетельству, «повсеместно проживали соседи поляки», семья вела замкнутый образ жизни[3]. Такие браки разбивали существующие социальные перегородки и способствовали ускорению мобильности различных социальных групп.

Большинство браков устраивалось между людьми одной губернии или соседствующих округов. Этот факт свидетельствует, что именно польское сообщество, объединенное соседскими связями, было той средой, где могли возникать потенциальные брачные взаимоотношения. Здесь следует отметить, что национальная принадлежность была главенствующим фактом при заключении брака. Лишь единицы из польского дворянства, в основном, финансовых

---

[1] Epsztein T. Małżeństwa szlachty posesorskiej na Wołyniu, Podoly i Ukrainie w latach 1815–1880 // Społeczeństwo polskie XVIII i XIX wieku. T. IX Studia o rodzinie. Warszawa, 1991. S. 201–238.

[2] Pokrzywnicki E. J. Zywoty i sprawy // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15415. S.42.

[3] Fabianski T. Na skraju Dzikich Pol. Wspomnienia z łat 1918 i 1919 // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15449/ II. S. 6.

магнатов, могли себе позволить браки с людьми другой нации, например с русскими[1].

Для многих поляков такой выбор был непонятным и, зачастую, поддавался осуждению. Такое осуждение мы видим в нарративах А. Павелчинской, чья тетка вышла замуж за русского, что послужило поводом к многолетней размолвки с нею семьи. Ее считали предательницей, и только много лет спустя, когда двое ее младших детей были крещены католиками, произошло примирение[2]. Кто стал инициатором воссоединения семьи, не упоминается, однако демонстрация наказания за «национальное отступничество» свидетельствует о власти, которую демонстрировала семья и близкое сообщество над личностью.

Другой случай межнационального брака приводится в воспоминаниях Э. Корвин-Красинской, чей отец был поляком, а мать – русской. Семья отца не приняла выбор сына, хотя тот и потребовал от жены, что после замужества она будет вести дом «по-польски». Только после смерти деда отец с семьей вернулся в отчий дом[3].

Такие воспоминания подтверждают, что национальная идентичность и сохранение ее «в чистоте» было символическим предназначением, возлагавшимся на сферу семьи, а его агентом выступала женщина. В то же время, потеря связи со своими соотечественниками не для всех воспринималась препятствием. Кроме того, в первом случае мы видим, что расставшись с семьей и проживая с мужем в Петербурге, женщина выбрала католическое вероисповедание для двоих детей. Этот факт служит не только основанием считать ее равноценным партнером в браке, но и предположить, что отношения в семье строились на началах договоренности.

Польская семья была в большинстве случаев нуклеарной и состояла из двух, родители и несовершеннолетние дети, поколений.

---

[1] Epsztein T. Op. cit. S. 237. Данный вывод подтвреждают и нарративы: Jan Pic de Replonge. Obrazy pamiętnych Lat. 1903–1967 // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15535. S.29.

[2] Pawełczyńska, A. Koniec kresowego świata. Lublin, 2003. S. 76.

[3] Krasińska, E. Wspomnienia // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 14114. S. 8.

После заключения брака молодые люди поселялись в одном из доставшихся им имений и приступали к ведению самостоятельного хозяйства[1]. Но если имущественное положение родов не позволяло выделять молодой семье отдельное имение, тогда молодые люди брали в управление у знакомых или родственников землю, и имели возможность в будущем стать собственниками.

В течение супружеской жизни женщина исполняла несколько социальных ролей, во многом зависимых от ее возраста – невестка, жена и хозяйка, мать, бабушка. Каждая роль несла в себе множество предписаний, несоблюдение которых влекло за собой непонимание со стороны родственников или осуждение.

К сожалению, нарративы не содержат личных свидетельств женщин, которые бы вспоминали о своем замужестве и первых годах семейной жизни. Однако выше приведенные упоминания Э. Корвин-Красинской, чья мать при замужестве обещала отцу «вести дом по-польски», показывают, что доминирование в молодой семье принадлежало, как правило, мужчине.

Но описание семейных отношений как ассиметрии являлось бы слишком схематичным и недостоверным. Немецкая исследовательница А.-Ш. Трепп считает, что необходимо выявить границы пространства свободы партнеров, их стратегии в разрешении конфликтов, типичные и многосложные конструкции семейных взаимоотношений[2].

Положение женщины с возрастом укреплялось, ведь многое в организации домашнего пространства и быта, воспитании детей зависело именно от нее. В нарративах встречаются упоминания об энергичных женщинах, которые главенствовали в семье. В воспоминаниях Ю. Ивашкевича встречается персонаж – тетка, которая, по словам автора, «держала [в своих руках] весь дом, мужа, детей, руководила домашней, семейной, публичной жизнью»[3].

---

[1] Epsztein T. Op. cit. S. 208–238, 221–223.

[2] Трепп А.-Ш. Баланс между партнерством, различием и неравенством полов: супружеские отношения в буржуазной среде (1770–1830) // Семья, дом и узы родства в истории. СПб, 2004. С.138–174.

[3] Iwaszkiewicz J. Książka moich wspomnień. Kraków, 1957. S. 27.

В существующей историографии бытует мнение, что польская семья была крепкой и моральной, основанной на религиозном представлении о браке, а конфликты были скорее девиацией, чем нормой[1]. Но те же нарративы опровергают данный миф и рисуют сложную и многообразную картину супружеских взаимоотношений. Во-первых, следует сказать, что в польском дворянском сообществе данного периода встречались случаи разводов. Такие случаи описываются в нарративах Ю. Туркулла, говорящего о соседях, где мать с дочерьми уехала от мужа, П. Подгорского, тетка которого ушла от мужа и вернулась к родителям, Ю. Любомирского, чей отец «бросил» их с матерью[2]. Вероятно, что здесь речь идет не о расторжении церковного брака, а о фактах раздельного проживания супругов.

Упоминаний о конфликтах в семье мы встречаем немного и, безусловно, это продиктовано позициями авторов, не желающих вспоминать негативное или же «выносить сор из избы». Но даже того, что встречается, достаточно, чтобы развеять миф о всецелом благополучии «тверди» польской семьи. К примеру, в воспоминаниях А. Павелчинской говорится о бабушке, которая были с дедом «совершенно разными людьми», а их семейная жизнь немного устоялась с появлением детей. Дед выдавал скромные суммы на содержание семьи, поэтому бабушка, постепенно экономя и вникая в хозяйст-венные дела имения, собрала деньги и уехала в родительскую усадьбу[3].

Развод рисовал перед женщиной не радужные перспективы хотя бы с точки зрения финансирования, поэтому решиться на такой шаг могли себе позволить не все. Большинство фактических разводов происходило уже после того, как взрослые дети покидали родителей. В названных нарративах Ю. Туркулла говорится о том, что в семье соседей происходили такие ссоры, что муж даже отказался управлять

---

[1] Ustrzycki M. Op. cit. S. 122.

[2] Turkull J. Gawiędy familijne. Krakow, 1897. S. 48; Podchorski P. Moje wspomnienia. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15657. S. 8; Lubomirski J. Historia pewnej ruinu. Pamiętniki 1839–1870. Warszawa, 1975. S. 93.

[3] Pawełczyńska A. Op.cit. S. 145.

имением жены, и только ее выезд со взрослыми дочерьми за границу предупредил развод[1].

Такие свидетельства рисуют сложную картину семейных взаимоотношений, в которой женщина зависела от многих обстоятельств. Факты раздельного проживания супругов без юридического оформления развода, или стратегия сохранения брачного союза, в котором не было взаимопонимания, строились на существующих представлениях о браке и были, вероятно, взаимовыгодны. Это означает, что расторжение брачного союза негативно воспринималось в польском сообществе, и нарушение установленных норм повлекло бы для супругов дополнительные проблемы. В то же время инициатива фактического развода зависела не столько от материального положения женщины, сколько от ее личностных стремлений, от готовности пойти на риск и разорвать брачные узы.

Ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на многих вопросах изучения взаимоотношений в польской семье, но из вышеизложенного можно сделать некоторые выводы. Несмотря на существующие национальные или гендерные стереотипы и усиление роли традиционной польской дворянской семьи, модернизационные процессы в обществе вели к их преломлению. Выбор брачного партнера зависел и от личной инициативы, а определение взаимоотношений в семье формировалось в течение всей супружеской жизни. Случаи разрыва семейных отношений также свидетельствуют о расширяющейся даже в традиционном дворянском обществе свободе личности в ее праве определять семейный статус.

[1] Turkull J. Op. cit. S. 48.

Раздел 3.
Женщина и религия.

Н.И. Васильева,
Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

К ВОПРОСУ О «МУЖСКОМ» И «ЖЕНСКОМ» ИДЕАЛАХ СВЯТОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЕНАНЦИЯ ФОРТУНАТА

В связи с изменением места и роли христианства в Римской империи менялась и агиографическая традиция. Идеал святости в это время претерпевает некоторые изменения, в нем появляются новые аспекты святости. На смену святым-мученикам пришли святые исповедники. Меровингская Галлия оставила нам довольно богатое агиографическое наследие. В VI в. писали наиболее выдающиеся авторы этой эпохи Венанций Фортунат и Григорий Турский. Их произведения служили образцами для житийной традиции.

Одними из наиболее репрезентативных агиографических текстов эпохи перехода от античности к средневековью являются жития, написанные Венанцием Фортунатом. У читателя этих текстов складываются вполне определенные образы святых. Но существуют ли гендерные особенности этих образов?

Венанций Фортунат был одним из первых авторов этого периода, который обращал особое внимание на аристократическое происхождение святых. Они являются набожными монахами, отшельниками, в конце своей жизни некоторые стали святыми епископами. В житиях описываются три вида конфликтов, в которые вступает святой (два первых наиболее часто): 1) светский, когда святой от имени церкви противостоит мирской власти; 2) религиозный, в котором святой выступает против духовных противников (ариан, евреев, язычников) или борется с недругами в пределах церкви, 3) борьба отшельника с искушениями плоти и мира. Эти конфликты и позволяют определить святого прежде всего как святого воина[1].

[1] Kitchen J. Saints' lives and the rhetoric of gender: male and female in Merovingian hagiography. New York, 1998. P. 35.

Проявлением святости являются благотворительные дела, призрение больных и немощных, в том числе освобождение заключенных из тюрем, а также чудеса. В прологах к житиям Фортунат часто оговаривает, что они создаются по желанию и с благословения различных епископов, что обуславливает создание житий именно святых епископов. Действовавшие предстоятели нуждались в таких текстах, позволяющих объединять общину вокруг небесного патрона и легитимировать их собственную власть.

В схему, подходящую для создания жития мужчины-святого, не укладывается произведение, посвященное женщине, святой Радегунде. Фортунату приходится уже в самом начале оговориться, что речь пойдет о представительнице «низшего пола» чего он не делал по отношению к мужчинам святым[1]. Изменяется не только содержание жития, меняется вся концепция святости. Внимание уделяется не только полу святой, но и телу, физическим немощам, преодоление которых и приводит к святости.

Если в мужских житиях не уделяется такого внимания аскетизму, то в концепции женской святости он приобретает особое звучание. Главным в житии святой Радегунды становится конфликт между святой и её телом. Желание мученичества реализовывается сначала в детстве и связано с работой по хозяйству и заботой о других детях. Святая выделяется и своей мудростью, что в принципе находится в рамках его обычной концепции. Аскетизм, упоминание которого в других житиях было обычным топосом, в житии святой Радегунды получает детальное описание.

Жития святых мужчин вполне укладываются в схему: святой, представленный как святой воин, победитель, проходящий различные перипетии, монах или отшельник, становящийся в конце епископом. Этот путь достижения святости невозможен для святых женщин, в обычной жизни исключенных из церковного служения. Радегунда в этом аспекте, касающемся клерикальной иерархии, включается в неё благодаря посвящению епископом Медардом в диаконисы.

Святые Фортуната – люди, как правило, благородного происхождения, что отчасти связано с той ролью, которую играла

---

[1] McNamara J.A., Halborg J.E., Whately E.G. (eds.). Sainted Women of the Dark Ages. Durham, N.Y., London, 1992. P. 70.

аристократия в Церкви в Меровингской Галлии. Святой еще до рождения обладает святостью, которая лишь подтверждается делами и чудесами, сопровождающими его жизнь. Святой выделяется особой мудростью, которая присуща ему с младенчества. Святость также связана с библейскими реминисценциями чудес. И хотя, продолжая традиции предшествующей агиографии, автор изображал святого как мученика в конфликтах с противостоящими соперниками, всегда проговаривая их готовность умереть, его жития относятся к категории житий святых исповедников.

Несмотря на некоторое сходство создаваемых образов, Венанцию Фортунату приходилось руководствоваться существовавшими гендерными стереотипами, воспроизводя их в своих сочинениях. Это касается представлений о физических немощах женщин, их подчиненном положении в обществе и ограниченной роли в жизни Церкви, а также различных социальных функций мужчин и женщин.

Э.М. Дусаева,
Казань,Казанский Казанский государственный университет

КЛАРА АССИЗСКАЯ И КАТАРИНА СИЕНСКАЯ: ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ В АГИОГРАФИИ

О жизни людей мы можем узнать благодаря их собственным рассказам или воспоминаниям и описаниям других людей. Понять и узнать человека, жившего в далеком прошлом, задача не самая простая, более того, она значительно усложняется, когда мы сталкиваемся с не индивидуальным восприятием каждого конкретного человека, а с общими нормами, стереотипами, формулами, в рамках которых строятся жизнеописания людей. Рамки, формулы также имеют обыкновение меняться под влиянием разных причин, фиксируя проявление нового восприятия, нового способа рассказывания, повествования. Рубеж XII–XIII вв. демонстрирует изменение способа и манеры описания новых святых (Франциска, Доминика), давая читателю возможность зафиксировать не столько оформленные образцы житий, сколько исследовать складывание новых норм и форм. Признание наличия стереотипов в повествовании, однако, не исключает возможности узнать индивидуальные черты человека, которые проникая в повествование, создают ощущение уникальности

описываемых событий. Так, например, жизнь Доминика отличается от Франциска и Клары Ассизской и Катарины Сиенской.

Созданная в начале XIII в. новая форма монашества – нищенствующая, предложила новые способы интеграции внутри городского пространства и всей Европы в целом, дав людям возможность вести праведную жизнь в рамках церкви с учетом биологических (появляются как мужские, так и женские ордена) и социальных (терциарии – сообщества людей, принимающих обеты, но живущих в миру) особенностей.

Предлагаю проследить жизненный путь Клары Ассизской и Катарины Сиенской, жившей через сто лет после нее, и понять какими чертами они наделяются в агиографической традиции.

Клара родилась в 1194 г. в семье дворянина Фавароне ди Оффредуччо и его жены Ортоланы. Семья Клары была одной из самых богатых и могущественных дворянский семей в Ассизи. Катарина Сиенская родилась спустя столетие, в 1347 г. в семье ремесленника – красильщика Якопо ди Бенинказы из Сиены. Согласно житиям Св. Клары (Фомы Челанского) и Катарины (Раймунда Капуанского), обеих принуждали к замужеству, причем родители не могли смириться с выбором дочерей. Само повествование демонстрирует сложившуюся агиографическую традицию, в которой святость имманентна главному герою.

В первых легендах Св. Франциска, написанных Фомой Челанским в первой половине XIII в., еще активно рассказывалось о бурной юности святого, и тем ярче был контраст между греховным прошлым и благочестивым настоящим. Впоследствии благодаря Св. Бонавентуре сложился канон изображения святого, чье предназначение было очевидно с самого начала Именно в житиях, посвященных женщинам, появляется тема замужества, с одной стороны, как аллегорическая, с другой, - гендерно окрашенная, причем данная тема не фигурирует ни в житиях Св. Франциска, ни Св. Доминика.

Св. Клара и Св. Катарина демонстрируют две разные модели поведения: первая убегает из родительского дома, чтобы служить Господу, а вторая покорно ожидает того, когда ее близкие осознают ее небесное предназначение. В итоге Клара создает свой собственный орден - кларисс, а Катарина вступает в третий доминиканский орден «кающихся сестёр». Агиографы, характеризуя обеих женщин, создают, прежде всего, образ святых и уже потом женщин. Обращает на себя

внимание разница в конструировании образов. Клара фактически следует Франциску, вписав новый орден в общую структуру францисканского служения. Однако организация нового ордена для женщин требовала не только следования образцам, но сил для установления правил, норм, например, адаптации устава Св. Бенедикта и Св. Франциска. Все это характеризует Клару не только как смиренную, благочестивую, но и активную женщину. Катарина также была активной женщиной. Но она, в отличие от Св. Клары, не создавая новую структуру, действует в установленных рамках. Она ведет крайне аскетичный образ жизни, постоянно наказывая тело самобичеванием. В то же время способствует возвращению Папы в Рим и состоит в переписке со многими влиятельными светскими и церковными лицами. Катарина получает подтверждение своей избранности, мистически обручившись с Христом во время видения, получив в дар от своего жениха не только обручальное кольцо, но и новое сердце. Она стала первой женщиной, принявшей стигматы. Катарина своими сочинениями (письма и «Диалоги о Провидении Божьем») к концу XIV в. демонстрирует возможность употребления народного языка в богословии и мистике. Она стала первой женщиной, которой впервые за долгое время разрешили проповедовать в церкви.

В итоге на примере двух святых видно развитие как агиографической традиции, так и вариативность женских моделей поведения, даже в рамках монашества. К середине XIV в. монахиней становится дочь красильщика, а не дворянка (хотя процесс изменения социального статуса святого начался еще с Франциска Ассизского). Женщина активно включается не только в социальную жизнь города (чем известны представители нищенствующих орденов), но и в политическую. И наконец, активно дискутируемый в церкви XIII в. факт принятия стигматов стал возможен и у женщины. Примечательно, что Катарина Сиенская – представительница противостоящего францисканцам доминиканского ордена. На протяжении почти всего XIII в. доминиканцы оспаривали у францисканцев и отстаивали свое право «телесного уподобления» Христу. Факт стигматизации, возможно, определенная уступка папского престола доминиканцам, тем более что Катарина выступила в поддержку Урбана VI. В любом случае он маркирует изменение восприятия средневековым человеком стигматизации, сделав ее доступной и для женщины.

Н.В. Алексеева,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ФОРМЫ ЖЕНСКОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА В СЕВЕРНОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В XVIII-XIX ВВ.

В индивидуальном христианском культе особое место отводилось религиозной аскезе, подвижничеству и вспомоществованию. На бытовом уровне это отразилась в таких распространенных явлениях как безбрачие, келейничество, уход в монастырь, юродство, старчество. Особое значение в мирской жизни поселянина имело временное присутствие или постоянное проживание где-то поблизости особо благочестивого человека. Кроме практической пользы от такого соседства (обучение детей и юношества церковной печати и рукописей, приобщение к церковному пению, чтение псалтири по покойнику, сведения о поездках к святым местам и т.д.)[1], всегда была возможность приобщиться к духовному опыту подвижника, обратиться за советом в трудной ситуации, попросить замолить грех. Среди верующих считалось, что молитву благочестивого Бог быстрее услышит.

Чаще всего такой образ жизни вели люди одинокие, но не только. Причины, побуждающие к принятию подобного решения, можно разделить на бытовые – физические недостатки, бедность, незаконнорожденность, вследствие недостатка рабочих рук в семье родителей или старшего брата и др., и духовные – стремление к индивидуальному подвигу взявшего на себя такой обет или его родителей. В этих случаях подвижничество было освящено религиозным чувством.

Надо особо отметить, что подавляющее большинство уходящих от мира были женщины. По мнению Т.Б. Щепанской, общественное мнение поощряло уход от мира девиц, уход же не одиноких мужчин и парней вызывал у окружающих скорее сожаление. Из Ярославской губернии писали в Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева: «Если уходит в монастырь дочь, то родители ее против этого обыкновенно ничего не имеют, напротив, считают, что за них будет кому молиться

[1] Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В. Программа этнографического исследования // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 61.

Богу;... многие из крестьян завидуют таким родителям: “Вот каких им послал Господь детей, – говорят они, – от мира отреклись”. Много грехов проститься таким родителям. Гораздо реже и менее охотно отпускают родители сыновей... Родители очень горюют, что единственный сын ушел от них и, что “нету у них кормильца на старость”. Если таким образом менял свой образ жизни даже мужик в преклонном возрасте, общество все равно подозревало его в уходе не столько по мотивам веры, сколько от работы. Особенно про более или менее молодых крестьян говорили, что они странствуют не для спасения души, а из-за нежелания работать. “Ходить-то из монастыря в монастырь полегче, чем работать нашу работу” – говорили крестьяне».[1] Недаром информаторы Тенишевского бюро там, где речь заходит о благочестии мужчин, обязательно упоминают, чем они живут, каким ремеслом.

Таким образом, существовало определенное давление общественного мнения, побуждавшее уходить женскую половину и удерживавшее мужскую[2].

Народное благочестие, имея основным ориентиром для ведения особо благочестивого образа жизни уход в монастырь, не ограничивалось этим, а находило массу вариантов его исполнения вне обители, что ничуть не умаляло смысла духовного подвижничества.

Когда по каким-либо причинам девушка оставалась в доме родителей или старшего брата, добровольно отказавшись от брака или по просьбе близких и при этом вела себя достойно - была скромна в поведении, богомольна и незлобива, - то всегда пользовалась уважением односельчан, которые считали ее «духовной», посвятившей себя Богу. Если таковой приходилось жить одной, то ей охотно помогали – привозили и кололи дрова, распахивали огород и т.д.[3]

Возможность стать на путь аскетических подвигов монашеского уровня, не будучи в монастыре, давало келейничество. Келию (отдельную избушку) строил или сам подвижник, или кто-то из родственников (родители, взрослые дети и пр.) Бывало, что келию возводила сельская община. Предложение о постройке могло

[1] Щепанская Т. Б. Кризисная сеть // Русский Север. СПб., 1995. С. 152.
[2] Там же.
[3] РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 109. Л. 8.

поступить от богатого благотворителя (помещика, купца). Келейники строили келии на заднем дворе своего дома или за деревней. Иногда жили в келиях заброшенных монастырей или пустыней. Могли построить ее при храме, который находился на некотором расстоянии от деревни. Питались отдельно или вместе с семьей, в зависимости от степени подвижничества. В большинстве своем, во время полевых работ помогали семье или односельчанам[1].

В рассматриваемый период такие случаи были не редкостью. По свидетельству корреспондента, большей частью такой путь подвижничества, опять же, выбирали женщины. Их называли «черничками», «монашками», или «богомолками». Жили они часто на началах общежития – по двое или по трое в – келии, проводили время в рукодельях и соблюдении келейных правил чтении и пении псалмов и молитве. Были здесь и ученицы, которые впоследствии отделялись и строили свои келии. По словам келейниц, в монастырь они не шли потому, что не любили многолюдности монастырской жизни. Кормились рукоделием, обучением деревенских детей грамоте по церковным книгам, чтением псалтири по покойникам и пр. Среди келейников встречались, хоть и редко, мужчины[2].

Толчком для духовного перерождения мог служить несчастный случай или тяжелое потрясение. В сообщении из Великоустюжского уезда приводился подобный случай. В 1893 г. в деревне Заподюжья в семье Максима Глыбина семнадцатилетняя дочь Анна ушла в монастырь. За год до этого решения она помогала брату в воскресный день возить снопы, чтобы успеть до дождя, несмотря на запрет православной традиции работать в такие дни. У брата была лодка, и соседи попросили его перевезти их на другой берег реки. Во время переправы, на глазах у сестры, лодка перевернулась и брат утонул. Анна очень переживала его смерть, долго не снимала траур и, наконец, сообщила родителям о своем решении постричься в монахини. Родители пытались ее отговорить, но соседи поддержали девушку[3].

Следом за ней, весной того же года, ушла в монастырь подруга Анны. При жизни в миру Елена слыла за девицу примерного

[1] Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В. Указ. соч. С. 65.
[2] РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 401. Л. 86–91.
[3] Там же. Д. 109. Л. 8–12.

поведения, очень богомольную. Соседи про нее говорили: «В церкви всех доле на коленях стоит». Ее уход, в отличие от предыдущего, не встретил никакого сопротивления со стороны родных и близких.[1]

В 1896 г. удалилась от мира еще одна жительница данного уезда деревни Щелканова Екатерина Трубина. Перед свадьбой погиб ее жених. Убитая горем и побуждаемая слухами, «что эта девица уже не ощастливит муженька», она через короткое время приняла постриг.[2]

Часто выбору духовного пути способствовала личная немощь. В одних ситуациях этому помогал случай, в других - желание и воля больного. Однако такой человек со временем мог стать объектом притяжения паломников, которые шли к нему за советом, за молитвой, за тем, чтобы набраться терпения, глядя на чужие страдания, которые с великим смирением преодолевались самим подвижником.

Подвижниками благочестия могли быть не только люди, посвятившие себя служению Богу, но и те, кто это делал через служение другому человеку. Например, старица Параскева, Параскева Ивановна Ковригина – посвятила свою жизнь служению Иоанну Кронштадскому.

Еще одной причиной, побуждавшей к выбору подобного образа жизни, могло служить популярное домашнее чтение житийной литературы, описаний святых мест и рассказы странников. Конечно, такая побудительная причина могла быть у людей, с детских лет склонных к размышлениям о Божественном провидении. Именно они, по большей части, принимали постриг и, в конечном итоге, становились старцами, к которым стекались богомольцы со всей России, молитва которых, по преданию, могла исцелить тяжело больного и усмирить стихию.

Достаточно женских имен мы встречаем и среди юродивых Христа ради.

Обычно обет юродства принимали на себя после каких-либо трагических событий в своей жизни – смерти или измены близких людей, после тяжелой болезни или знамения.

Примером такого почитания может служить Устюжская юродивая Пелагея Андреевна Березина (Березиха). Она жила до 80-х гг. XIX в. Большинство устюжан считали ее за молитвенницу и подвижницу.

---

[1]Там же. Л. 12–13.

[2] Там же. Л. 13.

Почитали ее не только простые горожане, но и известный тогда архимандрит Иоанникий с удовольствием принимал подвижницу у себя[1].

Однако надо заметить, что среди старцев, юродивых и монахов женщин уже на порядок меньше, нежели среди келейников. Наблюдается такая закономерность – чем духовный подвиг больше отделяет подвижника от мира, тем меньше мы видим там женщин. Это наглядно можно проследить, сравнив количество женских и мужских монастырей в любой период истории Русской Православной Церкви. Причина такого явления кроется, на наш взгляд, кроме всего прочего, в психологии женщины, ее земном предназначении. Женщина более привязана к материальному миру через деторождение и воспитание детей. В таком случае келейничество дает возможность женщине, по каким-то причинам не сумевшей построить свою семейную жизнь, духовно развиваться, не уходя от семьи, общества и чисто земных забот (обучение девочек грамоте и рукодельям, помощи ближним в страду или трудные времена и т.д.).

Такое служение имело свое продолжение и после смерти – почитатели молились на их могилах, заказывали службы, строили часовни, брали землю, воду и свято верили, что это поможет в избавлении от жизненных невзгод. Уже одно имя подвижницы служило поводом в критической ситуации взять на себя тот или иной обет, а значит – «потрудиться духовно». Среди этих почитателей, опять же, было большинство женщин, которые молились за здоровье близких, благополучие в хозяйстве, т.е. о тех проблемах, с которыми женщина сталкивается каждый день в повседневной жизни.

Существовал своего рода замкнутый круг – подвижницы, отрекшись от мира, продолжали влиять на тех, кто жил в миру, и порой это влияние было достаточно сильным, особенно во время общественных потрясений или крупных бедствий и часто вызывало к жизни новые примеры благочестия.

А.В. Скутнев,
Киров, Кировский филиал Санкт-Петербургского университета профосюзов

[1] Отечественные подвижники благочестия 18 и 19 веков. Октябрь. М. 1996. С. 107–114.

ЖЕНЩИНА В ДУХОВНОМ СОСЛОВИИ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

Гендерные исследования в последнее время становятся все чаще востребованы и среди историков[1]. Особо много изучается женская тема на примерах дворянства и крестьянства. В то же время частная жизнь женщины из духовенства – самого закрытого сословия в дореволюционной России, остается практически неизученной[2]. Стоит признать, что задача эта невероятно сложна. Самой большой проблемой является то, что процесс секуляризации сознания, начавшийся в духовном сословии в XIX в., коснулся большей частью мужчин. Это выражается прежде всего в том, что женщины, в отличие от мужчин-священнослужителей или женщин из дворян и мещан, не создали произведений личного индивидуального характера: мемуаров, дневников и т.п. Таким образом, перед исследователем стоит сложная задача показать жизнь женщин из духовенства на основе воспоминаний мужчин, официальных документов и архивных материалов.

Вплоть до церковных реформ Александра II жизнь женщин в духовном сословии была сосредоточена вокруг семьи. Однако это не значит, что женщины не имели социальных целей. Женщины в духовном сословии были более свободными, чем крестьянки, но менее

---

[1] Женщины. История. Общество: Сборник научных трудов. Под ред. В.Успенской. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 23-33; История жизни благородной женщины. М., 1996; Кайдаш С.Н. Сила слабых: Женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989; Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н, Миклухо-Маклая: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.

[2] См., напр.: Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. ТвГУ. Вып.1. Тверь, 1999. С. 47–57. Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губерний) : диссертация... кандидата исторических наук : 07.00.02 Белгород, 2007.

независимыми, чем представительницы дворянства. Женщина могла уйти в монастырь и даже сделать карьеру, правда, не выше поста игуменьи. Кроме того, представительницы прекрасного пола могли работать просфорницами и учительницами.

У женщин в духовном сословии были карьерные планы в отношении своих детей. Так, мечтой любой матери было получение ее сыном образования не ниже семинарского [1]. Вообще отношения матери и детей в духовном сословии были особенно доверительные и теплые. Нередко они помогали своим уже взрослым детям-выпус-кникам семинарии хлопотать о занятии доходного места[2]. Если мать становилась вдовой, то ее дети, вступая в брак, брали ее к себе в семью.

Однако важнейшим этапом жизни женщины из духовенства был брак. Являясь домохозяйкой, с семьей была связана каждая минута ее жизни. Идеальным возрастом для замужества в середине XIX в. считались 20–22 года. Однако примерно 8% женщин выходили замуж и рожали первого ребенка в 17–19 лет [3] Часты были случаи, когда девушка выходила замуж и в более юном возрасте. Указом Св. Синода 15 февраля 1869 г. архиереи получали право разрешать вступление в брак юноше в 18, а девушке в 16 лет[4].

Разница между возрастом новобрачных, по мнению Б.Н. Миронова, у простого народа не превышала 4 лет в пользу жениха, и лишь у образованных классов она часто бывала большей. В середине XIX в. 60% пар духовных лиц соответствовали данному стандарту. Однако разница в возрасте у 40% пар была намного больше: от 4 до 8 лет[5].

В начале XX в. возраст рожениц, а, следовательно, и возраст вступающих в брак повышается на 1–2 года. А случаи вступления в брак в 17–18 лет практически исчезают. Изменение традиционной модели брачности было характерно для всех сословий.

---

[1] Попов А. Воспоминания причетнического сына. Вологда, 1913. С. 138.
[2] Там же. С. 23.
[3] ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 70. Д. 211, 338, 461, 538.
[4] ВЕВ (Вятские епархиальные ведомости). 1869. № 8. С. 146. Родители Сычугова И. поженились, когда его отцу был 21, а матери 16 лет.
[5] ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 211, 338, 461, 538.

Женщины в духовном сословии рожали не единожды. Любые способы ограничения рождаемости в православном обществе дореволюционной России, а тем более среди духовенства были запрещены. Средняя семья священно- и церковнослужителей состояла из шести человек: двух взрослых и четырех детей. Во второй половине XIX в. больше половины семей с детьми в духовном сословии составляли многодетные семьи, в которых было минимум три ребенка. Семьи, насчитывающие более четырех детей, составляли примерно ¼ часть[1]. Однако нередко детей в одной семье было намного больше. Семья протоиерея г. Вятки и члена консистории А.И. Попова насчитывала 12 детей, разница между старшим и младшим составила 23 года[2].

При этом количество детей в семье не может служить показателем рождаемости. Замужние женщины рожали за время замужества в конце XIX в. 8–10 раз. Для духовенства, так же, как и для всего населения, была характерна высокая детская смертность. 2/3 умерших по г. Вятке, включая и семьи духовного сословия, составляли дети до 16 лет, среди которых больше половины умерли до года[3].

Общество одобряло рождение ребенка даже 40-летним женщинам. 25% представительниц духовенства рожали последнего ребенка после 35 лет. Из них половина рожала старше 40 лет. Самой старой роженице из духовенства по Вятскому уезду было 47 лет. Именно в таком возрасте родила жена дьякона Сретенской церкви А.А. Ергина[4].

Рождение внебрачных детей до 1917 г. оставалось аморальным и крайне редким явлением, осуждаемым обществом. При этом внебрачные связи происходили во всех сословиях[5]. В Вятской епархии нами зафиксированы три случая рождения незаконнорожденных детей

---

[1] ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 211, 338, 461, 538.
[2] ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 374. Л. 244 об.
[3] ГАКО. Ф. 248. Оп. 2. Д. 82. (Статистические сведения о числе родившихся и умерших по г. Вятке за 1861–1864, 1867–1868 гг.).
[4] ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 374. Л. 60 об.
[5] Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – середина XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 14.

у женщин духовного звания в 1867, 1871 и 1905 гг. [1] Что примечательно, в двух случаях речь шла о девицах, проживающих в г. Вятке, и в одном – о вдове. Духовная консистория провела тщательное расследование, причем вдова даже была исключена из духовного звания.

Хотя добрачные связи не допускались, девушки из духовенства имели возможность общаться со сверстниками-юношами. М. Лавров вспоминал, как на похоронах дальнего родственника он с двоюродным братом допоздна играл в карты и разговаривал с двумя девушками – будущими невестами[2]. Во второй половине XIX в. в некоторых семьях городского духовенства для взрослых сыновей и дочерей устраивались танцевальные вечера, куда они приглашали друзей и подруг[3]. В целом духовенство занимало промежуточное место между крестьянами, где общение между молодыми юношами и девушками происходили часто и дворянами, где оно обязательно, находилось под присмотром родителей.

Существенно различается судьба женщин и мужчин, пропустивших брачный возраст. Мужчина, не желающий связывать себя узами брака, вливался в ряды монашества и строил свою карьеру там. Кроме того, холостой мог начать работать на причетнической должности. Другое дело – женщины. Среди духовного сословия девиц в преклонном возрасте было не так и мало. Свидетельством того, что только женщина до 23 лет могла рассчитывать выйти замуж, служат браки вдовцов. Они не брали в жены сверстниц, а предпочитали создавать семьи с девушками на 10–15 лет младше себя, то есть теми, кому не исполнилось 25 лет. На это указывают и браки тех представителей духовного сословия, которые долгое время проработали учителями в духовных учебных заведениях и светских школах. Их брачных возраст приближался к 30 годам. Однако они так же, как и вдовцы, брали в жены девушек намного моложе себя[4]. Вплоть до начала XX в. лучшие

---

[1] ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Л. 594 об. Ф. 237. Оп. 1. Д. 137. Л. 474. Ф. 237. Оп. 173. Д. 85. Л. 1 а.

[2] Лавров М.Е. Автобиография сельского священника. Владимир, 1900. С. 33.

[3] Попов А. Воспоминания причетнического сына. Вологда, 1913. С. 115.

[4] Данные получены нами в результате обработки клировых

шансы выйти замуж были у девушек до 24 лет, чьи родители были живы. Связано это с тем, что родители невесты обеспечивали ее приданным.

Б.Н. Миронов отмечает существенное изменение семейного состояния населения империи во второй половине XIX в. в основном за счет снижения брачности. Наибольшие изменения произошли в духовном сословии. Число состоящих в браке в духовном сословии упало с 37% у мужчин и 35% у женщин, до 34% и 29%, соответственно[1]. Число холостых и девиц увеличилось в 1850 г. с 7 и 13% до 19 и 27% в 1897 г.[2]

Отношение к браку было очень серьезным. Духовенство смотрело на брак как на способ улучшения своего материального положения и социального статуса. Сохранилось немало воспоминаний самих священников о том, как происходили сватовство и свадьба в среде духовенства во второй половине XIX в.[3] До конца 60-х гг. XIX в. за дочерью умершего или готовящегося выйти за штат священно- и церковнослужителя официально закреплялось место отца. Женившись на ней, молодой человек поступал на освободившуюся вакансию. Таким образом, наиболее престижной для жениха была девушка, проживающая в богатом приходе. Наследование места вызывало много нареканий. В том случае, когда решающим фактором заключения брака выступало штатное место, невеста могла запросто оказаться, по выражению И.С. Беллюстина, «каким-нибудь уродом, если не физическим, то моральным»[4]. О том, что «нигде святость брака так не попирается, как среди духовенства», писал Н.Г. Помяловский[5].

ведомостей по Вятскому уезду за 1907 г. Ф. 237. Оп. 70. Д. 374.

[1] Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 2000. Т.1. С. 178.

[2] Там же.

[3] Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства. Париж, 1858; Лавров М.Е. Указ. соч.; Помяловский Н.Г. Полное собрание сочинений. Варшава, 1913. Т.2; Попов А. Указ. соч.

[4] Беллюстин И. С. Указ. соч. С. 57.

[5] Помяловский Н.Г. Указ. соч. С. 86.

Справедливости ради заметим, что далеко не все священники, женившиеся в 1860-е гг., вступали в брак, исходя из меркантильных побуждений. Священник М. Лавров подробно описал свое сватовств[1]. Читая строки, написанные им в старости, не отпускает впечатление, что писал их человек, счастливый в браке, для которого слово «любовь» не было пустым звуком. Вятский священник Н.Н. Блинов, известный публицист, как и многие семинаристы в пореформенную эпоху был воспитан на произведениях Чернышевского и Добролюбова. Ему было противно искать «невесту с местом». В результате, женившись по любви, он был отправлен в отдаленный приход.

В результате церковных реформ наследование приходов было официально отменено. Однако на практике даже в начале XX в. за девушками продолжали закреплять места родителей. В любом случае девушке в духовном сословии без приданого и в пореформенное время было непросто выйти замуж.

Вдовство для женщин духовного сословия было гораздо большим несчастьем, чем для мужчин. Во-первых, вдова в духовном сословии оставалась без средств существования. Пенсию за мужа могли получать только в случае, если таковой тот пользовался, пока был жив. А значит, если женщина теряла мужа, будучи не старой, то ее материальное положение становилось весьма плачевным. Содержать себя и оставшихся без отца детей ей приходилось самой. Во-вторых, в духовном сословии второй раз сочетаться браком могли только мужчины. Следовательно, вдова не могла повторно выйти замуж и решить свои материальные и психологические проблемы. В-третьих, трагично складывалась судьба ее детей, если к моменту смерти супруга они не жили самостоятельно. Дочери могли навсегда остаться в девицах. Сыновьям было трудно закончить все ступени духовной школы. Показательна судьба дочерей умершего псаломщика Богородицкой церкви с. Нижне-Ивкино Н. Устюгова, которые остались в девицах[2].

Должность просфорницы наглядно показывает, что в духовном сословии самым незавидным было положение вдов и девиц – дочерей умерших священно- и церковнослужителей. Только эти две категории

---

[1] Лавров М. Е. Указ. соч. С. 33–35.
[2] ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 374. Л. 594.

брались исполнять эту самую низкооплачиваемую и социально непривлекательную работу.

Жизнь женщины в традиционном обществе была действительно сложна и подчинена интересам семьи. Новые веяния времени, такие как гражданская и политическая активность, независимость и стремление сделать карьеру, не затронули женскую половину духовного сословия. Многие женщины в этих условиях покинули сословие, став учительницами и даже в силу усиливавшейся антирелигиозности революционерками. Женщины в России вплоть до 1917 г. оставались в подчиненном положении в обществе [1]. Самореализация для них была возможна только в рамках собственной семьи.

В.В. Савичева,
Череповец, МОУ Женская гуманитарная гимназия

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ)

Для характеристики с социальной точки зрения, а также для выявления места вологодского духовенства в социальной истории Российской империи богатый материал представляют клировые ведомости Вологодской епархии за следующие годы: 1868, 1869, 1886 (Устюжский уезд), 1896 (Грязовецкий уезд), 1896 (Яренский уезд), 1898 (Вологодский уезд)[2]. А так же церквей города Вологды за 1872, 1879, 1881, 1896, 1901, 1902[3]. Благодаря этим источникам, были выявлены сведения о 254 священнослужителях, их 162 женах и 486 детях, что

[1] Леонтьева Т.Г. говорит о том, что женщины «находились в состоянии полуприкрытого рабства»: Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество / ТвГУ. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 57.
[2] ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 94, 109,824, 947, 417, 14306, 14218,14218, 14430, 15811.
[3] ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 75, 79, 101, 102, 112; Ф. 1063. Оп. 12. Д. 30; Оп. 18. Д. 25. Оп. 34. Д. 1;Оп. 35. Д. 15, 33, 34; Оп. 36. Д. 94.

составляет приблизительно 37% от общего числа священнослужителей епархии. По данным отчетов Священного Синода за 1881 г., всего по Вологодской епархии священнослужителей было 773, за 1883 г. – 779, за 1884 г. – 780, за 1891 г. – 812, за 1892 г. – 811, за 1895 г. – 800, за 1898 г. – 825, за 1899 г. – 825, за 1901 г. – 830, за 1903-1904 гг. – 830, 1905 г. – 829 священников, за 1906 г. – 1.189[1].

Особое место в семье священнослужителя занимала его жена-попадья. К сожалению, источники очень мало дают информации об этом персонаже социальной истории. Известно, что статус женщины из духовной среды определялся положением отца или мужа на церковной служебной лестнице. За старшей дочерью служителя прихода закреплялось место её престарелого или покойного отца для будущего мужа при условии, если у священника не было сыновей[2].

При таких обстоятельствах все заинтересованные стороны - семья-обладатель священнического места, претендент-жених, – относились к заключению брака очень серьезно. Епархиальная власть в лице архиерея так же следила и относилась к заключению брака со всей серьезностью. Намеревающийся жениться юноша обязан был обратиться за разрешением к архиерею. В случае положительного решения духовная консистория выдавала специальное свидетельство-билет на вступление в брак. По традиции Русской Православной Церкви, принявший священнический сан холостым уже не мог жениться. Таким образом, наследственность приходов можно рассматривать как социальную защиту сословия, в котором роль матушки была значительна.

Если же в семье не было наследницы, то место переходило к ближайшей незамужней родственнице. Со смертью духовного лица

---

[1] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Свят. Синода по ведомству правосл. исповедания за 1881 г. СПб.,1881. с.18–19; за 1883 г. СПб.,1883. с. 18–19; за 1884. СПб.,1895; за 1891–1893 гг. СПб.,1895. с.14–15; за 1892–1893 гг. СПб.,1895 с.10–11; за 1896–1897 гг. СПб.,1899 с.10–11; за 1898 г. СПб., 1902. с.10–11; за 1899 г. СПб., 1902. с. 10–11; за 1901 г. СПб.; за 1903–1904 гг. СПб.,1909. с. 24–25; за 1905–1907 гг. СПб., 1910. с. 26–27.

[2] Доброклонский А.П. Рук-во по ист. рус. церкви. М., 1999. С. 564.

вся казенная недвижимость – дом, земля, – переходили в собственность преемника по должности.

Верхнюю ступень в приходском духовенстве занимали супруги старших священников – протоиереев (бытовое именование – протопопицы) и священников – настоятелей приходов (попадьи).

Браки чаще всего совершались только внутри сословия. В среде духовенства существовало прочное убеждение, что девушка из своего круга лучше подготовлена к роли супруги священника, чем другие. Так же браки с другими сословиями не были распространены, так как общество осуждало союз со священно – и церковнослужителями, стоящими ступенью ниже на сословной лестнице. Из 162 жен священнослужителей 26 были из других сословий, что составляет 16%. Барышни из других сословий, выходя замуж за священника, включались в состав приходского духовенства.

Младших дочерей священнослужителей либо выдавали замуж за представителей других сословий, или они оставались в доме отца. Из 245 дочерей духовенства, о которых сохранилась полная информация, сословие покинули 21 человек, что составляет 8%.

Особую роль в семье играли «грамотные матушки». Из 162 жен иереев образованными были 102, что составляет 62%. Из них некоторые имели специальное образование:

Таблица 1. Учебные заведения, которые окончили жены священнослужителей

Название учебного заведения	Колич-ество выпуск-ниц
Вологодское Епархиальное женское училище	18
Мариинская женская гимназя	11
Устюжская женская прогимназия	8
Вологодское Успенское женское училище	7
УстьСысольская женская гимназия	6
Яренская прогимназия	3
Грязовецкая женская прогимназия	5
Кубенское Мариинское женское училище	2
Приют при бывшим при Вологодском женском	1

монастыре	
Ярославское женское духовное училище	3
Мариинское женское училище города Углича, Ярославской губернии	1
Хозяйственно-Рукодельницком Институте Императорского Человеколюбивого общества в Санкт-Петербурге	1
Александровского училища при Смольном институте	1
Земское начальное училище	1
Всего	68

Обучение было сложным, в Вологодском Епархиальном женском училище преподавались следующие предметы: Закон Божий, священная история, катехизис, история Православной Церкви, русский язык, арифметика, геометрия, физика, география, гражданская история, педагогика, чистописание, церковное пение, рисование, рукоделие. Такое количество предметов говорит о высоком образовательном уровне, который получали воспитанницы. Многие выпускницы знали иностранные языки, в частности, французский, а так же играли на фортепиано, были искусными рукодельницами. По окончанию училища девушки получали аттестат на звание домашней учительницы.

Таким образом, как показывают данные таблицы, специальное образование получили 68 матушек, что составляет 41%. Можно предположить, что остальные были грамотными, так как получали домашнее образование от своих родителей, и источники сообщают нам об этом: «Мария Ломакина, дочь священника Николаевско-Зыковской церкви, Грязовецкого уезда Александра Ломакина, обучается грамоте дома»[1].

Получив образование, многие устраивались на работу. От открытия в 1888 г. и до закрытия в 1918 г. прослужила начальницей Велико-Устюгского женского епархиального училища воспитанница Александровского училища при Смольном институте, дочь священника Вологодской епархии В.П. Шляпкина. Она много сделала

[1] ГАВО. Ф.496. Оп. 4. Д. 417. С. 343.

для образования дочерей духовенства Велико-Устюгского викариатства и увидела разорение своего детища. С 1872 г. работала учительницей, а затем и воспитательницей приютского училища при Вологодском Успенском женском монастыре выпускница Ярославского женского епархиального училища С.Н. Кпаснораменская. С преобразованием приюта в училище в 1888 г. она стала старшей воспитательницей, а с 1902 г. – начальницей, проработав на этой должности до революции. «Усердие, выдающаяся преданность делу воспитания и материнская заботливость (негласно помогала сиротам из собственных средств)» отмечались в представлении её к наградам: грамоте, золотой медали на Аннинской ленте и денежному вознаграждению.

Сохранились сведения о 59 матушках, что составляет 36%, которые работали по своей специальности.

Таблица 2. Карьерные модели жен священнослужителей

Место работы	Количество
Учительница начальной школы • В сельской местности • В городе	27 12 15
Учительница в церковно-приходской школе	18
Учительница в земских училищах	13
Учительница в школе грамотности для взрослых	1
Всего	59

Анализируя данные таблицы, можно утверждать о высоком интеллектуальном и образовательном потенциале жен священнослужителей, а также женской православной интеллигенции в среде духовенства.

Что ожидало будущую жену священнослужителя? Особую трудность испытывало сельское духовенство северо-восточных уездов: суровые климатические условия, отсутствие дорог,

отдаленность некоторых приходов на сотни километров не только от губернских, но и уездных городов, разбросанность приходов на десятки километров. Все эти трудности должна была учитывать жена священника.

Смерть жены становилась для священника ударом, от которого он иногда не мог оправиться. «Священник Сойгинской церкви Павел Островский… овдовел… пришел в отчаяние и на все махнул рукой… к службе относился невнимательно, стал вести нетрезвую жизнь, а последнее время совсем опустился нравственно»,- сообщиал епископу благочинный пятого округа Сольвычегодского уезда Вологодской епархии А. Ржаницин. Из 254 священников вдовцами были 11 человек, что составляет 4%. Если же это была молодая семья, священник чаще всего покидал приход и выбирал служение Богу в монастыре.

Смерть мужа была большой утратой для попадьи. Заботы о детях, их содержании, образовании ложились на плечи вдовы. Средств не хватало (средства частично поступали от штрафов, которые оплачивали священники, провинившиеся по службе).

Разводы священников не допускались, за это лишали сана. Неурядицы в семье или раннее вдовство превращало жизнь пастыря в пытку. Не случайно в ходе подготовки церковных реформ в нач.XX в. обсуждалось второбрачия вдовых священников.

Матушки становились близкими своим мужьям по духу, образованию, воспитанию детей, знающими жизнь северной епархии и трудности служения в ней, становившимися часто не только прекрасными женами и матерями больших семейств, но и помощницами, обучающими детей в школе, участвующими в культурно-просветительной деятельности своих мужей.

***М.В. Каиль*,**
Смоленск, Смоленский государственный университет

ЖЕНСКИЕ ПРАКТИКИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ – ФИГУРАНТОВ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ 1918 - НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ*

*Тезисы подг-ны в рамках работы по проекту РГНФ № 09–01–00068а.

Православная женщина – типичный образ, олицетворение традиционного мира дореволюционной России. Попав в условия новой социальной реальности, в которой традиционные ценности дискредитировались на государственном уровне, а их носители попали в категорию политически неблагонадежных и социально чуждых, а потому подвергались дискриминациям, верующие были поставлены в тяжелые условия, требующие порою делать социальный и нравственный выбор.

Положение православной женщины в первые послереволюционные годы имело свои особенности. С одной стороны государство, в планах трудовой, военной мобилизации которого женщины пока не играли существенной роли, сравнительно терпимо относилось к внутреннему миру женщины. Их религиозные взгляды в тот период рассматривались и презентовались печатью как черты отсталости и провозглашались «уделом старух», в то время как верующий мужчина был потенциальным участником антисоветского сопротивления, монархистом, «опасным религиозником» и т.п. Однако после окончания гражданской войны, особенно в ходе антицерковных судебных процессов 1922 г. сформировались условия, делающие социальный и связанный с ним нравственный выбор женщины (между истинным и открытым исповеданием веры, несовместимым отныне с активным участием в общественной жизни; мимикрией, позволяющей вписаться в социальную реальность и в тайне сохранить веру; либо отрицанием религии как необходимым условием «работы» социального лифта – сознательно схематизируем действительность) порою неизбежным.

Попадание православной мирянки или монахини в условия судебно-следственного давления (преследования) зачастую играло роль точки бифуркации – выбор в ней был необходим. Обращаясь к анализу женских практик (стратегии поведения, самоидентификация в части религиозности, отношение с представителями своего, православного, сообщества и властью), в качестве источника мы привлекли материалы архивно-следственных дел из фондов АУФСБ отдельной российской провинции – Смоленщины, отличающиеся полнотой информационного поля, неподцензурностью и обилием антропологически емких (личная переписка) источников, а также материалы региональной печати.

Одним из первых судебных процессов в Смоленской губернии, в центре которого оказались верующие женщины, было «дело монахинь Вознесенского монастыря» лета 1918 г. К суду ревтрибунала монахини были привлечены за попытку сокрытия (в понимании верующих спасения от реквизиции) монастырского имущества. Местные функционеры, борясь в тот период за монастырскую собственность, попутно и довольно интуитивно ставили и пропагандистские задачи – обличить представителей церковной среды. На страницах смоленских «Известий» была опубликована серия репортажей из зала суда, выдержанных в очернительском духе: «Монастырь – гнездо сплетни и зависти – это притон затаившихся черных воронов…» [1]. Но в монастыре существовал и вполне реальный конфликт, расколовший насельниц в отношении монастырской администрации на два лагеря. «Сплетни, шпионаж младших за старшими, тщеславие и стремление к самовластью» [2], – так характеризовало епархиальное начальство оппозиционную группу монахинь. По итогам разбирательства лишь в отношении игуменьи, казначеи и письмоводительницы, признанных виновными «в попустительстве хищения хозяйства монастыря», вынесено предписание об удалении их из общин епархии[3]. Это дело выявило наличие раскола в казалось бы наиболее консервативном и устойчивом женском сообществе – монастырской общине. Как следует из контекста всего презентующего судебное разбирательство материала, раскол этот произошел в отношении выбора социальной позиции: идти с властью или против нее. Как показал дальнейший ход событий, выбор позволил конформистски настроенной части общины не только уцелеть, но и динамично развиваться на протяжении нескольких лет[4].

---

[1] Известия Исполнительного комитета Советов Западной области. 22 августа 1918. С.3.

[2] Там же. 23 августа 1918. С.5.

[3] Там же. 24 августа 1918. С.3.

[4] Подробнее см.: Каиль М.В. Православный приход в первые советские годы: из истории Вознесенской общины Смоленска // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы IX Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 177–183.

В последующие за 1918-м годы все представители православного сообщества региона получили опыт столкновения своих религиозных убеждений с новой государственной идеологией, к 1922–23 гг., когда прокатилась волна судебных процессов, изменились социальные ориентации, публичная самоидентификация, практики взаимоотношений с государством и роли различных категорий православных, вовлекаемых в судебные процессы. С этой позиции важно обратиться к специфике поведения женщин в стрессовых условиях судебного преследования. Источники свидетельствуют, что женщины в целом хуже усваивали и применяли формы мимикрии в поведении, их поведенческие практики более индивидуализированы, они проявляли себя в большей мере как жертвенные фанатичные исповедники своей веры.

Так, в материалах следственного дела «соборного братства» (о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Смоленске 1922 г.) сохранились источники, характеризующие специфику религиозности, образ мира, социальные ориентации, особенности взаимоотношений с окружением верующих женщин.

У задержанной на пороге канцелярии епископа Александры Шмидт – секретаря Вознесенской общины – была изъята подготовленная для сдачи в советскую газету статья, выражающая крайнюю антиепископскую позицию общины [1] . На допросе она охотно припоминала имена, места и обстоятельства встреч и не могла не отдавать отчета в том, что вовлекает в процесс широкий круг православных, своих собратьев по вере. Выбор в пользу советских по сути практик законопослушности, позволяющий легализовать индивидуальную и общинную православную жизнь, в этих действиях очевиден.

В ходе процесса была выявлена псевдо-контрреволюционная переписка с епископом семьи Авдуевских, глава которой, Гавриил, якобы искал священнического места в Смоленске. Вместе с мужем была арестована жена Мария, допрошены их несовершеннолетние дети. С первых дней заключения Мария, беспокоясь о своей 14-летней дочери, оставшейся без присмотра, просила «ускорить рассмотрение

[1] Архив Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АУФСБСО). Арх. № 11018-с. Л. 63–66.

дела» или освободить под подписку[1]. На протяжении всего процесса верующая женщина оставалась прежде всего матерью, но при этом даже страх за ребенка не мог заставить ее кривить душой на допросах – ей была свойственна открытость и убежденность в собственной правоте. Спустя месяц Мария была освобождена из-под ареста, не был осужден и ее муж.

Заигрывание с властью и искреннее следование внутренним убеждениям – полюсы, которые отнюдь не исчерпывают модели поведения православных женщин-подследственных. Официальная же печать сделала одним из символов смоленского процесса, проходившего в августе 1922 г., подсудимую Евдокию Васильеву. Она выступила перед трибуналом, заявив, что «хоронит свое прошлое». Позднее в ее уста были вложены гораздо более эффектные заявления: «Вот заря нового христианства! Представители Советской власти являются правдивыми исполнителями воли Христовой, они ведут нас к самоотверженной жизни»[2]. У нас есть основания усомниться в искренности такого характерного примера публичной самоидентификации, но отмеченные действия представительниц Вознесенской общины Смоленска вполне могли формировать естественные условия для такой эволюции мировоззрения отдельных православных.

Безусловно, драматичный этап в истории Православной церкви сопровождался и явлениями искренней жертвенности в среде православных, побуждал к единению близких по духу людей. Вслед за процессом лета 1922 г. на Смоленщине возникло «дело епископа Филиппа» – правящего епископа Смоленского и Дорогобужского Филиппа (Ставицкого). В материалах следственного дела содержится личная переписка с верующими женщинами, проявлявшими заботу об архипастыре, выступавшими с откликом на его поступки и суждения. Испытав давление обновленческих структур и не будучи готов к активному противодействию им, в начале 1923 г. епископ оставляет управление епархией, удаляясь в захолустный монастырь, после чего верующие пишут: «можно ли исчислить все, что мы теряем в тебе

---

[1] Там же. Л. 161.

[2] Каржанский Н. Процесс Смоленских церковников. 1–24 августа 1922 г. Смоленск, 1922. С.156.

Отец наш, нам страшно подумать о том, что ты оставляешь нас, но мы надеемся на твои молитвы ибо они приятны Богу»[1].

В тот период епископу писала его давняя знакомая – настоятельница одного из крупных монастырей Самарской епархии, открывшая обстоятельства своих «страданий» в и без того смутную пору гражданской войны от наветов регентши монастырского хора: «Хорошо сделала, что не устрашилась ничего и даже военная власть очень внимательно ко мне отнеслась, а свои сестры довели до тюрьмы… был спрятан хлеб, а я всю вину приняла одна на себя… думала этим спасти обитель»[2]. Эта пострадавшая за веру женщина с заботой и искренним участием пишет епископу, уповая на избавление от всех бед и скорую встречу.

Специфичная женская вера в годы революций и гражданской войны была поставлена в тяжелые условия: необходимость физического выживания и повседневные нужды, действие внешних сил (притеснения, аресты, суды) порождали причудливые метаморфозы традиционной веры, порою соподчиняли ее формы с условиями новой социальной реальности. Индивидуальный выбор порождал расколы единства православного мира, ставил верующую женщину перед необходимостью выбора, к которому она не была готова. Та же эпоха явила характерные примеры чистоты веры, превалирующей в поведении и различных практиках православных женщин религиозной традиции, сохранение которой определяло жизнеспособность как института церкви, так и сохранение в советской России общих контуров системы православных ценностей.

О.Б. Молодов,
Вологда, Вологодский филиал
Северо-Западной академии государственной службы

ЖЕНЩИНЫ–ВЕРУЮЩИЕ СЕВЕРНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В 1960–1970-Е ГОДЫ

[1] АУФСБ СО. Арх. № 2646-с. Л.58.
[2] Там же. Л. 61.

Изучение гендерных аспектов в среде верующего населения советского периода истории страны представляется важной, интересной, но малоизученной проблемой. В значительной части статистических документов и материалов социологических обследований, выявленных в архивах Европейского Севера, пол верующих не указывался. Исследователей советского времени в большей степени интересовали их возрастные характеристики и социальное происхождение. Однако отдельные архивные источники наряду с опубликованными работами позволяют подтвердить общедоступный факт, что в исследуемый период значительной частью верующих и религиозных активистов (в первую очередь православных) являлись женщины престарелого возраста.

Известно, что женщины преобладают в любой христианской деноминации, что в условиях послевоенного СССР усугубилось рядом нетипичных для других государств факторов. Во-первых, это физическое уничтожение в годы репрессий мужского населения, представлявшего наибольшую опасность для богоборческой тирании, активных носителей и распространителей веры[1]. Во-вторых, массовая гибель мужчин на фронтах Великой Отечественной войны и от полученных ранений в послевоенные годы. Война способствовала и оживлению религии, поскольку тысячам семей принесла огромное горе[2]. По мнению советских ученых, часть людей, не укрепившихся в атеистических убеждениях, вновь вернулась к своим прежним взглядам[3]. В значительной мере это были женщины, остававшиеся в тылу или выжившие на оккупированных территориях. В-третьих, по статистике, у женщин бóльшая продолжительность жизни и относительно ранний уход на пенсию. Это предоставляет им возможности при отсутствии трудовой занятости посвятить себя, например, служению Церкви. В-четвертых, в нашей стране ответственные государственные и партийные должности традиционно занимают мужчины. В условиях атеистического государства их участие в

[1] Бессмертный–Анзимиров А. Русская православная Церковь в год своего 1000-летия // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник. М., 1991. С. 98.
[2] Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа Коми. М., 1978. С. 151.
[3] Там же. С. 289.

религиозной жизни могло повлечь негативные последствия: исключение из рядов КПСС, понижение в должности и даже увольнение с работы. В случае придания гласности, например, факта крещения, им порой приходилось публично отрекаться от совершения обряда. Так произошло в 1970 г. с директором леспромхоза архангельским коммунистом Петром С[1].

Женщинам-пенсионеркам в те годы можно было, не опасаясь преследований, открыто посещать храм и совершать религиозные обряды. Этому способствовала распространенная тогда идеологическая установка, что большинство верующих – престарелые женщины, с уходом которых из жизни, религия отомрет. В 1960-е гг. встречаются случаи выхода верующих из КПСС по собственному желанию, что являлось редкостью. Такие заявления подали три женщины-пенсионерки из Вологды и Череповца, 1895–1896 годов рождения, отказавшиеся «жить на два фронта», то есть ходить в церковь и быть членами партии[2].

Недостаток лиц мужского пола привел к тому, что в изучаемый период женщины могли служить в церкви псаломщицами. Данное исключение, содержащееся в Определении Поместного Собора от 20 сентября 1918 г. «О привлечении женщин к деятельному участию на различных поприщах церковного служения», в 1960–1970-е гг. фактически стало правилом[3]. Преобладание женщин в приходском управлении наглядно показано в Таблице 1.

Таблица 1.
Состав религиозных активистов православных приходов Вологодской и Архангельской областей (1964-1973 гг.)[4]

---

[1] Государственный архив Архангельской области (ГА АО). Ф. 5620. Оп. 3. Д. 146. Л. 29-31.

[2] Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 42. Д. 20. Л. 59–60; Оп. 47. Д. 12. Л. 13; Оп. 63. Д. 16. Л. 309.

[3] Православная энциклопедия: Рус. Православная Церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 290.

[4] Составлено по: Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 1300. Оп. 14. Д. 23. Л. 47, Д. 28. Л. 10, Д. 29. Л. 190, Д. 32. Л. 25,

Год	1964	1968	1969	1970	1971	1973*
Гендерный состав приходских собраний						
Общее число членов	439	392	394	389	381	331
из них женщин	342	321	325	327	318	279
доля женщин (в %)	77,9	81,9	82,5	84,1	83,5	84,3
Социальный состав приходских собраний						
из них:						
пенсионеров	207	254	260	297	295	307
домохозяек и иждивенцев	117	73	62	38	34	15
всего пенсионеров, домохозяек и т.п.	324	327	322	335	329	322
их доля (в %)	73,8	83,4	81,7	86,1	86,4	97,3
Гендерный состав исполнительных органов						
Общее число членов	?	51	51	50	50	49
из них женщин	?	43	43	43	44	41
доля женщин (в %)	?	84,3	84,3	86	88	83,7

*Данные по приходам Архангельской области.

В 1960-х – начале 1970-х гг. женщины составляли 77–87% участников приходских собраний («двадцаток») и 83–88% членов исполнительных органов, куда входили староста, его помощник и казначей. В 1973 г. из 17 старост приходов Архангельской области было 15 женщин. Социальный статус, свидетельствующий в том числе и о возрасте церковных активистов, также не вызывает удивления – пенсионеры, домохозяйки и иждивенцы занимали более трех четвертей мест в «двадцатках».

Д. 34. Л. 20. ГА АО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 183. Л. 31.

Результаты наблюдения представителей местных властей за деятельностью прихода также показывают явное преобладание женщин среди лиц, посещающих богослужения. Как сообщалось в справке, в начале 1960-х гг. Успенскую церковь г. Белозерска в воскресные дни в среднем посещало 40-50 человек – «пожилого и преклонного возраста старушки. Мужчин …очень мало» [1]. На богослужении в Богородско-Лысогорской церкви Усть-Кубинского района 17 мая 1964 г. находилось пять мужчин из почти сотни присутствующих[2]. В отчете по той же церкви за 1979 г. говорится, что «прихожан было немного, в основном женщины пожилого возраста»[3]. В середине 60-х гг. в этой православной общине в «двадцатке» числился один мужчина, правда, возглавлявший ревизионную комиссию, а на всех остальных должностях – женщины, из которых 15 пенсионерок, три домохозяйки и надомница[4].

В целом по стране, как отмечает доктор церковной истории прот. Владислав Цыпин, в 1960-е гг. среди молящихся в церквах «решительно преобладали теперь уже пожилые женщины»[5]. Другой священник с сожалением указывает, что пополнение приходов и в дальнейшем происходило «за счет женщин, выходящих на пенсию, …не умеющих и не желающих разбудить приходскую жизнь»[6].

Архивные документы содержат разного рода информацию о работе приходского «актива». В ряде случаев бурной деятельности от пожилых, слабых здоровьем и полуграмотных старост и казначеев ожидать не приходилось [7]. Порой проходили годы, прежде чем

---

[1] ГА ВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 22. Л. 37.
[2] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 69. Д. 99. Л. 8.
[3] ГА ВО. Ф. 897. Оп. 4. Д. 317. Л. 23.
[4] Там же.
[5] Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви (1917–1990): Учебник для православных духовных семинарий / Под ред. епископа Дмитровского Филарета (Карагодина). М., 1994. С. 169.
[6] Свешников В., прот. Приходы: вчера, сегодня, завтра // Москва. 1993. № 3. С. 205.
[7] ГА ВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 37. Л. 204, Д. 39. Л. 143 и др.

приходское собрание удовлетворяло заявление старосты об уходе и проводило новые выборы[1].

Чаще среди активистов шла борьба за ключевые должности в приходском совете (исполнительном органе), которая сопровождалась шумными собраниями и потоком взаимных жалоб в органы государственной власти вплоть до Совета Министров СССР. В таких заявлениях, в том числе анонимных, содержались обвинения оппонентов в финансовых злоупотреблениях и аморальном поведении[2].

По причине незначительного количества приходов (в Архангельской и Вологодской областях их было около 40), среди населения были распространены неформальные проявления религиозности[3]. В этой внеприходской жизни важное место занимали женщины-верующие, часто выступавшие в качестве «самочинных требоисправителей». Не случайно в обиходе возникло понятие «крещение бабушками», канонически допустимое лишь в исключительных случаях, например, при рождении нежизнеспособного ребенка. В тот период при отсутствии действующих храмов и священников повсеместно «неграмотные старушки крестили (чаще всего неправильно) больных, а заодно и здоровых детей»[4]. Особенно участились эти факты с начала 1960-х гг. после запрета священникам производить обряды на квартирах и в домах верующих (кроме соборования тяжелобольных)[5]. Стимулировало подобное явление и отсутствие согласия на крещение обеих родителей, что требовалось

---

[1] Там же. Д. 29. Л. 189.

[2] См.: Молодов О.Б. Жалобы и заявления верующих как источник для изучения государственно-церковных отношений в 1960–1980-е гг. (на материалах ГА АО) // Историческое краеведение и архивы. Вып. 10. Вологда, 2004. С. 83–88.

[3] См.: Молодов О.Б. Неформальная религиозная жизнь на Европейском Севере в 1960–1980-е гг. // Традиции в контексте русской культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. IX. Череповец, 2004. С. 309–314.

[4] Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1960 г. С. 15.

[5] Там же. Годовой отчет за 1962 г. С. 11.

законодательством о религиозных культах[1]. Кроме того, «бабушки» могли окрестить, не требуя документов и справок, не занося данные о родителях в специальный журнал. Многих вполне устраивало, что ребенок крещен, хотя и не в церкви. Отсутствие статистических данных о подобных обрядах не дает возможности заключить, насколько велик их удельный вес, однако позволяет предположить, что на Европейском Севере окрещенных священниками в тот период было меньшинство.

Таким образом, можно заключить, что в годы относительно стабильных государственно-церковных отношений женщины–верующие и религиозные активисты наряду с епископатом и клиром старались делать все возможное для преумножения материального благополучия приходов и сохранения православных традиций.

О.Д. Ященко,
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

ЗАПРЕТ, ГРЕХ, ПОКАРАНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТРОЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ЛОГИКИ НЕДОПУСТИМОСТИ АБОРТОВ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И КАТОЛИЧЕСКОМ КОСТЕЛЕ

Этот материал посвящен описанию, сравнению и анализу логики недопустимости, греховности аборта и кары за него (на примере Католического Костела и Православной Церкви). Я выделяю четыре основных положения в построении этой логики.

Во-первых, это общее для обеих ветвей Церкви положение о тотальном контроле над личностью посредством контроля над сексуальностью.

Во-вторых, это описание и анализ логических объяснений относительно одной из важнейших и основных библейских заповедей христианства «Не убий».

В-третьих, это анализ того, каким образом обе Церкви «адаптируются» к новым тенденциям развития общества на примере

[1] Там же. Годовой отчет за 1964 г. С. 11.

включения в логику недопущения абортов мнений экспертов-врачей или же собственной аргументации, основанной на медицинских данных.

В-четвертых, это построение логики Церкви, касающейся абортов, через исключение женщины как субъекта действия.

Иными словами, я обращусь к дискурсивным практикам конструирования гендера, являющегося, по определению Дж. Скотт[1], составным элементом социальных отношений между полами и первичным средством означивания отношений власти.

Первым и основополагающим, на мой взгляд, положением в логике Православной Церкви и Католического Костела является тотальный контроль над личностью посредством контроля над человеческой сексуальностью, особенно женской сексуальностью. По Фуко[2], сексуальность является первым, на что действует власть. Она же становится продуктом, а результатом дискурса о сексуальности является развитие системы надзора и контроля над индивидами (например, контроль над рождаемостью, когда объектом этого контроля выступает сексуальность).

Христианский дискурс относительно греховности и недопустимости абортов в силу своей логики, и не только, имеет достаточно сильные властные полномочия и кажется достаточно материальным. Это особенно заметно на современном этапе, когда в светских государствах очень сильны религиозные догматы. Так, например, в Польше существует так называемое «*Положение о планировании семьи, охране человеческого плода и условиях разрешения прерывания беременности*», действующее с 1 марта 1993 г., которое является одним из наиболее ограничивающих права женщины во время беременности и регламентирующим случаи, в которых возможно сделать аборт. Существование этого документа, как, впрочем, и негативное отношение к контрацепции, во многом определены влиянием Католической Церкви.

---

[1] Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков, 2001; СПб., 2001. С. 405–436.

[2] Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. с франц. М., Касталь, 1996.

Все сильнее в последнее время становится «дружба» РПЦ и государства, что отражается в государственных программах, например, в программе по сексуальному образованию подростков, столь популярной в начале 1990-х гг. и столь же критикуемой, не без помощи церкви, сегодня.

На сегодняшний день и Православная Церковь, и Католический Костел придерживаются положения, что аборт, производимый на любом сроке и по любым показаниям, есть зло и убийство. Однако такого рода суждения существовали не всегда, они изменялись на протяжении времени, что особенно характерно для католического костела.

Дж. Харст[1], изучавшая историю абортов в Католической Церкви, отмечает, что история взглядов на проблему абортов основывается на трех основных моментах. Во-первых, это определение момента, в который развивающийся плод становится человеческим существом. Во-вторых, это единство души и тела, которые составляют человеческое существо. В-третьих, это связь между производством аборта и взглядами Костела на сексуальные отношения.

Если в период Средневековья представители Католического Костела сместили акцент в дискуссии об абортах с проблемы сокрытия греха за сексуальные отношения, не имеющие целью воспроизводство, на вопрос, когда же появляется душа в теле еще не рожденного ребенка, то по прошествии нескольких веков плод уже считался человеком с момента зачатия. Например, до 1869 г. большая часть теологов учила тому, что плод не имеет души в течение первых сорока дней, а значит, не является человеческим существом, следовательно, производимый в течение первых сорока дней аборт – это не убийство. Это было важно для врачей, которые хотели знать, что не совершают убийство плода, уже имеющего душу, то есть не убивают человека. В течение последних двухсот лет Костел окончательно принял положение, что любой аборт является грехом и не может быть разрешен ни в каком случае. Аборт рассматривается уже не как способ сокрытия сексуального греха, а как охрана зародившейся жизни. На протяжении веков Католическая церковь

[1] Hurst J. Historia Aborcji w Kościele Katolickim. Warszawa, 1991.

просто меняла характер аргументации и логики относительно определения того, что же есть убийство в случае совершения аборта.

Православная Церковь на протяжении всей своей истории, начиная от апостолов и до наших дней, говорит о том, что аборты и контрацепция – тяжкие грехи, совершать которые для христианина недопустимо. То есть аборт – это посягательство на уже существующую человеческую жизнь, следовательно, для Православной Церкви жизнь зарождается в момент зачатия. Главным в этом вопросе является определение наказания за совершенный грех. Канонические правила Церкви прямо приравнивают аборт к убийству и назначают за него десятилетнее отлучение от церковного общения в таинствах, а тяжесть вины не зависит от срока беременности.

Общим и основополагающим в логике обеих Церквей является то, что сексуальные практики могут иметь своей целью только репродукцию. В этом тезисе прослеживается логика тотального контроля над человеческой личностью посредством контроля над сексуальными практиками. В то же время Православная Церковь в большей мере апеллирует к нравственным ценностям верующих, особенно к христианской семье. Аборт, то есть уничтожение родителями своих детей, здесь является «страшной» формой уничтожения семьи.

Отдельным пунктом в построении логики Католического Костела и Православной Церкви, основывающейся на недопустимости абортов, является в последнее время апелляция к мнению медиков. В логической цепи Церкви появляются «другие» врачи – признанные специалисты, подтверждающие тезис Церкви, что человеческая жизнь зарождается в момент зачатия. Одновременно завязкой и кульминацией такой логики стал фильм на основе ультразвуковой киносъемки аборта трехмесячного эмбриона «Немой крик», сделанный Б. Натансоном, бывшим директором американской клиники, специализировавшейся на производстве абортов. Этот фильм до сих пор является очень популярным в православной и католической логике недопустимости абортов. Ссылки на него можно найти практически в каждой популярной христианской брошюре.

Аборт напрямую связан с жизнью женщины, а именно с возможностью распоряжаться своим собственным телом и, как следствие, с социальными ролями женщины. Церковная же логика

характеризуется «отсутствием» женщины как субъекта действия. С одной стороны, женщина никогда не присутствовала в формировании церковной логики относительно абортов в качестве полноправного субъекта. Женщина никогда не была и не может быть папой в католической церкви, она не может занимать позицию теолога. Женщина также никогда не входила и не входит в иерархию православной церкви. Иными словами, она никогда не имела голоса в публичной дискуссии относительно определения греховности и допустимости аборта. С другой стороны, женщина просто «исчезает» из дискуссии о проблеме абортов. «В течение последних нескольких лет из публичного языка практически исчезли такие слова как «плод» и «беременность». Их место заняли «нерожденные дети» и «охрана зарожденной жизни». Аборт называется убийством, а беременная женщина это просто «мать»[1].

Именно по этому аборт, напрямую связанный с социальными ролями женщин, по мнению феминистского теоретика Р. Печески[2], приобретает политическое звучание обычно тогда, когда начинается наступление на эти социальные роли. Так называемая «эмбрионоцентричная культура» только на поверхности подразумевает борьбу за спасение зародыша, скрывая под громкими лозунгами охраны жизни другие, более насущные и сложно решаемые проблемы.

Я попыталась описать и проанализировать логику Провославной Церкви и Католического Костела относительно недопустимости абортов, выделив четыре положения: тотальный контроль Церкви над сексуальностью, определение аборта как убийства человеческого существа, привлечение экспертного знания медиков и исключение женщины из поля производства знания относительно абортов.

Все перечисленные пункты лежат в основе логики и аргументации обеих ветвей христианской церкви, но первое и последнее положение являются наиболее общими для православия и католицизма. Причем следует отметить, что четвертое положение об «отсуствующей»

---

[1] Graff A. Świat bez kobiet, W.A.B, Warszawa, 2001.

[2] Печески Р. Аборт и выбор женщины (Предисловие к изданию 1990 года) // Антология гендерных исследований. Сб. пер. / Сост. и комментарии Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Мн., 2000.

женщине является прямым следствием первого о тотальном контроле над личностью посредством контроля над сексуальностью. Это так, потому что контролируется в первую очередь женская сексуальность. С другой стороны, это положение является, по-моему, наиболее слабым, так как, понимая порядок логики и конфигурацию власти, можно отследить принципы ее функционирования и изменить предписанные практики. Это, по крайней мере, на теоретическом уровне пытаются сделать представители феминизма. Я позволю себе назвать такую «обратную» логику намеком на «силу негативного мышления».

Раздел 4.
Трансформация семейно-брачных отношений в новое и новейшее время

З.З. Мухина,
Старый Оскол, Старооскольский технологический институт (филиал) НИТУ МИСиС

О ДЕВИЧЬЕЙ ЧЕСТИ И ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Вопросы «девичьей чести» являются предметом дискуссий при всякой попытке дать оценку «традиционным ценностям» русского крестьянства[1], а эта тематика, несмотря на то, что миновало более века со времен раннебуржуазной индустриализации России и стремительного обновления всего уклада жизни, все еще остаются в кругу обсуждаемых тем.

Отношение к девичьей чести в традиционной русской крестьянской культуре второй половины XIX – начала XX в. долгое время не являлось непосредственно предметом отдельного исследования ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Научное изучение этого вопроса – явление постсоветского времени, и здесь имеется широкий спектр «окончательных» выводов. Новейшие данные собраны Н.Л. Пушкаревой[2], отметившей необходимость изучения региональной специфики в отношении добрачной чистоты девушки. Попытаемся пролить некоторый свет на этот вопрос, исходя из

[1] Пушкарева Н.Л. «Жену с почину берут»? (устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 129.

[2] Пушкарева Н.Л. Всероссийская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–85; Пушкарева Н.Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 164–173.

рассмотрения повседневной жизни крестьянской женщины в Центральных губерниях Российской империи.

Все, что касается жизни женщины-крестьянки, все точки соприкосновения с внешним миром, все аспекты ее внутреннего мира отнесем к женскому пространству. Оно имеет множество компонент: функциональные, структурные, символические, предметные, генетические, познавательные, эмоционально-психологические, морально-правовые, мировоззренческие и др. Различные компоненты сложным образом взаимодействуют друг с другом. Мужское пространство по своему устройству подобно женскому, но существенно отличается от него по содержанию составляющих его компонент.

Женское пространство крестьянки обладало сложной структурой. В него входили пространства девочек, девушек-невест, молодых замужних женщин, зрелых женщин с детьми, вдов, солдаток и др. Переход из пространства девочек-подростков в пространство девушек-невест было обусловлено биологическим взрослением и предопределено течением времени. А вот следующий переход в пространство замужних женщин такой определенностью не обладал и представлял лишь одну из альтернатив, к тому же имевшую определенную вариативность. Среди имеющихся альтернатив у девушки были: остаться старой девой, вековушей или же иметь интимные связи не выходя замуж и завести незаконнорожденных детей. Последняя альтернатива помимо экономических затруднений вызывала осуждение в крестьянской среде. Стремление к переходу из пространства девушек-невест в пространство замужних женщин представляло абсолютную доминанту.

Пространство девушки-невесты, касающееся интимно-сексуальной сферы, было совсем не простым и четко определенным. Дать его описание хоть с какой-то степенью полноты является совершенно нереальной задачей. Попробуем наметить многообразие проявления этой сферы в пространстве девушки-невесты.

Интимно-сексуальная сфера в значительной степени затрагивала генетическую компоненту вследствие давних традиций русской деревни в этом отношении («гаски», «горюн», «столбушка», «стояние

за углом»)[1]. Выход девушки замуж выполнял дифференцирующую функцию (выделение из среды девушек) и одновременно осуществлял интегрированность в среду замужних женщин. Однако при четко определенном стремлении такого перехода сам переход представлял чрезвычайно сложный комплекс, что предопределило вариативность компонент.

По традиционным представлениям, интимно-сексуальная компонента обретала реальность после перехода в пространство замужних женщин, что выделялось ритуально предписанным моментом (свадьба). Однако из-за того, что сам переход не был предопределен, происходила инверсия – интимно-сексуальная компонента своим появлением в пространстве девушек была призвана стимулировать такой переход. Согласно источникам, данная схема представляется адекватной действительности в значительном числе случаев. Появление указанной компоненты было обусловлено вариативностью по горизонтали и вертикали остальных компонент, причем изменение диапазона вариативности одних компонент индуцировали соответствующие изменения у других. Сам исходный пункт – выйти замуж – не был четко и однозначно определен. Девушка не просто хотела выйти замуж, а выйти за желанного и богатого; в некоторых случаях нужно было заставить родителей смириться со сделанным выбором (жениха или невесты); не последнее место занимал половой инстинкт. Сюда примешивалось участие родителей и родственников. Кроме того, вследствие массового отходничества в конце XIX в. в деревне имелся избыток невест, и между ними разгоралась борьба за сердца и кошельки женихов. Все это в

---

[1] Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. С. 227, 228; РКЖБН 3 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (Далее – РКЖБН). Т. 3: Калужская губ. СПб.: изд-во «Деловая полиграфия», 2005. С. 328, 430; РКЖБН 4 – РКЖБН. Т. 4: Нижегородская губ. СПб.: ООО «Навигатор», 2006. С. 158, 232; РКЖБН 5.2 – РКЖБН. Т.5: Вологодская губ. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 672, 726; Семенов Ю,И. Пережитки первобытных формотношений полов вобычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение, 1996. № 1. С. 42–45.

сочетании с эмоциональными порывами и настроениями переплеталось в единый клубок и создавало сложнейший массив начальных состояний.

Важное значение имела вариативность морально-правовой компоненты как мужского, так и женского пространства. Не всегда и не везде формально предписанные и реально соблюдаемые моральные нормы, касающиеся сексуальной сферы, совпадали [1]. Вопреки религиозным предписаниям, к внебрачным связям парней, а в ряде случаев и девушек, крестьянский социум относился довольно либерально. Значительное влияние на понимание моральных норм, на мировосприятие и мировоззрение оказывало появившееся вместо прежнего эгалитаризма имущественное и социальное расслоение деревни в конце XIX – начале XX в. Отметим, что в первую очередь материальные соображения делали пластичными различные компоненты.

Вступление девушки в интимную связь выделяло ее из группы сверстниц, но здесь она попадала в «зону риска», поскольку конечное состояние также обладало вариативностью. Девичья честь имела самостоятельную ценность, в богатых семьях к этому относились гораздо строже. Девушке нередко приходилось сопоставлять две системы ценностей – социальную лестницу, олицетворяемую сочетанием богатства и престижа, и свою девственною чистоту – и делать выбор. Часто ожидаемый конкретный переход не реализовывался (парень бросал обольщенную им девушку), и это затрудняло девушке возможность вновь интегрироваться в прежнем качестве. Ее в разной степени могли отторгать и семья, и сообщество сверстниц, и весь крестьянский социум. Положение еще более усугублялось при беременности и рождении ребенка. Потеря девственности могла быть постоянной инвективой даже после выхода девушки замуж, внося разлад в семейную жизнь. Крайним случаем отторжения являлся вынужденный уход девушки в город. Другой вариант – часть девушек уходила в работницы. В этом случае связи с хозяином, его сыновьями и родственниками могли дать новые сюжеты интимных отношений. Имелись варианты еще в одном измерении. При отказе парня жениться на соблазненной им девушке взывали не

[1] Пушкарева Н.Л. Историческая феминология в России… С. 165.

только к его моральным установкам, но использовались другие способы убеждения и принуждения (судебное разбирательство, шантаж, угрозы, месть). Таким образом, для девушки имелся целый диапазон конечных состояний (соблазнитель женился на ней, она выходила замуж за другого, материальная компенсация, интегрированность в прежнем качестве, переход в маргинальное состояние). Учтем вариативность морально-правовой компоненты родителей (жалость к дочери; постоянные упреки, побои; продажа с целью получения материальных выгод; склонение к проституции), подруг (поддержка, сочувствие; безразличие; укоры и нежелание общаться), социума (сочувствие; безразличие; осуждение). Добавим сюда вариативность функциональной, познавательной, мировоззренческой и других компонент, половой инстинкт. Все это взаимодействовало и переплеталось друг с другом, создавая бесчисленные комбинации.

Добрачные отношения реально существовали и составляли важную часть повседневной жизни русской девушки-крестьянки. Можно только представить накал страстей, богатство чувств и мыслей девушки, ее внутреннее состояние, преисполненное надежд, ожиданий, разочарований, раздираемой противоречиями. Таким образом, становится ясно, что по отношению к интимной жизни пространство крестьянской девушки было богато и насыщено, представления о нем по сравнению со стереотипами нуждаются в корректировке. Конечно, не следует считать, что понятие «девичьей чести» претерпело повсеместную девальвацию. Традиционные представления о «девичьей чести» и добрачных отношениях сохраняются в сельском социуме в разной степени до настоящего времени.

Е.А. Коляскина,
Бийск, Бийский педагогический государственный университет

ТРАДИЦИОННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ АЛТАЯ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МУЖА И ЖЕНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.)

Работа основана на интервью, собранных этнографическими экспедициями Бийского педагогического университета в 1999 – 2002 гг.

на территории пяти районов Алтайского края, а также полевых материалах, записанных автором в 2001 – 2006 гг. в шести районах края и Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области. Так же в исследовании использованы архивные и уже опубликованные источники.

Представления о жене русских старожилов и переселенцев Алтая отличались противоречивостью. С одной стороны, она считалась дорогим для мужа человеком. «Обери, Господи, все, только бы жена осталась», - гласила пословица[1]. Между супругами существовала духовная связь, о чем свидетельствует запрет, в случае смерти одного из супругов, другому бросать землю в могилу, чтобы душа умершего «не ходила». С другой стороны, в фольклоре старожилов жена позиционировалась как личность, на которую мужу нельзя положиться: «Три на свете штуки: жена, лошадь, лодка, на их надежды нету; на жену в доме не надейся»[2]. В фольклорных текстах любовь жены представала менее сильным чувством, чем любовь матери и сестры[3].

На Алтае женщину часто величали по фамилии мужа или по его социальному положению, отличному от остальных жителей села, что характерно для русской традиции[4]. Таким образом, жена представлялась продолжением, производной мужа.

Муж по отношению к жене имел направляющее значение, метафорически он представал, как «право крылышко». На Бухтарме во время свадебного ритуала жених вел невесту, держась за уголки платочка: «Куда иголочка, туда и ниточка», – так образно охарактеризовал данное действие Б. Герасимов[5]. Жена должна была

---

[1] Герасимов Б. В долине реки Бухтармы: краткий историко-географический очерк // ЗСПЗСОРГО. 1911. Вып. 5. С. 82.
[2] Герасимов Б. Указ. соч. С. 85.
[3] Там же. С. 68; Паньшина Н.Г. Хороводные традиции крестьян Солонешенского района // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 254; Швецова М. Из поездки в Ридерский край // ЗЗСОРГО. Омск, 1898. Кн. 25-26. С. 23.
[4] Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Л., 1988. С. 41.
[5] Герасимов Б. Указ. соч. С. 74.

уважать и почитать мужа, повиноваться ему. Кержаки Красногорского района говорили: «Мужика надо почитать, как крест на церкви».

Достоинством жены считался тихий нрав, покорность мужу. На Алтае девочку воспитывали в духе полного смирения и подчинения[1]. Свадебный фольклор старожилов содержал наставления невесте усмирить свою гордость, выйдя замуж: жить «*смирнешенько»,* голову держать «*поклонно»*, сердце «*покорное*», «*спеси-гордости»* убавить[2]. В текстах песен старообрядцев и казаков фигурирует плетка как средство воспитания жены от спеси и упрямства [3] . Старожилы полагали, что излишне самолюбивая и гордая девушка может остаться старой девой.

В среде русских старожилов и переселенцев Алтая жестокое обращение с женой не было редкостью. Ее избиение являлось распространенным сюжетом фольклора[4]. По мнению М. Швецовой, у сибиряков это было «обычное явление»[5]. Ту же исследовательницу поразила грубость нравов в семейных отношениях бергалов. Этнограф связывала это с распространением бедности и пьянства [6] . Г.Д. Гребенщиков,

---

[1] Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв.): дис. … канд. истор. наук: 07.00.07. М., 1973. С. 57-58.

[2] Гуляев С. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90, ч. 1. С. 30, 40; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // ЗЗСОИРГО. Омск, 1899. Кн. XXVI. С. 84; Зобнин Ф.К. Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (этнографический очерк) // Шарабарина Т.Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 212.

[3] Белослюдов А.Н. Свадебный ритуал «каменщиков» (материалы по этнографии засельщиков Бухтарминской долины) // Шарабарина Т.Г. Русские свадебные традиции... С. 195; Зобнин Ф.К. Указ. соч. С. 211; Паньшина Н.Г. Указ. соч. С. 252–253.

[4] Паньшина Н.Г. Указ. соч. С. 246.

[5] Швецова М. «Поляки»... С. 61–62.

[6] Швецова М. Из поездки... С. 7, 10–11.

выросший в семье бергала, писал, что отец избивал мать, хотя после жалел ее, ухаживал за ней, стыдился соседок, извинялся перед те-щей[1].

Известно: наибольшей строгостью нравов отличались кержаки: муж мог избить жену так, что «рубашка прилипала к телу», за неправильный обмолот льна или плохо приготовленный обед[2]. У кер-жаков Красногорского района зафиксировано высказывание: «Жену надо бить в неделю раз, *чтобы земля очистилась*». Такое отношение, вероятно, исходило из отрицания таинства брака некоторыми старообрядческими толками. Например, девятинцы и федосеевцы жену «свенченную» считали «блудницей»[3].

У бухтарминских старообрядцев, утверждал Г.Д. Гребенщиков, брак «освещался редкой взаимной преданностью и доверием». Правда, где-нибудь на гвоздике для «пристрастки» висел прутик или плётка[4]. Видимо, писатель идеализировал семейные нравы каменщиков, поскольку исследователь того же времени отмечал, что жены каменщиков беспрекословно сносили «науку» (побои – Е.К.)[5]. Более мягкое отношение к женщине наблюдалось у «поляков». М. Швецова связывала это со свободой выбора супруга и сохранением сводных браков, в которых женщина в случае плохого к ней отношения могла уйти от мужа, а так же с влиянием более свободных семейных традиций, распространенных на их прежнем месте жительства (Ветка и Стародубье)[6].

---

[1] Гребенщиков Г.Д. Из моей жизни // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Электрон. текст. дан. [Б.м.], 2007–2008. URL: http://grebensch.narod.ru (дата обращения: 25.06.2008).

[2] Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 96.

[3] Центр хранения архивных фондов Алтайского края (далее ЦХАФ АК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 313. Л. 37; Гребенщиков Г.Д. Река Уба и убинские люди // Русский писатель Георгий…

[4] Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь // Русский писатель Георгий…

[5] Герасимов Б. Указ. соч. С. 76.

[6] Швецова М. «Поляки»... С. 61–62.

У переселенцев, как и у старожилов, не было принято посторонним вмешивать в дела супругов, в случае их ссоры говорили: «Две собаки дерутся, третья не лезь». По мнению А.В. Сафьяновой, деспотизм в семье – это следствие уклада неразделенной семьи с ее патриархальными традициями и нравами, прочно укоренившимися в быту старожилов до начала XX в., и слабо проявлявшимися у переселенцев[1]. На отношениях супругов также отражалось распространение браков по воле родителей.

Особо жестоко каралось публичное непослушание или оскорбление мужа женой. Так, согласно архивным материалам, в 1925 г. муж убил жену за то, что она на заседании сельского совета уговаривала мужа не утаивать посев[2]. Видимо, муж решил проучить слишком активную жену, занявшуюся не своим делом, и перестарался. В рассказах информантов жестокое обращение мужа с женой часто связывалось с пьянством.

В некоторых случаях русские Алтая оправдывали применение физической силы мужем по отношению к жене в качестве метода «воспитания» за различные проступки: за измену или пьянство.

Вместе с тем в пословицах старожилов содержалось указание на нежелательность и бесполезность физического воздействия на жену: «Нельзя жену бить! Нельзя поучить! Уж я бил жену раз, – плакал всю неделю»; «Добрая жена слово понимат, а худую кулаком не проймешь»[3]. В фольклоре муж назывался «милым другом», «дружечка сердешная», «упора», «надежа», «право крылышко», «помощник»[4]. В его функции входило «жалеть» жену, она без него считалась горькой, пустой, одинокой, круглой «сироточкой»[5].

---

[1] Сафьянова А.В. Положение и роль женщины... С. 49, 53.
[2] ЦХАФ АК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.
[3] Герасимов Б. Указ. соч. С. 81; Крестьянская свадьба в Западной Сибири // Сибирь. 1887. № 11. С. 12.
[4] Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: свадебная поэзия, похоронная причеть. Новосибирск, 2002. С. 352–357.
[5] Русский семейно-обрядовый фольклор... С. 354–357.

Старожилы и переселенцы Алтая полагали, что брак заключался до конца жизни супругов. Он был для них явлением практически вечным и нерушимым. В фольклоре жена представлялась как «подвенечница–*вековечница*»[1]. Некоторые информанты не помнят, чтобы в деревне были разведенные люди. «Хоть худенькай, да свой огород» (про мужа – Е.К.), – говорили российские переселенцы. Среди старожилов бытовала поговорка: «Баба не сапог, с ноги ее не сбросишь». Сильное ограничение законных оснований развода и чрезвычайно сложная процедура делали его почти нереальным. Бывало, что из-за практической невозможности развода супруг решался на убийство.

И старожилы, и переселенцы Алтая считали развод позором и грехом. Несмотря на это, бывали случаи, когда жена уходила от мужа или наоборот он ее бросал, последнее упоминалось информантами чаще. В случае развода женщина возвращалась в дом родителей или оставалась со своими взрослыми детьми[2]. Развод в первую очередь был ударом по репутации женщины, ее называли «брошенкой» или «отхожкой», «отходкой». Это могли быть две разные категории: «Если она сама ушла, то *отхожка*, а если он ее бросил, то *брошенка*»[3]. Разведённые женщины редко обзаводились новой семьёй. Общественное мнение определяло ее в разряд «второсортных» невест. Одной из причин отрицательного отношения к разводу было представление, что в жизни женщины должен быть один сексуальный партнер – ее муж, иначе – это разврат, а разведенная женщина – «гулящая».

У старожилов ушедшую из семьи женщину, как правило, муж или родители возвращали назад, при этом ее жестоко наказывали: «Родители её за косу привязывали к оглобле и к жениху, один раз бичём по коню, два раз по ней»; «Муж бил жену, если она убегала, к оглобле и стегал». В случае судебного разбирательства суд вставал

---

[1] Гуляев С. Указ. соч. С. 7.

[2] Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 382. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

[3] Гринкова Н.П. Говор бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 454.

на сторону мужа[1]. Такое отношение существовало даже к бракам, не скрепленным венчанием.

Информанты связывают распространение разводов с коллективизацией. Включение женщины в общественное производство, возможность расторжения брака, антирелигиозная кампания, безусловно, сделали расторжение брака вполне реальным, но негативное отношение к разведенной женщине сохранялось.

Таким образом, мужу отводилась роль ведущего в семье, жене ведомой. Применение мер физического воздействия хотя и считалось нежелательным, но являлось обычным способом «воспитания» жены. Супруги воспринимались как единое, неделимое целое. Их взаимоотношения зависели от этноконфессиональной принадлежности.

В.О. Белевцова,
Самара, Поволжская Социально-Гуманитарная Академия

ЖЕНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ МАРИЙЕВ

Ценнейшим источником по этнической истории и культуре народов является традиционная обрядность. Несмотря на утрату своей целостности, тенденции к отмиранию, упрощению некоторых ритуальных форм, но будучи наиболее консервативной сферой культуры общества, связанной с областью национального мировоззрения и самосознания, она сохранила свои специфические этнические черты. Особый интерес брачная обрядность представляет для исследования гендерных стереотипов, их функционирования в той или иной социальной среде.

В традиционной свадебной обрядности марийцев женщины были задействованы во всех этапах брачной обрядности, начиная подготовкой свадебного торжества и заканчивая обрядами в послесвадебном периоде. Их возраст и ролевое поведение существенно варьировалось.

В конце XIX – начале XX в. браки у марийцев заключались двумя способами - путем договора между родственниками и путем похищения

[1] ГАТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 57. Л. 10Б.

женихом невесты[1]. Вторая форма заключения брака в этот период была более распространена, при этом сохранялся весь цикл обрядов.

Традиционно у марийцев на смотрины отправлялась группа людей во главе с организатором данного мероприятия, выступавшим посредником между семьями. Человека, по чьей рекомендации осуществлялось сватовство, называли *ончыч коштшо* (досл. «выделяющий, высматривающий невест»), *кокла коштшо* (досл. «посредник, посредница»), *путлышо* (досл. «уговаривающий»)[2]. У горных марийцев - *туклар мара* (сват), *туклаце (*сваха)[3] у моркинских *ончыч – коштшы*[4], с течением времени в марийской свадьбе определенную роль стали играть женщины свахи. Поскольку появляются специальные термины, обозначающие конкретных действующих лиц и их роль во время сватовства: *ончыч коштшо вате* (жена сватуна из деревни невесты), *тулар вате* (жена свата), *сваха - вате, темлыше вате* (сваха, сватунья)[5]. У восточных марийцев встречается и группа свах — 1 сваха - *карт,* 2 сваха — *пурышъ* (распоряжающаяся угощением); 3 сваха — *вейн - карт* (ответственная за песни и пляски) [6] . Хотя у восточных марийцев, по свидетельству информаторов, сватьями могла выступать семейная пара – *тулар тыши*[7]. В обряде сватовства у луговых марийцев большую роль играл *тулар мари* – сват; он был главным действующим лицом[8]. У горных марийцев эту роль выполняла в основном женщина - *ыдыр мошы.* С

---

[1] Смирнов Н.Н. Черемисы. Казань, 1889. С. 9.
[2] Козлова К.И. Марийско – русские этнические границы и связи в XVII – XVIII вв. // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып 23. С. 157.
[3] Мейнен В.Ф. Издание хозяйственного департамента министерства внутренних дел Рос. в дорожном отношении. Том I. СПб., 1902. С. 143.
[4] Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. С. 52.
[5] Смирнов И.Н. Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. С. 104.
[6]Лоссиевский М.В. Черемисская свадьба.//Записки Оренбургского отделения Императ. Географ. общества Выпуск 4. СПб., 1881. С. 173
[7] ПМА 2: 2008г. Респ. Башкор. Балтач., Бирский, Бакалинский р-ны.
[8] Козлова К.И. Указ.соч. С. 183.

течением времени женщины стали занимать все более устойчивые позиции, что упрочило их значение в обрядности. Женщины свахи наравне с мужчинами стали принимать активное участие в выборе невесты, а также в организации свадебного торжества.

Интересно, что согласие на замужество давалось самой девушкой, если она принимала дары сватов и пила их вино. У моркинских марийцев девушка на обряде не присутствовала; если она была согласна на брак, то пряталась в таком месте, чтобы её могли найти, и это расценивалось как согласие; в противном случае сватовство считалось не состоявшимся[1]. У марийцев Царевококшайского уезда в случае несогласия отца невеста сама выходила к сватам и выпивала вино[2]. Кроме того, решающие слово в выборе невесты отдавалось за матерью[3].

У горных марийцев накануне свадьбы в домах жениха и невесты варили пиво, стряпали. У невесты пиво делали ее подруги. Мать жениха, сам жених и его дружка приезжали к невесте, для того чтобы выкупить невестино пиво. В моркинскинской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии марийцы перед свадьбой устраивали девичник *ӱдыр ончыл йӱмӧ.* Исполняемые напевы, исследователи считают свадебными причитаниями, хотя не ясно, являются ли они традиционно марийскими или представляют собой результат влияния соседних народов[4].

Свадебный цикл начинался со дня бракосочетания. Во время свадьбы каждый родственник семьи, житель деревни (общины), сверстник жениха и невесты играл свою особенную социальную роль в свадебном церемониале.

Первым по значимости чином является *сӱан вуй* (глава свадьбы). Он выполнял функции распорядителя свадьбы. В Помьяльской волости *сӱан вуй* был в сопровождении жены[5]. Им мог быть крестный отец жениха, если

---

[1] Яковлев Г. Указ. соч. С. 56.

[2] Смирнов Н.Н. Черемисы. Казань,1889. С. 136.

[3] ПМА 1: Республика Марий Эл.

[4] Смирнов И.Н. Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских//Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. С.112

[5] Евсеев Т.Е. Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл,. 1927. № 10. С.140.

крестные родители играли важную роль в социальных связях[1]. У некрещеных марийцев главным действующим лицом на свадьбе оставался человек, исполняющий религиозные обряды при заключении брака, т.е. *карт*[2]. Информаторы свидетельствовали также о том, что в Яранском уезде, вероятно, под русским влиянием молитву могла совершать пожилая женщина[3]. Но, несмотря на то, что главную роль играли по большей части мужчины, женщины так же занимали значительное положение в проведении свадебного церемониала. Так, ключевыми фигурами свадебной церемонии являлись женские персонажи – женщина или группа женщин, которые проводили обряд смены головного убора. Названия и родственные связи невесты с этими женщинами имеет локальные различия, но при этом сохраняется главная функция – содействие переходу невесты в новый социальный статус, закрепленный внешними атрибутами (смена девичьего головного убора на женский). Например, у луговых марийцев, где важную роль играли посаженые родители – *кияматлык ача и ава/ тулар и тулаче/крес ача ава,* именно *кияматлык ава (тулаче)* производила обряд смены головного убора. Аналогичную функцию у горных марийцев выполняла жена *кого-винге*[4]*.* В Арбанской и Вараксинской волости Царевококшайского и в Козьмодемьянском уезде этот персонаж назывался *сваха-вате*; У некрещеных марийцев она называлась *вуй пулчышо ава* (букв, «обертывающая голову мать»).

У моркинских марийцев роль посаженной матери – *кияматлык ава* исключительна. В её обязанности входила смена девичьего головного убора на женский, исполнение всех ключевых свадебных обрядов вместе с молодыми. Во время вхождения в дом родителей жениха посаженая мать от имени невесты одаривала всех присутствующих полотенцами. Обязательным атрибутом у *кияматлык ава* была пуховая подушка, на которой везли невесту, сажали в доме жениха, а

---

[1] Лоссиевский М.В. Черемисская свадьба // Записки Оренбургского отделения Императ. географ. общества Выпуск 4. СПб., 1881. С. 147.
[2] Яковлев Г. Указ. соч. С. 51-52.
[3] ПМА 1: Республика Марий Эл. 2008 г. – Медведевский, Оршанский, Мари – Турекский, Парангиньский, Сернурский районы.
[4] Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 135.

посаженая мать использовала её для защиты. При проведении постельного обряда *кого венге* должен был ударить невесту трижды кнутом, а посаженная мать – закрыть невесту от удара. Данному обряду придавали большое значение и считали, что от его исхода будет зависеть все дальнейшая жизнь молодой[1]. Обязательными чинами на свадьбе были подруги невесты - *ончыч шогышо ӱдыр, пелен шогышо ӱдыр, онцылан шогышо ӱдыр* (досл, «впереди стоящая», «рядом стоящая», «подруга невесты»). У горных марийцев известно еще одно название – *ыдыр гуньыр/ыдыр гыньыр*. В её функции входило встречать жениха и его свиту у невесты, сопровождать невесту, выполнять вместе с ней обряды (моркинские марийцы), помогать одевать невесту.

Диалектные различия относительно этого чина определялись тем, к какому роду относится этот персонаж. У горных и части восточных (Белебеевский уезд) марийцев подругой невесты являлась сестра или племянница жениха[2]. Тогда в её функции также входило сопровождение невесты к источнику воды, встреча в доме жениха. У луговых марийцев подруга невесты выбиралась со стороны невесты, и её присутствие на свадьбе ограничивалось проводами невесты из отчего дома. В этом случае её функции в доме жениха выполняла посаженная мать или незамужняя родственница жениха – *лашка шолтышо удыр* (букв. девушка варящая суп – лапшу)[3].

В некоторых районах присутствуют чины с узкой направленностью функций. Это *тулача* – женщина, сопровождающая невесту в кибитке. *Чаза корка кушычо ӱдыр* отвечала за сбор денег при выкупе приданого или места рядом с невестой. У моркинских марийцев появляется специфических персонаж – *первый ӱдыр* (первая невеста), который

---

[1] ПМА 1: Республика Марий Эл. 2008 г. – Медведевский, Оршанский, Мари – Турекский, Парангиньский, Сернурский районы.

[2] Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1894. № 3. С. 36; Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 135.

[3] Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С.170.

выбирался из родственников невесты. Молодого человека одевали в свадебный кафтан *сывын* невесты и приводили к столу, который он обходил три раза. Это делалось с целью защиты невесты[1]. Интересно, что здесь для оберега невесты женскую роль отдавали мужчине.

Наиболее часто описываемый обряд «укладывания молодых» был распространен повсеместно. У луговых марийцев молодых укладывали обычно *ончыч шогышо*/посаженая мать и дружка. В Яранском уезде жених должен был выкупать брачное ложе у *ончыч шогышо*, кроме того, здесь существовал обычай класть в него сначала ребенка[2].

Один из первых послесвадебных обрядов, направленный на приобщение к роду мужа, – первая баня. При посещении первой бани молодушка была обязана вновь одарить свекровь, притом, по свидетельству информаторов, дарились подарки более дорогие, нежели на свадьбе[3].

После свадьбы мужское пространство долгое время оставалось закрытым для молодой жены. Она не имела права разговаривать со свекром и старшими братьями мужа до тех пор, пока не получала специального разрешения от них.

Женские роли в традиционной свадебной обрядности имели характер символического приобщения к женской группе, также играли важную роль в консолидации женского сообщества вокруг главной его ценности и главного символа – семьи. В соответствии с выполнением приоритетной функции, происходит организация женского пространства в свадебной обрядности. Так, женские роли в основном направлены на приобщение молодой к новой социальной роли, именно женщины переводят ее в другой социальный статус (смена головного убора). Статус девочек и пожилых женщин определял более пассивную и замкнутую линию поведения, в отличие от замужних женщин, которым отводилась самая активная организационная роль, хотя зачастую они могли выступать лишь в паре с законным супругом. Промежуточное положение между ними занимали незамужние девушки. В то же время функции молодых замужних женщин в

---

[1] Яковлев Г. Указ. соч. С. 58.

[2] ПМА 1: Республика Марий Эл. 2008 г. – Медведевский, Оршанский, Мари – Турекский, Парангиньский, Сернурский районы.

[3] Там же.

свадебной обрядности имели более развлекательный характер, особенно ярко выраженный в предсвадебном и свадебном циклах. Так, *сўан-ватэ* являются неотъемлемыми персонажами в свадебной обрядности. Именно эта группа женщин отвечает за фольклорную составляющую обряда.

Традиционный мужской и женский поведенческий комплекс, имеющий социально – историческую основу, претерпел значительные изменения. Сейчас главными хранителями и трансляторами традиционной культуры в основном являются именно женщины.

Ю.В. Аргудяева,
Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ У ПРИМОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В МАНЬЧЖУРИИ

Группа старообрядческого населения Маньчжурии сформировалась преимущественно из крестьян, переместившихся сюда в 1930-е гг. из Приморья. На Дальний Восток они интенсивно переселялись во второй половине XIX – начале XX в. из многих регионов России, что обусловило поливариантность традиционной культуры русского этноса. В короткие сроки восприняв некоторые приемы хозяйствования у местных народов, они приспособили традиции хозяйственного уклада, материальной культуры и семейного быта к местным условиям и создали крепкие хозяйства. Однако действия советской власти в 20-30-е гг. XX в., в том числе введение непосильных налогов, коллективизация, атеизация, подорвали экономическую и нравственную основы крестьянских хозяйств. Многие из них подверглись раскулачиванию, что послужило в 1932–1935 гг. причиной бегства крестьян из Приморья в близлежащую Маньчжурию, где они оказались в ином культурном окружении. Здесь, недалеко от Харбина, возникло несколько старообрядческих поселений, в каждом из которых была своя конфессиональная община старообрядцев-часовенных. С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии часть мужчин была репрессирована и увезена в СССР, семьи остались в Маньчжурии. В 50–60-е гг. XX в. некоторые из них вернулись в СССР, но большинство уехали в Австралию и на американский континент.

Полевой материал, собранный автором среди старообрядцев-реэмигрантов, позволил составить представление о семейном быте старообрядцев Маньчжурии. Там они попали примерно в схожую с Приморьем природную среду и условия для ведения хозяйства. Это позволило перенести в новый регион русские традиции в хозяйственной деятельности, в материальной (жилище, одежда, пища, утварь) и духовной (религиозные воззрения, календарные и семейные обычаи и обряды) культуре, в общественных и семейно-брачных отношениях.

Старообрядцы в брак вступали рано – девушки в 14–16 лет, юноши в 18 лет. Добрачные близкие отношения осуждались. Дефицита невест не было. Их выбирали родители с учетом общественного мнения из числа старообрядцев-часовенных ближайших деревень. С китайцами браков не заключали. Строго придерживались общеславянской традиции не разрешать браки по прямой линии до 8-го колена и по боковой – до 4-го, с духовными родственниками, т.е с крестными и их детьми. Во второй брак мог вступать тот, кто овдовел до 30 лет. Если человек был старше 30 лет, но имел много детей, разрешали даже третий брак.

Преобладали, как и в Приморье, нуклеарные двухпоколенные семьи, хотя встречались и большие трехпоколенные. В отношении к семье важное место занимало религиозное осуждение любых способов ограничения рождаемости. Контрацепция и аборты были запрещены, так как считались большим грехом. Ребенок любого пола всегда был желанным. И рожали столько, сколько «бог дал», поэтому семьи были многодетными. Наряду с традициями высокая рождаемость обусловливалась экономическими, социальными, этическими соображениями, из которых важнейшими были потребность в детях, обеспечение семьи рабочей силой, содержание родителей в старости, межпоколенная передача традиций повседневной жизни. Однако высокая рождаемость сопровождалась и высокой детской смертностью от инфекционных и иных заболеваний.

У маньчжурских старообрядцев вся внутренняя и внешняя деятельность семьи была строго регламентирована, подчинялась воле старших, которых все почитали и уважали. В семье подчинялись «большаку» (т.е главе – мужу, отцу, брату), которому в домашних делах помогала его жена («большуха»). В «неразделенных» семьях патриархальные нравы сохранялись дольше. «Большак» имел и

правовую и экономическую власть над всеми домашними. Сила патернализма, отцовской (братской) власти, поддерживаемая традициями и общиной, была довольно велика. «Большухе» подчинялись все женщины семьи. В семьях, где мужчины уходили на 2-3 месяца на охоту, всеми домашними делами руководила мать семейства, и все ей подчинялись. Положение невестки в основном определялось традициями семейного уклада русских крестьян, конфессиональными и психологическими установками. Ежедневный, строго регламентированный распорядок дня во многом определялся хозяйственными функциями, основными видами деятельности, сезоном года, исповедальными установками, половозрастным разделением труда (мужской, женский, детский), трудовыми традициям и пр.: время подъема, дневных и вечерних работ, приема пищи, отхода ко сну, молитв проходили в установленные часы. Дети приобщались к реалиям жизни через повседневную жизнь семьи. Они рано привлекались к труду. Весь уклад семейного коллектива и конфессиональной общины готовил ребенка к трудовой, будущей семейной и духовной жизни, знакомил с основами нравственного воспитания, религии и грамотности по старинным книгам религиозного содержания.

Специфика жизни в Маньчжурии отразилась и на семейной обрядности (родильно–крестильной, свадебной и похоронно–поминальной): ее основа – восточнославянская и русская, но она впитала черты локальной культуры, сформировавшейся уже на Дальнем Востоке. Роды принимала бабка-повитуха. Крестил ребенка и читал очистительную молитву настоятель. Помимо запретов, которых придерживалась русская женщина в послеродовой период, роженица-староверка 40 дней питалась отдельно от других членов семьи, в течение этого же времени муж не должен был претендовать на супружеские отношения. Основной формой брака у старообрядцев Маньчжурии, как и в Приморье, было открытое сватовство. Свадебный ритуал состоял из предсвадебного цикла, собственно свадьбы и послесвадебных действий с преобладанием северорусской традиции: действо проходило в доме невесты и жениха и включало множество различных магических элементов, банные очистительные обряды, обряд бранья (оформление брака) получение благословения от родителей и др. Похоронно–поминальный обряд маньчжурских старообрядцев почти полностью повторял аналогичный обряд в

Приморье, представлявший целый комплекс языческих и христианских мировоззрений.

Сохранить традиционную русскую культуру, в том числе в семейно-брачной сфере, в иноэтничном окружении, старообрядцам Маньчжурии помогли установки, основа которых, как правило, – религиозные воззрения. По мнению маньчжурских старообрядцев-реэмигрантов, именно религия помогла им выжить в чужой стране, пройти сталинские лагеря, а их родственникам, которые после Китая стали жить в странах Азиатско–Тихоокеанского региона, – сохранить русскую культуру и язык в новых русских старообрядческих поселениях в Австралии, Бразилии, Уругвае, Перу, Канаде и США.

Д.А. Николаева,
Улан-Удэ, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

АРХАИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БУРЯТ О ХОЗЯЙКЕ ДОМА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX В.

В традиционной культуре бурят конца XIX – начала XX в. отношение к женщине было сугубо патриархальным. Особенно тяжелое положение отмечалось у молодой невестки. Оно обусловливалось множеством норм и обычаев, регулировавших правила поведения и этикет. Так, ее обязанностью было трудиться с раннего утра до позднего вечера, считалось недопустимым отдыхать или оставаться какое-то время без дела, поздно вставать. Добродетелями молодой жены были такие качества, как скромность, покорность, умение угодить родственникам мужа. В патриархальной семье иметь невестке собственное мнение считалось дурным тоном, ей запрещалось высказывать свое мнение или какое-либо желание, она должна была «без слов» принимать решения и указы мужа и его родителей.

Несомненно, это было связано с натуральным характером хозяйства, который возлагал на женщину многочисленные обязанности. Помимо ведения домашнего хозяйства - приготовление пищи, дойка коров и уход за скотом, уборка жилища, воспитание детей и т.д., – она должна была производить основную продукцию, необходимую для обеспечения благоденствия семьи: шить одежду,

обувь, постельные принадлежности, изготовлять домашнюю утварь, пасти скот, участвовать в полевых земледельческих, сеноуборочных и других хозяйственных работах. В ее обязанности входило обеспечение семьи дарами природы – сбор ягод, луковиц саранки, дикого лука и чеснока, черемши. Женщина практически должна была делать все, в том числе работы, считавшиеся мужскими.

Надо отметить, что подчинительному поведению в отношении к мужчинам, даже к сверстникам, девочек начинали приучать с самого раннего детства (как только научиться ходить), одновременно приобщая к выполнению посильного женского домашнего труда, вырабатывали навыки сервильных функций.

Положение молодой невестки автоматически улучшалось с появлением ребенка. Невестка, родившая нескольких детей, получала со стороны мужа большее расположение, ее роль в семье становилась более значимой, так как она выполнила свое главное предназначение – продолжила воспроизводство рода. Многодетные невестки пользовались авторитетом, именно им поручалось исполнение жизненноважных ритуалов, связанных с воспроизводством рода (свадебные, родильные обряды). Чем больше рождалось детей, тем большее уважение она заслуживала со стороны родственников и общества.

Как видим, статус женщины-матери был достаточно высоким. В семье она распределяла и контролировала обязанности находившихся под ее началом дочерей, невесток, детей; в ее компетенции находилось рациональное расходование и распределение продовольственных и иных запасов. Голос матери принимался в расчет, а иногда был решающим при заключении брака ее детей, распределении семейного имущества и других не менее важных вопросов.

Чем старше становилась женщина, тем больше ценился ее житейский опыт и ум. Возможность прожить долгую жизнь в окружении многочисленного потомства у бурят всегда почиталось за счастье. В этом возрасте ей даже позволялись некоторые вольности. Она могла, например, будучи в гостях, напиваться до полного опьянения, и это не порицалось. С возрастом появлялись и определенные общественные привилегии: право на совместную трапезу со взрослыми мужчинами, тогда как молодым женщинам это было запрещено, право на совместный прием гостей. Пожилая хозяйка дома у бурят свободно

сидела, беседовала и угощала гостей вместе с мужем. Мужчина, зайдя в дом, должен был приветствовать как хозяина, так и хозяйку, при этом долгая беседа с пожилой женщиной не считалась чем-то предосудительным для мужчины, а являлась с его стороны знаком уважения. В гостях ее усаживали также как и ее супруга на почетную сторону *юрты*, что было со стороны хозяев проявлением наивысшей степени почтения. Однако патриархальный уклад требовал даже от пожилой и уважаемой женщины соблюдения регламентации: почтительно относиться к мужчине равного ей и старшего по возрасту, носить безрукавку и головной убор, соблюдать многие запреты, установленные обществом.

С прекращением регул она опять становилась сакрально чистым человеком (*арюулган*), как девочки и мужчины. С этого момента снимались многие запреты. В этом возрасте ей доверялось изготовление шаманских атрибутов, или предметов для похоронных обрядов: шитье небольшого мешочка, куда клали вещи покойного (трубку, расческу, очки, монеты и пр.). В обрядовой жизни общества ей отныне отводилась ведущая роль. Обычай западных бурят свидетельствует о более активной роли женщин в ранней форме родовых общественных праздников, чем это было известно по материалам конца XIX в.

Особый почет получала женщина, находящаяся в статусе «благополучной» – имеющая детей, внуков, достаток, здоровье (*бутэн булеэн, һалаа һандараа угы, ухи хуюутэй*). Это так называемые матриархи семьи и рода. В бурятской культуре существовал особый знак, указывающий на высокое социальное положение такой «благополучной» женщины. Для этого 45–50-летняя женщина проходила обряд, во время которого ей распускали волосы и заплетали их в три ряда. Чуть ниже подбородка (на расстоянии ширины ладони) одну из прядей обертывали вокруг и затем плели косу дальше. С этих пор женщина должна заплетать волосы только таким способом. После этого к ней кардинально менялось отношение со стороны родственников и общества. Она обладала почетом и уважением, могла присутствовать на родовых обрядах (в отличие от остальных женщин, которые не имели права посещать такие мероприятия), ее голос принимался в расчет при обсуждении каких-либо важных общественно-значимых моментов, к ней обращались за советом и т.д.

Таким образом, несмотря на патриархальные отношения, прослеживается необычайно высокий статус женщины-матери, который как мы полагаем, обусловлен сохранившимися следами материнского культа. Это подтверждается следующими показателями. Так, у бурят генетическое наследие прослеживается по линии матери. Об этом же повествует миф об *Алан-гоа*, праматери монгольских родов и прародительнице *Чингис-хана* в одиннадцатом поколении. Актуальность данной темы отражена в бурятских пословицах и поговорках: «Не садись в глубине юрты, у которой дверь плоха. Не бери в жены девицу, у которой мать плоха» («*Муу үдэтэй һүри осоо, холо буу һуу. Муу эхэтэй басага, хадамда буу аба*»); «Руби дерево острым топором. Породнись с человеком из хорошего рода» («*Суута һайн һүхөөр, модондо ябалсаха. Суута һайн хүнээр, худа оролсохо*») и т.д.

Буряты придавали большое значение генетически качественному наследию невестки. Заветной мечтой каждого бурята было иметь здоровое потомство для продолжения рода, а отсюда большое значение придавали *удха* (букв.: корень, происхождение), т.е. чтобы была из плодовитого рода, «не было ли среди предков умалишенных, хронически больных, бездетных, пьяниц, калек». При выборе невестки в первую очередь обращали внимание на ее физическое здоровье, ум, сообразительность и только в последнюю очередь на внешность. Девушка, соответствовавшая требованиям, ценилась очень высоко *(хурдан хурса, бэрхэ шадамар* – быстрая, расторопная, умелая, смекалистая), независимо от ее социального происхождения. В силу того, что забота о благополучном потомстве и умелом ведении хозяйства играла немаловажную роль, состоятельные буряты нередко брали себе невестку с «хорошими качествами» из бедной семьи. Часто таких девушек похищали.

От наличия вышеперечисленных качеств зависел размер калыма. Например, если невеста была из плодовитого рода, взрослая, крепкого здоровья, способная справляться с домашним хозяйством и т.п., то размер калыма за нее устанавливался соответственно большой. При наличии у нее каких-либо физических недостатков размер калыма уменьшался или вовсе не платился. Если невестка была моложе другой, то она ценилась меньше.

Считалось, что от свойств невестки напрямую зависело будущее мужского рода. Сохранились представления о влиянии определенных

черт и качеств женщин на формирование характерных особенностей бурятских родов, отраженных в бурятской пословице: «От прославленной женщины родившийся *сонгол*. От шустрой женщины родившийся *торта*. От спокойной женщины родившийся *бухут*. От умелой женщины родившийся *шарат*. От красивой женщины родившийся *готол*».

С материнской линией связано как происхождение, так и названия ряда бурятских родов. Согласно этногоническому мифу, дочь лебедицы прекрасная *Хангин* однажды попала под дождь с градом и забеременела. А потом от ее сына, рожденного от градины, пошел род *хангин*; дева-лебедь родила 11 сыновей, которые впоследствии стали основателями 11-ти хоринских (забайкальских) родов (*галзууд, харгана, хуасай, хубдууд, баганай, шарайт, бодонгууд, гушад, саган, хуудай и халбин*). У бурят Предбайкалья в сюжете двое детей – мальчик *Шарайт* и девочка *Хангина*. Потомки *Шарайта* живут в Нукутском аймаке, а *Хангины* в Аларском – Иркутской области.

Итак, обладателем высшего статуса является хозяйка дома**,** которая в силу своего авторитета и уважения выполняла основные воспитательные функции в семье, как в трудовом, так и нравственном отношении. Она следила за надлежащим поведением всех молодых членов семьи, обучала внуков элементарным трудовым навыкам, прививала нормы и этикет внутрисемейных и общественных отношений. Мнение хозяйки дома оказывало большое влияние внутри своей семьи и во всем кругу ближайших родственников. Ее роль была весьма значительной. Она выполняла жизненно важные функции по отношению ко всему семейно-родственному коллективу: организаторские, хозяйственные, воспитательные, идеологические и т.д.

Таким образом, выявление связей в структуре социальных и семейных отношений, определяет не только внешнюю форму, но и имплицитную систему архаических представлений о роли и месте старшей женщины в традиционной культуре, что позволяет нам выявить, несмотря на патриархальную ориентированность общества, следы древних форм бытования культа матери-прародительницы.

Ю.Н. Сушкова,
Саранск, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

МОРДОВСКИЕ ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ МЕЖДУ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ

Разрешение семейных споров в системе народного правосудия занимало особое место, поскольку семья хотя и была структурным подразделением общины, но обладала собственным кругом правовых полномочий. «*Кодама семьясь - стама койсь*» (мокш.), «*Кодамо семия, истямо кой*» (эрз.) («Какова семья, таков и обычай»), – гласит мордовская пословица[1]. Семейная юстиция действовала, главным образом, в сфере семейно-родовых отношений, осуществляя юрисдикцию только над членами своей семьи. В ее основе лежали прежде всего такие общие соционормативные установки по управлению семьей, как подчинение домохозяину и старшим, соблюдение каждым ее членом системы половозрастной иерархии.

Споры, возникавшие между супругами (мокш. *мирть-рьват*, эрз. *атят-бабат*), как правило, разрешались ими же самими, без вмешательства родителей или других членов семьи. В большинстве случаев супруги жили мирно, разрешая все хозяйственные и имущественные дела сообща. При возникновении серьезных конфликтов обычным правом предусматривались методы их разрешения в рамках семьи, в исключительных случаях – общины. «*Мирть-рьват сялондыхть – фкя-фкянь тонафтыхть*» (мокш.), «*Мирдть-полат севныть – вейкест-вейкест тонавтыть*» (эрз.) («Муж с женой ругаются – друг друга учат»; «*Мирть-рьват кува сялондыхть, сия колендихть (падяйхть)*» (мокш.), «*Мирдесь ды козяйкась кува севныть, сия ладить*» (эрз.) («Муж с женой ругаются – только тешатся»); «*Кодамо мирдсь – стама авась (рьвясь)*» (мокш.), «*Кодама мирдесь, истямо козяйкаськак*» (эрз.) («Каков муж, такова и жена»); «*Мирдьсь и рьвясь – фкя кевонь толхт*» (мокш.), «Муж и жена – искры одного кремня»; «*Цебярь мирть-рьват фкя мяльсот и фкя кяльсот»* (мокш.) («У хороших супругов одни мысли, одни слова»); «*Алясь и авась – фкя славась*» (мокш.) («У мужа и жены одна слава»); «*Мирдть-козяйкат севныть-тюрить– часонь ютазь мекев*

[1] Мордовские пословицы и загадки. Т. 1. Пословицы, присловья и загадки. Саранск, 1959. С. 124.

мирить» (эрз.) («Муж с женой поругаются – через час помирятся»); «*Беряньдеяк берянь тев – мирямс мирде ды козяйка*» (эрз.) «Самое плохое дело – мирить мужа и жену») – гласят мордовские пословицы[1].

Отдельные исследователи считали, что в древнемордовском юридическом быте отсутствовали серьезные различия в положении мужчины и женщины, а изменения в их правовом статусе с мужским преимуществом произошли ввиду влияния обычного права русского народа. Так, В.Н. Майнов отмечал, что возникновение элементов порабощения замужней женщины в мордовской семье относилось к тому периоду, когда женщина попала под влияние татар и русских. По его наблюдениям, статусу мордовских женщин, менее подверженных влиянию русских, присуща большая самостоятельность. Исследователь утверждал, что в глубокую старину мордва не знала случаев насильственной выдачи своих дочерей замуж не по любви[2].

Косвенным подтверждением данной концепции является и мордовская свадебная песня, в которой девушка при встрече со сватами интересуется, по обычаям какого народа они пришли делать ей предложение о супружестве. «Подождите, меня оставьте, по чьему приказу вы пришли, по чьему наказу вы прибыли. Если по башкирскому приказу, если по калмыцкому наказу – не подходите ко мне, не смейте прикоснуться ко мне», – говорится в ней. По мнению Т.В. Васильева, в этой песне отражено мордовское представление о недопустимости выхода замуж в соответствии с башкирскими или калмыцкими обычаями, по которым женщина считалась рабой мужа. Девушка отвергала предложения башкирских или калмыцких сватов, поскольку положение замужней женщины у этих народов было неизмеримо более тяжелым, чем у мордвы[3]. В качестве аргументов, поддерживающих выводы Васильева, можно привести и бытовавший у мордвы обычай эндогамии, а также практики брачных кругов, связанных с предпочтением создания семьи в рамках своей деревни, села.

Доминирующие смешанные браки, которые заключала и заключает мордва,– мордовско-русские, что в значительной мере объясняется не только традиционными этническими контактами, но и длительным

---

[1] УПТМН. Саранск, 1967. С. 67.

[2] Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы. Саранск, 1885. С. 35.

[3] Васильев Т.В. Мордовия. Саранск, 2007. С. 83–84.

проживанием вперемежку, сходством антропологического облика, а затем и единством веры. В дохристианскую эпоху девушки-мордовки, полоненные, к примеру, ногайцами (губанцами), отказывались выходить за них замуж, ссылаясь не только на нежелание стать женами захватчиков, но и на то, что им не велят так поступать мордовские боги: «Мы не пойдем за вас замуж, не велит это делать Вере-паз (верховный бог. – Ю.С.), Пурьгине-паз (бог грома. – Ю.С.) покарает нас…»[1].

Принятие православия способствовало бракам мордвы с русскими. «А как они с россиянами греко-российской веры, а по сей причине и русских девиц берут в замужество за своих детей и своих дочерей отдают за русских», – писал в конце XVIII в. Иоанн Дамаскин – епископ Нижегородский и Алатырский [2] .Что касается браков мордвы с мусульманскими народами, то они были весьма редкими, ибо христианство, как и ислам, запрещало такие межконфессиональные браки. К примеру, в мордовской народной песне «Марюша» говорится, как похищенная татарином девушка-мокшанка отказывается стать его женой, заявляя при этом: «Отпусти, татарин, отпусти, окаянный, с тобой мокшанская девушка жить не станет, конское мясо, татарин, ты ешь, на шее, татарин, креста ты не носишь[3].«Конечно, браки между мордвою и татарами запрещаются и тщательно избегаются народом, – писал В.Н. Майнов в конце XIX в., – но тут влияет разница в религиозных верованиях, а вовсе не то, что мордва, например, относилась свысока к татарской национальности; напротив того, нам всюду приходилось лишь слышать похвальные о татарах отзывы за их рачительность, хозяйственность, трезвость и трудолюбие»[4].

Начиная с XVIII в., положение мордовской женщины претерпело значительные трансформации, в результате чего наблюдается в семейных отношениях явное превосходство мужчины. Характерным для данного периода времени является дело № 39 1873 г. Атяшевского волостного суда. Основанием для рассмотрения стало

---

[1] Маскаев А.И. Мордовские песни о ногайском полоне // Труды МНИИ ЯЛИЭ. Вып. 23. Саранск, 1962. С. 154.
[2] Документы и материалы по ист. Морд. АССР. Саранск, 1940. С. 171.
[3] РФ ГУ НИИ ГН. Л-23. Л. 188.
[4] Майнов В.Н. Указ. соч. С. 25.

обращение мужа, в котором он просил волостной суд вернуть обратно жену, ушедшую от него к своим родителям. Во время разбирательства выяснилось, что муж до полусмерти избивал жену, однако суд решил «взыскать с родителей жены в пользу мужа 5 руб. 20 коп. проторей и убытков, а жену вернуть мужу немедленно». Таким образом, суд своим решением защитил обычаи, обязывавшие жену не покидать мужа даже в случае издевательств последнего над ней[1].

В конце XIX – начале XX в. личные и имущественные права мордовской женщины были существенно ограничены по сравнению с мужчиной. Обычным правом предусматривались лишь некоторые способы относительной защиты женщины от злоупотреблений со стороны супруга, действовавшие в исключительных случаях. В спорах между супругами главным судьей выступал муж (мокш., эрз. *мирде*), жена считалась обязанной уступить мужу, подчинившись его патриархально-авторитарному решению. Бывало, что муж считался с мнением жены, но все-таки решающее слово в любом споре оставалось за ним. Приоритет мужа подтверждали нам многие информанты из мордовских сел.

Власть мужа в регулировании супружеских отношений была настолько значительной, что даже в случаях самосуда, заканчивавшихся смертью жены, он не осуждался сурово судом стариков, ибо считалось, что «муж за зря жену не покалечит и не убьет». Происходили случаи, когда мужья относились к женам грубо, нередко избивали их. «Муж величается над женою и нередко вынуждает ее к покорности и плетью», – писал Попов[2]. Раньше в селе был закон – «да убоится жена мужа». Но в целом жестокие избиения осуждались. Подобные поступки оставляют чувство вины[3].

Как правило, женщины терпели, никому не жаловались, даже своим родителям. Члены семьи обычно не знали о наказании жены мужем, поскольку выносить конфликт на общее обсуждение было не принято, а одежда мордовских женщин почти полностью закрывала все тело и следы побоев никто не видел. «Изучая внутрисемейные супружеские

---

[1] Васильев Т.В. Указ. соч. С. 85–86.

[2] Попов М.М. Селиксенские мордвы // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Труды ГУ НИИ ГН. № 4 (121). 2005. С. 192.

[3] ПМА: В.Г. Мельцаев, 1935 г.р., с. Шокша

отношения мордвы, – писал В.Н. Майнов,– следует иметь в виду, что брак у этого народа преимущественно заключался по любви и согласию, которое нередко шло наперекор родительской воле, а потому и понятно, что слюбившимся по всей своей воле, в случае несчастного сожительства, оставалось пенять лишь на свою неразборчивость, и было не положено обращаться за помощью не только в суды, но и к родителям»[1].

Жена, осознавая свою вину, терпела наказания и никому не жаловалась. В случае, когда о жестоком обращении мужа узнавали свекор со свекровью, то они, как правило, заступались за сноху, ругали своего сына, требуя, чтобы он обо всем им поведал, дабы отец рассудил их по справедливости. «Жена подчинялась мужу, а муж – своей матери. Издавна повелось, что даже женатые дети всегда слушались своих родителей. Муж не обижал жену, поскольку его родители тщательно следили за этим и в любое время могли заступиться, а слово родителей для сына – не обсуждаемый закон»[2]. Вместе с тем, родители лишь в крайних случаях вмешивались в дела супругов, придерживаясь убеждения, что жена и муж должны сами воспитывать друг друга.

Когда жене становилось невмоготу переживать тот или иной конфликт, особенно связанный с причинением физического насилия в отношении нее и (или) детей, она была вправе прибегнуть к заступничеству стариков, то есть обратиться за содействием к родственникам мужа, прежде всего, к его деду или отцу. Рассмотрев жалобу, он предпринимал соответствующие меры по изменению отношения мужа к жене. Обращения жен с жалобами на мужей к «добросовестным старикам» общины или в волостной суд были редкими, так как мордва в своих семейных делах предпочитала не выносить «сор» из избы или «хвастаться дырявым горшком»[3].

---

[1] Майнов В.Н. Указ. соч. С. 124.

[2] ПМА: З.А. Малыйкина, 1940 г.р., с. Ардатово.

[3] Майнов В.Н. Указ. соч. С. 124; Сырнев И.Н. Распределение населения Среднего и Нижнего Поволжья по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Ульяновск, 1998. С. 186.

В редких ситуациях за жену заступались соседи, которые, наблюдая за поведением мужа, могли спрятать жену от побоев и в последующем поговорить с супругом. В исключительных случаях в семейные ссоры вмешивались сельские женщины, защищавшие пострадавшую[1]. Информант из села Шокша по этому поводу отмечал: «Жены прятались от буйных мужей, не ночевали дома, а в какой-нибудь соседской постройке, на сеновале или в стогу. Правда, люди обсуждали и осуждали соседей, вмешивавшихся в спор. Бывали случаи, когда с мужем, постоянно бьющим жену, пытались поговорить односельчане»[2]. Сельские мужчины могли провести беседу с тем, кто периодически бьет свою жену[3]. «Муж, выгнавший жену из дома, поджег дом соседей, которые приютили ее ночевать»[4]. Вмешательство сельчан считалось последней мерой воздействия на семью. Когда злоупотребления мужа предавались огласке, он терял уважение окружающих людей, становился изгоем. «На один из праздников сосед выпил и прилюдно избил свою жену», – отмечала девушка-мордовка. После этого случая отношение к нему изменилось, люди стали осуждать его, несмотря на то, что до этого он был уважаемым человеком[5]. «Был случай, когда муж постоянно издевался над своей женой, цепями привязывал к стулу, гонял плетьми, в конце концов он убил ее. Если муж издевался над женой, то собирались мужики из нескольких дворов и избивали его»[6].

Итак, суд супругов выступал одним из институтов семейной юстиции. Обычным правом предусматривались различные виды наказания, применяемые в целях обеспечения семейного порядка. Семейные разбирательства основывались на патриархально-авторитарных традициях почитания старших, женщинами - мужчин.

М.П. Осипова,

---

[1] ПМА: Н.С. Савин, 1945 г.р., с. Атюрьево.
[2] ПМА: В.Г. Мельцаев, 1935 г.р., с. Шокша.
[3] ПМА: Е.И. Замятин, 1929 г.р., с. Атяшево.
[4] ПМА: А.И. Мельцаева, 1936 г.р., с. Теньгушево.
[5] ПМА: О.А. Кокнаева, 1950 г.р., с. Атяшево.
[6] ПМА: И.М. Кирдяшкин, 1960 г.р., с. Атемар.

Липецк, Липецкий государственный педагогический университет

ОПЕКУНСКИЕ ПРАВА ВЕЛИКОРУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Гендерные исследования получают все больший интерес в современной российской и зарубежной историографии [1]. Среди различных аспектов указанной проблематики значимое место занимает проблема социальных ролей в дореволюционной крестьянской семье, и в частности, вопрос о статусе крестьянской женщины[2].

Положение женщины в крестьянской среде характеризовалось множественностью выполняемых ею социальных ролей. К традиционно изучаемым из них можно отнести роли жены, матери, хозяйки, работницы. Социальная роль женщины-опекуна до настоящего времени осталась вне поле зрения как отечественной, так

---

[1] Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – началаXX в.). М.; Тамбов, 2004; Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Листова Т.А. Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. М., 2001; Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996; Социальная история российской провинции в контексте модернизации российского общества в XVIII – XX вв. Тамбов, 2002; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX вв.). СПБ., 2000. Т. 1; Русские: семейный и общественный быт. М., 1999; Хок Л.С. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии (пер. с. англ.). М., 1993.

[2] Милоголова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. №2; Морозов С.Д. Крестьянская семья Центральной России в 1897 – 1917 гг.: социально-демографическое развитие // Семья в ракурсе социального знания. Сб. науч. ст. Барнаул, 2001; Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005.

и зарубежной историографии. Между тем данный аспект является важным как для понимания многих вопросов института опеки в крестьянской среде, так и для решения проблемы положения русской женщины в семье и общине.

Опекунские функции в крестьянском мире могла выполнять мать, жена, сестра, мачеха, родственница. В настоящей работе рассмотрена лишь одна из указанных разновидностей женской опеки, которую в крестьянской среде могла осуществлять мать.

Опекунские права матери были тесно связаны с тем положением, которое занимала женщина в семье как супруга и как мать. Положение замужней женщины в крестьянской семье нельзя оценивать однозначно. Оно зависело от ряда факторов. К числу главных из них правомерно отнести тип семьи, в которой находилась женщина. Проживание в малой семье делало положение крестьянки прочнее по сравнению с нахождением в составе большой патриархальной семьи. Учитывая, что число патриархальных семей со второй половины XIX в. уменьшалось, можно предположить, что положение крестьянок в указанный период выгодно отличалось от представительниц их сословия в предшествующее время. Заметную роль в указанный период начали приобретать индивидуальные особенности супругов: характер, возраст, имущественное положение каждого из них.

Опекунские права матери были тесно связаны в крестьянском сознании с отношением к последней мира. О значимости социальной роли крестьянки-матери в научной среде никогда не существовало сомнений и споров. Ее важность отмечалась как в работах этнографов в XIX – начале XX в.[1], так признается в трудах современных российских и зарубежных историков[2].

---

[1] Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // «А се грехи злые, смертные…». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков. этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. М., 2004. Кн. 1.; Энгельгардт, А.Н. Из деревни: 12 писем. М., 1987.

[2] Листова А.Т. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1999; Пушкарева Н.Л.

Уважение самих крестьян к материнству и высокое положение матери в сельском мире прослеживается в многочисленных пословицах и поговорках, вышедших из народной среды[1].

Ряд исследователей утверждали, что крестьянская женщина имела в отношении своих детей больше прав, чем отец[2]. При этом полномочия крестьянской женщины в отношении своих детей, как правило, увеличивались после смерти супруга. Примечательно, что данная особенность отмечалась исследователями не только в указанный период, но и в значительно более ранний, когда влияние патриархальных семейных норм было господствующим в крестьянской жизни[3].

Причины увеличения прав матери-вдовы над детьми были довольно многообразны. Во-первых, после смерти супруга она становилась единственным оставшимся в живых родителем и, следовательно, в ее руках концентрировалась вся родительская власть, ранее делившаяся между двумя людьми. Во-вторых, народные суеверия традиционно приписывали матерям большую магическую власть над детьми[4], магическое влияние вдовых матерей по народному поверью усиливалась[5]. В-третьих, «личность вдовицы охранялась религиозным уважением…»[6], что приводило к росту влияния последней в крестьянском мире.

Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997; Рэнсел Д. «Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996; Щербинин П.П. Незаконнорожденные дети в семьях солдаток в XVIII –XIX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации российского общества в XVIII – XX вв. Тамбов, 2002.

[1] Мужики и бабы…С. 332 – 334.

[2] Весин Л.П Современный великоросс в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. № 9–10. С. 52.

[3] Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI – XVII столетиях и старинные земские соборы // Собр. соч. Т. 19. СПб., 1906. С. 88.

[4] Весин Л.П. Указ. соч. С. 52; Мужики и бабы…С. 337 – 339.

[5] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 88.

[6] Там же. С. 88.

Большинство исследователей народного быта XIX – начала XX в. отмечали, что после смерти отца власть над детьми, как правило, переходила в руки матери[1].

О предпочтении сельскими сходами матерей сирот при выборе опекунов свидетельствуют и материалы ревизий волостных правлений, проводившихся в ряде уездов Тамбовской губернии. Так, ревизионный протокол Балыклейского волостного правления Кирсановского уезда от 1912 г. указывал на то, что в указанной волости «опекуншами по большинству дел выбраны матери» [2]. Аналогичные свидетельства содержатся и в ревизионных материалах Ново-Гаритовского волостного правления Козловского уезда[3].

Изучение опекунского дела в крестьянского среде дало основание исследователям утверждать о существовании в крестьянской среде большинства местностей так называемой «естественной опеки матери» [4], такого вида опеки, при котором после смерти супруга женщина, как единственный оставшийся в живых родитель, безоговорочно признавалась опекуном своим детям, права которого не нуждались в утверждении со стороны сельских властей.

Вместе с тем ученые отмечали регионы, где, напротив, общим правилом являлось отрицание за матерью права на опеку над детьми[5].

Исследование материала из архивных фондов Липецкой и Тамбовской областей позволяет утверждать, что в исследуемом нами

---

[1] Д.И. Заметки о крестьянской семье в Новгородской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 260; Цыпкин П. С. Опека в крестьянском быту, приложение к кн. Тенишев В. В. Административное положение русского крестьянина. Своды данных, добытых этнографическими материалами покойного кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1908. С. 136 и др.

[2] Государственный архив Тамбовской области (далее - ГАТО). Ф. 26. Оп. 4. Д. 1160–а. Л. 16.

[3] Там же. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1156–б. Л. 69 об.

[4] См. напр.: Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. С. 58.

[5] Цыпкин П. С. Указ. соч. С. 138.

регионе мать не безусловно считалась опекуном, не нуждающимся в особом утверждении, а имела лишь преимущественное право на опеку. В ходе изучения более 500 опекунских дел не было обнаружено ни явных свидетельств существования практики немотивированного устранения матери от опеки только по причине ее социального статуса, ни доказательств в пользу наличия в крестьянской среде естественного права последней на опеку. Во всех встреченных нами случаях опеки мать утверждалась в своих опекунских правах сельским сходом.

Опровержением утверждения о господстве в крестьянском мире правила «мать - естественный опекун» служит выявленное нами в опекунских делах, сохранившихся в архивах, негласное правило, существовавшее в крестьянской среде Тамбовской губернии, согласно которому опека никогда не учреждалась, когда в живых оставался отец сирот. Крестьянская практика почти не знает примеров учреждения опеки по причине смерти одной матери. Опекунские права вдовых отцов не подвергались сомнению, в отличие от прав овдовевших матерей.Следовательно, правильнее предполагать существование у крестьянства, по крайней мере, Тамбовской губернии естественной опеки отца, не нуждавшегося по понятиям народных юридических обычаев в признании своих опекунских прав сельским сходом, в то время как мать в подобном утверждении почти всегда нуждалась.

Несмотря на традицию, наделявшую женщину большими полномочиями в отношении своих сирот, в крестьянской среде существовали факторы, которые могли уменьшить опекунские права матери. К главному такому фактору можно с уверенностью отнести поведение женщины и ее моральный облик. Даже при господстве обычая, отводившего матерям первое место при выборе опекуна, указанную должность над детьми могли получить только женщины, отличавшиеся достойным поведением и обладавшие высокими моральными качествами. «После смерти домохозяина опекуншей обыкновенно назначается его вдова, если она женщина хорошего поведения и рачительна к хозяйству, в противном случае сход избирает в опекуны кого-либо из ближайших родственников умершего», – гласили опекунские традиции Тамбовской губернии[1].

[1] Сб.-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 85.

К другому фактору, который также мог уменьшить опекунские права матери, можно отнести фактор экономический или хозяйственный. Одним из определяющих мотивов при выборе опекуна «в силу особых условий крестьянской жизни, сближающую родственную связь со связью экономической», выступал факт общих хозяйственных интересов с малолетним кандидата в опекуны. Значимость этого фактора отмечали многие исследователи[1].

Если крестьянка и ее осиротевшие дети жили раздельно с родственниками покойного мужа в составе малой семьи, то, как правило, если в ней не было других совершеннолетних членов (например, взрослых детей), домохозяйкой становилась вдова. Вдова-домохозяйка, единолично распоряжавшаяся всем имуществом и в силу этого имевшая тесные экономические интересы с сиротами, как правило, становилась опекуншей[2].

Но, как известно, матери в крестьянской среде не имели с детьми тесной экономической связи, если находились в составе большого крестьянского двора, и не становились после смерти супруга домохозяйками. Наибольшую экономическую связь с сиротами в патриархальных семьях имел домохозяин или большак, которым чаще всего являлся дед сирот, реже – дядя по отцовской линии. Сироты в такой ситуации являлись младшими членами неразделенного крестьянского двора, имевшими потенциальную долю в общем хозяйстве семьи, которым единолично распоряжался большак. Мать сирот в этом случае не могла выступать полным опекуном своих детей, а именно единолично осуществлять опеку и над личностью малолетних, и над их имуществом, так как не распоряжалась данным имуществом.

В указанных случаях крестьянская опекунская практика предусматривала несколько способов решения проблемы. Во-первых, опеку над сиротами в полном объеме, то есть и над их личностью, и над их имуществом получал домохозяин[3]. Во-вторых, опекунские права в отношении малолетних сирот могли делить между собой мать и большак. Крестьянка получала заботу о личности сирот, а

---

[1] Цыпкин П.С. Указ. соч. С. 141; Купчинов И.П. Указ. соч. С. 97 и др.
[2] ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 2178. Л. 3, 5, 8, 16.
[3] ГАЛО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 10. Л. 1об.

домохозяин – попечение об имуществе[1]. Архивные материалы, содержащие информацию по отдельным опекунским делам, относящимся к Тамбовской губернии, обнаруживают, что данный вариант назначения опеки был наиболее распространен. В-третьих, женщина могла инициировать выдел из состава большого двора, и, получив последний, как правило, становилась полным опекуном своим детям[2], если не вступали в силу иные факторы, которые могли этому помешать.

К следующему фактору, способствовавшему уменьшению опекунских прав овдовевшей крестьянки, можно отнести факт повторного замужества женщины. Следует заметить, что он воспринимался крестьянским опекунским правом неоднозначно. С одной стороны, вторичное замужество не препятствовало реализации опекунских прав женщины, особенно там, где опекунские права матери были очень сильны, и господствовал принцип «мать – естественная опекунша». С другой стороны, оно могло являться важным препятствием к сохранению за последней опекунских прав[3]. В случае повторного замужества женщины ее опекунские права могли отойти к новому мужу как новому домохозяину при условии, что он был достойным человеком и прилюдно на сходе давал обязательство заботиться о детях жены[4]. Если же отчим не соответствовал понятиям крестьянского мира о рачительном хозяине, то и он, и его новоиспеченная жена теряли право опеки над сиротами. «Этот взгляд крестьян, – по мнению одного из корреспондентов Тенишевского бюро, – вытекает из соображений, что «муж и жена – одна сатана», то есть, что при плохом муже и жена становится плохой опекуншей»[5].

Согласно правовым обычаям крестьянства некоторых местностей, повторное замужество матери не лишало ее опекунских прав в отношении детей, а лишь ограничивало их. Указанная практика встречалась в Тамбовской губернии. Случаи перехода всех прав по

---

[1] ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; Д. 5а. Л. 1об.;
[2] Ф. 26. Оп. 4. Д. 2178. Л. 6, 17, 21.
[3] Ефименко А. Исследование народной жизни. М., 1884. Вып. I. С. 97.
[4] Соловьева И. Крестьянские сироты // Нескучный сад. 2002. № 3.
[5] Там же.

опеке от матери к отчиму сирот немногочисленны[1]. Как правило, сельский сход оставлял опекунские права за бывшей вдовой[2].Вероятно, отстраняя мать, повторно вышедшую замуж, от опеки над своими детьми от первого брака, либо ограничивая ее опекунские права, крестьянский мир искал способ защитить в новом браке права детей от первого брака женщины.

Анализ архивных материалов, содержащий информацию об опеке в Тамбовской губернии, дает основания утверждать о довольно значительных правах крестьянок-матерей в отношении опеки над малолетними детьми. В подавляющем большинстве случаев опекунские права над детьми получали матери, находившиеся в составе малых семей. Это подтверждает предположение о том, что статус женщин, а в особенности матерей в малых семьях был выше, чем в патриархальных, что не могло не сказаться на их опекунских правах. Анализ дел, содержащих информацию по учреждению опеки в отношении сирот, находившихся в составе больших неразделенных семей, обнаруживает, что крестьянская практика в подобном случае делила опеку между большаком, в чьих руках оставалась опека над имуществом, и матерью сирот, получавшей опеку над личностью детей. Архивные документы позволяют отрицать распространение на территории Тамбовской губернии встречавшегося в ряде иных регионов принципа «мать – естественная опекунша», согласно которому после смерти супруга она автоматически считалась опекуном своих детей, не требовавшего подтверждения своих полномочий и статуса через учреждение данного института органами крестьянского самоуправления.

А.А. Савчук,
Владивосток, Дальневосточный государственный университет

РОЛЬ МАТЕРИНСТВА И СЕМЬИ В ЭВОЛЮЦИИ ГЕНДЕРНОГО КОНСТРУКТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917 — КОН. 1930-Х ГГ.

[1] ГАТО. Ф. 738. Оп. 1. Д.1. Л. 5.
[2] Там же. Ф. 26. Оп. 4. Д. 2178. Л. 6.

Теория социального конструирования гендера, наряду с пониманием гендера как стратификационной категории и интерпретации гендера как культурной метафоры, является одной из основных теорий, лежащих в основе гендерной методологии и принятых сегодня в социальных и гуманитарных науках[1]. В этой теории гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, в ней характеризуется межличностное общение мужчин и женщин и их взаимодействие в основных институтах общества. Этот подход разрабатывался западными учеными И. Гофманом, Г. Гарфинкелем, К. Уэстом, Д. Зиммерманом и т.д. Базисным в этой теории стало введенное в научный оборот понятие гендерного дисплея. Гендерный дисплей есть многообразие представлений характеристик мужского и женского в обществе, которые находятся в постоянном взаимодействии и проявляются в реалиях полового поведения, многообразии жестов и мимики, в одежде, украшениях, являясь подвижным моментом в «игре» человеческих отношений. Гендерный дисплей признается культурно детерминированным — у каждой общности имеется свой набор ритуалов и практик полового поведения. Как правило, гендерные дисплеи отражают на деле стереотипы феминности и маскулинности, которые усваиваются людьми ещё с раннего возраста и с годами становятся важным фактором межполового взаимодействия[1].

---

[1] Воронина О. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм. Восток — Запад — Россия. М., 1991; Пушкарева Н.Л. Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // Отечественная история. 1999. № 1; Хайдер И.В. Гендерная методология истории (к постановке проблемы) [электронный ресурс]: http://www.astrasong.ru/c/science/article/345 (15.09.2009); Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2007 и т.д.

[1] Мирошниченко М.И. Взгляд на новую женщину: к вопросу о гендерном дисплее в 1920-е годы (по материалам Урала) // От «женского вопроса» к гендерным исследованиям (140 лет работе Джона Милля «О подчинении женщины»). Владивосток, 2009. С. 54.

Основная культурная детерминанта 1917 — кон. 1930-х гг. напрямую связана с семьей и ролью женщины в ней. Отношение власти и её агентов к материнству было двояким: с одной стороны, признавалось, что материнство — это крест женщины, мешающий ей активно реализовываться в профессиональной и общественной сфере, а с другой — считалось гражданской обязанностью женщины. Та же политика двойных стандартов прослеживалась и по отношению к семье: признавался вред и разлагающее влияние старой «буржуазной» семьи и считалось необходимым её ликвидировать, а с другой стороны, проводилась политика сохранения семьи в новых формах и в новом качестве (а впоследствии и консервация традиционной нуклеарной семьи).

Традиционной формой семьи в дореволюционной России была большая патриархальная семья, характеризующаяся наличием не только детей и их родителей, но и старших родственников, брачных партнеров детей, внуков, незамужних сестер и братьев, разного рода приживалок и приемных детей. Патриархальная семья основывалась на совместной работе всех трудоспособных членов семьи, это прежде всего *экономическая ячейка* общества. Одной из основных задач женщин было воспроизводство населения. В среднем крестьянки беременели с интервалом в 12 – 15 месяцев, рожая за 20 – 25 лет детородного возраста до 20 детей[2]. Частые роды в сложных условиях вели к преждевременному старению женщин и их гибели, но, главное, – практически не оставляли им шанса на получение образования и профессии, на самореализацию вне семьи.

Таким образом, гендерный дисплей дореволюционной России предписывал женщине быть женой, матерью и работницей в хозяйстве, во всем подчиняться мужу и свекру, что нашло отражение в законодательстве, запрещающем женщине выезд за границу, получение образования и отход на заработки без разрешения отца или мужа. Законным признавался только церковный брак, развод был крайне затруднен, контроль за женской сексуальностью осуществлялся за счет поражения в правах внебрачных детей и

---

[2] Гавров С. Историческое изменение институтов брака и семьи. Глава I. Модернизация и семья [электронный ресурс]: http://www.bibliotekar.ru/gavrov-2/3.htm (22.03.2010).

церковного порицания «блуда». В итоге, если структурировать все аспекты гендерного дисплея в виде *гендерного конструкта* (определенной формы закрепления основных положений гендерного дисплея), представляющего собой треугольник, то его «углами» будут мать — жена — монахиня как единственно легитимизированные и поощряемые обществом роли для женщин.

После 1917 г. гендерный дисплей меняется по большей части под влиянием властных структур и идеологов новых семейных отношений, таких как И. Арманд и А. Коллонтай. Отныне законным признавался только зарегистрированный в органах ЗАГС брак, признавалась свобода развода и уравнивались в правах законнорожденные и внебрачные дети, признавалось право на свободную интимную жизнь. Тем самым государство не только оправдывало свой тезис о наличии свободной семьи, построенной на принципах любви и взаимного уважения супругов, но и обеспечивало страну в условиях послевоенной разрухи притоком дешевых рабочих рук, так как теперь женщинам не нужно было разрешение мужей и отцов для устройства на работу. Гендерный конструкт меняется: при сохранении роли матери два других «угла» меняются: место жены и монахини занимают теперь работница и общественный деятель.

Гендерный конструкт задается властью и обществом и жестко ими контролируется. При этом чем традиционнее и авторитарнее общество, тем более традиционная семья в нем представлена. Это обусловлено превалированием материнской роли женщины над общественной и производственной, ибо авторитарное (и тоталитарное) государство заинтересовано, прежде всего, в активном приросте людского ресурса, так как действует в основном экстенсивными методами, не считаясь с людскими потерями. В экономике женский труд занимает в основном нишу дешевого и низкоквалифицированного труда со слабыми возможностями карьерного роста, что позволяет более активно вытеснять женщину в семью. Это объясняется необходимостью компенсации более скромного экономического вклада в семейный бюджет. Первоначально, в 1920-е гг., государство нуждалось в притоке дешевых рабочих рук, чем и можно отчасти объяснить экспериментирование в семейной сфере. Впоследствии, когда стало очевидно, что страна не может выбраться из демографической ямы (по данным В.Б. Жиромской, в 1933 г. убыль населения составила

215,2 тыс. чел., естественный же прирост по РСФСР составил в 1934 г. – 641,9 тыс. чел., в 1935 г. – 1490,6 тыс чел.) [1] , либеральное экспериментирование прекратилось, и государство перешло к репрессивным практикам сохранения семьи и естественного воспроизводства населения. Так, в 1936 г. были законодательно отменены аборты, кроме того, была ужесточена процедура развода, более того, она стала порицаемой обществом, как и до революции. Материнство и отцовство в СССР перестают быть частным делом и постулируются как проблемы государственной важности. При этом мать в ряде случаев становится единственным достоверно известным родителем, на которого в основном и возлагаются обязанности по уходу за ребенком, ответственность за его жизнь и воспитание. Государство в силу этого проводит политику активной поддержки материнства, в том числе и путем установления отцовства согласно заявлению матери. Отец превращается в своего рода параллельного «спонсора» по обеспечению матери и ребенка, в первую очередь деньгами.

Одним из средств поддержания гендерного конструкта являются гендерные стереотипы, формируемые через официальную идеологию или традиции, как стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское»[1].

В 1920-е гг. трансформируются несколько традиционных гендерных стереотипов. Во-первых, на смену представлениям о женщине как только о жене и матери приходит восприятие её как борца за светлое будущее, товарища, коммунистки и работницы. Во-вторых, это представления о браке. Объявляется нормой незарегистрированное сожительство, на смену традиционной религиозной брачной обрядности приходит гражданская регистрация.

В результате смены стереотипов общественная деятельность и необходимость работать, вместе с «новой моралью» и послевоенной

---

[1]Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 12.

[1] Калабихина И. Е. Краткий понятийный словарь по гендерным исследованиям // Социальный пол: экономическое и демографическое поведение. Учебно-методические материалы по курсу. М., 1998.С. 35

разрухой, приводят к нежеланию женщин иметь детей, что ставит под угрозу нормальное воспроизводство населения в первом коммунистическом государстве. Кроме того, в государственной сфере намечается поворот от демократизации общества к его авторитарности, закрытости и жесткости. Соответственно, меняются и стереотипы обратно на традиционные, только теперь функцию материнства приходится совмещать с профессиональной деятельностью, а за незыблемостью брака следит партия.

Таким образом, можно сделать вывод, что материнство остается частью гендерного конструкта вне зависимости от других его составляющих, так как является основой воспроизводства населения. Проблема материнства оказывается тесно связанной с проблемой семьи, так как именно семья является первичной ячейкой социализации подрастающего поколения. В дореволюционном гендерном конструкте материнство и роль жены были двумя основными «углами», в советском обществе, начиная с 1930-х гг., они сливаются в один «угол», так как подразумевается, что материнство не может существовать без семьи и семья без материнства (исключая случаи бесплодия супругов). Именно материнство (а начиная с 1930-х гг. и семья) становятся тем связующим звеном, на котором выстраивается новый гендерный конструкт.

В.Ю. Садовская,
Иваново, Ивановский государственный университет

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ГЕРМАНИИ ПЕРИОДА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

На современном этапе как в западноевропейских странах, так и в России не стихают дискуссии о женском предназначении, о том, какие качества изначально присущи женщинам и мужчинам, как эти качества реализуются в реальной жизни. В прежние времена гендерные роли жестко зависели от пола и возраста. В аграрном обществе женщина-мать и супруга, как правило, была занята в крестьянском хозяйстве, где различия между домом и хозяйством были размыты. В индустриальном обществе, когда работа отделяется от дома, женщина вовлекается в сферу оплачиваемого труда. Ее положение в обществе изменяется, что можно продемонстрировать на примере женщин Германии периода Веймарской республики.

Развитие промышленного производства в начале XX в. привело к большей востребованности женского труда. Содержать семью стал не только муж, но и жена. Женщина не только занималась домашним хозяйством, но и работала на предприятии, в учреждении или в сельском хозяйстве. В Германии женский труд традиционно использовался в текстильной и картонажной отраслях. Число занятых здесь женщин составляло, например, в 1926 г. 2.908.880 чел.[1]. В 1920-е гг. XX в. увеличивается количество женщин, занятых и в отраслях добывающей промышленности. Например, в 1926 г. в каменноугольной промышленности Германии работали 94.532 женщины (для сравнения: в 1922 г. занятых в этой отрасли женщин было 74.070)[2]. Много женщин было среди служащих – 12,6%, но самую значительную группу работающих женщин (36%) составляли занятые в различных промыслах [3] . Немало немецких девушек обучалось в высших учебных заведениях. К началу 30-х гг. высшее образование имели более 12 тыс. женщин, а около 20 тыс. еще учились[4].

В Веймарской республике проблемы женской занятости стали предметом горячих дискуссий, что было связано с изменившимся общественным положением женщин и с усилением их активности. Многие профессии попали в разряд чисто женских: учительница, машинистка, стенографистка, продавщица, служащая социальной сферы. В Германии стал складываться образ новой женщины – самостоятельной, энергичной и в то же время привлекательной. Однако власти Германии и церковь пропагандировали другой женский образ – матери и образцовой домохозяйки. По-прежнему актуальны били традиционные для немцев «три К» – Kirche, Kuche, Kinder. Стереотипы представлений о роли женщин в обществе сказывались на их заработной плате. В оплате труда существовала дискриминация женщин. В сельском хозяйстве даже при равном труде женщины получали в среднем 40% заработка мужчин, в текстильной

---

[1] Statistische Jarbuch fur das Deutsche Reich. 1926. B., 1926. S. 72.
[2] Ibid.
[3] Патрушев А.И. Германия в XX в. М.2004. С. 158.
[4] Там же.

промышленности – около 70% [1] . Борьба против женской дискриминации велась постоянно. Правда, женское движение в Германии было не столь активным, как, например, в Англии. Это было связано с тем, что сами немецкие женщины были ориентированы на традицию, боялись общественного осуждения за чересчур активную позицию. Кроме того, в Веймарской республике формально соблюдалось равенство полов.

Изменения в положении женщин влияли на характер брачно-семейных отношений. В изучаемый период происходило становление «европейского типа брачности», для которого характерны следующие особенности: 1) позднее вступление в брак; 2) высокая доля людей, никогда не состоявших в браке. Дж. Хаджнал в статье «Европейский тип брачности в ретроспективе» отмечает: «В странах с европейским типом брачности существенная доля населения не вступает в брак на протяжении всей жизни. Доля не состоящих в браке людей в возрастных группах 20-24 года и 25-29 лет представляет собой показатель возраста вступления в брак» [2] . По данным немецкой статистики, наибольшее количество мужчин и женщин, вступивших в брак в 1928 г., находились в возрасте 24–28 лет [3] . Для мужчин в Германии считалось необходимым откладывать брак до тех пор, пока они не смогут обеспечивать средства к существованию семьи. Немецкий ученый Е. Ферле, изучавший брачные отношения в Германии, писал, что свадьба часто зависела от того, договорятся ли родители жениха и невесты об экономической стороне брака [4] . .Позднее вступление в брак женщин было связано еще и с изменением их роли в общественной жизни и с распространением идей эмансипации. На тип брачности, таким образом, влияет экономическая мотивация через совокупность действий, необходимых для установления экономической основы жизни супружеской пары и их детей.

Очень важным является вопрос определения уровня брачности в Веймарской республике. В период с 1921 по 1931 г. более половины из

---

[1] Патрушев А.И. Указ соч. С. 159.

[2] Брачность, рождаемость, семья за три века. М. 1979. С. 16.

[3] Statistische Jarbuch fur das Deutsche Reich. 1932. Brl. 1932. S.34.

[4] Брак у народов… С.8.

каждой 1000 женщин оставались одинокими. Причем одиноких женщин было гораздо больше, чем холостых мужчин. Подобный факт был следствием превышения численности женщин над численностью мужчин, что в свою очередь связано с последствиями первой мировой войны, а в дальнейшем - с тяжелыми условиями экономического кризиса 1929-1932 гг. Из-за количественного перевеса женщин над мужчинами многие из них на протяжении всей жизни не могли найти брачного партнера. Поэтому популярным было знакомство по брачному объявлению или через брачное бюро. С 1921 г. в Германии издавалось пять брачных газет. Брачные объявления помещались и в других периодических изданиях. Среди европейских стран Германия занимала одно из первых мест по числу брачных контор. Например, только в одном городе Штутгарте к началу 1930-х гг. было 36 таких бюро[1].

Низкий уровень брачности был связан и с увеличением количества разводов. Число разведенных особенно увеличилось в период экономического кризиса 1929–1932 гг., что было связано с падением жизненного уровня и ухудшением психологической атмосферы в обществе. В 1929 г. число разведенных в Германии составило 39.424, в 1930 г. – уже 40.722 человек[2]. Все эти обстоятельства влияли на снижение уровня рождаемости. Одиноких женщин в Германии осуждали в том случае, если они решались на рождение ребенка вне брака. Даже в среде служанок и холостых сельскохозяйственных рабочих, где общение полов было наиболее свободным, незамужние молодые матери презирались. О падении рождаемости в кризисный период свидетельствуют следующие данные: в 1930 г. в общинах с числом жителей 50 000–100 000 рожденных детей – 51.101, в 1931 г. – 47.795[3]. Снижение уровня брачности и рождаемости в этот период было связано, в частности, с увеличением числа безработных, с невозможностью молодым людям найти работу. В 1929 г. процент безработных и рабочих с неполной рабочей неделей составлял 14,6 а в 1932 г. – 44,4 от общего числа трудящихся[4]. В начале 1929 г. число зарегистрированных и получавших пособие безработных выросло до

---

[1] Там же. С. 13.
[2] Statistische Jarbuch fur das Deutsche Reich. 1932. S. 45.
[3] Statistische Jarbuch fur das Deutsche Reich. 1931. Brl. 1931. S. 115.
[4] Ibid.

1,5 млн. чел. На самом деле их было гораздо больше, поскольку еще не начавшие работать молодые люди регистрации не подлежали. Для данного периода характерно снижение заработной платы, уменьшение пособий по безработице и пособий разного рода благотворительных учреждений, увеличение числа самоубийств. Пособие по безработице сократилось на 23%, пенсии инвалидам, вдовам, сиротам – на 15–24%. В 1932 г. была ликвидирована тарифная система оплаты труда, что отдавало рабочих на милость предпринимателям. В это же время был принят закон, по которому замужние женщины, занятые в органах государственной службы, подлежали немедленному увольнению. Прежде всего закон коснулся молодых женщин, имевших высшее образование. Все это создавало новую демографическую ситуацию и новые формы поведения. В стране распространялись наркомания и проституция. В романе Э. Кестнера «Фабиан» изображалось мрачное и безысходное состояние немецкого общества в годы экономического кризиса. У немцев не было даже проблеска надежды – только чувства общей виновности и повального духовного смятения. Широко распространилось убеждение в том, что морально немецкое общество полностью разложилось. В этих условиях одиноким женщинам, потерявшим работу, было тяжелее всего. Они не могли рассчитывать даже на тарелку бесплатного супа в каком-нибудь из партийно-военизированных формирований, так как женщины туда не допускались.

В рассматриваемый период времени изменяется отношение общества к материнству, что сказывалось на уровне рождаемости. Это в свою очередь связано с популярностью теории З. Фрейда, в соответствии с которой материнство понималось как неизбывная женская вина, обусловленная полным слиянием матери и ребенка в первые годы жизни. Женщины хотели сохранить это состояние гораздо дольше, чем это было необходимо ребенку, что приводило к искажениям в его психологическом развитии. Если же мать тяготилась материнством, то это также могло приводить к отклонениям в развитии детей. Таким образом, в бедах детей всегда можно было обвинить мать. Следствием распространения подобного рода теорий стала непривлекательность материнства для нового поколения женщин. Многим из них казалось, что лучше не иметь детей вовсе, чем погрузиться в нелегкие заботы о них, а потом оказаться виноватой в их проблемах. В прошлое постепенно уходило представление о том, что

материнство – это единственный смысл жизни для женщины. Таким образом, объективные социально-экономические условия и особенности духовной жизни немецкого общества сказывались на представлениях о роли женщины, о ее основных качествах.

В период Веймарской республики происходят значительные изменения в положении женщины, меняются представления людей о семье, о статусных ролях мужчин и женщин, меняется демографическая ситуация. Все это связано с общим для всех стран процессом модернизации. В статье Е. Здравомысловой и Е. Жидковой читаем: «XX век принес колоссальные изменения в статусные иерархии, в социальное устройство, в положение мужчин и женщин в обществе и семье. Это столетие отмечено невиданным доселе перемещением населения, урбанизацией, «перекачкой» молодых рабочих рук из деревни в город, что стало настоящим испытанием для крестьянских семейных традиций»[1]. На примере Германии мы видим, что преобладающим типом семьи становится простая (малая) семья, состоящая их двух поколений немцев, количество детей в семье постоянно сокращается. В 20–30-е гг. XX в. в Германии распространяется «цвайкиндер-систем», т.е. семья, в которой было не более двух детей. Женщины активно включались в общественно-политическую жизнь. Семья и дети не были теперь для них основным смыслом жизни.

Е.Ю. Волкова,
Кострома, Костромской государственный технологический университет

КРЕПКАЯ СЕМЬЯ – ЗАЛОГ ВЕЛИКИХ ПОБЕД (ИЗ ОПЫТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Многовековая история показала, что в России семья как единая ячейка общества всегда играла большую роль. Муж и жена совместно «вили гнездо», помогая и поддерживая, а когда необходимо, и заменяя друг друга во всем. И как следствие они несли ответственность за поступки друг друга. Война на время разъединяла жену и мужа, но не

[1] Гендер для «чайников». М., 2009. С. 92.

освобождала от ответственности перед Родиной и семьей. Муж защищал страну на фронте, жена приближала победу, работая в тылу. Только их единые действия могли быстрее привести к цели. Например, в годы Великой Отечественной войны жена фронтовика, стрелочница станции «Бакланово» Северной железной дороги Мария Суслова, мать 9 детей, провожая мужа и сына на фронт, наказывала мужу: «Ты забудь теперь думать о нас, беспокоиться, мы проживем, ты думай об одном – победить врага»[1].

Если кто-то нарушал единство, другой должен был расплачиваться. Так, в XVIII–XIX вв. солдатка, нарушавшая супружескую верность, подвергалась с молчаливого согласия общины любым унижениям, истязаниям со стороны мужа, которые нередко заканчивались ее убийством. Ей было запрещено «нарядно одеваться, посещать сельские посиделки, свадьбы и т.п.»[2]. Примеры подобных поступков приводили автору участники Великой Отечественной войны. С другой стороны, во все времена предательство, дезертирство мужей на фронте тяжело каралось.

В связи с этим хотелось бы проанализировать известный приказ № 270 периода Великой Отечественной войны, согласно которому семьи командиров и политработников, сдавшихся врагу, срывающих в бою знаки различия, подлежали аресту, а семьи попавших в плен советских воинов лишались государственного пособия и помощи. Историки называют его «пережитком тоталитарного режима», но не анализируют ни положение этих семей, ни отношение к ним властей, а также родных, соседей. Исключение, пожалуй, составляют комментарии к приказу, опубликованному в «Военно-историческом журнале», где авторы постарались рассмотреть его с разных сторон. На вопрос: «И все-таки были ли перегибы и крайности в приказе 270?», они отвечают: «Конечно. Сегодня кажется, что семьи даже самых злостных дезертиров и предателей, наверное, ни при чем, и их нельзя подвергать такому наказанию, как арест, а семьи красноармейцев, сдавшихся в плен, нельзя лишать пособия и помощи. Дети-то не виноваты». В то же время они пытаются окунуться в

---

[1] ГАРФ. Ф.7928. Оп.2. Д.30. Л.69.

[2] См.: Щербинин П.П. Жизнь русской солдатки в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 82.

тяжелейшие 40-е гг.: «Напрасно мирное время обижается на фронтовое». Авторы рассуждают: «Но приказы приказами, а жизнь жизнью. Приказы – на бумаге, жизнь – среди людей. И слова в приказе 270 об аресте семей – это, кроме всего прочего, еще и слова о том, что, если ты на фронте отказался защищать до последней капли крови свою семью от убийц и насильников, то кто же тогда ее защитит. Если я не за себя, то кто за меня? Но если я только за себя, зачем я?»[1]. Мы считаем, что «вторая половина» должна с той же суровостью платить за грехи мужа, но, разумеется, в рамках законности и в пределах разумного. Но дети, прежде всего, маленькие, не должны подрывать свое здоровье и даже умирать, расплачиваясь за предательство своих родителей.

Великая Отечественная война вновь доказала, что только полная семья – это полноценная семья, где вырастают дети – трудолюбивые, ответственные, любящие свою большую и малую Родину. Проводив главу семьи на фронт, жены мужественно переносили все лишения военного времени. Естественное стремление матери спасти ребенка, даже ценой своей жизни, было велико. Известен случай в блокадном Ленинграде, когда истощенная голодом мать, не имея своего молока, чтобы спасти своего грудного малыша, вскрыла вену и, напрягая последние силы, прижала ребенка ротиком к ране. К счастью, их удалось спасти. Н.Н. Михайлова из д. Царева Костромского района вспоминает: «Сидели мы как-то дома за столом. Пришли к нам какие-то люди и начали спрашивать у матери, кого из детей она отдавать будет в детдом. А мать посмотрела на нас, заплакала и говорит: “Никого не отдам. Сама не доем, а мои детки сыты будут. А если помрем, то вместе”»[2].

Порой желание спасти своих детей брало верх над разумом. Не каждая мать могла пожертвовать своим ребенком во имя общих государственных целей. Не у каждой хватало силы воли видеть, как голодает и мерзнет ее дитя. Страх за здоровье собственных детей придавал силы матерям. Они смелее выступали против, как им порой казалось, несправедливых решений властей. Например, на собрании

---

[1] Старое, но грозное оружие // Военно-истор. журнал. 1988. № 9. С.24.
[2] Жизнь и смерть в блокир. Ленинграде: Историко-мед. аспект. СПб., 2001.С.165–166; Из беседы автора с Михайловой Н.Н. в 2009 году.

коллектива «Трудовой артели» из Вологды сторож Карапина в ответ на известие о снижении нормы хлеба для того, чтобы помочь населению освобожденных районов, заявила: «Я считаю неправильным, когда будут оказывать помощь другим районам, а мы, рабочие и наши дети будут голодать, болеть, а подростки будут инвалидами, и они никому будут не нужны. Скоро ног не поволочем с такого питания»[1].

Таким образом, матери ценой своего здоровья, а порой и жизни спасали детей. На сознательном или подсознательном уровне они понимали, что для мужа-фронтовика со смертью детей будет потерян смысл борьбы. Если же муж погибнет, жена считает своим долгом вырастить его детей. Фактически же матери спасали будущее страны.

Подавляющее большинство переживших войну утверждают, что выжили в ней благодаря своим матерям. Нина Витальевна Нагорнова из Некрасовского района Ярославской области утверждает: «Если бы не наша мама, мы бы погибли»; Вера Андреевна Плюснина из Вохомского района Костромской области: «Видимо, материнские молитвы спасли от смерти всех родных»; Александра Ивановна Лёвина из Юрьевецкого района Ивановской области: «Мама была очень активная: всегда могла достать что-нибудь: выпрашивала молока, пахты в колхозе»; Е.А. Метелькова из Солигаличского района Костромской области: «Нас у матери было 8 человек детей, отца и старшего брата взяли на фронт. Только благодаря огромному трудолюбию нашей мамы Ворониной Марии Геннадьевны и мастерице на все руки мы все выжили. Наша мама работала в колхозе, не покладая рук, её даже звали «трактором», она только вручную засевала в день по 10–11 га»[2] и др.

Все ветераны, на чье детство выпали годы Великой Отечественной войны, единодушно утверждают, что самое радостное событие военного времени – это день Победы, с которой ассоциировалось, прежде всего, возвращение в семью отца. Например, когда объявили, что война кончилась, маленькая Люба Виноградова из п. Якшанга Костромской области бегала по дому и, подбегая к какому-нибудь предмету, говорила: «Печка, печка война кончилась, папка приедет!», «стол, стол война кончилась, папка приедет!». Было ей неполных 4

---

[1] РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.171. Л.80.

[2] Из беседы автора с ветеранами в 2009 году.

года. 7-летняя Лида Тучнина из д. Щелково Судиславского района той же области из войны «больше всего запомнила», когда отец пришел с фронта. Сначала пришло известие, что он пропал без вести, но через некоторое время пришла весточка, что он находится в госпитале. Он вернулся в 1944 г. на костылях: «И это было уже хорошо». Майя Викторовна Разживина, пережившая войну в Кабардино-Балкарии, говорит: «Наверное, самый радостный момент за всю войну – это то, что мой отец вернулся с фронта в 1944 г. Мне было тогда 5 лет, но я помню те мгновения, когда глаза всех родных мне людей были наполнены радостью. Этот фрагмент моей жизни не описать. Его можно только почувствовать»[1].

Ожидание отца была настолько острым, что порой дети чувствовали его смерть. Отца Василия Ивкова из д. Аверино Павинского района Костромской области взяли на фронт 12 июля 1941 г. Мать Мария Семеновна осталась одна с шестью детьми. В 1943 г. отец погиб под Ленинградом. Как оказалось позже, в момент его смерти 15-летнему Василию стало плохо: «Вдруг потемнело в глазах, совсем перестал видеть, но матери ничего не сказал. А потом пришла похоронка». 12-летняя Катя Соболева в Мантурове катала на велосипеде маленькую Нину, младшую из четырех детей соседа Зернова, ушедшего на фронт. «Когда я сажала пассажирку на раму велосипеда, мы с ней увидели, что в калитку их двора входит почтальонка. Мгновенно на всю улицу раздался крик Нины: «Похоёнка!» А следом, через короткое время, мы услышали душераздирающий плач-крик ее мамы, тети Нюры. Очевидно, на крик вскоре пришла живущая по соседству с ними А.Т. Гарышина – главврач эвакогоспиталя. Крик (просто плачем назвать трудно) т. Нюры продолжался, и я подумала: «Что же это Анна Титовна ничего не делает. Ведь так тетя Нюра и умереть может!..» Позже я поняла, что никакому врачу непосильно было устранить боль т. Нюры, и убедилась, что с этой болью ей как и ее детям нужно было прожить всю оставшуюся жизнь»[2].

Таким образом, отталкиваясь от опыта российской истории, мы заключаем, что современное положение российских семей, так

---

[1] Там же.
[2] Там же.

называемые «гражданские», пробные браки (если не понравится, в любой момент можно разбежаться, а дети?), свободная любовь приводят не только к снижению рождаемости, но и к нестабильности общества, а, в конечном счете, к ослаблению государства. Только мудрая политика в отношении семьи приведет, как показывает исторический опыт, к укреплению страны.

Е.А. Пушкаренко,
Старый Оскол, Старооскольский технологический институт (филиал) ФГОУ ВПО «Национальный исследовательский технологическийуниверситет «МИСиС»

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Немецкая пропаганда в оккупированных европейских странах, в том числе в СССР, – явление ещё не достаточно изученное. Особый интерес представляет гендерный подход немецкой политики на оккупированной советской территории. В советских исследованиях бытовала оценка содержания немецкой пропаганды как «лживой»[1]. Однако анализ пропагандистских материалов вынуждает признать, что зачастую немецкая критика советской действительности имела под собой реальную основу[2]. В первую очередь, это касается освещения в немецких пропагандистских источниках правового статуса советских граждан, колхозного строительства, политических репрессий, а также изменения социального статуса женщины и разрушения семейных ценностей. К последним мы относим взгляд на женщину как на хранительницу семейного очага, главными жизненными задачами

[1] Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941–1944гг. М., 1988; Кондакова Н.И. Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945). М., 1982.

[2] Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Белоруссии в годы ВОВ: Дисс… канд. ист. наук:07.00.02.Минск, 1995. С. 25.

которой являются рождение и воспитание детей, обустройство дома, забота о муже и отце своих детей. Женщина стала особым объектом немецкой пропаганды. В свое время осуществление индустриализации потребовало привлечения в промышленность и на производство миллионов женщин. Традиции русской патриархальной семьи были утрачены. Именно эта тема активно эксплуатировалась в таких разделах немецкой пропаганды, как антисоветизм и вербовка «остарбайтеров»[1]. В поисках добровольцев, желающих поехать на работу в Германию, пропагандисты прибегали к различным уловкам. Утверждалось, что именно Германия – страна истинного социализма, а немецкое правительство осуществляет меры социального характера, в частности, оказывая поддержку матерям в содержании и воспитании детей[2]. Адресованная молодым советским женщинам пропаганда утверждала, что советская власть отнюдь не уравняла женщин в правах с мужчинами, т.к. теперь на женских плечах, помимо домашнего хозяйства, лежит обязанность работы на заводе или в колхозе. Советская женщина лишена радости материнства, поскольку не может полноценно и самостоятельно воспитывать и растить своих детей, — этим занято государство. Объявленное равенство в правах с мужчинами стало для советских женщин кабалой, государство использует их труд в тяжелой промышленности с вредными условиями труда, а всё это негативно отражается на женском здоровье. Теперь женщины в СССР даже более несвободны, чем раньше, утверждала немецкая пропаганда, её грубо использует и обманывает советская власть. «Отсутствие “женского вопроса”, о чём кричали коммунисты, и борьба за их “освобождение”, привели к тому, что советская женщина работает наравных с мужчиной и также, как и он, имеет “шанс” попасть в лапы НКВД», – вот один из типичных штампов, характерных для немецких печатных и радиоматериалов пропаганды[3]. С другой

---

[1] Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 1. С. 109.

[2] Белорусские остарбайтеры. Документы и материалы: В 2-х кн./ Нац. архив Республики Беларусь и др. Редкол.: В.И. Адамушко и др. Мн., 1995. Т.1. С. 100.

[3] Мигунова Е.А. Белорусские «остарбайтеры» и пропаганда немецкой оккупационной власти в 1941–1944 гг. // Вести Белорусского

стороны, оккупационная власть стремилась создать идеальный образ немецкой женщины-матери, акцентировала внимание на её особом социальном статусе. Хотя её труд и используется в военной промышленности «рэйха», немецкое правительство не забывает, что каждая женщина должна быть окружена заботой и вниманием. Распространенной темой в пропагандистских материалах была «Женщина в Германии и СССР»[1]. Немецкая семья и условия жизни и труда в нацистской Германии объявлялись эталоном для советского населения оккупированной части страны; он должен был привлечь свежие (и что самое главное бесплатные) рабочие кадры с Востока. Семья, дети, домашний очаг – вот образ жизни немецких женщин и их ценности, словом, всё то, чего лишила советская власть женщин в СССР. Распространенным пропагандистским ходом было также цитирование выдержек из писем «остарбайтеров», попавших на работу в Германию. Они изобиловали сведениями о прелестях жизни простых трудяг в «Новой Европе», о системе социальных гарантий для работников, о внимательном, чуть ли не трепетном, отношении немецких хозяев к русским «остарбайтерам» [2]. Однако реальные свидетельства принудительно отправленных в Германию советских граждан были весьма далеки от этих сказок. Именно на категорию потенциальных «остарбайтеров» были рассчитаны действия немецких идеологов по пропаганде семейных ценностей и социальной политики «имперских» властей в Германии. Реальные же планы немцев относительно населения, проживающего на оккупированных восточных территориях, содержались в генеральном плане «Ост». Он был разработан Главным управлением имперской безопасности Германии и предусматривал в течение 25–30 послевоенных лет физическое уничтожение до 30 млн. человек на захваченной советской территории, а также выселение из европейской части свыше 50млн. русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов и других народов в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, в Южную Америку. «Освобождённые» территории намечалось заселить немецкими

государственного педагогического университета. 1998. №1. С. 82–86.

[1] Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des “Auslandereinsatzes” in der Kriegswirtsschaft des Dritten Reiches. Berlin, 1985.

[2] Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1997. С. 35.

колонистами, а оставшееся на них население – онемечить [1]. «Семейная политика» немцев на Востоке заключалась в доведении рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относилось к «чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем… и к Украине». «Пока мы заинтересованы в том, чтобы увеличить численность украинского населения в противовес русским. Но это не должно привести к тому, что место русских займут со временем украинцы», – в такой интерпретации содержался в плане «Ост» известный принцип государственной политики древнеримских императоров «разделяй и властвуй»[2]. Для того, чтобы избежать в восточных областях увеличения численности населения, авторы плана настоятельно рекомендовали избегать тех мер, которые применялись для увеличения рождаемости в самой Германии. Политика по сознательному сокращению численности ненемецкого населения включала в себя, во-первых, широкое использование средств пропаганды, в особенности прессы, радио, кино, листовок. С их помощью немецкие идеологи должны были внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей, что их воспитание требует больших затрат, что роды вредны и даже опасны для женского здоровья. Рекомендовалось развернуть широчайшую пропаганду противозачаточных средств и наладить их производство. Во-вторых, планировалось организовать специальную переподготовку врачей и фельдшеров по обучению производства абортов. В-третьих, немецким оккупационным властям на Востоке следовало пропагандировать и поощрять добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение детской и младенческой смертности, противодействовать обучению матерей по уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней, сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям. В-четвёртых, наряду с указанными мерами в области здравоохранения немецкие власти не должны были чинить препятствий разводам, при этом не позволялось оказание помощи внебрачным детям. Вопреки

---

[1] Великая Отечественная война 1941–1945 / Под ред. ак. А.О. Чубарьяна. М., 2005. С. 103.

[2] Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967. С. 205.

расхожим пропагандистским клише категорически запрещались меры социальной поддержки в отношении многодетных семей (например, налоговые привилегии и надбавки к зарплате)[1]. Из приказа верховного командования вермахта «Об обращении с местным населением» следует, что ненемецкому населению в «занятых» восточных областях ни в коем случае не должно вводиться немецкое медицинское обслуживание. Строго запрещались прививки и другие профилактические меры для славян[2]. Руководство «третьего рэйха», изначально ориентировало гражданские и военные власти на Востоке на жестокость по отношению к мирному населению. Так, ближайший советник Гитлера и глава канцелярии НСДАП М. Борман в письме к министру оккупированных восточных территорий А. Розенбергу советовал: «В борьбе с большевизмом нельзя строить отношения на принципах гуманизма и международного права. В этой войне милосердие и соблюдение международных правовых норм по отношению к этим элементам неуместны»[3]. Такие несоответствия между реальными планами геноцида славян и содержанием пропаганды для потенциальных «остарбайтеров» объяснимы рядом объективных и субъективных причин. Во-первых, известно, что между так называемыми «гражданскими» и военными оккупационными властями на Востоке существовали разногласия по вопросу отношения к мирному населению, борьбы с партизанами и т.д. Во-вторых, захваченная немцами советская территория была разделена на ряд административных единиц, руководство которых допускало субъективные подходы в реализации плана «Ост» (например, глава комиссариата «Беларусь» – В. Кубэ). В-третьих, пропагандистские слоганы, адресованные молодёжи, вывозимой в Германию, преследовали решение очевидной практической задачи – вербовки как можно большего количества «остарбайтеров», – и их содержание явно шло вразрез с целенаправленной политикой по уменьшению

---

[1] Преступные цели – преступные средства / Под общ. ред. Т.Ф. Заставенко. М., 1985. С. 115–116.

[2] Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы / Под ред. Н.Г. Павленко. М., 1967. С. 364.

[3] Фест И. Гитлер: Биография. Пермь, 1993. Т. I. С. 283.

численности русских, белорусов, украинцев и других советских народов. Результаты пропагандистской работы сводились к нулю жестокими, зверскими действиями немецких властей против мирного населения. Реализации немецких планов не помог и гендерный подход в идеологической работе. Несмотря на это, практически до конца войны продолжала работу пропагандистская машина нацистов, создавая образ «Новой Европы», построенной на принципах гуманизма и сотрудничества.

Н.В. Клековкина,
Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

СЕМЬЯ В КАРИКАТУРНЫХ ОБРАЗАХ ЭПОХИ БРЕЖНЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЧАЯН–СКОРПИОН»)

Кто бы ни обращался к проблематике семьи, все отмечают её сложность и многогранность. Ведь фактически это пространство, где пересекается публичная и приватная сферы[1].

Посему обращение к семье может представлять самостоятельную ценность, но в данном случае должно раскрыть сущностные проявления обыденной жизни. Тем более, что в перечне маркеров этой стороны позднесоветской истории значится непродолжительный список: потребительская революция, вещизм, дефицит, двойная мораль [2]. Такой подход как минимум ограничен материальным уклоном, а значит должен быть дополнен эмоционально-ёмкими категориями семейной коммуникации. К тому же, будучи базовым социальным институтом, семья отражает контекстные изменения и механизмы переноса их в сферу привычной жизни.

В условиях временной близости периода логичным видится обращение к устной истории. Но в контакте с современниками исследователь рискует попасть под влияние ностальгии по

[1] Репина Л.П. Мужчина и женщина в истории. Новая картина европейского прошлого. М., 2002. С. 89.
[2] Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 13.

советскому[1]. С учётом обращения к теме семьи немаловажным ограничителем выступает эффект, усугубляющий ностальгию – работа памяти, идеализирующей детство под влиянием идеологических клише в духе привычной фразы «всё лучшее детям»[2]. Как результат, пространство памяти исключительно оптимистично, в нём нет места обидам, ссорам и прочим неприятностям во взаимоотношениях. Последнее наблюдение стало результатом обработки серии анкет[3].

Обнаружение одного эмоционального полюса требует поиска контрастных источников, которые не связаны с памятью, то есть синхронны изучаемому периоду.

Бесспорно, что способы репрезентации семьи в домашних альбомах представляют интерес, вот только в плане информационного потенциала их сложно представить чем-то большим, чем простые иллюстрации, которые к тому же имеют постановочный характер и нацелены на увековечивание лиц родных людей[4]. Хотя присутствие в изображениях «духа» времени наводит на мысль о других изображениях. С учётом задачи поиска образов, нацеленных на честный разговор о недостатках, именно сатирические издания могут быть не бесполезны.

---

[1] Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследования феномена // Соц. исследования. 2001. № 8. С. 32.

[2] Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 6.

[3] Анкетирование проводилось осенью 2009 г. Выборка респондентов строилась по возрастному принципу и включала поколение 50-х. Таким образом, респонденты подошли к интересующему нас периоду в детском, но вполне осознанном возрасте. В разделе, относящемся к семейным воспоминаниям, было 23 открытых вопроса. Оптимистический тон ответов почти неизменен. Лишь на прямой вопрос «как проявлялись сложности в отношениях домочадцев?» робко проявляются типизированные ответы «иногда ссорились», «дрались», «ругались»… – Н.К.

[4] Потаённое знание современной семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 174.

Учитывая региональный характер нашего исследования, сфокусированного на повседневной жизни Казани, мы остановились на коллекции журнала «Чаян»[1].

В общей характеристике этого источника важно отметить, что семейная тематика присутствовала, но не доминировала в журнале. Тем не менее, среди авторов были те, кто периодически практиковался в создании смешных изо–историй о жизни домашнего круга.

Комментирующую роль в понимании посыла изображений сыграли подписи и фрагменты диалогов. Более крупные тексты в виде заметок, рассказов и фельетонов, относящихся к изображениям, не рассматривались.

Тематическая широта сюжетов семейных образов соответствует наблюдению о 60-х как времени, когда смеяться начали не «над чем–то» (регламентированным и локализованным), а «от чего»[2]. И задачи смеха удвоились: кроме разрушения негативного они стремились к утверждению позитивного. Впрочем, не стоит забывать, что рассматриваемая репрезентация семьи относится к официальной советской визуальной культуре.

Собранную коллекцию карикатур можно структурировать по ролевому принципу, исходя из набора персонажей.

Естественно, что парные истории семейного толка начинаются со свадебных зарисовок. В них молодость супругов выступает причиной несерьёзности, когда происходит обмен невестами[3] (как игрушками в песочнице), или предложение выбрать одну из двух на

---

[1] «Чаян» («Скорпион») – журнал, издающийся в Казани с 1923 г. (один из старейших советских сатирических журналов). С 1955 г. выходил с периодичностью дважды в месяц (24 номера в год). С 1956 г. журнал выходит на татарском и русском языках, тираж – 30 тыс. экз. (на каждом). В изучаемый период объем номера составлял 12 страниц с многоцветными иллюстрациями (составлено по: Стыкилин С. Сатира советской эпохи 1917–1963: Справочник [электронный ресурс]: http://www.books-classic.ru/ publications/view/2/page/258)).

[2] Вайль П. 60-е. Мир советского человека 2-е изд., испр. М, 1998. С. 142.

[3] Чаян. 1966. № 7. С. 8.

предусмотрение представительницы Загса[1]. Но разница в возрасте тоже не одобряется.

Как следствие несерьёзного отношения к созданию семьи упоминаются разводы. Особо предусмотрительные интересовались, где и как это сделать прямо во время свадебной церемонии[2].

Не редки сюжеты с повторными браками, когда жених признаётся, что никогда не ошибался с подбором хороших невест[3], или новобрачная на вопрос о своей фамилии перечисляет внушительный список[4].

Рисунки с супругами, возможно, вследствие проблемной нацеленности, часто обыгрывают ссоры. Накал ситуации передаётся не только позами, жестами и искривлёнными лицами, но и художественными способами. Например, нереалистичной ситуацией с диктором, пытающимся заткнуть уши в экране телевизора, перед которым бранятся милые[5]. Как правило, художники концентрировались на высмеивании неприглядности людей в момент ссоры, но понять причины конфликтов также возможно. Учитывая, что споры протекают в домашних условиях, они носят бытовой характер. Последнее можно увидеть в карикатуре Хантемирова «Вечно у нас спектакли начинаются с вешалки»[6], изображающей раздраженную супругу, недовольную плохо закреплённой вешалкой в прихожей. Семейные ссоры показаны и в более неприглядной форме, чем словесные баталии. Тема насилия визуализирована в нескольких ракурсах. Смехом осуждается ситуация с наблюдателями, которые решаются вмешаться в схватку мужчины и слабой женщины с объяснением «Надо бы помочь, оказывается она вовсе не жена ему»[7], На страницах журнала можно увидеть и «обмен» ролями, когда руки распускает жена, вооружённая стереотипной скалкой или сковородой.

---

[1] Чаян. 1967. № 1. С. 7.
[2] Чаян. 1965. № 21. С. 11.
[3] Чаян. 1969. № 4. С. 7.
[4] Чаян. 1970. № 12. С. 11.
[5] Чаян. 1970. № 10. С. 7.
[6] Чаян. 1980. № 7. С. 3.
[7] Чаян. 1971. № 5. С. 5.

В развитии семейной взаимной неприязни существовала и латентная стратегия «незамечаемое не существует», которую, судя по мнению художников, могли практиковать исключительно мужчины, отгораживающиеся от супруги газетой, не видящие ничего кроме телевизора.

Ещё одну внушительную тему, которую можно поднять, обнаружив изображения мужей и жён – это распределение дел в семье. Под воздействием жанра достичь комического эффекта очень легко, лишь показав мужчин, пытающихся заботиться о порядке в доме (эта тема дублируется в каждом мартовском номере) или женщин, рубящих дрова.

Удивительно, но абстрактная проблема различия полов подавалась также через взаимодействие внутри семьи. Причём смех могли вызвать как милые слабости взрослых дам, среди которых излишняя забота о внешности, склонность к гастрономическим излишкам или повышенная общительность, когда часом обходится только разговор с ошибшимся номером, так и серьёзные бабушки, обсуждающие схемы мудрёной электроники. К мужским недостаткам, исправляемым посредством контроля, относилась тяга к алкоголю.

Примета времени – мелкие хищения и стремление принести хоть что-то с работы домой (в семью) – тоже имела гендерные нюансы. Способность что–либо «доставать» чаще проявляли женщины, недовольные отсутствием хватки у спутников жизни и их неспособностью радоваться импортным мелочам (в официальном духе эти проявления осуждались, потому весьма симптоматична сцена с морщащимся супругом и женой, выражающей своё возмущение: «Неблагодарный! Я с таким трудом достала эту импортную соль! Говорят, она английская»)[1]. Таким образом, карикатуры подтверждают жизненность шуточного призыва «на работе ты не гость» как символа перехода от общих ценностей к приоритету малого коллектива – семьи.

Она, как известно, в составе двух людей не полноценна. Поэтому следующая подборка сгруппирована из образов с двумя действующими персонажами, один из которых ребёнок.

---

[1] Чаян. 1969. № 8. С. 7.

Как ни странно, но количественно пара мать и дитя попадается не часто. Модели взаимодействия достаточно однообразны: совмещение работы и заботы о ребёнке[1], попытки дать чаду самое лучшее (в десятке вариаций обыгрывается материнское стремление купить пианино и заставить малыша играть на нём, а потом с гордостью демонстрировать его таланты гостям). В любом случае контекстные эмоции – забота и любовь, казалось бы, вовсе не смешные. Однако избыточность их проявления вызывала именно такой эффект. Чего стоит малыш, водружённый на стул, и мама, предлагающая гостям послушать как он «умеет считать до миллиона»[2].

Взаимодействие папы с ребёнком порою похоже на смех сквозь слёзы. Таково изображение с отцом, пытающимся выкупать малыша и проигравшим неравный бой с пеной, от которой текут слёзы[3]. Пытаясь подменить мам, папы редко были удачливы. Слово «редко» можно применить и к их присутствию (они не только заняты на работе, но иногда просто отсутствуют в семье и бегают от алиментов так, что страх вызывает даже дорожный знак «осторожно, дети!»)[4] и участию в воспитании. Основной для мужчин являлась коррекционная функция исправления недостатков посредством ремня[5].

Особенную роль в жизни детей играли не только родители, но и бабушки. Они не всегда полны восторгов по поводу оставленных внучат и мечтают о выходном дне[6]. Но есть и противоположный вариант со старушками, балующими не только маленьких внучат, но и

---

[1] Эта проблема внутрисемейной жизни преломляла социальный вопрос об отсутствии свободных мест в детских садах. Например, дочка продавщицы кукольного отдела, не устроенная в детский сад (Чаян. 1980. № 2. С. 1), расположена художником на полках с куклами и относится к ним уже настолько безразлично, что посетители и её воспринимают как одну из игрушек.

[2] Чаян. 1979. № 2. С. 3.

[3] Чаян. 1965. № 4. С. 3.

[4] Чаян. 1964. № 12. С. 9.

[5] Даже в магазине при выборе этого аксессуара его опробуют в действии (Чаян. 1979 № 6. С. 5).

[6] Чаян. 1967. № 15. С. 12.

уже давно выросших. Иногда забота проявляется не в обучении, а в избавлении от любых занятий, даже тех, что могли бы принести пользу[1].

Пожалуй, квинтэссенцией семейной темы являются многофигурные изображения семей в полном составе. Осознавая, что её роль в социализации первостепенна, хотелось бы при ограниченности тезисного текста включить в него нестандартный пример восприятия этой функции семьи[2], ведь дать увидеть так же важно как дать понять.

Карикатурная семья представлена как неоднозначное явление, в котором уживаются и ссоры, и мир, а примиряют родителей дети[3]. В свою очередь родители стараются для них, преисполненные желания дать то, чего не имели сами[4].

В завершении хотелось бы сказать, что обращение к карикатурам позволило не просто констатировать вслед за классиком «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему», но и описать нюансы семейных проблем и рецепты их преодоления.

Н.В. Гилёва,
Вологда, Вологодский институт права и экономики ФСИН РФ

БРАЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ 1960–1970-Х ГГ.

Брачность – неотъемлемое свойство человеческой популяции, в котором репродуктивные функции осуществляются преимущественно

---

[1] В качестве примера можно упомянуть старушку, выполняющую упражнения на турнике за внука (Чаян. 1967. № 15. С. 12).
[2] Чаян. 1964. январь № 2 (599). С. 6.
[3] Чаян. 1976. № 10. С. 10.
[4] Вот только это не оценивалось позитивно. В педагогических текстах всё чаще упоминались строгость и скромность. А в «Чаяне» смеялись над родителями, заботящимися об отдыхе для сына, отработавшего 15 суток (Чаян. 1964. № 14. С. 5) или не жалеющими средств на джинсы с объяснением «Пусть хоть они пощеголяют» (Чаян. 1978. № 22. С. 8).

через брак[1]. Формы брака и характер процесса брачности зависят от культурных норм, выработанных обществом на протяжении веков, и исторически обусловлены. На формы брака и динамику процесса брачности существенное влияние оказывают социально-экономические, демографические и конкретно – исторические особенности развития общества в определенный период времени[2].

На территории Европейского Севера России в 1960 – 1970-е гг. на состояние брачной структуры и брачно-семейных отношений сельского населения в наибольшей степени влияние оказывали половозрастная диспропорция, явившаяся следствием людских потерь в годы Великой Отечественной войны, а также активное миграционное движение населения. К моменту проведения первой послевоенной Всесоюзной переписи населения 1959 г. мужчины, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях 1941 – 1945 гг., были в возрасте 33 лет и старше. На эти возрастные группы, особенно на возрастную группу мужчин, которым в 1959 г. было 35-39 лет, пришлись наиболее тяжелые потери в ходе войны [3]. Так, в сельской местности Европейского Севера в возрастной группе от 25 до 29 лет, не принимавшей активного участия в боевых действиях, в среднем на 100 женщин приходилось 88 мужчин, в возрасте от 30 до 34 лет соответственно 79 мужчин, в интервале от 35 до 39 лет – 37 мужчин, в возрастной группе 40-44 летних – 32 мужчины [4]. Столь большая разница в численности мужчин и женщин в «воевавших возрастах» привела в первое послевоенное десятилетие к сложным социальным и психологическим проблемам. В результате гибели на фронте значительной части мужского населения в стране осталось много вдов,

---

[1] Морозов С.Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX в. – 1917 г.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 3. М., 1999. С. 95.

[2] Там же. С. 92. В демографии брак определяется как исторически обусловленная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению к друг другу и детям. (Народонаселение. М., 1994. С. 28).

[3] Кваша А.Я. Демографическое эхо войны // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, Научная мысль. 1988. С. 22.

[4] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 4881. Л. 9, 9 об., 54, 54 об.

из которых лишь немногие смогли снова выйти замуж. В 1950-е гг. последствия войны отразились в основном на числе вдов, уровень окончательного безбрачия как в городской, так и в сельской местности был невысок (около 7% от общего количества женщин в брачном возрасте)[1]. В этот период началось массовое вступление в брак мужчин в возрасте 20–22 лет. Многие из них женились на женщинах старше себя, что «смягчало проблему дефицита женихов» для «обделенных» женских поколений[2]. К концу 1950-х гг. подавляющее большинство потенциальных женихов (20-29 лет) составляли мужчины, не принимавшие участия в военных действиях. Фактор послевоенной половой диспропорции уже не оказывал сильного влияния на число ежегодно заключаемых браков. В это время большее значение имела численность поколений, достигающих брачного возраста. Она колебалась из-за спадов и подъемов рождаемости, которые наблюдались в те годы, когда появились на свет эти поколения. К моменту переписи населения 1959 г. увеличилась численность 20–24-летних женщин и мужчин, что привело к росту общих коэффициентов брачности (см. табл.)[3].

Общие коэффициенты брачности сельского населения Европейского Севера России (на 1000 населения, в ‰)*

Годы	Общие коэффициенты брачности
1959	10,5
1965	6,5

[1] Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989. С. 21.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 23. За 1970–1979 гг. коэффициенты брачности сельского населения рассчитаны по Архангельской и Вологодской областям.

1970	6,7
1975	8,8
1979	9,8

*Рассчитано по: ГАРФ. Ф.374. Оп.31. Д.7864. Лл.64,64 об.,65,65 об.; Оп.36. Д.11309. Лл.8,8 об.,9,9 об.; Текущий архив Архангельского областного статистического управления. Численность и естественное движение населения Архангельской области (статистический сборник). Архангельск, 1998. С. 50.; Текущий архив Вологодского областного статистического управления. Динамические ряды по статистике брачности населения за 1960 – 1970-е гг. С.47.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что общий коэффициент брачности сельского населения в изучаемых регионах составил 10,5‰ в среднем. В конце 1950-х гг. соотношение численности мужчин и женщин в молодых возрастах выровнялось. Решающие значение для числа заключаемых браков в этот период стала иметь численность девушек, достигших в данном году совершеннолетия. Демографы отмечают тот факт, что активное вступление в брак женщин начинается сразу с достижения брачного возраста – 18 лет. Некоторая часть девушек выходит замуж раньше – в 16–17 лет, обычно в связи с рождением ребенка или беременностью[1]. В 1960 г. в Архангельской о Вологодской областях, Карельской и Коми АССР всего в возрасте моложе 18 лет замуж вышли 16 девушек, в возрасте 18 лет – 872 девушки. В начале 1960-х гг. одна шестая часть всех невест приходилась на женщин моложе 20 лет[2]. Мужчины в возрастной группе 18-20 лет женились значительно реже. В 1960 г. они составляли менее 8% от общего числа мужчин, вступивших в брак в этом году.[3] От общего числа браков, заключенных в 1960 г., 65% браков пришлось на

[1] Там же. С. 23.; ‰ (промилле) – тысячная часть числа.
[2] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 7866. Л. 24, 24 об., 39, 39 об., 141, 141 об.
[3] Рассчитано по: там же.

возрастную группу 20–29 летних, более 10% браков – на возрастную группу 30–49 летних, 6% браков на возрастную группу 50-60 летних и старше[1].

В 1960-х гг. улучшилась брачная структура женщин трудоспособного возраста в сельской местности Европейского Севера России в связи с нормализацией соотношения полов за счет молодых возрастов (20–29 лет). По данным статистиков, в 1965 г. на 100 женщин в трудоспособном возрасте в селах Архангельской области приходилось 90 мужчин, в Вологодской области – 80 мужчин, в Коми АССР – 93, в Карельской АССР – 89 мужчин[2].

В 1960-х гг. удельный вес женихов в возрасте 20–24 лет в сельской местности изучаемых регионов достиг 50%. Кроме того, 25% женихов принадлежало к возрастной группе 25–29 лет, то есть к поколению 1930-х гг. рождения[3]. Несмотря на это, в первой половине 1960-х гг. началось резкое снижение количества браков в сельской местности. Коэффициент брачности уменьшился с 10,5‰ в 1959 г. до 6,5‰ в 1965 г. [4] . Одним из факторов, повлиявших на сокращение числа браков, явилось то, что в 1960 – 1963 гг. совершеннолетия стали достигать юноши и девушки, родившиеся в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг. рождения), когда рождаемость значительно снизилась[5].

---

[1] Рассчитано по: там же.

[2] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44.Д. 2957. Л. 17.

[3] Синельников А.Б. Указ. соч. С. 26, 27, 28; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 7866. Л. 24, 24 об., 39, 39 об., 141, 141 об.; Оп. 35. Д. 3157. Л. 24, 24 об., 42, 42 об., 184, 184 об., 187, 187 об.

[4] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 7864. Л. 64, 64 об., 65, 65 об.; Оп. 36. Д. 11309. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.; Текущий архив Архангельского областного статистического управления. Численность и естественное движение населения Архангельской области (статистический сборник). Архангельск, 1998. С. 43, 50; Текущий архив Вологодского областного статистического управления. Динамические ряды по статистике брачности населения за 1960 – 1970-е гг. С. 47.

[5] История советского крестьянства. Т.4. М., Наука. 1988. С. 278.

Начиная с 1964 г. 18-летнего возраста стали достигать поколения, родившиеся в 1946 г. и позже, то есть в годы послевоенного компенсационного повышения рождаемости. Однако коэффициент брачности в середине 1960-х гг. достиг одной из самых низких отметок уровня брачности. Для последующих четырех лет также была характерна стабильно низкая брачность[1]. Необходимо учитывать и то, что обычно возраст женихов и невест расходится на 3–4 года. Во второй половине 1960-х гг. на большое число невест приходилось вдвое меньшее число женихов[2]. Девушки, которым исполнилось 18 лет, довольно редко выходили замуж за своих сверстников. Те, в свою очередь, в это время учились в средних специальных учебных заведениях или ВУЗах, проходили службу в армии и не спешили создать семью. Также общественное мнение «не одобряло слишком юных мужчин, которые вступают в брак»[3]. 18–летние девушки 1946 г. рождения не могли вступить в брак с мужчинами 1941 – 1943 гг. рождения, которых было вдвое меньше, чем потенциальных невест[4]. Поэтому, по мнению А.Б. Синельникова, средний возраст вступления в брак во второй половине 1960-х гг. был очень высоким, а число вступающих в брак низким[5]. В Архангельской и Вологодской областях, Карельской и Коми АССР число браков с 1960 по 1968 гг. в сельской

---

[1] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 7864. Л. 64, 64 об., 65, 65 об.; Оп. 36. Д. 11309. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.; Текущий архив Архангельского областного статистического управления. Численность и естественное движение населения Архангельской области (статистический сборник). Архангельск, 1998. С. 43, 50; Текущий архив Вологодского областного статистического управления. Динамические ряды по статистике брачности населения за 1960 – 1970-е гг. С. 47.

[2] Кваша А. Я. Указ. соч. С. 23.

[3] Синельников А.Б. Указ. соч. С. 25.

[4] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3157. Л. 24, 24 об., 42, 42 об., 184, 184 об., 187, 187 об.; Оп. 36. Д. 11314. Л. 116, 116 об., 118, 118 об., 120, 120 об.

[5] Синельников А. Указ. соч. С. 25.

местности в целом снизилось с 20004 до 11068 соответственно, или на 55,3%[1].

Лишь с 1969 г. на «брачном рынке»[2] «накопилось» достаточное количество мужчин, которые родились в годы послевоенной компенсационной рождаемости и достигли возраста активной мужской брачности (21-23 лет)[3]. К тому же с 1 января 1968 г. вступил в силу новый «Закон о всеобщей воинской обязанности». По этому закону сократился срок военной службы в сухопутных войсках с 3 до 2 лет, вследствие чего в возраст активной мужской брачности вступило многочисленное поколение двадцатилетних[4]. В силу этих обстоятельств средний брачный возраст заметно понизился, а число браков с конца 1960-х гг. стало быстро расти. Общий коэффициент брачности сельского населения в изучаемых регионах составил в 1970 г. 6,7‰[5]. Рост коэффициента брачности продолжался в течение следующих 10 лет. В 1970-е гг. в брачный возраст входили новые поколения 1950-х гг. рождения, когда число родившихся в связи с ростом населения страны постоянно увеличивалось. Поколение девушек 1960 г. рождения достигло 18-летия в 1979 г. В этом году общий коэффициент брачности составил 9,8‰ – на 3,1‰ больше, чем в 1970 г.[6].

---

[1] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3157. Л. 24, 24 об., 42, 42 об., 184, 184 об., 187, 187 об.; Оп. 36. Д. 11314. Л. 116, 116 об., 118, 118 об., 120, 120 об.

[2] Под «брачным рынком» понимается система соотношения численности различных групп бракоспособного населения.

[3] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 36. Д. 11314. Л. 116, 116 об., 118, 118 об., 120, 120 об.

[4] Синельников А.Б. Указ. соч. С. 26.

[5] Рассчитано по: Текущий архив Архангельского областного статистического управления. Численность и естественное движение населения Архангельской области (статистический сборник). Архангельск, 1998. С. 43, 50; Текущий архив Вологодского областного статистического управления. Динамические ряды по брачности населения за 1960 – 1970-е гг. С. 47.

[6] Рассчитано по: там же.

На протяжении 1960 – 1970-х гг. в сельской местности Европейского Севера России в возрастных группах до 30 лет число повторных браков женщин значительно превышало число повторных браков мужчин за счет браков разведенных. Так, в 1968 г. в целом по изучаемым регионам в общей численности вступивших в повторный брак в возрастной группе 24–29 лет доля мужчин составила 39,2%, женщин – 60,8%. Однако с возрастом перспективы для вступления во вторичный брак у разведенных женщин уменьшаются[1]. В возрастной группе 30–34 лет преобладает абсолютное число повторных браков мужчин, в этом возрасте разведенные мужчины вступают в новый брак чаще, чем их ровесницы.

От общего количества вступивших в брак в возрастной группе 30–34 лет в 1968 г. доля мужчин составила 52,5%, женщин – 47,5%[2]. В более старших возрастных группах (35–49 лет, 50–60 лет и старше) заметный вклад в преобладание вторичных браков у женщин вносит брачность вдов. По сравнению с вдовцами, вдовы вступают в повторный брак в два раза чаще[3]. В конце 1960-х гг., по данным статистиков, в сельской местности изучаемых областей и АССР в целом от общего числа вступивших в повторный брак в возрастной группе 35–60 лет и старше доля мужчин составила 41%, доля женщин – 59% [4]. На протяжении 1960 – 1970-х гг. именно состояние половозрастной структуры населения явилось основной причиной соотношения повторных браков мужчин и женщин.

Таким образом, ситуация на брачном рынке, вероятность вступления в брак зависят от числа брачных партнеров, доля которых предопределяется половозрастной структурой населения. В свою очередь, на формирование половозрастной структуры населения оказывают влияние рождаемость и смертность, а также миграционные процессы. На состояние брачно-семейных отношений в сельской местности изучаемых регионов в 1960 – 1970-е гг. в значительной степени воздействовало миграционное движение населения. В этот

---

[1] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 36. Д. 11314. Л. 116, 116 об., 118, 118 об., 120, 120 об.

[2] Рассчитано по: там же.

[3] Синельников А.Б. Указ. соч. С. 26, 27.

[4] Там же.

период миграционные процессы носили активный характер и были обусловлены открытием и освоением новых месторождений нефти и газа (в Коми АССР), интенсификацией лесоразработок, строительством крупных лесопромышленных предприятий[1]. Процесс выравнивания половой структуры сельского населения в послевоенные десятилетия шел достаточно быстрыми темпами за счет прибытия в сельскую местность молодых мужчин-рабочих добывающей и лесоперерабатывающей промышленности. В Архангельской и Вологодской областях, Карельской АССР в 1960–1970-х гг. в сельской местности преобладали женщины, но это преобладание в основном приходилось на возрастную группу старше 50 лет[2]. В трудоспособном возрасте численно преобладали мужчины в молодых возрастах (20–29 лет)[3]. Лесопромышленная специализация областей, Карелии и Коми повышала спрос на мужскую рабочую силу. В результате на работу из других регионов страны в Архангельскую и Вологодскую области, Карельскую АССР и Коми АССР приезжало мужчин в 1,5–2 раза больше, чем женщин[4]. Мужчины преобладали в промыслово-рыболовецких поселках и лесопромышленных поселениях, что порождало «проблему невест». Подобные половые диспропорции населения в молодых возрастах вызывали серьезные затруднения у сельской молодежи в создании семьи и активизировали миграцию сельских жителей в города.

В Архангельской и Вологодской областях, где русское население составляло более 90%, в 1960 – 1970-е гг. в сельской местности отношение к браку и семье было несколько иным, чем в Коми АССР. На формирование брачно-семейной структуры сельского населения здесь большое влияние оказывали общественное мнение, традиции и

---

[1] Попова Л.А. Проблемы демографического развития села в республике Коми. Автореферат дисс… к.э.н. С. 23.

[2] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 46. Д. 1550. Л. 41, 41 об., 66, 66 об., 81, 81 об., 82, 82 об.

[3] Рассчитано по: там же.

[4] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5699. Л. 92, 93, 94, 95, 96; Д. 5700. Л. 16, 17, 18, 19; Д. 5704. Л. 187, 188, 189; Д. 5705. Л. 16, 17, 18, 19.

обычаи, выработанные рядом поколений[1]. Часто в сельской местности вступление в брак воспринималось как акт инициации, то есть признания молодого человека полноценным членом общества. «Бобыль, бродяга, шатун, вообще человек без семьи считался обиженным судьбою и богом» [2]. Женитьба и замужество были не только духовно-нравственной, но и хозяйственно-экономической необходимостью. В сельском сообществе осуждались слишком поздняя или ранняя свадьба, большая разница в возрасте жениха и невесты, добрачное сожительство. Повторные браки в крестьянской семье считались несчастливыми и невыгодными с экономической точки зрения [3]. Нравственно–бытовые устои и семейно-брачные отношения во многом предопределяли в сельской местности средний брачный возраст, взаимоотношение мужчин и женщин, преобладающий тип семьи.

О.А. Иванчина,
Самара, Поволжская государственная социально–гуманитарная академия

ЧУВАШСКАЯ ЖЕНЩИНА В СТРУКТУРЕ СЕМЕЙНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В современной отечественной историографии особую значимость приобретает изучение социальных аспектов развития российского общества на различных исторических этапах. Данное направление позволяет более всесторонне исследовать эволюцию российского общества во взаимосвязях исторического, культурного, этнографического планов. В то же время до последнего времени практически отсутствовали специальные работы, в которых бы в рамках вышеуказанного направления подвергалась анализу эволюция женского мира как важнейшей составляющей любого компонента общественного развития. Отношение к женщине со стороны общества на отдельных этапах его эволюции является критерием правовой и

[1] Белов В.И. Лад. Вологда, Сев.–Зап. кн. изд. 1985.С. 110, 111, 115.
[2] Там же. С. 94.
[3] Там же. С. 115, 116.

культурной зрелости самого общества. Этнорегиональный подход при рассмотрении социальной эволюции микро и макромира женщины способствует углублению и расширению конкретного исторического исследования.

Среда, в которой находятся представители того или иного этноса, многоаспектна. С одной стороны, это бинарная система «село – город», каждый из компонентов которого предполагает определенное отношение к традиционной культуре. С другой стороны, это региональная специфика, которая в силу определенных исторических, социально-экономических условий накладывает свой отпечаток на развитие этноса.

Сельский уклад жизни в силу своей специфики ориентирует население к традициям. Город же, создавая совершенно иные, чем в сельской местности, социально-экономические, культурные, бытовые и психологические условия, вынуждает представителей коренного этноса приспосабливаться к ним, изменяя их традиционный уклад и мировоззрение.

Как известно, женщина в обществах с традиционным укладом жизни выступала хранительницей этнокультурных норм и ценностей своего народа, передавала их в процессе воспитания новому поколению, и изменение именно ее этносоциальных и культурных характеристик дает возможность предвидеть, выявить и проследить формирование качественно новых параметров самого этноса.

Интерес к теме женской культуры в городской среде проявился во второй половине XX в., что было связано с урабанизационными процессами в обществе, которые стали оказывать существенное влияние на самые различные стороны жизни народа – социально–экономическую, культурную, семейно-бытовую и др., в том числе чувашского этноса. Чуваши, как и многие другие российские этносы, подверглись сильному воздействию урбанизации в силу того, что исторический опыт народа сложился в рамках доминирования традиционных аграрных форм хозяйства.

В связи с этим особую значимость приобретают вопросы о трансформации социокультурных параметров чувашской женщины в городской среде, характере и направлении адаптационных механизмов, под воздействием которых она вживается в совершенно новое для себя окружение.

Под социокультурным обликом чувашской женщины мы понимаем систему этносоциальных, этнокультурных, этнопсихологических характеристик, которые проявляются в особенностях самосознания и самоидентификации, в специфике быта и трудовой деятельности, досуга женщины в контексте городской социальной среды, моделях взаимодействия с противоположным полом, характера связи чувашки с родной этнокультурной средой.

Необходимым условием комплексного изучения динамики изменений положения и роли женщины в подсистемах чувашского общества является необходимость обращения к этнокультурным истокам. Лишь изучив и проанализировав поведенческую и ценностную культуру женщины в традиционном обществе, определив специфику взаимотношений женщины с членами семьи и обществом, возможно объяснить современное положение чувашской женщины в структуре семейных и общественных отношений.

Первые чувашские поселения возникли на Самарской Луке во второй четверти XVII в. В настоящее время, по данным переписи 2002 г., в городах Самарской области проживает 41,3 тыс. чувашского населения, что составляет 40,8% от общего числа чувашей, проживающих в области (101,4 тыс. чел.). Наиболее социально мобильными являются женщины, доля которых в общем числе городского населения 55%, или 22,7 тыс. чел.

Целью работы является выявление основных тенденций динамики положения и роли чувашской женщины в семье и обществе в современном социокультурном пространстве. Исходя из поставленной цели, будут решаться следущие задачи. Во-первых, определить специфику положения чувашской женщины в традиционной семье и обществе; во-вторых, проанализировать особенности установок семейной и общественной жизни современной чувашской женщины в городской среде; в-третьих, обозначить тенденции в изменении статуса чувашской женщины в трансформирующемся обществе 20-40 гг. XX в.

Подобный вопрос о социальном статусе чувашской женщины до настоящего времени в чувашеведении не ставился ни одним из исследователей, когда-либо занимавшихся изучением чувашского социума, хотя на сегодняшний день существуют аналогичные исследования по другим народам России, например, по мордовской женщине существует диссертационное исследование О. Булычевой

«Положение мордовской женщины в семье и обществе в конце XIX в. – 30 гг. XX в» и.т.д.

Раскрытию традиционного образа чувашской женщины, ее положения и роли в семье и обществе посвящена работа «Традиционный образ чувашской женщины в фольклорно-обрядовых сюжетах» [1]. Исследование данной проблематики сквозь призму анализа фольклорно-обрядовых сюжетов обосновлено тем, что они отражают в себе наиболее архаические общенародные представления о должном, об идеалах мужского и женского, о моделях поведения в традиционном обществе, в том числе у чувашей, являются основным средством социализации детей, условием успешности вхождения в систему поло-ролевой стратификации общества.

Анализ вышеуказанного фольклорно-обрядового материала дает основание сделать вывод о том, что основной сферой самореализации чувашской женщины в традиционной культуре является приватная область – внутрисемейная хозяйственная деятельность, что подтверждается распространненостью определенных пожеланий и требований в трудовой деятельности. Во внутрисемейных отношениях традиция предписывала женщине ее зависимое положение в семье, но при этом не отрицалась ее исключительная значимость как жены и матери.

Изучению проблемы положения и роли чувашской женщины в традиционной семье и обществе посвящена статья «Женщина в структуре семейных отношений чувашей» [2]. Данная статья дает возможность рассмотреть указанную проблему в региональном разрезе. Исследование построено на материале полевых исследований автора, географически частично охватывающих ареал низовых чувашей: с. Хорновар-Шигали Дрожжановского района

---

[1] Иванчина О.А. Традиционный образ чувашской женщины в фольклорно-обрядовых сюжетах // VIII Конгресс этнографов и антрополгов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / ОГАУ. Оренбург, 2009. С. 507–508.

[2] Иванчина О.А. Женщина в структуре семейных отношений чувашей // Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 25–27 марта 2010 г. / УНЦ РАН. Уфа, 2010. С. 77–79.

Республики Татарстан, сс. Никольское, Старые Чукалы и Асаново Шемуршинского района Республики Чувашии. В опросе участвовали чувашские женщины в возрасте от 80 до 93 лет. Выбор информаторов данного возрастного интервала определен наибольшей возможностью сохранения традиционных представлений о внутрисемейных отношениях. Исследование по времени охватывает первую треть XX в., которая фактически является рубежом трансляции традиционной культуры, в том числе и чувашской. Данная временная специфика выразилась в смягчении некоторых регламентированных аспектов семейной и общественной жизни чувашской женщины.

Исследованию особенностей установок семейной и общественной жизни современной чувашской женщины в городской среде посвящена стаья «Трансформация социокультурных параметров современной чувашской женщины в городской среде»[1]. В работе впервые ставится проблема чувашской женщины в городской среде не только как объекта массового социологического исследования, но и как персонифицированного исследования методом «включенного наблюдения».

Результаты исследования показали, что современная чувашская женщина в урбанизированном пространстве ориентирована в самореализацию на внешнюю общественную среду, через получение образования и овладение профессиональной компетентностью. Анализ установок респонденток в сфере семейно-брачных отношений раскрывает две сосуществующие тенденции. Во-первых, это возрастающий уровень эмансипации, наблюдается размывание традиционных морально-этических представлений о супружеских отношениях и т.д. В тоже время проявляется ориентированность чувашских женщин на традиционность семейно-брачных отношений: например, больше половины опрошенных решающую роль в семье отводят мужчине, как «кормильцу семьи».

---

[1] Иванчина О.А. Трансформация социокультурных параметров современной чувашской женщины в городской среде // ИЭИ УНЦ РАН. Материалы III Всероссийской научно–практической конференции молодых ученых. Уфа, 22 октября 2009 г. / ИЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2009. С. 112–116.

Таким образом, появляется возможность проследить основные тенденции изменения положения и роли чувашской женщины в структуре семейных и общественных отношений на современном этапе развития чувашского этноса, что является значимым в решении проблемы преемственности и адаптации элементов традиционной этнической культуры к условиям современного исторического развития общества, так как именно женщине принадлежит роль хранительницы традиционной культуры, выступает связующим звеном между поколениями, осуществляя преемственность и передачу этнических традиций.

Данное исследование не является исчерпывающим по указанной проблематике, но представляет собой значимый вклад в дело развития научной школы по чувашеведению.

М.Б. Ильичева,
Мурманск, Мурманский государственный педагогический университет

БРИТАНСКАЯ СЕМЬЯ 1950–1980-х ГОДОВ: ЭВОЛЮЦИЯ РОЛЕВЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Для понимания развития британской семьи в 1950–80-х гг. ключевой категорией является ролевая структура. На протяжении всего послевоенного периода сохранялась в целом традиционная система ролей, что подтверждается анализом источников и материалами социологических обследований. Мужчина являлся основным кормильцем семьи как в начале 1950-х, так и в конце 1980-х гг., несмотря на растущее значение для семьи заработка женщины. Работа мужа рассматривалась как исключительно важная и в семьях рабочих, и в семьях менеджеров, профессионалов и «белых воротничков», независимо от того, трудится ли жена в сфере наемного труда [1]. Женщине отводилась традиционная роль хозяйки дома,

[1] Goldthorpe J.H. a.o. The Affluent Worker in the class structure. Cambridge, 1969; Deverson J., Lindsay K. Voices from the middle classes: A study of families in two London suburbs. L., 1975; Elliot F. Gender, Family and Society. L., 1996 и др.

главное назначение которой – вести хозяйство, воспитывать детей и ухаживать за мужем, причем эта ее роль рассматривается как основная и в 1970-80-х гг., несмотря на широкое привлечение замужних женщин к работе по найму.

В 1950-х – первой половине 1960-х гг. традиционное распределение ролей в семье было более распространено. Наибольшая сегрегация ролей наблюдалась на противоположных полюсах социального спектра: в рабочих семьях и в наиболее обеспеченных. Мужья в этих семьях отводили основное время работе – рабочие на сверхурочных, в вечерних и ночных сменах; высшие профессионалы, бизнесмены и менеджеры – посвящая делам большую часть времени, зачастую проводя с клиентами и часы, отпущенные на досуг. Дом для мужчин из таких семей превращался лишь в место, где спят. В высших средних классах такое положение сохранялось на протяжении всего послевоенного периода[1].

Рабочие и средние слои населения пережили в связи с введением пятидневной рабочей недели и общим сокращением рабочих часов своего рода социальную революцию, связанную с изменениями в бюджете времени. Появилось новое понятие – «уикенд», «выходные». Исследования 1950–60-х гг. отмечают движение мужчин «назад, в семью». Большинство мужей в предместьях в 6–7 часов вечера уже дома. Они проводят с семьей вечера и выходные дни. Центром их интересов постепенно становятся дом и семейная жизнь.

Растущее участие мужей в воспитании детей, помощь по хозяйству, увлеченность ремонтными и строительными работами по дому – все эти явные перемены в отношении мужчин к семейной жизни дали ряду исследователей основание считать, что развитие семьи пошло по пути десегрегации традиционных ролей и появления семьи более эгалитарной, более «симметричной»[2]. Однако действительно ли мужчины «вернулись» в семью? Насколько изменилось соотношение ролей в последующие десятилетия?

Изучение считавшихся наиболее «демократичными» семей среднего класса доказало, что традиционное распределение ролей

---

[1] Edgell S. Middle-Class Couples. L., 1980; Gerber L.A. Married to their careers: Career' and family dilemma in doctors' lives. N.Y.; L., 1983 и др.
[2] Ibid.

осталось неизменным в своей сути и в 1970–80-х гг.[1]. Основой его являлось пронизывающее все общественные и экономические отношения представление о разделении ответственности между мужчинами и женщинами – мужчины отвечают за экономическое обеспечение семьи, что связано с вовлеченностью в наемный труд, а женщины – за домашнюю сферу и воспитание детей. Это находило отражение, в частности, в налоговой и социальной политике, исходящей из положения, что главой семьи является мужчина, несущий за жену и детей финансовую ответственность, обязанный их содержать. Даже в случае неполной семьи от одиноких отцов ожидалось, что они «зарегистрируются как ищущие место и возьмутся за какую-либо подходящую работу» [2]. Однако матери–одиночке предоставляется право самой решать, «выиграет ли семья больше от ее присутствия дома и существования на государственное пособие, либо большую выгоду принесет заработная плата при полном рабочем дне»[3]. В докладе Комитета по неполной семье подчеркивалось, что «такая политика частично основана на представлении, в которое все еще верит Комиссия по дополнительным пособиям, будто дети должны видеть отца в «нормальной» роли кормильца» [4]. Таким образом, зарабатывание на жизнь и обеспечение семьи является средством социальной идентификации для мужчин. Точно так же семью и воспитание детей принято считать необходимыми для реализации женщины, ее природных качеств, объединяемых понятием «женственность».

Взгляды эти разделялись и мужчинами, и женщинами в самых разных слоях населения. Для мужчин, особенно представителей средних и высших средних классов, работа составляла центр жизненных интересов. Чем выше социальная позиция мужчины, тем

---

[1] Oakley A. The sociology of housework. L., 1974; Family and work: Comparative convergences / Ed. by Brinkerhoff M.B. Westport (Conn.); L., 1984; Pahl J.W., Pahl R.E. Managers and their wives: A study of career and family relationships in the middle class. Harmondsworth (Midd'x), 1972.

[2] Report of the Committee on One-parent Families / DHSS. Cmnd. 5629. L., 1978. Vol.1. P. 338.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

больше он поглощен работой и тем более зависимы от него жена и дети. При этом в 1950-х – начале 1970-х гг. значительная часть мужчин из «нового среднего класса», т.е. растущих слоев менеджмента определяла семью как высшую ценность в своей жизни[1]. Однако высших достижений в плане самораскрытия, самоидентификации мужчина мог достичь лишь в работе. Дом становился для него местом отдыха и сервисным центром[2]. В 1970–80-х гг. тенденция усиления значимости работы возрастает: «Работа является образом жизни, интеллектуальным вызовом, эмоциональной привязанностью. «Крысиные гонки» описываются как «возбуждающие», «стимулирующие». Дом и семья не могут заменить мужчинам того, что дает соревновательность в работе... Семьи выигрывают от высокой заработной платы, но ни один из честолюбивых мужчин не заявил, что делает карьеру ради жены и детей. Такое утверждение показалось бы слишком натянутым, далеким от истины в условиях, когда главным мотивом человека становятся личностные достижения. Работа является главной движущей силой в жизни, независимо от того, работаете ли вы ради денег, статуса, власти или ради любви»[3]. Этот процесс усилился в 1980-х гг., когда в средних классах работа постепенно превратилась в культ для мужчин и во многом стала ведущей ценностью для молодых и незамужних женщин, занятых высокопрофессиональной деятельностью.

Пожалуй, роль женщины в браке претерпела в 1950–80-х гг. более значительные изменения, чем роль мужчины – кормильца и главы семьи. На женщину сильнее повлиял процесс урбанизации и другие «внешние» перемены, ее роль оказалась больше связана с изменениями в жизни локального сообщества, соседства. Сам переезд из перенаселенных кварталов в центре города в пригород, из квартиры в собственный дом создавал для женщин новую социальную среду. Ее роль домохозяйки приобрела большую значимость. Дом означал новые возможности для организации быта, ведения хозяйства и потребления.

---

[1] Pahl J.W., Pahl R.E. Op. cit. P. 167.
[2] Ibid. P. 175.
[3] Deverson J., Lindsay K. Op. cit. P. 58, 75.

Возросла роль жены как домашнего экономиста, своего рода семейного эксперта и менеджера в вопросах потребления – ее слово становилось решающим в выборе товаров и услуг, она должна была следить за новинками, поступающими на потребительский рынок, и организовывать семейный бюджет. При этом с переездом в предместье и разрывом прежних социальных связей с родственниками и друзьями женщина оказывалась в большей изоляции по сравнению с мужем, сохраняющим сеть социальных контактов на работе. Это положение было характерно на протяжении всего послевоенного периода для тех жен, которые не вышли на работу.

«Синдром домохозяйки», впервые отмеченный как широко распространившееся явление в Америке 1950-х гг., не обошел стороной и Великобританию. Изоляция, рутинная монотонная домашняя работа, как и общая монотонность повседневной жизни женщины, посвящающей себя обслуживанию мужа и воспитанию детей, вела к стрессам, развитию неврозов, психологической нестабильности и, в конечном итоге, супружеским конфликтам [1]. Домашняя работа заполняла жизнь женщины лишь до определенного момента, пока еще имелся элемент новизны. Даже среди женщин, довольных своими главными ролями жен и матерей, отмечался недостаток личностного самоопределения, заниженная самооценка[2]. Традиционная роль неработающей домохозяйки ставила женщину в зависимое от мужа положение, превращая в брачном партнерстве в сторону, обладающую меньшей властью и вынужденную подчиняться. Причем зачастую отмечалось: чем выше статус мужа, тем более зависима жена, так как карьера главы семьи требует от нее жертв, отказа от собственной работы: семья живет там, где получает должность муж, его окружение формирует социальные контакты жены и т.п.[3].

Таким образом, брак, с учетом происходящих в первые послевоенные десятилетия стремительных социальных изменений,

---

[1] Gavron H. The Captive Wife: Conflicts of housebound mothers. L.; 1966; Oakley A. Op. cit.; Goldthorpe J.H. Op. cit. и др.

[2] Edgell S. Op. cit. P. 67.

[3] Fogarty M., Rapoport R., Rapoport R.N. Sex, Career and Family. L., 1971; Pahl J.W., Pahl R.E. Op. cit. и др.

требовал от женщины большей гибкости, чем от мужчины, чьи социальные роли – работника и мужа – остались пока вполне в русле традиционности. От женщины требовалась большая способность адаптироваться к новым условиям именно в силу невозможности уклониться от «домашней» роли, так как, в отличие от мира мужчин, в мире женщины-домохозяйки работа и дом не разделены.

С конца 1960-х гг. намечаются некоторые линии развития, по которым в 1970-х гг. активно шла эволюция роли замужней женщины. Часть жен избрала путь большего психологического сближения с мужем, принятия его ценностей, играя для супруга роль своего рода психотерапевта. Во многих семьях низших социальных слоев демократизация семейных отношений означала возрастающее значение совместной деятельности, большую близость, соучастие[1]. Нередко объединяющим началом становился для супружеской пары дом.

В семьях среднего класса большее равенство и равноправие ролей осуществлялись через развитие независимости партнеров, создания каждым из них собственного мира, т.е. пошло по пути большего развития личности на основе индивидуализма[2]. Здесь особое значение приобретала способность к партнерству, товарищеским и дружеским отношениям. В таких семьях даже выход женщины на работу часто диктовался не столько финансовыми соображениями, сколько стремлением защититься от бессмысленности и пустоты потребительского существования, символом которого стала жизнь в предместье[3]. Для женщин из обеспеченных средних слоев проблемой стала именно свобода. Привыкшие к отсутствию вечно занятых мужчин, они заполняют свое время общением друг с другом, учебой на различных курсах или работой. Больше страдая от разрыва

---

[1] Gavron H. Op. cit.; Turner Ch. Family and Kinship in modern Britain. An introduction. L., N.Y., 1969; Sarsby J. Romantic love and society: its place in modern world. Harmondsworth (Midd'x), 1983.

[2] Deverson J., Lindsay K. Op. cit.; Family needs and the social services. L., 1961.

[3] Young M., Willmott P. Family and kinship in East London. L., 1957;Young M., Willmott P. The Symmetrical Family. L., 1973; Deverson J., Lindsay K. Op. cit.

традиционных социальных контактов с родственниками, именно жены создают новую сеть отношений с соседями, друзья для них важнее, чем для их мужей, которые часто довольствуются кругом общения в рамках своей работы. Таким образом, жизнь предместья часто определяется социальной активностью женщин, от которых требуются теперь коммуникабельность и таланты организатора.

Общее распределение власти в семье за послевоенные десятилетия не изменилось, оставив женщину в зависимом, подчиненном положения, сохранив для нее замужество в качестве экономической необходимости. Однако авторитет и власть мужа основаны не на традиционной вере в его права, а на подчинении семьи экономической жизни общества в целом. Это выражается в том, что семья живет там, где работает муж, что подчиняется его рабочему графику и стилю жизни, в том, что жена принимает на себя заботы не только о детях, но и о родителях мужа. Таким образом, ролевая структура семьи, несмотря на большую гибкость ролей женщины, не претерпела серьезных изменений.

Сдвиги произошли в стиле отношений членов семьи, в изменении соотношения основных функций. В семейных отношениях росла значимость межличностных контактов и их большей индивидуализации, большей свободы выражения.

Д. Кашу,
Кишинев, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы

ВНЕДРЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ РИТУАЛОВ В СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ: НА ПРИМЕРЕ МССР

Согласно коммунистической вульгате, важным условием развития советской культуры был принцип партийного руководство культурного строительство. Одной из особенности советской культуры – это было создание новых традиций и обрядов, которые отвечали бы принципам нового социалистического общества и отражали бы тем самым суть коммунистических ценностей.

Советская культура являлась одним из механизмов, моделирующих общество на лад коммунистического идеала. Формы и методы воспитания масс были разными, и характер развития

советской обрядности развивался, исходя из приоритетов идеологической работы партии. В основном советские праздники могут быть классифицированы следующем образом: историко-революционные праздники; праздники, посвященные профессиям, то есть профессиональные праздники; календарные и семейно-бытовые праздники и обряды [1]. Этапы становления и развития советских праздников и обрядов совпадали с основными периодами так называемой культурной революции в СССР.

Первый этап культурной революции в Советской России – это переход от капитализма к социализму[2], период, в котором все старые праздники, традиции, обряды были стигматизированы как антиреволюционные, противоречили тем самым якобы новому социалистическому укладу. Праздники, которые формируются в этот период, имели историко-революционный и трудовой характер.

Второй этап был назван «завершающим этапом великой культурной революции». На этом этапе обеспечивается создание всех необходимых идеологических и культурных условий «для победы коммунистических идей». Новые Праздники и обряды вошли в арсенал секции пропаганды и агитации и были использованы в борьбе против так называемых вредных традиций прошлого, как мещанство и пагубное влияние церкви на общество и.т.д.

В этой статье мы предпримем попытку анализировать процесс формирования семейно-бытовых праздников и обрядов в советской Молдавии. Перед тем как перейти на отдельный случай – Молдавская ССР, важно заметить, что сама идея создания новых советских семейных праздников возникла в результате законодательных реформ 20-х – 30-х гг. По сути, сам факт принятия декрета от 20 декабря 1917 г., признавшего исключительное право ЗАГСов регистрировать браки, привел к разработке официального внецерковного обряда для легитимизации брака. Новая церемония длилась около 20 минут,

---

[1] Зеленчук В., Попович Ю. Новые традиции и обряды. Кишинев, 1976. С. 3–4.

[2] Закович Н.М., Зоц В.А. Празники и обряды как элемент советской культуры [электронный ресурс]: http://religio.rags.ru/journal/anthology1/a1_27.pdf

подчеркивая простоту и низкий уровень гражданской значимости этого обряда.

Также в 190-е гг. комсомол и женотдел предложили практиковать так называемые «красные свадьбы», которые имели больше общественный смысл, нежели личный. Свадебная церемония проходила на фабрике или в советских учреждениях, украшенных красными флагами и заполненных толпами коллег, а клятва супругов скорее была связана с общественными целями.

На формирование советских традиций повлияла и борьба с церковью и верованиями. Процесс борьбы против вредных церковных традиций и суеверий имел больше успеха в городах, нежели в деревнях. Характерной чертой положения религии в годы советской власти являлся тот факт, что она ушла из общественной в семейную сферу.[1] А если учесть то, что на селе сохранился частично характер большой традиционной семьи, в которую входит несколько поколений, то процесс внедрения новых обрядов был весьма проблематичном. Так называемые религиозные пережитки в семейных обычаях в Молдавии требовали новых подходов к решению проблем на этой национальной периферии советского государства, поскольку более 77% населения Молдавской ССР проживало на селе.

Первые попытки ввести новые семейные традиции были предприняты в 1950-е гг., когда в МССР были внедрены такие новые празднования, как, например, «комсомольские свадьбы», «звездины» или «октябрины».

Первая комсомольская свадьба была проведена в 1956 г. в селе Чобручи Слободзейского р-на. В ней участвовали районный комитет комсомола, районное отделение культуры, а также руководство местного колхоза. Для проведения церемонии был выбран клуб, украшенный цветами и флажками, на сцене был установлен портрет В.И. Ленина и лозунги с поздравлениями, которые были преподнесены молодоженам. Главные гости на свадьбе были руководители колхоза и сельского совета (а не родители, родственники и друзья новобрачных, как на традиционных свадьбах), секретарь комсомольского комитета, которые занимали свои места на сцене, рядом с молодоженами.

---

[1] Зеленчук В., Лоскутова Л.Д. Против вредных традиций прошлого. Кишинев, 1962. С. 7.

Официальная часть церемонии открывалась вступительным словом председателя сельского совета, который вручал свидетельство о браке и поздравлял молодую пару от имени колхозников. Новобрачные получили подарки от колхоза, а также от районной организации комсомола. Именно из-за подарков кажется, что большинство молодых пар соглашались на проведение таких свадеб. Так, Д. Ивашчук, бывший секретарь комсомольского комитета, вспоминает, что «в селе Григориополь Дубоссарского р-на в 1958 г. был случай, что после проведения комсомольской свадьбы и вручения подарков я узнаю, что молодые спустя неделю венчаются и празднует свадьбу в духе традиций предков, я и раньше замечала, что люди во время торжественной части были серьезными, я как-то не выдержала и крикнула «горько!» все смотрели на меня с удивлением, кто-то спросил “разве можно?”»[1].

«Звездины» или «Октябрины»[2] - это были праздники, которые организовывались в честь рождения ребенка и вручения свидетельств о рождении. К примеру, в Криулянском районе в первое воскресение месяца отмечался праздник по случаю рождения ребенка. Церемония проходила в доме культуры, где присутствовали родители новорожденных и многочисленные гости, на сцене присутствовал президиум, в который входили представители партийного и комсомольского руководства. На сцене также присутствовали «октябрята, пионеры, комсомольцы и коммунисты». Новорожденный передавался из рук в руки в упомянутом выше порядке, символизируя, таким образом, путь, который должен пройти новый (советский) гражданин.

Следует отметить, что описанные выше церемонии проводились по-разному в разных районах, городах, селах постольку, поскольку отсутствовали типовые стандарты проведения таких церемонии.

Для решения этой проблемы, то есть внедрения каких-то стандартов проведения таких мероприятий, 28 августа 1969 г. ЦК КП Молдавии совместно с Советом Министров МССР приняли

---

[1] Ивашчук Д. «Рэмыне пентру тотдеауна» // Тинеримя Молдовей. 1964. 22 октября.

[2] Молдовану В. «Сэ ынсушим нойле традиций ши ритуалурь» // Трибуна. 1976. юлие.

постановление «О введении новых гражданских обрядов в быт советских граждан республики». Этим постановлением рекомендовалось всем структурам - городским и районным комитетам КПМ, исполнительным комитетам местных советов депутатов трудящихся, Министерству Культуры МССР, профсоюзам, комсомольским организациям, - внедрять активно в быт людей практику новых гражданских праздников и обрядов.

В то же время был создан Республиканский Межведомственный Комитет для разработки официальной части таких церемоний, как вручение паспорта, регистрация браков и новорожденных. Комитет должен быть представить на утверждение ЦК КПМ и Совета Министров МССР новые обряды и типовые правила для проведения церемоний. С другой стороны, местные исполнительные комитеты были обязаны создавать общественные комиссии для внедрения и контроля проведения новых советских праздников.

Трансформация семейных традиций и обрядов в Молдавской ССР имела три направления: отказ от определенных ритуалов и обычаев, которые не сходятся с коммунистическими принципами; реорганизация ряда традиций и ритуалов в духе коммунистических идеалов; создание «качественно» новых праздников и обрядов.

Нужно подчеркнуть, что создание и внедрение советского типа семейных праздников в Советской Молдавии было очень проблематичным. Об этом свидетельствует опрос населения в начале 70-х гг. о характере желаемых форм обрядов. Так, опрос представил следующие результаты: 65% сельского населения предпочитали свадьбу с соблюдением полного или частичного национального обряда и лишь около 27% населения высказалось за простое свадебное застолье. При этом среди работников физического труда разной квалификации за свадьбу с полным или частичным национальным обрядом высказались 72%, среди служащих, специалистов и руководителей – только 57%. За обычные застолья среди тех же категорий высказались 19,4% и, соответственно, 33,9%[1].

[1] Лобачова Н.П. Общесоветское и национально – специфическое в новой обрядности // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР, Изд.: Наука, 1981. С. 46.

Исходя из данного опроса, можно сделать вполне явные и взвешенные выводы о том, что создание новых семейных советских праздников не могло исключить – как минимум за очень короткий промежуток времени – вековые национальные традиции. Как показала практика 50-х гг., исключить полностью национальные обряды и традиции было практически невозможно, особенно в селах.

В республике организовывались теоретико-практические семинары на тему внедрения новых праздников и обрядов. Проводились также многочисленные районные и межрайонные конкурсы: самое удачное применение новых обрядов в практику; самая красивая «комната счастье» и др. Государственный комитет по телевидению и радио внес в сетку вешания теле- и радио-программ передачи на тему новых традиций и обрядов, а министерство социального обеспечения и министерство торговли поставили перед собой задачу улучшения снабжения населения городов и сел товарами, связанными с внедрением новых свадебных и семейных традиций и обрядов.

Надо отметить что, хотя попытки, которые предпринимались для укрепления новых обрядов и традиций, не привели в конце концов к ожидаемым результатам. Десятилетия спустя издания упомянутого постановления 28 августа 1969 г. множество людей продолжают практиковать традиционные праздники и обряды. Например, в Бричянском районе в 1978–1979 гг. для 606 новорожденных были организованы «Звездины» или «Октябрины, в то же время 1,210 – то есть вдвое больше детей – были крещены в церкви. Похожая картина была зарегистрирована в других районах. В Дондушанском р-не 807 новорожденных были посвящены в новых традициях, тем временем были крещены в церкви почти вдвое больше – 1,490 детей[1]. В 1986 г. в Стрэшенском р-не из 2266 новорожденных 1568 были крещены в церкви. А из 857 молодых пар 382 венчались в церкви[2].

В заключение следует добавить, что, хотя все меры по внедрению новых традиций и обычаев в семейную сферу были предприняты, они были тщетны. Несмотря на тенденцию советского режима установить повседневный контроль над обществом, все-таки национальные обряды, традиции, духовные ценности сохранились благодаря тому,

[1] Литература ши Арта. 1979. 24 мая.
[2] Трибуна. 1988. 17 сентября.

что семья осталась одним из тех социальных институтов, который воспрепятствовал этому процессу.

А.К. Эшиев,
Ош, Ошский государственный юридический институт

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ БРАЧНО–СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В КОНТЕКСТЕ ОШСКОЙ ОБЛАСТИ)

Политический курс современного Кыргызстана, направленный на быстрый и бурный переход к новым рыночным отношениям, характеризуется историческими сдвигами в политической, экономической, социальной, духовной сферах, что не могло не оказать влияния и на семейные отношения.

Совершенно очевидно, что семья, как и наше общество в целом, переживает сегодня глубокий кризис. Являясь первичным элементом общества, она дает в миниатюре картину тех же противоречий, которые присущи и обществу.

Проявлениями этого кризиса служат такие показатели, как падение рождаемости, нестабильность семьи, рост количества разводов, появление большого количества бездетных семей, сознательный отказ от рождения единственного ребенка, массовый отказ от детей, сдача их в родильные или детские дома, дома ребенка, приемники-распределители, бегство детей из дома, жестокое обращение с детьми вплоть до лишения жизни своих детей. Тем не менее, семья остается неотъемлемой ячейкой общества, и невозможно уменьшить ее значение. Ни одна нация, ни одно сколько-нибудь цивилизованное общество не обходились без семьи. Обозримое будущее общества также не мыслится без семьи. Для каждого человека семья – начало начал. Понятие счастья почти каждый человек связывает, прежде всего, с семьей: счастлив тот, кто счастлив в своем доме.

Современная семья все больше трансформируется в такую социальную общность, в основе которой лежит брачная связь, построенная на любви и взаимном уважении. Именно поэтому актуально и своевременно провести анализ брачно-семейных отношений на современном этапе развития общества.

В настоящее время в Киргизии более 2413923 семей[1]. Ежегодно заключается примерно 250-300 браков на 1000 человек. По Республике в 2001 г. было зарегистрировано 26588 браков, а в 2006 г. молодых людей, подавших заявление в ЗАГС, составило 27 455 пар, то есть на 867 семей больше, чем в 2001 г.

В Ошской области в 2001 г. людей, решивших создать свои семьи, было зарегистрировано 6 329 пар, а в 2006 г. по области было зарегистрировано рождение 6 461 семей, то есть на 132 семьи стало больше.

В настоящее время в республике насчитывается 71270 неполных семей, где во главе семьи стоит женщина. Число неполных семей, где во главе стоит мужчина, в 10 раз меньше и составляет 7845 семей. В Ошской области ситуация практически такая же: число неполных семей, где во главе семьи стоит женщина, составляет 7345, число неполных семей, где во главе стоит мужчина, составляет 746.

Число разводов тоже сильно колеблется, разводом заканчивается каждый пятый брак. По Киргизии в 2001 г. было зарегистрировано 6541 распавшихся семей, в 2006 г., по данным статистики, было зарегистрировано 5861 бракоразводных процессов, то есть на 680 семьи меньше, чем в 2001 г. Картина по Ошской области представляет следующее: если в 2001 г. было зарегистрировано 762 бракоразводных процесса, то к 2006 г. уже распалось 616 семей.

Уровень зарегистрированных браков и бракоразводных процессов очень сильно отличается в городе и на селе. В крупных городах соотношение между браками и разводами составляет 2:1. В сельских местностях ситуация совсем иная. Если количество зарегистрированных браков в 2001 г. среди городского населения составляла 1529, то в сельской местности уровень зарегистрированных браков составляет 4644, здесь явно видно преобладание созданных семей на селе больше, чем среди горожан, создавших свой брак.

Также в данных за 2006 г. количество зарегистрированных браков среди городского населения составляло 1246, в то время как эта

[1] Статистические сведения взяты из данных Ошского облстатуправления за 2001 – 2006 гг. и из: Сборник гендерно-разделенной статистики. Бишкек, 2007.

цифра в сельском регионе перевалила за число 5083, что составило на 3837 семей больше, чем в городе. Также видна и существенная разница разводов среди горожан и жителей села.

Так, например, в 2001 г. по Ошской области число зарегистрированных разводов показывает цифру 586, в то время как среди сельчан всего лишь 216, здесь видно преобладание жителей города, так как у них число распавшихся семей на 370 больше, чем среди сельчан. В 2006 г. число разводов в городской местности составляет 468, в то время как среди сельских жителей на развод подали всего лишь 148 семей. Это почти на 320 семей меньше, чем в городе.

В последнее время также увеличилось число так называемых гражданских браков, которые стали совершаться в чисто национальном стиле, без официальной регистрации брака. Такую мотивацию люди излагают тем, что в официально регистрируемых браках очень много бюрократических проволочек не только при регистрации брака, но и при его расторжении. Теперь, если в такой гражданской семье родится ребенок, отец может прийти в отдел ЗАГСа и дать свое имя ребенку, то есть официально признать его своим. А если вдруг по каким либо причинам брак распадется еще до рождения младенца, мать регистрирует его на свое имя.

В связи с тем, что популярными стали гражданские браки, стало быстро увеличиваться число внебрачных детей. В настоящее время в стране каждый пятый родившийся – внебрачный ребенок. Либерализация норм поведения, активное распространение более свободных форм брака и моделей семьи ускорили развитие этого процесса. Примерно с 1989 г. началось обвальное падение рождаемости, численность родившихся детей сократилось с 2,5 млн. до 1,6 млн., коэффициент рождаемости, то есть число родившихся на каждую тысячу населения, сократился на 38%.

В современных семьях идет ориентация на «мини–детную семью», на первый план выходят такие потребности, как желание иметь объект заботы и опеки, потребности в самовыражении, в передаче жизненного и культурного опыта и т.д., а для удовлетворения этих потребностей в семье иметь много детей и не нужно.

Трудности переустройства общества, прожитые не одним поколением, вызывали у родителей стремление обеспечить детям более высокий уровень жизни, чем собственный. Очень часто мы слышим от своих друзей знакомую до боли всем фразу: «Пусть детям больше достанется. В наше

время у нас этого не было, побалуем их», – естественно для того, чтобы вот так баловать, доставая им все по первому их требованию, детей в семье должно быть очень мало. Возможно, и это стало важным мотивом к ограничению супругами числа детей в семье. По результатам нашего исследования, 51,9% опрошенных считают идеальной семью с двумя детьми, но планируют иметь двух детей лишь 20,7%. Также из опрошенных 17,9% респондентов идеальной считают семью из трех детей, а планируют иметь троих детей только 3,4% опрошенных людей.

Появилась и такая специфическая категория брачно-семейных отношений, как раздельное жительство супругов. Хотя доля их относительно невелика: жена проживает отдельно от мужа у 3,2% женатых мужчин; муж проживает отдельно у 4,6% замужних женщин. Эти факты отражают специфику современного развития семейных отношений.

Исследование также показало, что образование играет существенную роль как в устройстве, так и распаде семьи. Люди с высшим образованием, как в городе, так и в селе, как-то стараются сохранить свои семьи, нежели население со средним образованием. Здесь играет немаловажную роль культура, интеллект, а иногда и просто ответственность, которую люди с высшим образованием не могут просто так скинуть с себя.

Например, в городе среди мужчин с высшим образованием подали на развод 1959 человек, в тоже время, мужчины со средним образованием подали на развод 2735. Женщин, с высшим образованием, подавшим на развод, составило 1582, а разведенных женщин со средним образованием оказалось 3110. Здесь наглядно видно, что образование играет значительную роль при разводах.

Почти такая же ситуация наблюдается в селах. Например, среди мужчин с высшим образованием на расторжении брака подали в суд 1338 человек, среди женщин 1167, мужская половина со средним образованием 13224, а разведенная женская половина 13201. На этих вышеуказанных цифрах видно явное преобладание людей со средним образованием, подавших на развод.

Из проведенного нами исследования видно, что в современном Кыргызстане на данном этапе развития общества происходит трансформация семейно-брачных отношений. Увеличивается количество людей, вступающих в брак и создающих свои семьи. Но до сих пор очень высокий показатель разведенных пар, хотя в последнее время их численность снизилась.

Полученные данные, с одной стороны, позволяют обозначить центральные пути развития такого важного общественного института, как семья, а с другой стороны, наметить круг дальнейших проблем для гендерных исследований.

В.В. Галиндабаева,
Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге

ФОРМЫ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ РУССКИХ И БУРЯТСКИХ СЕМЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В БУРЯТИИ)

В данном докладе мне бы хотелось затронуть следующий вопрос: каковы формы организации заботы о детях дошкольного возраста в семьях, проживающих в сельской местности, с разной внутрисемейной организацией?

Российские семьи столкнулись с проблемой организации ухода за детьми дошкольного возраста в 1990-е гг. после перехода государства к либеральной социальной политике, которая предполагала снижение финансирования социальных программ. До этого периода в РСФСР (с 1981 г.) реализовывалась семейная политика, которая включала в себя установление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для женщин, имеющих опыт работы, длительностью до полутора лет, права на отпуск в удобное время, дополнительный отпуск сроком в две недели без сохранения зарплаты для женщин, имеющих двух и более детей, и еще ряд льгот для семей, которые воспитывают детей. Также государство гарантировало трудоустройство женщин после окончания декретного отпуска[1]. Кроме того, государство предоставляло семьям институциональные услуги в виде государственных детских дошкольных учреждений. Хотя объем услуг не в полной мере обеспечивал все потребности работающей матери (женщины

[1] Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России 1980-х гг. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под. ред. Малевой Т.М., Синявской О.В. М., 2007. С. 308-309.

постоянно решали проблему совмещения ролей матери и работницы) [1], но поддерживал работающих матерей. Необходимо отметить, что занятость среди матерей в РСФСР доходила в некоторые периоды до ста процентов[2].

Официально российское государство декларировало продолжение советской семейной политики 1981 г., однако фактически была сокращена финансовая помощь и объем институциональных услуг: роль государственной помощи семьям с детьми последовательно снижалась до 2007 г.[3]. Изменение политики привело к усугублению существовавшего напряжения ролей матери и работницы, потому что занятость женщин в новых экономических условиях не снизилась, а объем институциональных услуг значительно сократился. Так, институциональные услуги в виде детских садов и яслей на протяжении последних 25 лет значительно сократились. Статистика по РФ показывает, что охват детей детскими садами снизился с 66,4% в 1980 г. до 57% в 2005 г.[4], причем среди детей младше 3-х лет только 16% посещали детский сад и ясли в 2007 г. [5]. Кроме общего сокращения объема услуг наблюдается неравный доступ к ним среди семей, проживающих в селах. По данным О.В. Синявской и Е.В. Гладникова, независимо от статуса занятости женщины сельское домохозяйство реже получает помощь из институциональных источников [6]. Несмотря на сохранение социальных гарантий

---

[1] Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник 2003 Женская и гендерная история / Под ред. Пушкаревой Н. М., 2003. С. 436–463.

[2] Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под. ред. Малевой Т.М. Синявской О.В. М., 2007. С. 422.

[3] Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Детская бедность в России. Доклад ЮНИСЕФ. М., 2005. С. 12.

[4] Российский статистический ежегодник 2006. М., 2007. С. 243.

[5] Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Указ. соч. С. 427.

[6] Синявская О.В., Гладникова Е.В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и

беременным и матерям, контроль над их соблюдением не осуществлялся. «Более того, сохранение обширных гарантий работающим матерям привело к усилению их дискриминации при найме: при прочих равных условиях работодателю было выгоднее приобрести работника, который по закону мог бы трудиться полный рабочий день без скидок на семейные обязанности»[1].

Таким образом, в новых условиях проблема баланса работы и заботы о детях актуализировалась. К каким формам организации заботы о детях обращаются современные российские женщины, чтобы справится с напряжением ролей матери и работницы? С одной стороны, появились новые рыночные формы организации ухода за детьми (услуги няни и частные детские сады). С другой стороны, сохраняются советские (государственные детские сады и ясли) и традиционные формы заботы (обращение к помощи родственников). Также возникают «смешанные» формы, которые включают в себя как элементы традиционных форм заботы, так и рыночных (например, когда семья оплачивает помощь бабушки). От каких обстоятельств зависит обращение к тому или иному варианту ухода за ребенком?

Данный вопрос мы будем исследовать на примере семей, проживающих в поселках Хилгана, Улюнхан и Удинск республики Бурятия[2]. Улан-Удэ – единственный крупный город, который является административным, экономическим и культурным центром республики. В республике в целом проживает 960 тыс. чел. на 2007 г.[3].

женщины в семье и обществе / Под.ред. Малевой Т.М., Синявской О.В. М., 2007. С. 364.

[1] Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. С. 427.

[2] Республика Бурятия находится в составе Сибирского федерального округа Российской Федерации. Численность постоянного населения республики на 1 января 2007 г. – 960 тыс. чел. Основные этнические группы, проживающие на территории республики - русские – 67,8% и буряты – 27,8%. Буряты – коренное население Бурятии, относятся к алтайской языковой семье, к монгольской группе. (Бурятия в цифрах. Улан Удэ, 2007. С. 9)

[3] Бурятия в цифрах… С. 23.

Хилгана находится в 320 км от города, Баргузинский район, население 1207 чел. Улюнхан находится в 450 км от города, Курумканский район, население 1300 чел. Удинск – 120 км от города, Хоринский район, 2 тыс. чел.[1]. Села были выбраны с учетом этнического состава населения: Хилгана – бурятское село по этническому составу, а Удинск – смешанное. Таким образом, в выборку входит 2 типа семей: русские семьи, проживающие в селе Удинск, и бурятские семьи, проживающие в селах Хилгана и Улюнхан.

В результате исследования мы можем утверждать, что выбранные семьи отличаются по своим предпочтениям относительно форм организации ухода за детьми. Опишем кратко выявленные различия.

Во-первых, в отличие от русских семей, в бурятских большую роль играют родовые отношения, родственные сети взаимопомощи: помощь в организации ухода за ребенком женщине оказывают все женщины рода. Часто существует родственница, которая выполняет функцию няни для большинства детей родственников.

Во-вторых, мать в бурятских семьях может передавать ответственность за воспитание своих детей другим родственницам. В русских семьях мать является главным ответственным лицом за воспитание детей. Отход от данной модели стигматизируется среди русских. Таким образом, в бурятских и русских семьях идеологии материнства значительно различаются.

В-третьих, если в русских семьях бабушка со стороны матери чаще всего является главной помощницей в воспитании детей, то в бурятских семьях это место может занимать даже двоюродная и троюродная бабушка.

Однако, стоит отметить и общие черты. Во-первых, детский сад остается самой предпочитаемой формой организации ухода за детьми в возрасте с 3-х лет, как среди бурятских семей, так и среди русских. Таким образом, родители продолжают воспроизводить представления о пользе внесемейного коллективного воспитания в младшем возрасте. Доверие к услугам садов обусловлено тем, что детский сад как образовательное учреждение постоянно реализует разные

[1] Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения. В 14 т. / Федер. Служба гос. статистики. Т. 1. М., 2004. С. 224.

культурные и образовательные программы, и родители всегда могут обратиться за помощью к государственной системе контроля.

Во-вторых, большую роль в организации заботы играет местное сообщество – соседство. Необходимо заметить, что русские семьи чаще обращаются к помощи соседям: например, просят одиноких бабушек за определенную плату посидеть с детьми.

М.К. Щукина,
Владивосток, Дальневосточный государственный технический университет

ЖЕНЩИНЫ И ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В 1960-х гг. в США произошел подъем гендерных исследований, в результате чего уже в конце 60-х – начале 70-х гг. во многих университетах США и Европы стали уделять особое внимание «изучению женщин». Актуальность растущего интереса к проблемам женщин наглядно демонстрирует тот факт, что 1975 г. был объявлен ООН «Всемирным годом женщины»[1].

О проблеме домашнего насилия впервые во всеуслышание заговорили в 1962 г., после опубликования статьи Г. Кемпа и его коллег «Синдром избиваемого ребенка» в журнале Американской медицинской ассоциации[2]. С тех пор проблема насилия во всех его проявлениях стала одной из ключевых проблем западного общества.

В России подъем гендерных исследований произошел только в 1990-х гг., в сфере интересов исследователей оказалось огромное количество разнообразных проблем, в том числе и такая злободневная для современной России проблема как домашнее насилие.

---

[1] Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 436-437.

[2] Kempe C.H., Silverman F.N., Steele B.F., Droegemueller W., Silver H.K. The battered child syndrome // Journal of the American Medical Association. 1962. № 181. P. 17-24.

Семейное или домашнее насилие представляет собой повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, словесного, эмоционального, духовного и экономического унижения, запугивания ради поддержания контроля над жертвой[1].

Как показывают исследования, проведенные в разных странах мира, домашнее насилие имеет четкие гендерные очертания. В качестве примера можно привести статистические данные Канады и США, составленные на основе опросов мужчин и женщин, сведений из судов и полицейских отчетов, согласно которым женщины являются жертвами агрессии 90-95% случаев домашнего насилия[2]**.** Статистика правонарушений в Шотландии, связанных с преступлениями против своих близких, показала, что женщины являются пострадавшими в 94% случаев, а обидчиками только в 3% происшествий[3]**.** В Финляндии 70% опрошенных разведенных женщин рассказали, что подвергались насилию со стороны своего мужа[4].

В России же от рук мужей ежегодно погибает 14 тыс. женщин. В 1993 г. количество преступлений против женщин составляло 331 тыс., в 1994 г. – 565 тыс., в 1995 г. – 641 тыс., таким образом, произошло увеличение числа преступлений в два раза[5]. Исследования фонда «Фокус» в 2002-2003 гг. провели интернет-опрос среди женщин о распространенности насилия на гендерной почве. В опросе участвовало около 1000 социально активных женщин репродуктивного возраста. 75% из них хотя бы раз в жизни сталкивались с проявлением насилия, в том числе и домашнего. Совет женщин Московского государственного университета в 2002-2003 гг. так же показал, что уровень насилия в семье в современной России очень высок; значительная часть опрошенных женщин пострадала от насилия. 70%

---

[1] Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. М., 2006. С. 671.
[2] Dobash R.E., Dobash R. Women, violence and social change. London: Routledge, 1992.
[3] Dobash R.E., Dobash R. Violence against wives. N. Y.: Free Press, 1979.
[4] Kurz D. Physical Assaults by Male Partners: A Major Social Problem// Women, Men and Gender / Walsh M. R. (ed.). Yale University Press, 1997.
[5] Сексуальные домогательства на работе / Под ред. З. Хоткиной. М., 1996. С. 59–60.

женщин сказали, что подвергались той или иной форме насилия (психологического, сексуального, физического или экономического) со стороны мужа и 7% были подвержены всем формам насилия[1].

Все эти данные подтверждают тот факт, что для России, как и для многих других стран, домашнее насилие остается одной из наиболее злободневных проблем современного общества.

В настоящей работе мы сосредоточим свое внимание на домашнем насилии, путях и способах борьбы с этим явлением. Объектом рассмотрения являются женщины, ставшие жертвами домашнего насилия. Подчас единственными источниками для изучения проблемы насилия служат материалы опросов и интервьюирования жертв насилия, в данном исследовании мы использовали три различных истории женщин, подвергшихся насилию со стороны своих мужей.

Первый случай был описан в книге «Разорвать круг молчания… О насилии в отношении женщин». Женщина поделилась историей своей жизни, в том числе и своим негативным опытом в браке. Несколько раз она подвергалась физическому насилию со стороны супруга, а психологическое и экономическое насилие стало частью ее жизни на протяжении нескольких лет. «В первый раз он поднял на меня руку тогда, когда я была беременна, кричал, оскорблял, затем выставил за дверь босиком и сказал, что не пустит обратно до тех пор, пока я не научусь себя вести и не стану его слушаться». Второй случай физического насилия был еще более жестоким – «ударил меня наотмашь и стал методично наносить удары по лицу. Хорошо, что я успела положить плачущего ребенка на кровать, иначе удары пришлись бы по нему». Этот опыт закончился для 31 летней женщины благополучно, она обратилась за помощью в кризисный центр для женщин, где и получила необходимую помощь и поддержку. Она нашла в себе силы подать на развод и возбудить уголовное дело[2].

Еще один случай домашнего насилия недавно стал центральной темой многих популярных печатных изданий и телешоу. Речь идет об

---

[1] Насилие в семье - насилие в обществе. Отчет о проведении исследования. Июль–декабрь 2006. М., 2007. С. 18.

[2] Разорвать круг молчания… О насилии в отношении женщин / Под ред. и с предисл. Н.М. Римашевской. М., 2005. С. 285–286.

одной из ведущих передачи «Давай поженимся!» Розе Сябитовой, встретившей своего супруга на этом же шоу. Через полтора года после свадьбы женщина подает на развод, причиной неудавшегося брака стали побои мужа. «Бил он меня на улице, когда я выбежала, увидев из окна, что он забрал мою машину. Люди проходили мимо и молчали, хотя я орала как резаная». Роза не стала писать заявление в милицию, не веря в помощь правоохранительных органов. Решением стало обращение к адвокатам и развод[1].

Третий случай произошел с 26 летней жительницей Владивостока, которая сочла возможным поделиться своим опытом с нами. Ирина (имя вымышленное) находится замужем уже более 5 лет. На протяжении всего этого времени муж Ирины постоянно оскорблял и унижал ее, выгонял из дома и бил. Когда Ирина забеременела, муж был против рождения ребенка. Под предлогом материальной несостоятельности, а затем и с помощью угрозы расставания он заставил девушку сделать аборт. Случаи насилия в молодой семье происходили примерно каждые полгода, некоторые из них заканчивались серьезными увечьями девушки. Даже во время беременности супруг неоднократно бил девушку по животу. Однако после совершения насилия отношение супруга кардинально менялось. Он дарил подарки, просил прощения, и девушка прощала. За всё время Ирина ни разу не обращалась за помощью ни в правоохранительные органы, ни в какие-либо другие инстанции, мотивируя свое бездействие нежеланием навредить любимому[2].

Выводы, которые можно сделать из приведенных выше случаев, заключаются в том, что, даже будучи в серьезной опасности, женщина не станет обращаться за помощью в милицию. Чаще всего женщины-жертвы насилия не заявляют о пережитом из-за стыда, чувства страха перед повторным насилием или из-за опасения, что им не поверят. Недоверие к правоохранительным органом, безусловно, имеет объективные основания. Женщины - жертвы насилия, которые все-таки обращались в милицию, говорили о том, что их не воспринимали всерьез.

---

[1] Шаталова Е. Роза Сябитова: я слишком торопилась замуж // «Антенна-Телесемь». № 20 (698). 05.05.2010. С. 20–21.

[2] Полевой материал 2008 г, женщина 26 лет., г. Владивосток.

Во время проведения данного исследования во Владивостоке мы попытались выяснить причины подобного отношения, оказалось, что женщины, подающие заявления на своих мужей, по словам представителей правопорядка, впоследствии их забирают, поэтому милиционеры не хотят тратить время и силы на заведомо бесперспективное дела, считая, что дела семейные должны разбираться исключительно в кругу семьи.

По словам Д. Пост, признанного специалиста по проблемам домашнего насилия в США, «в начале 1970-х гг. в Америке наблюдалась похожая ситуация. Считалось, что противоречие в семье не должно быть достоянием общественности. Кардинальное изменение ситуации произошло в начале 1990-х гг., когда в США появились защитные ордера, которые давались пострадавшему в супружеской паре. Судья обязан был рассмотреть этот вопрос в течение дня и вынести свое решение. Более 30 лет юристы США боролись за открытость и общественную значимость вопроса насилия в семье, а также дискриминацию женщин по половому признаку»[1].

На сегодняшний день за рубежом для борьбы с домашним и сексуальным насилием организуются убежища, телефоны доверия и горячие линии для жертв насилия, программы помощи жертвам насилия и программы по подготовке специалистов по оказанию такой помощи.

В России в 1990-х гг. по примеру стран Западной Европы и США стали внедряться сходные методы борьбы с домашним насилием и помощи его жертвам. Так, при Институте социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук на базе Фонда «Семейный очаг» была создана первая в России «горячая линия» для женщин, подвергшихся различным видам насилия, вскоре на ее основе возник и первый Кризисный центр для женщин, действующий и сегодня[2].

Опыт, полученный Россией в результате взаимодействия с другими странами, в том числе и с США, позволил нам значительно продвинуться в борьбе с домашним насилием. Сегодня благодаря

---

[1] Левада Е. Домашнее насилие: уголовное дело или семейная драма // Владивосток. 2007. 3 июля. С. 8.

[2] Разорвать круг молчания… С. 13–14.

инициативе регионов в России возникают центры психологической помощи, медико–психологической реабилитации, социальные приюты, «телефоны доверия» и «горячие линии» для оказания помощи жертвам насилия.

Однако потребуется еще немало времени для того, чтобы прийти в нашей стране к тем обстоятельным результатам в борьбе с домашним насилием, которыми на сегодняшний день обладают страны Западной Европы и США.

И.С. Клецина,
Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

Последнее десятилетие характеризуется заметными трансформациями не только в экономической и политической жизни страны, но и в сфере семейно-брачных отношений. В общественном дискурсе изменения, происходящие с семьей, обсуждаются преимущественно в негативном ключе. Такие явления, как рост числа разводов, высокая доля внебрачных сожительств, неполных семей, снижение рождаемости, рассматриваются как показатели кризиса современной семьи и сопровождаются призывами «возродить традиционные семейные ценности», в соответствии с которыми мужские и женские роли в семье полярно противоположны, а статусные позиции иерархически выстроены. В рамках гендерного подхода изменения, происходящие в семейных отношениях, предлагается рассматривать как процесс (движение) в направлении достижения более равноправных отношений за счет сближения содержания семейных ролей мужчин и женщин и выравнивания их статусных позиций.

Данные репрезентативных исследований [1], проведенных в последние годы, свидетельствуют о новых тенденциях в ролевом

[1] 1) Репрезентативное в масштабе России обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе/РиДМиЖ». Первая

поведении женщин, которые могут быть оценены как отход от традиционной модели семейных отношений.

Наиболее заметные из них:

- современные молодые женщины в более позднем возрасте, чем раньше, приобретают статус жены и матери;
- совместная жизнь с партнером вне официальной регистрации брака для современных женщин является весьма распространенным явлением;
- рождение ребенка вне брака для женщин уже не является эксвизитной ситуацией (у значительного числа женщин дети рождаются вне зарегистрированных брачных отношений);
- женщины чаще, чем раньше, готовы разорвать брачные отношения, если они их не устраивают.

волна этого обследования в России была проведена в июне-августе 2004 г. в 32 субъектах Российской Федерации. Исследование репрезентативное для всего населения страны. Объем выборочной совокупности — 11261 опрошенных в возрасте от 18–79 лет. Второй этап исследования состоялся в 2007 году. Результаты опубликованы в сборниках:

1. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007.
2. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В.Захарова,Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009.

2) В сентябре – октябре 2009 г Росстатом проведено выборочное обследование «Семья и рождаемость». Опрос проводился в 30 субъектах Российской Федерации, представляющих все федеральные округа. Всего было опрошено 1999 человек, в том числе 1118 женщин и 881 мужчина. Опрашивались как супруги (881 супружеская пара), так и незамужние матери (237 человек). Общее количество семей, в которых проводился опрос, составило 1118. Результаты представлены в сборнике материалов:

Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009/Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.

Рассмотрим результаты эмпирических данных, свидетельствующие о распространенности в сфере семейно–брачных отношений перечисленных явлений.

Женщины вступают в первый брак во все более старшем возрасте. В начале 1990-х гг., как и сто лет назад, более 30% девушек вступали в брак в возрасте до 20 лет, более 80% к 25 годам хотя бы один раз выходили замуж. Наиболее часто встречаемый возраст замужества в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. составлял 19 лет. С середины 1990-х гг. демографический портрет российской брачности быстро меняется. За 10 лет средний возраст невесты увеличился почти на два года и составляет 23,6 года[1].

Если среди вступивших в первый брак до 1990 г. 45,3% сделали это в 18–19 лет, то среди тех, кто вступил в первый брак в 2005-2009 гг., 18–19 –летних было только 18,4%, т.е. в 2,5 раза меньше. С другой стороны, среди респонденток, чья брачная жизнь началась в 1990-1994 гг. только 6,9% вступили в первый брак после достижения 25-летнего возраста. Среди вступивших в первый брак в 2005-2009 гг. таковых было уже 22,1%[2].

В западных странах нормальный возраст первого замужества уже составляет 26–28 лет и продолжает увеличиваться. Вероятно, в скором времени данные возрастные границы будут характерны и для российских женщин.

В последние 10–15 лет большое распространение получили незарегистрированные браки. Современные статистические данные свидетельствуют о том, что институт зарегистрированного брака в России, по-видимому, начинает терять черты универсальной, единственной формы брака. Регистрация брака с ее символическими, торжественными атрибутами утрачивает значение стартовой позиции для совместного проживания молодых людей. Сегодня не менее 25%

---

[1] Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату?// Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М., 2007. С. 75–126.

[2] Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009… С. 15.

женщин к 20 годам и не менее 45% к 25 годам брак со своим первым партнером не регистрировали. Данные для мужчин подтверждают эти цифры — 40–45% первых союзов сегодня неформальные союзы[1].

Широко распространенной является также практика не регистрировать партнерские отношения и в случае повторного брака. Так, по данным обследования, проведенного Росстатом в 2009 г., у женщин, состоящих в первом браке, доля тех, чей супружеский союз не зарегистрирован, составила 10,0%, а в повторном – 41,5%. У мужчин, соответственно, 11,0% и 39,8%[2].

Очень далеки от традиционных взглядов мнения многих женщин по поводу незарегистрированных брачных отношений. Свыше трети опрошенных женщин, состоящих в незарегистрированных отношениях с партнером, не собираются регистрировать брак при условии отсутствия беременности. В случае возможной беременности обязательно зарегистрировать брак намерены 28,9% женщин, однако каждая пятая в такой ситуации не собираются этого делать. И даже в случае рождения ребенка менее половины женщин (43,9%) женщин обязательно собираются регистрировать свой брак, а 16,3% не намерены этого делать[3].

Не так давно для подавляющего большинства женщин такая форма отношений была неприемлема, а сейчас незарегистрированный брак становится нормой партнерских отношений для мужчин и женщин, как на начальном этапе совместной жизни с партнером, так и при повторных союзах.

На протяжении многих десятилетий советским государством осуществлялась пронатальная социальная политика и проводилась идеология, отождествляющая «правильную женственность» с замужеством и материнством. Поэтому замужество для девушки было

---

[1] Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В. Программа «Поколения и гендер»в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М., 2007. С. 35–74.

[2] Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009…

[3] Там же.

наиболее значимой жизненной целью, достижение которой являлось подтверждением ее женской и личностной состоятельности. В общественном сознании очень прочно была утверждена социальная норма «правильного» женского поведения: каждая нормальная девушка должна выйти замуж и родить детей. В этом, главным образом, и заключалась реализация истинного женского предназначения и проявления идентичности женщины. Несоответствие этой социальной норме повсеместно осуждалось.

Современные исследования фиксируют решительный отказ от традиционного отношения к замужеству как безальтернативному пути для успешной самореализации девушки. По результатам последних опросов выходит, что хорошая работа более важна для ее будущего, чем удачное замужество (таблица 1)[1].

Таблица 1.
Распределение ответов на вопрос: «Если бы у Вас в семье была (или есть) дочь-подросток, то с чем, прежде всего, Вы связывали бы ее будущее с удачным замужеством или с хорошей работой»?

Варианты ответов	1990	1995	2001	2002	2005
Связь будущего дочери с замужеством	**64**	**46**	**27**	**25**	**27**
Связь будущего дочери с хорошей работой	**19**	**36**	**64**	**62**	**62**

По результатам исследования, в 2005 г.[2] 62% опрошенных отдали предпочтение хорошей работе перед удачным замужеством –

[1] Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3.
[2] Общероссийский опрос населения 26–27 февраля 2005 года (100

фактически отказавшись от патриархатной гендерной модели, согласно которой материальное обеспечение жены и детей должно быть заботой мужчины, а женщина должна в первую очередь заниматься семейными делами.

Еще одно явление, не соответствующее традиционным нормам женского поведения, — это легитимизация рождения женщиной детей вне брака. Так, если в 1980 г. у матерей до 20 лет доля внебрачных рождений в общем числе рождений составляла 18,7%, в 1990 г. — 20,2%, то в 2004 г. — 47,3%[1]. Среди опрошенных незамужних матерей 34,9% никогда не состояли в браке[2]. Из женщин, которые родили ребенка в последние три года, 72% состояли в зарегистрированном браке, 28% — нет[3].

Изменилось у женщин и отношение к разводу: 22,6% опрошенных женщин считают, что если семейная жизнь у супругов, имеющих детей, не сложилась, то развод является наилучшим выходом. Не лучшим, но допустимым выходом полагают развод в такой ситуации 37,5% женщин, а выходом, приемлемым лишь в крайних случаях – 32,8% женщин. Только 4,1% женщин думают, что при наличии детей развод недопустим, даже, если семейная жизнь не сложилась[4].

Итак, значительное число современных женщин в реализации своей супружеской и материнской роли все дальше отходят от нормативной (традиционной) модели семьи, которая была эталоном многие десятилетия.

населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов.

[1] Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России… С. 75–126.

[2] Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009…

[3] Малева Т. М., Синявская. О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике// Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М., 2007. С. 171 –216.

[4] Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009… С. 30.

Эта *нормативная («нормальная») семья* состояла из взрослой пары и их собственных детей; взрослые были разнополы; состояли в браке и оставались в нем, пока смерть не разлучала их; существовало своего рода разделение труда: муж-кормилец работал, а жена отвечала за дом и семью. Это можно проиллюстрировать на примере событий, из которых обыкновенно составляли так называемый семейный цикл. Модель надлежащей семьи включала ясно определенную временную последовательность: «любовь — брак — коляска»; *во-первых,* встреча сердец, *во-вторых,* союз, заверенный бюро записи актов гражданского состояния и/или церковью, *затем,* как кульминация любви, — дети. Это было нормой жизни большинства людей. Эта картина «правильной последовательности» все еще существует в умах многих и многие живут так. Однако, рядом все более открыто и часто появляются иные модели.

Другими словами, прежний ясно предписанный порядок уступил разнообразию траекторий и моделей. Ослабляется связка «любовь-брак-дети». Дети уже не являются автоматическим следствием брака и тем более следствием любви. Любовное чувство уже не заставляет пару вступать в брак. Развитие отношений полов становится все менее предсказуемым, всё менее опирающимся на традиционные, освоенные модели поведения.

Традиционный вариант распределения гендерных ролей в семье модифицируется в сторону эгалитарного, что свидетельствует о распространении характерной для общественной жизни в целом тенденции сближения мужских и женских ролей на сферу семейных отношений.

***М.Н. Краснова*,**
Чебоксары, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В ЧУВАШИИ: МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ*

Еще недавно основным параметром определения молодой семьи считали только возраст до 30 лет вне зависимости от супружеского

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ , проект №10–03–22303 а/В

стажа[1]. Демографы под термином «молодая семья» понимают семью, в которой супруги проживают в течение 3 лет с момента заключения брака [2] . Психологи рассматривают семью как молодую, если супружеский стаж партнеров не превышает трех лет, а возраст супругов – 25 лет[3]. В российском законодательстве молодой семьей определяется та, в которой один из супругов не старше 30 лет[4].

Нам представляется более правильным за основу определения молодой семьи взять семью, в которой оба супруга не старше 30 лет, стаж их супружеской жизни не превышает 5 лет. Данная характеристика молодой семьи имеется и в других исследованиях. Нам же остается добавить, что в группу молодежи относят людей не достигших 30 лет. Критическим сроком для молодых супругов является семейный стаж до 5 лет. Так, каждая молодая семья не доживает до 5-летней годовщины[5]. Треть разводящихся составляют молодые брачные пары, просуществовавшие менее 5 лет[6].

По данным специальных исследований, проведенных в крупных городах различных регионов России, 1/3 всех разводов приходится на семьи, существовавшие менее года, еще 1/3 – с брачным стажем до 5 лет [7] . По данным американских социологов, в США 44% семей оказываются не в состоянии прожить вместе первые 5 лет[8]. Такое

---

[1] Раковская О. А. Социальные ориентиры молодежи. М., 1993. С. 106.
[2] Молодая семья. Документы Российской Федерации и субъектов Федерации. М., 1995. С. 30.
[3] Олейник Ю.Н. Исследование уровней совместимости в молодой семье // Психол. журн. 1986. Т. 7. № 2. С. 59.
[4] Постан. правительства РФ. № 937 // Чаваш ен. 1996. 3 авг. С. 3.
[5] Чекушкин В.И. Уроки нравственной зрелости. Чебоксары, 1989. С. 39.
[6]Дармодехин С. В., Елизаров В.В. Проблемы семьи и семейной политики // Соц.–полит. жур. 1994. № 9/10. С. 45.
[7] Молодая семья. Документы Российской Федерации и субъектов Федерации. М., 1995. С. 21.
[8] Lautman F. Differences of Changes in Family Organization. Family and society: Selection from Annales: Economies, Societies, Civilisations / Ed by R. Forster. Baltimore, London, 1979. P. 362.

положение было характерно и для Чувашии еще в конце 80-х гг. В 1989 г. ровно треть разводов пришлась на брачные пары, просуществовавшие менее 5 лет[1]. Такова картина была и в 90-е гг. прошлого века. Более 40% разводов приходится на молодые семьи, просуществовавшие менее 5 лет[2]. Последние данные также указывают на то, что 2/3 браков, распадающихся в России, - молодые семьи, не прожившие и 2 лет[3].

Молодая семья опирается на устойчивые образцы поведения и образцы взаимодействия. В первую очередь эти образцы складываются под воздействием семьи родителей. Как отмечают психологи, супруги, не имея адекватных целей и установок при создании семьи, неосознанно строят свою семью по модели родительской семьи[4]. По мнению Е.В. Фотеевой, если родительская семья была конфликтной, то дети не получают адекватных представлений о моделях успешных взаимоотношений в семье. Кроме того, в семьях, где есть разведенные, могут складываться более терпимое отношение к разводу[5]. В зависимости от благополучия родительских семей часто складываются дружеские, теплые или, наоборот, холодные взаимоотношения в молодой семье. Вследствие разности семей родителей в образованных молодых семьях взаимная адаптация идет сложнее, медленнее. Из-за несоответствия взглядов на семейные роли в семьях молодых супругов чаще возникают супружеские конфликты. На наш взгляд, родительская семья – самый устойчивый стереотип, оказывающий воздействие при создании собственной семьи. В зависимости от того, какие образцы поведения

---

[1] Иванов В.П., Фокин П.П. Семья у чувашей. Чебоксары, 1991. С. 70.
[2] Ильин И. Е. К вопросу о социологическом изучении уровня и образа жизни сельского населения // Проблемы реформирования экономики Чувашской Республики. Чебоксары, 1998. С. 175.
[3] Клементьева В. А. Молодая семья: основные проблемы и тенденции. М., 1997. С. 15.
[4] Дымнова Т. И. Зависимость супружеской семьи от родительской // Вопр. психол. 1998. № 2. С. 55.
[5] Фотеева Е. В. Семья в совр. буржуазном мире. М., 1988. С, 47.

жены и мужа «возьмут вверх», будет складываться реальное поведение супругов.

На основе изучения факторов, влияющих на успешность функционирования молодой семьи, М.С. Мацковским и Т.А. Гурко была предложена типологизация молодых семей по стилю жизни.

Первый тип. Семья характеризуется ориентацией супругов исключительно на семейные ценности, на среднюю или даже многодетную семью. Супруга работает только из материальных соображений. Досуг совместный - «закрытый». Лидером в семье, по крайней мере формальным, является муж. Жена выполняет большинство хозяйственно-бытовых обязанностей и ухаживает за детьми.

Второй тип. Муж и жена ориентированы преимущественно на профессиональные достижения и развитие личности. Супруги считают достаточным иметь в семье одного–двух детей. Домашняя работа и обязанности по уходу за ребенком равноправные. Досуг супругов может быть и открытым, и закрытым, совместным и раздельным, но основная часть связана с профессиональными интересами. Тип лидерства демократический: совместный или раздельный, по сферам.

Третий тип. Молодые супруги ориентированы преимущественно на развлечения, при этом свободное время проводится ими как совместно, так и раздельно. Супруги имеют и общих друзей, и каждый своих. Установка на малодетную семью. Распределение хозяйственно-бытовых обязанностей и уход за ребенком равноправное. Профессиональная работа для мужа и для жены служит лишь средством материального обеспечения. Лидерство в семье может быть как авторитарным, так и демократическим[1].

Выделенные типы семей существуют в современном обществе, но по мере развития общественного сознания мужчины и женщины по-разному относятся к предписываемым образцам поведения. Мужчины чаще считают необходимым придерживаться традиционных ролей. Они не хотят участвовать наравне с женщинами в воспитании детей, не выполняют домашних обязанностей, даже если жены работают. Поэтому молодые жены в основном занимают две позиции: если я

[1] Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.

занята полный рабочий день, получаю такую же заработную плату, как и муж, то имею право рассчитывать на его помощь в домашних делах, в воспитании детей; 2) если я выполняю все хозяйственно-бытовые обязанности и ухаживаю за детьми, то муж должен полностью материально обеспечивать семью.

Мы уже останавливались на том, что стиль отношений в родительской семье влияет на формирование и развитие молодой семьи.

При любой, семейной или внесемейной, направленности мужчины и женщины, по результатам исследований, проведенных в 80-е гг., хотели видеть в жене хорошую хозяйку. Какое же место отводится жене в семье сегодня, чем она должна заниматься? Такой вопрос был поставлен в нашем исследовании, проведенном автором в 1999 г. в Чувашской Республике. Респонденты отмечали наиболее созвучные их представлениям ответы: жена должна работать неполный рабочий день и заниматься домом и детьми (52%), жена имеет право на помощь мужа в домашних делах (51%). Однако на это право жены указывают в 2 раза чаще, чем мужчины. 20% респондентов отметили, что хотели бы видеть жену домохозяйкой, сами женщины в 3,5 раза реже выделяли этот ответ. На такой традиционный взгляд роли жены более настроены в сельской местности (8% городских, 42 – сельских). Женщины больше ориентированы на семью, чем мужчины, готовы работать полный рабочий день и заниматься детьми. За это высказались 14% женщин и 1% мужчин. Таких женщин больше в 2 раза в городе, чем в селе. Современная семейная молодая женщина все чаще хочет стать независимой (10%), на что мужчины отреагировали отрицательно. Вариант «стать экономически независимой» выделили только 0,05% респондентов–мужчин. Иметь право посвящать себя только работе считают возможным 1,5% женщин, 0,02% мужчин.

Как мы видим, несмотря на то, что сегодня молодая супруга часто может зарабатывать больше или наравне с мужем, последний этому не очень рад. Его установки остаются патриархальными. Установки женщины, наоборот, требуют установления демократических основ в ведении домашнего хозяйства, воспитании детей.

Т.Ф. Шубина,

Архангельск, Всероссийский заочный финансово–экономический институт

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Идеология семейных ценностей в любую эпоху составляет основу отношений между государством и населением. Семья в современном мире продолжает осуществлять свои функции, но при этом ей приходится постоянно конкурировать с другими социальными институтами. Современная молодая семья – это семья, живущая в новых социально-экономических условиях, она является одной из наиболее динамичных групп. Через нее обеспечивается накопление, сохранение и передача культурно-бытовых традиций, духовных ценностей, опыта рационального ведения домохозяйства и преемственность установок на взаимоотношение полов и гендерных стереотипов. С другой стороны, молодая семья инициирует все новое, что отражается в сознании молодых супругов в виде их ценностных ориентаций, потребностей, жизненных планов, взаимоотношений между полами.

В настоящее время в условиях трансформации общества в России резко возрастает необходимость осознания и переосмысления значимости семейных ценностей, исповедуемых в молодежной среде. Именно молодежь, в силу особенностей своего возраста и отношения к жизни, наиболее подвержена процессам трансформирования норм и традиций. Она быстрее других интериоризирует новые ценности и больше других нуждается в социальной и культурной встроенности в социокультурное сообщество. Ценностная система, которая складывается сегодня в молодежной среде, через какой-нибудь десяток лет, возможно, станет основой ориентации российского общества. Поскольку индивид усваивает определенный набор ценностей, которые в процессе социализации ему «транслирует» именно семья, любопытно увидеть, что сегодня включают в этот набор молодые семьи.

В нашем исследовании[1] мы исходили из того, что ценностные ориентации имеют смыслообразующую и регуляционную функции и, соответственно, определяющими условиями повышения эффективности жизнедеятельности отдельного человека, семьи и населения региона в целом являются правильное осознание, выбор и активное использование ценностных ориентации.

К числу семейных ценностей исследователи (О.М. Здравомыслова, М.Ю. Арутюнян О.О. Савельева Л.Н. Савинов и др.)[2] относят: семью, детей, брак, супружество, родительство, любовь, заботу о ближнем. В число семейных ценностей не входит развод, неверность супругов, аборты, нетрадиционные формы сексуальности, психологическая напряженность в семейных отношениях.

Проведя анализ ответов респондентов, мы получили структуру функциональных слоев ценностей: верхний слой – ядро, интегрирующее большинство населения; второй слой – интегрирующий функциональную структуру резерв; третий слой – оппонирующий дифференциал; нижний слой – конфликтогенная периферия. Данная классификация ценностей была использована исследовательским коллективом во главе с Н.И. Лапиным[3]. Указанная классификация была адаптирована к региональным условиям. Нам представляется, что применение данной методики позволяет дать полный анализ систем ценностей молодого поколения.

---

[1] В ходе исследования, состоявшегося в 2008 г., было опрошено 500 респондентов в возрасте от 17 до 30 лет, состоящих в браке и проживающих в различных районах Архангельской области.

[2] Здравомыслова О.М. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования). М., 1988; Савельева О.О. Семья как социальный институт // Мониторинг социально–экономического потенциала семей. 2001. № 3; Савинов Л.И. Семьеведение. Саранск, 2000.

[3] Лапин Н.И. Ценности в кризисном социуме // Ценности социальных групп и кризис–общества / Отв. ред. Н.И. Лапин. М., 1991; Н.И.Лапин. Тяжкие годины России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. М., 1992. № 1; Социокультурный портрет региона. Типовая методика, методологические проблемы / Под ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2006.

Интегрирующее ядро ценностей, поддержанное свыше 60% населения, образуют две терминальные ценности: благополучная крепкая семья 72,2% и дети 61,5%. При этом для жителей села эти ценности стоят выше (84,5%), чем для горожан (80,0%). А для 77,3% респондентов, имеющих среднее образование, крепкая семья является приоритетной ценностью.

Интегрирующий резерв включают в себя ценности, которые имеют поддержку 40-60% населения. Первое место в этой группе занимает терминальная ценность – здоровье (59,4%), второе место – материальное обеспечение и жизненный комфорт (50,5%), третье место – надежная, гарантированная, интересная работа (49,7%), на четвертом месте – любовь 43,1%. Таким образом, два верхних слоя составили терминальные ценности, которые обобщенно выражают важнейшие идеалы, являются для молодых людей приоритетными. Причем так ранжировали ценности представители различных групп (по возрасту, образованию, полу, месту жительства и т.д.), что свидетельствует не только об актуализации данных ценностей, но и о том, что в них заключается ценностное единство молодых северян. Группа, формируя собственное ценностное сознание, превращается в сплоченный субъект социальной деятельности, способной к активным социальным преобразованиям.

Третий слой ценностей – оппонирующий дифференциал, – включает ценности, которые консолидируют 15-39,9% молодого населения. Этот слой составили инструментальные ценности, в которых запечатлены одобряемые в данном обществе средства достижения целей. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, а с другой – качества и способности людей, которые актуализируются в условиях рыночной экономики (образование (22%), независимость (15%)).

Доля поддерживающих ценности конфликтогенной периферии составляет менее 15%. Это – отрицаемые ценности, конфликтующие с ценностями большинства. В группу ценностей с самым низким рейтингом оказались включенными терминальная ценность – патриотизм и инструментальная ценность – карьера и высокие запросы.

Итак, для молодежи Архангельской области важными оказываются ценности повседневного гуманизма (семья, интересная работа, хорошие отношения с друзьями и т.д.), которые всегда занимали

верхние позиции в шкале жизненных ориентации у большинства людей. Это можно расценивать как поддержание традиционности в жизненных ориентациях и наличие определенной фамилистической идеологии.

В многообразных брачно–семейных сферах формируются и проявляются различные ценности. Ориентация ценностей может быть интегрирующей, сосредоточенной на консолидации поведения субъектов, и дифференцирующей – направленной на разъединение субъектов, выявление специфичности в их поведении.

Обратимся к анализу структуры семейных ценностей в различных брачно-семейных сферах.

В сфере добрачного поведения и выбора брачного партнера закладываются истоки будущей семьи, ее образ жизни, отношения супругов. Как отмечает Л.И. Савинов, «ценности, входящие в структуру добрачного поведения, в широком смысле, включают биологические, психологические и культурные ценностные ориентации, которые вызывают интерес индивида противоположного пола и создают направленность в деятельности, преследующую основную цель – создание семьи» [1] . Как свидетельствуют результаты нашего социологического исследования, большая часть молодых людей, заключают браки по любви (53% жен. и 47% муж.), отдавая предпочтение нравственно-психологическим и духовным отношениям в семье.

Сфера родительства включает в себя систему взаимосвязанных явлений, таких как родительские чувства, социальные роли и взаимоотношения, привязанность к детям, стиль воспитания[2]. В данной сфере особую роль среди других семейных ценностей, играют дети, так как именно дети являются фактором, цементирующим семью. С целью выявления наиболее точных репродуктивных ориентаций в исследовании кроме традиционных способов изучения репродуктивных установок (желаемое, ожидаемое, идеальное число детей в семье) были применены и другие методики. Результаты показали, что в настоящее время у молодых семей Архангельской области преобладает установка на рождение второго ребенка (53%), на рождение одного ребенка ориентированны 23,3%. 21%

---

[1] Савинов Л.И. Указ. соч. С. 46.

[2] См.: Кон И.С. Этнография детства. М., 1983.

ориентируется на число детей от трех и больше. Добровольную бездетность выбрали только 1,6% опрошенных, и еще 1,1% респондентов затруднились с ответом. Однако в ближайшие два-три года осуществить свои репродуктивные намерения готовы лишь 21,5%. Интересным для нас стал тот факт, что женщины не подмечают в своих мужьях установки на детей. Только 32% женщин считают, что дети имеют определенное значение в жизни мужчин, тогда как сами мужчины для себя ценностей детей отмечают гораздо выше – в 41% случаев.

Подводя итоги исследования, мы пришли к выводу, что в современных условиях формирование семейных ценностей у молодёжи происходит под влиянием модернизирующейся социокультурной среды. Насущная потребность в самоопределении у молодых людей в условиях отсутствия устойчивых ценностных и моральных императивов объективно вынуждает их к самостоятельному поиску новых значимых (референтных) образцов, усиливая мозаичность и фрагментарность как социального опыта, так и сознания молодежи, способствует появлению противоречивых ценностей.

З.В. Жукова,
Санкт-Петербург, СПбГУЭФ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В ОДНОПОЛОЙ «СЕМЬЕ»

В последнее время в современном обществе институт семьи и брака сильно трансформируется и видоизменяется. Традиционные формы семьи дополняют параллельно существующие альтернативные модели семейных отношений, стираются традиционные семейные роли, на арену выходит и новый тип родительства. Несмотря на то, что обязательная, принудительная гетеросексуальность защищает институт брака и патриархальных отношений в современном российском обществе, наблюдается рост количества однополых «семей». В то же время в обществе существует информационный вакуум, отсутствие объективных и достоверных сведений об однополых семьях.

В российском обществе люди гомосексуальной ориентации и их союзы представляют объект негативных стереотипов и дискриминации на всех уровнях общественной жизни и политики. Отечественная законодательная система не предусматривает механизмов защиты их прав; политика государства реализуется в концепции гетеросексуального гражданства. Конституция РФ защищает семью и брак, но исключительно традиционную – гетеросексуальную модель. Однополые пары не признаются гражданским, семейным и административным правом, семейный кодекс РФ определяет брак как «союз мужчины и женщины», не существует законодательства об однополых партнерствах, отсутствует возможность легального признания родительства в гомосексуальных парах. Юридический вакуум не только дискриминирует родителей, но и значительно усложняет жизнь детям. Именно на детях в наибольшей степени отражаются негативные последствия отсутствия юридических норм.

Родительство в гомосексуальном партнерстве представляется нам ярким примером столкновения современных практик и легитимного дискурса. Современные нормы, связанные так или иначе с родительством, направлены исключительно на гетеросексуальную модель отношений. Зачастую, если что-то не закреплено юридически, значит, в реальности этого тоже нет. Представляется полезным вместо того, чтобы делать вид, что такой модели отношений не существует, признать её существование и найти оптимальную социально приемлемую форму её выражения и правовой легитимизации.

Я опираюсь на позиции социально-конструктивистского социологического подхода. В его рамках создание гендерной идентичности понимается как производство гендера с помощью механизмов социального взаимодействия в процессе гендерной социализации. Особое внимание в исследовании гендерной социализации следует уделить семейной жизни, поскольку ранние впечатления ребенка почти полностью связаны с семьей, и именно здесь определяются стартовые характеристики развития. Именно в семье дети приобретают первые навыки взаимодействия и общения, осмысливают первые нормы и ценности, осваивают первые социальные роли; в семье у детей формируются черты маскулинности и феминности, апробируются гендерные роли. Тип поведения

родителей оказывает воздействие на формирование у ребенка «Я - образа» и понимание собственной идентичности.

Гендерная социализация и формирование гендерной идентичности детей связана, прежде всего, с реальной жизнедеятельностью самой семьи, но в то же время зависит от внешних агентов социализации (школа, сверстники, СМИ), которые регулируют поведение человека с помощью системы санкций, когда поощряется поведение, соответствующее его гендерной роли, и порицается несоответствующее. Поведение индивида оказывается детерминированным социальными ожиданиями общества. Отсюда происходит нестыковка и «кризис» гендерной идентичности подростка, который понимается как рассогласование внутренних компонентов (гендерных представлений, самооценки, гендерных планов, способов и структур поведения) с внешними (гендерными стереотипами и эталонами, гендерной телесностью, гендерными позициями и ролями). Данная проблема и привлекла мое внимание как исследователя.

Актуальность темы формирования гендерной идентичности в контексте опыта нетипичности обусловлена процессами развития современного общества. Это необходимо как для теоретического осмысления широкого круга проблем гендерной социологии, так и для решения практико-ориентированных задач, связанных с социокультурным поведением человека.

Анализ доступных источников позволяет говорить, что на современном этапе теоретические и практические основания по исследуемой проблеме недостаточны - отсутствует система категорий, не прояснена связь используемых понятий с академическими представлениями, не выявлены пути и механизмы конструирования гендерной идентичности подростков, воспитывающихся в однополых парах, не исследована технологическая компонента реабилитационных мероприятий решения данной социальной проблемы. Исследование подобного рода поспособствовало бы не просто расширению и реконфигурации границ гендерной и феминистской теории, но и поворот культуры и общества к концептуально новому дискурсу.

Очевидна необходимость более глубокого анализа данной проблематики на уровне как количественных, так и качественных исследований. Это достаточно новое для российской социологии проблемное поле, что обуславливается незавершенностью

становления отечественной гендерной социологии. Я так же надеюсь, что изучение данной проблематики в дальнейшем будет способствовать улучшению положения гомосексуалистов и их союзов, снижению интолерантного отношения к людям, чей стиль жизни отличен от гетеросексуальной нормы.

И.И. Калачёва,
Минск, Республиканский институт высшей школы БГУ

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОГО ВЫБОРА В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проблемам семьи и брака в современной Беларуси уделяется особое внимание, в особенности подготовке молодёжи к семейной жизни, поддержке молодой семье. Признается тот факт, что молодая семья является существенным ресурсом в репродуктивном потенциале общества. Она способна быть транслятором семейных ценностей предыдущих поколений, связующим звеном между прошлым и будущим.

Ценность семьи, семейная жизнь в сознании большинства белорусов по-прежнему остаётся фундаментальной основой их образа жизни. Исходя из данных социологических опросов населения Республики Беларусь, проведённых в 2000 и 2008 г., важное значение семьи в своей жизни отмечают почти 80% опрошенных. При этом семья как социальная ценность важна как для женщин, так и для мужчин (86,0% и 74,8%, соответственно). На семью ориентированы 79% молодых людей в возрасте 18–29 лет и большинство населения в возрастной группе 30–49 лет (85%)[1].

Важнейшей приметой государственного подхода к семье и браку в республике является объявление 2006 г. годом Матери, 2007 – годом Ребёнка, 2008 – годом Здоровья. В республике действует ряд государственных программ: «Дети Беларуси», «Молодёжь Беларуси», «Молодые таланты Беларуси», Национальная программа демографической безопасности (2007–2010 гг.).

---

[1] Статистический ежегодник Республики Беларусь / Мин-во стат. и анализа Респ.Беларусь. Минск, 2009.

Практически во всех программах зафиксирована мысль о необходимости поддержки семьи, подготовки молодёжи к семейной жизни. Поэтому выявление особенностей добрачного поведения молодёжи, традиций, которые складываются в современных условиях, определение форм общения и моделей отношений среди молодёжи является актуальной задачей, дающей возможность пополнить этнографические источники по проблеме этнокультурного развития семьи и брака в Беларуси, а в дальнейшем прогнозировать развитие семьи.

В 90-е гг. XX в. отмечались признаки трансформации семьи и брака: это уменьшение численности заключённых браков, их «старение», увеличение числа нерегистрируемых браков. Белорусскими демографами отмечались падение рождаемости и рождение первенцев в более позднем возрасте родителей, преобладание малодетных семей, увеличение числа внебрачных детей и распространение добровольной бездетности.

По переписи 1999 г., в Беларуси насчитывалось 2,4 млн. супружеских пар, в то время как по переписи 1989 г. было зафиксировано 2,6 млн. пар.

В 1989 г. Беларусь имела коэффициент брачности 9,7 (в расчёте на тысячу человек населения). К 1999 г. этот коэффициент снизился до 7,3, т.е. доля мужчин и женщин в возрасте от 18 лет и старше, состоящих в браке, уменьшилась на 28%. Увеличился средний возраст вступающих в брак – с 24,4 лет у мужчин и 22,2 – у женщин в 1999 г.; до 26,0 лет у мужчин и 23,9 – у женщин в 2008 г.

Снизился уровень рождаемости и естественного прироста населения. Количество родившихся сократилось почти в полтора раза – с 142,2 тыс. в 1999 г. до 91,7 тыс. в 2001 г. Наметилась тенденция смещения среднего возраста матери при рождении первого ребенка от 20-22 лет к 23–25 годам.

В период между переписями 1989 и 1999 г. произошли изменения в структуре семей по типам. Неполные семьи с детьми до 18 лет составили 22% от общего числа семей, имеющих детей этого возраста.

Трансформации, произошедшие в институте семьи и брака, обусловлены рядом причин, среди которых важное место занимают причины, связанные с изменениями в укладе и образе жизни. Более 70% жителей республики составляют горожане. Внутренняя миграция в республике осуществляется, в основном, за счёт перемещения

населения из села в город. 60% этого миграционного потока составляет молодёжь. Особенно интенсивно внутренняя миграция в республике стала развиваться в 60–70 гг. XX в. На сегодняшний день наблюдается «спокойное» состояние внутренней миграции, однако остановить «волны» миграционных перемещений сложно.

Семья – институт, который реагирует на все изменения, происходящие в социально-культурной среде, в укладе жизни. Безусловно, миграционные процессы оказывают большое влияние на семейные традиции, влияют на брачный выбор, на устойчивость семьи и брака в целом.

О том, насколько нравственна семейно-брачная среда в семье, в значительной степени свидетельствуют мотивы вступления в брак. Анализ мотивации был сделан на основании социологического опроса 2007 г., проведенного в 30 городах Республики Беларусь среди семейного населения [1]. Большинство респондентов считает, что в основе семейной жизни лежит любовь (86,6%), что «строить» семейную жизнь нужно опираясь на опыт предыдущих поколений и модель родительской семьи. Конечно, современная молодежь – это поколение, живущее в новых условиях, когда их ценностные приоритеты относительно устойчивости семьи и брака неоднократно трансформировались под влиянием СМИ, Интернет–информации.

Опрошенными в качестве мотивов для вступления в брак были названы также необходимость вступления в брак в связи с незапланированной беременностью, в связи с необходимостью «найти отца ребенку», избавиться от одиночества и др.

Чем больше стаж семейной жизни, тем более респонденты делали выбор относительно таких мотивов как «поддержка традиций рода», «необходимость выполнения долга перед старшими поколениями»; чем меньше стаж семейной жизни, тем больше было получено ответов, связанных с такими мотивами как «любовь, сексуальное влечение, привязанность», «желание обрести надежный тыл, защиту» и др.

---

[1] Семья белорусов в городе: образ жизни и традиции: материалы и анализ этносоциол. опроса семей белорусов, 2007 г. // Архив института искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кандрата Крапивы НАН Беларуси. Фонд 6. Оп. 14. Д. 141.

Мотив «материальный расчёт» во всех группах опрошенных не был выбран как приоритетный: такой вывод может быть объяснен по-разному. Одна из версий: приоритет духовных ценностей над материальными, желание «строить» семью на тех основах, которые были приняты молодежью с детства, в их родительских семьях.

Устойчивой моделью добрачного поведения можно назвать, на наш взгляд, наличие так называемых гражданских браков (сожительства). Официальная статистика свидетельствует, что в настоящее время каждый пятый ребенок в Беларуси рождается вне официально зарегистрированного брака. Высокая доля таких рождений отмечается у матерей в возрасте 20–29 лет (38% от всех родившихся) и матерей в возрасте 35–39 лет и старше (31%). В 1990 г. их количество составило 8,5% от всех родившихся, в 2000 г. – 18,6%, в 2008 г. – 20,1%.

Анализ сотен мнений молодёжи, специалистов по работе с молодёжью в высшей школе свидетельствует о двух позициях в отношении гражданских браков. Одна из них допускает подобные браки, другая – нет. На современном этапе, дискуссии по данному вопросу волнуют молодёжные сообщества, но более всего родителей. Именно родители как старшее поколение обеспокоены судьбами своих детей. Но все же большинство опрошенных, в особенности девушки, выражают мнение о необходимости придерживаться принятых в белорусском обществе норм – создания семьи и регистрации брака в официальном порядке.

Как считают многие эксперты, изучающие семейное право, повышение правовой культуры молодёжи может быть фактором, благоприятно влияющим на добрачное поведение, на формирование норм и традиций, сдерживающих ранние разводы и предупреждающих негативные явления.

Новой формой, регулирующей семейно-брачные отношения, является брачный договор (контракт). 84,5% опрошенных респондентов знают о такой форме правовой защиты как брачный договор, 15,5% – не знакомы с этим документом (2007 г.). Подавляющее большинство опрошенных не заключали брачный договор. Большинство респондентов указали, что брачный договор защищает имущество будущих супругов (50,5%); способствует формированию равноправных (ответственных) отношений между супругами (27,6%); всего 6,1% указали на то, что брачный договор способствует упрочению брака, остальные не ответили на вопрос.

В зависимости от образования роль брачного договора (контракта) оценена следующим образом: чем ниже уровень образования, тем больше мнение респондентов сводится к определению роли брачного договора как средства материального регулирования семейных отношений; чем выше уровень образования, тем больше мнение респондентов сводится к определению роли брачного контракта как средства нравственно-правовой устойчивости семьи. Женщины более склонны к заключению брачного договора.

Таким образом, важнейшим направлением формирования правового сознания молодёжи может быть деятельность, направленная на разъяснение сущности брачного контракта, его значения в семейных отношениях. Истоки семьи, рода являются основой для формирования ценностных предпочтений в брачном выборе. В традиционной семье белорусов статус главы семьи определялся его ролью в семейной иерархии, его обязанностями. Исследования показывают, что главенство в семье сегодня не является привилегией мужчины, во многих семьях считается лидером женщина, но в основном мужчина и женщина «делят» решение проблем на двоих. В семьях существует своеобразное распределение обязанностей супругов по умениям кого-либо из них, а, следовательно, и лидирование в какой-то позиции преобладает – это либо муж, либо жена.

Наблюдается более устойчивая традиция сохранения лидерских позиций женщиной в малых городах. Чем образованнее супруги, тем вопрос о лидерстве для их семьи не является приоритетным. Этот вывод даёт основание полагать, что в белорусской семье продолжают развиваться демократические процессы, формируется равноценностное отношение к семейным ролям.

Система народных педагогических взглядов характеризует мать как мудрого, справедливого, нравственного человека. Из поколения в поколение белорусов эта истина была настолько понятна, что не требовалось дополнительных доказательств любви детей к матери, любви матери к детям. На вопрос: «Каким образом вы охарактеризуете Ваше отношение к матери?», были получены следующие ответы: уважительное отношение к матери (обращение на «Вы», вежливое обращение, уменьшительно-ласкательное обращение) – 81,9%; дарение подарков (в дни рождения, в День Матери, в день 8 Марта) – 93,9%; бережное, охранительное отношение (опека, забота,

поддержка, помощь) – 89,9%; высказывание слов благодарности (прощения, покаяния, примирения) – 80,9%; обсуждение с матерью собственных проблем и получение совета – 73,3%.

Очевидно, что у белорусов существуют наилучшие побуждения по отношению к матери. Однако следует отметить теневую сторону материнства, связанную с социальным сиротством. Цифры статистических данных по этому вопросу весьма неутешительны. На 1 января 2007 г. в республике насчитывалось 32,5 тыс. детей сирот. Половина из них воспитывается в замещающих семьях (опекунских, приёмных, детских домах семейного типа), 35% – в детских интернатных учреждениях. На сегодняшний день предприняты все необходимые меры для решения этого острого вопроса: родители привлекаются к материальному обеспечению своих детей, находящихся на государственном содержании, сокращается количество интернатных учреждений, дети боле активно усыновляются белорусским гражданами и др.

Новые данные Министерства статистики Беларуси обнадеживают: с 2000 г. наметилась тенденция роста числа заключаемых браков. В 2000 г – 63 тыс., 2001 – 69 тыс., 2002 – 67 тыс., в 2005 – 75 тыс., в 2008 – 77 тыс.

В 2006 и 2007 г. впервые за последние 20 лет был отмечен некоторый рост показателя рождаемости. В 2005 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,210 рождений в расчёте на одну женщину против 1, 201 рождений в 2004 г. В 2006 г. этот показатель поднялся до 1, 280, в 2007 г. составил 1, 38, а в 2008 г. – 1,42 рожденных детей на одну женщину на всю её жизнь. Однако, по-прежнему, величина суммарного коэффициента рождаемости обеспечивает воспроизводство населения республики менее чем на 60%.

Добрачный период в становлении ценностных ориентаций молодых поколений представляется весьма значимым: именно на этом этапе окончательно формируются мировоззренческие установки, складывается «образ» собственной модели семейной жизни. В белорусской действительности основная масса населения утрачивает связи с сельской средой, которая является хранителем традиционных устоев и поэтому молодёжь, рождённая в городских условиях, всё меньше знает о семейно–родственных отношениях, связях, а больше ориентируется на европейские, мировые тенденции. Тем не менее,

значительная часть молодёжи с интересом воспринимает традиционные формы отношений, принятые в национальной культуре, рассматривая их как ценный опыт матерей, отцов, бабушек и дедушек.

Раздел 5.
Ретроспектива решения «женского вопроса» в новое и новейшее время.

О.Д. Попова,
Рязань, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

ИНТЕГРАЦИЯ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ И СПЕЦИФИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Вторая половина XIX в. стала очередным рубежом в динамике социокультурных изменений, связанных со статусом женщины. Женщины от семейного очага начали входить в общественную жизнь, претендовать на часть мужских ролей. Закономерно, что любые изменения в социокультурной жизни вызывают перестройку ментального восприятия окружающей действительности. Что касается процесса интеграции женщин в общественную жизнь, то данный процесс сопровождался неизбежной ломкой представлений мужской части общества о том, что должна и не должна делать женщина.

Представляется необходимым проследить специфику восприятия в общественном сознании россиян процесса интеграции женщин в общественную жизнь. Актуальность данного вопроса состоит в том, что изменение условий функционирования общественной системы требует не только создания механизма реализации реформы, но преодоление ментальных стереотипов поведения. Именно в силу специфики ментального восприятия обществом социальной реальности могут тормозиться самые прогрессивные и необходимые реформы.

В целом следует отметить, что общество психологически любые изменения воспринимает очень настороженно. Оно было не готово видеть женщину в качестве врача, инженера, учителя по гедерному принципу, поскольку ранее эти роли за женщиной не закреплялись. Даже в лоне традиционной для женщины профессии – учительницы, – девушкам было очень непросто. Исследования К. Руан, посвященные ментальному восприятию женщин–учительниц, показывают, что женщины в качестве учительниц не воспринимались как в крестьянской среде, так и в среде коллег–мужчин. Например,

крестьяне не принимали женщин в качестве учительницы, поскольку считали, что вряд ли дети будут бояться женщину, а без боязни не будет дисциплины. Учителя же мужчины считали, что женщина не сможет найти общий язык с крестьянином, не сможет жить в его доме, не сможет пожать руки крестьянину и др.[1]. И эти выводы относятся к наиболее традиционной для женщины роли. Каково же приходилось женщинам желающим участвовать в других сферах общественной жизни?

Недоверчиво относилось общество к девушкам, решившим посвятить свою жизнь медицине. Первый выпуск женщин-врачей женских курсов при медико–хирургической академии не получил никаких официальных прав. До 1893 г. женщины-врачи не были внесены в официальные списки врачей, имеющих право практики в России. Выпускница первых медицинских курсов, одна из первых женщин-врачей в России, вспоминала, что бывали случаи, когда родственники пытались не допустить вызванную женщину-врача к пациенту, иногда такие врачи получали вызовы по не существующему адресу. И это тогда, когда ученицы первых женских курсов показали себя на полях очередной русско–турецкой войны (1877–1878 гг.), проявив профессионализм, мужество и отвагу[2].

Однако в России сложность процесса восприятия чего-либо нового состояла и в том, что необходимо было преодолеть специфические условия российской ментальности, которые накладывали определенные черты на процесс интеграции женщин в общественную жизнь. К таким специфическим чертам можно отнести патриархальность русского сознания, которое опиралось на православные догматы и запреты. В середине XIX в. Россия семейные отношения продолжала строить по законам «Домостроя» XVI в., которые практически лишали женщину самостоятельности. Строгие ограничения регламентировали круг общения женщины, контролируя

---

[1] Ruane C. Divergent Discountres: Images of the Russian Woman Schoolteachers in Post-Reform Russia // Russian History. Vol. 20. 1993. № 1–4. P. 122.

[2] Шабанова А. Из первых лет женского медицинского образования в России (воспоминания женщины–врача 1-го выпуска) // К свету. Научно-литерат. сборник / Под ред. Е.П. Летковой. СПб., 1904. С. 295.

тем самым ее поведение. Стремление женщины к общественной деятельности и занятию профессиональной деятельностью воспринималось в обществе как покушение на ее нравственность. И такая позиция поддерживалась Русской православной церковью. Например, Архиепископ Варшавский Николай в законопроекте о раскрепощении прав женщин (документ предусматривал среди прочего право замужней женщины устраиваться на работу без согласия мужа) увидел путь к развитию проституции и безнравственности среди женщин[1]. Поэтому общество, сталкиваясь со стремлением девушек к самостоятельной деятельности, оказалось в ситуации сложного психологического выбора, поскольку патриархальные нормы поведения оберегались Русской православной церковью, которая на тот момент была одним из важнейших факторов формирования общественного сознания. Идти против устоявшихся норм поведения – это означало идти и против Православия, что было равнозначно преступлению как в прямом, так и в переносном смысле.

Немалую роль играла в России и такая специфика общественного сознания, как его сословность. Общество в России привыкло воспринимать проблему распределения социальных ролей не только через гендерную призму, но и через сословную. Сословность старательно культивировалась и укреплялась в эпоху правления Николая I. Императрица Мария Федоровна, говоря об устройстве в России институтов благородных девиц, подчеркивала, что «приобретение талантов и приятных для общества искусств, которое существенно в воспитании благородной девицы, становится не только вредным, но и пагубным для мещанки, ибо ставит ее вне своего круга…» [2]. На «благородную половину» Смольного института не принимались дочери, отцы которых, имея дворянский титул, владели профессией, считавшейся недостойной высокого происхождения (например, известен случай, когда при наборе в институт отказали дочери скульптора)[3]. Когда в России в середине XIX в. появились

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1912. № 22. С. 895 – 897.
[2] Хорошилова Л.Б. Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 316.
[3] Там же. С. 316.

первые учебные заведения для дочерей духовенства, то их учебный курс предусматривал изучение только элементарных сведений (письмо и начало счета, элементарные сведения из истории, литературы и географии), исключал изучение иностранных языков, танцев и музыки[1]. Предполагалось, что дочери духовенства должны были стать матушками и жить в скромных условиях сельской местности в среде российского крестьянства, которое вовсе было безграмотным.

Поэтому во второй половине XIX в. происходил взаимосвязанный процесс развития женского образования и ломки стереотипов общественного сознания. Достаточно большую роль в преодолении этих специфических черт российского менталитета сыграла функционирующая система учебных заведений для дочерей духовенства. С 1868 г. в России постепенно начала складываться система *женских епархиальных училищ* [2] количество которых во второй половине XIX в. постоянно росло. Специфика данной системы учебных заведений состояла в том, что она со стороны государства практически не финансировалась, а содержалась за счет обязательных взносов с епархиального духовенства. Такие взносы были довольно тяжелым бременем для сельских священнослужителей. Однако именно этот факт приводил к тому, что духовенство, уплачивая взносы, обсуждая расходы на содержание епархиального училища на епархиальных съездах, было вынуждено быть постоянно в курсе его проблем и не могло игнорировать потребности данного сектора женского образования[3]. Если в середине XIX в. рядовое духовенство относилось к идее образования своих

---

[1] Гос. архив Рязанской обл. (ГАРО). Ф. 625. Оп. 2. Д. 1. Л. 8.

[2] Устав женских епархиальных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLIII. № 46271. СПб., 1868.

[3] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 570. Оп. 1. Д. 26; ЦГИА СПб. Ф. 730. Оп. 1. Д. 95, Л. 1; Журналы съезда духовенства Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. Отдел офиц. 1905. № 8. С. 111; Государственный архив Тверской области. Ф. 845. Оп. 1. Д. 1703. Л. 127; Журнал рязанского епархиального съезда духовенства 1880 года // Рязанские епархиальные ведомости. Отд. офиц. 1880. № 13. С. 408.

дочерей очень настороженно, то в конце XIX – начале XX в. его отношение к данному вопросу становится неоднородным. В начале XX в. епархиальное духовенство поддерживало довольно дорогостоящие проекты по развитию женских епархиальных училищ. Во многих епархиях для них были выстроены удобные и красивые здания, открыты дополнительные 7-е классы, постоянно пополнялись библиотеки[1]. На страницах духовной периодики появляются статьи отдельных священнослужителей, которые поддерживают стремление девушек не только к получению среднего образования, но и высшего[2], советы епархиальных училищ неоднократно выступали с различными проектами реформ системы женского духовного образования [3]. Прогрессивно мыслящие священнослужители оказывали также позитивное воздействие на общественное сознание, способствуя тем самым преодолению патриархального мышления в народе. Хотя следует признать, что прогрессивно мыслящий священнослужитель – явление довольно редкое, и в большинстве своем Россия продолжала придерживаться традиционных православных норм, а сама система женских епархиальных училищ представляла собой довольно

[1] ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 34а. Д. 391; Журнал Рязанского епархиального съезда духовенства 1880 года // Рязанские епархиальные ведомости. Отд. офиц. 1880. № 13. С. 408; ГАРО. Ф. 625. Оп.. 4. Д. 12; Елабужское епархиальное женское училище. Памятная записка об открытии епархиального женского училища и о постройке здания для него. Елабуга, 1903; ЦГИА СПб. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 9а. Л. 37; Центральный исторический архив Москвы. Ф. 203. Оп. 524. Д. 37.

[2] Wagner W.G. “Orthodox Domesticity”: Creating a Social for women // Sacred stories. Religion and spirituality in modern Russia / Ed. M.D. Steinberg, H.J. Coleman. Indiana. P. 119–145; Свящ. И.П. Необходимость завершения сети епархиальных женских училищ // Церковный вестник. 1895. № 26. С. 819; Свящ. А.К. Обездоленные дочери духовенства // Церковный вестник. 1903. № 35. С. 1098–1099.

[3] О выработке проекта реформы духовной школы // Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 11 (1917). Д. 169; По соображениям относительно преобразования духовно-учебных заведений // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1905). Д. 58.

консервативную модель женского образования, поскольку руководство Русской православной церкви – Св. Синод продолжал блюсти устаревшие взгляды на социальные роли в обществе

Сословная же призма в восприятии проблем женского образования в начале XX в. была еще более крепкой. Стереотипы сословного мышления в этот период преодолевались еще более трудно, чем традиции патриархальной культуры, большинство россиян продолжало мыслить сословными категориями. Мнение о том, что дочери духовенства должны получать особое, отличное от других сословий образование продолжает отстаиваться на страницах периодики. Так, один из авторов со страниц «Православного обозрения» сетовал, что в светских училищах развивается «пристрастие к танцам, к нарядам, балам, театральным представлениям и другим не всегда безвредным увеселениям» [1]. Именно идея о необходимости сохранения в России сословности в образовании для детей духовного сословия привела к появлению высших женских богословских курсов при Скорбященском монастыре, которые затем предполагалось преобразовать в высший женский богословский институт[2]. Это было продолжением того же сословного образования, исходящего из представления о том, что для девушек духовного происхождения необходимо и особенное высшее образование. Сохранение сословного сознания накладывало определенные черты на процесс выработки проектов реформ женского духовного образования в России.

Таким образом, процесс интеграции женщин в общественную жизнь в России был сопровожден сменой стереотипов мышления. В России сложность данного процесса состояла не только в неприятии чего-то нового, что в целом естественно для всех обществ, но и ломкой патриархального и сословного менталитета. Наличие определенных специфических черт ментальности накладывает характерные особенности на процесс реформ в отдельно взятой стране, которые

---

[1] С.Ш. Об училищах для девиц духовного звания // Православное обозрение. 1866. № 3. С. 315.

[2] Речи при открытии высших богословских курсов при Московском Скорбященском монастыре // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1916. № 47.

необходимо учитывать при анализе и проектировании каких-либо социальных изменений. Без этого невозможен успех ни одной реформы.

Т.Ю. Шестова,
Пермь, Западно-Уральский институт экономики и права

ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ–ВРАЧИ ПЕРМСКОЙ И ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В современном мире профессия врача стала ассоциироваться в основном с женской работой. Появление женщин–врачей было следствием реформ Александра II.

Первые женщины–врачи стремились получить специальность наравне с мужчинами, поэтому женская проблематика в литературе отсутствует. В советский период существовали отдельные работы о женщинах- медиках, но, как правило, они были связаны с их участием в революционных событиях [1]. Несколько статей появлялось в 60–70 гг. XX в., но продолжения тематика не получила [2]. Архивные документы, напротив, отмечают заинтересованность местных органов власти в женщинах–медиках. До начала XX в. в губернаторских статистических отчетах присутствовала графа о женщинах–врачах, но далее ее исключили.

Женское медицинское образование в России вводилось трудно. Первым национальным профессором стала Прокофья Суслова, дочь

---

[1] Революционеры Прикамья. Пермь,1966; Подлужная М.Я., Оберг Л.Я. Участие медиков в революционном движении и становление советского здравоохранения в Пермской области. Пермь, 1971; Видута В.К. Труженики революции. Деятельность политических ссыльных врачей в Зауралье. Челябинск, 1968.

[2] Ковригина М.Д. Роль женщин–врачей в развитии здравоохранения нашей страны. М.,1972; Карнаухова Е.И. Первые женщины–врачи Пермской губернии // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4; Она же. Мария Яковлевна Бруштейн // Сборник научно- практических работ по организации здравоохранения и истории медицины Пермь,1961. Вып.1.

бывшего крепостного, получившая за рубежом не только высшее медицинское образование, но и докторскую степень. Первой из женщин-врачей окончила в 1868 г. петербургскую медико–хирургическую Академию В.А. Кашеварова (Руднева), а через восемь лет она стала доктором медицинских наук, защитив диссертацию в России. Но основным местом образования русских девушек был Цюрих, где обучалось 300 русских студенток[1]. Первые курсы в России предназначались только для обучения повивальных бабок и акушерок. Женщинам было разрешено получить эти специальности и в медико-хирургической Академии при полном курсе гимназии. В 1876 г. срок обучения увеличили до пяти лет с названием «Женские врачебные курсы». Конференция императорской медико-хирургической Академии провела по заданию МВД анализ подготовки женщин и пришла к заключению, что «свидетельства, выдаваемые женщинам врачебными курсами, гарантируют ту же степень научной подготовки, что и дипломы Академии». Их закрытие в 1887 г. вызвало возмущение в российском обществе, и вскоре появился проект создания «Общества для доставления средств к учреждению женских врачебных курсов». В 1896 г. вятское губернское земство было оповещено об открытии в Санкт- Петербурге с Женского медицинского института. По окончании института выпускницы получали звание «женщина-врач». Вятка внесла 500 р. и дополнительно подписалась на 3 стипендии по 300 р.[2].

Взгляды государства и земств на женщин-медиков существенно расходились. Государство не считало нужным допускать женщин в эту сферу, а земства с 70-х гг. XIX в., напротив, полагали, что женские кадры им необходимы. Вятская и Пермская губернии были земскими, поэтому вопрос о привлечении женщин – врачей ставился постоянно, в Оренбургской (неземской) губернии эта проблема не рассматривалась. Тем не менее, почти четыре года ушло на обсуждение вятским земством для решения нанять женщину – врача для работы с женским населением. С 1887 г. упоминается первая женщина-врач В.И. Антушевич, работавшая на эпидемии в Глазовском уезде[3]. Через

---

[1] Ковригина М.Д. Указ. соч. С. 4, 8-9,

[2] ГАКО, ф. 616, оп. 1, д. 135, л. 216, 218-219.

[3] Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие. 1868-1892. Т.5. Вятка, 1895. С.158, 161.

год Уржумский уезд пригласил женщину- врача для работы в татарском селении, где «женский пол в силу их религиозных воззрений не может обращаться за помощью к врачам – мужчинам или фельдшерам» [1]. Орловский уезд внедрил прием парой врачей – мужчиной и женщиной[2]. К концу XIX в. Вятская губерния отмечала, что проблема недостачи женщин–врачей все еще сохраняется.

Виктория Ивановна Антушевич работала и в Вятской, и в Пермской губернии. Начинала она как врач эпидемического отряда [3]. Это означало, что медик не имел поддержки участковых врачей, действовал самостоятельно, среди зачастую враждебного населения, не доверявшего «чужакам». В.И Антушевич работала по несколько лет в ряде уездов. Затем она возглавила родильное отделение в вятской губернской больнице. При крупнейшей холерной эпидемии 1892 г. земство вновь командировало ее на эпидемию [4]. В 1899 г. В.И. Антушевич была приглашена в приют для душевнобольных Пермской губернии. Заведующий И.К. Мейер считал, что «должность эта должна была замещена не врачом, только что окончившим университет, сведения которого по психиатрии ограничены, а лицом более опытным, ординатором одной из психиатрических клиник, оканчивающего срок службы». «Профессор же Бехтерев, со своей стороны, рекомендовал для приема ординатором женщину-врача Викторию Иосифовну Антушевич, которая в настоящее время занимается при нервном и психиатрическом отделении медицинской академии». В рекомендации отмечалось, что она служила в Вятском земстве 7 лет и 7 – в Вятском родильном покое[5].

В 1879 г. после окончания Высших врачебных курсов стипендиатка

---

[1] Обзор Вятской губернии за 1888 г. Вятка, 1889. С.50; Памятная книга и календарь Вятской губернии на 1900 год. Вятка, 1898. С. 80,86.

[2] Береснев Ф.И. Краткий очерк народного здравия и постановки медицинского дела в Вятской губернии // Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 г. Вятка, 1900. С. 259.

[3] Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие. 1868-1892. Т.5. Вятка, 1895. С.158, 161.

[4] ГАКО. Ф. 616. Оп.6. Д. 58. Л. 27.

[5] ГАПО. Ф. 44. Оп. 4. Д. 18. Л. 68.

пермского губернского земства Олимпиада Ивановна Скворцова стала первой женщиной-врачом, принятой в губернскую больницу на заведование родильным и гинекологическим отделениями [1] . Одновременно она преподавала на фельдшерских курсах. С 1881 г. О.И. Скворцова являлась членом общества врачей Пермской губернии и участвовала в ряде съездов. Она постоянно пыталась модернизировать малопопулярный с момента открытия в 1871 г. родильный покой. В 1895 г. губернское земство профинансировало четырехмесячную научную командировку О.И. Скворцовой в Петербург. В 1900 г. О.И. Скворцова ушла с работы по состоянию здоровья с назначением ежегодного пособия в 600 р. По журналам губернского земского собрания за 1907 г. видно, что эта сумма еще выплачивалась, что означало признание заслуг врача[2].

Мария Ивановна Торопова проработала в Соликамском уезде 45 лет: из них 30 лет служила в соликамском земстве, а затем более 15 лет – городским врачом в Соликамске[3]. С 1880 г. она начала работу в Усолье на участке, включавшем более 300 деревень. Почти 20 лет М.И. Торопова ставила перед земством задачу открытия в Усолье приемного покоя, но получала отказ. На III съезде врачей в 1886 г. была отмечена успешная деятельность М.И. Тороповой по борьбе с оспой. В 1887 г. она закрыла на 3 месяца амбулаторию и сделала прививки детям всех 15 волостей. Опираясь на ее опыт, съезд врачей потребовал введения в уездах должности врачей для контроля за оспопрививанием, но добиться этого не удалось. В 90-х гг. XIX в. М.И. Торопова помогала прививанию на Дедюхинских соляных промыслах, хотя это не входило в ее обязанности[4].

---

[1] Доклады пермской земской управы пермскому губернскому собранию 19 сессии. Пермь, 1889. С. 250.

[2] Журналы Пермского губернского земского собрания 27 чрезвычайной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1895. С. 36; Журналы Пермского губернского земского собрания 38 очередной сессии и 39 чрезвычайной сессии. Пермь, 1908. С. 206; Карнаухова Е.И. Указ. соч. С. 190.

[3] Селезнева В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 43.

[4] Карнаухова Е.И. Первые женщины–врачи Пермской губернии // На

Сложнее было с прививками от дифтерита, дающими тогда негативные побочные эффекты. На собрании 1895 г. был приведен пример М.И. Тороповой. «Она была ярой противницей сыворотки, заявляя, что согласится скорее умереть, чем применить новый способ лечения. Но обстоятельства изменились, и ей первой из врачей Пермской губернии пришлось употребить сыворотку в дело». Сыворотка снизила смертность детей с 90–100% до 1-2%. На позицию М.И. Тороповой повлияло население, просившее «детей пользовать именно по новому способу»[1]. В 1905 г. отмечалось 25-летие службы М.И. Тороповой в земстве. Ей была назначена пожизненная пенсия в 600 р., что было мало распространено в то время. Из-за сложностей со здоровьем ей пришлось в 1908 г. перейти городовым врачом в Соликамск. Данью уважения своему врачу стало страхование жизни одной М.И. Тороповой с 1914 г.[2]. Она работала и после революции, курируя Дома ребенка в Усолье и Соликамске. Умерла М.И. Торопова в возрасте за 80 лет.

Наиболее известной женщиной - врачом Пермской губернии стала Евгения Павловна Серебренникова. Она закончила в 1880 г. Женские медицинские курсы и вместе с мужем, известным впоследствии общественным деятелем врачом П.Н. Серебренниковым проработала несколько лет в Салдинском заводе. Для защиты его диссертации они в 1883 г. снова выехали в Петербург, где Евгения Павловна начала специализироваться по глазным заболеваниям[3]. В 1885 г. семья вернулась в Пермь. Е.П. Серебренникова была назначена заведующей глазным отделением при губернской больнице (первым в земской медицине России). В 1891 г. пермское губернское земское собрание выделило средства для стажировки Е.П. Серебренниковой в Берлине[4]. Евгения Павловна всегда избиралась на губернских съездах врачей в

Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4. С. 188; Селезнева В.Т. Указ. соч. С. 49; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 90. Л. 10.

[1] Журналы пермского губернского земского собрания 24 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1895.С. 78.

[2] ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 90. Л. 10.

[3] Подвижники культуры Серебренниковы. Пермь, 1991. С. 17,24.

[4] Журналы Пермского губернского земского собрания 21 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1891. С. 123.

комиссии и секретариат.

На VI пироговском российском съезде она была выбрана почетной представительницей офтальмологической секции. В Перми она сотрудничала с музеем, который с момента создания в 1890 г. стал центром научной мысли Перми, где Е.П. Серебренникова читала лекции по истории России.

Существовали и другие семейные пары медиков.

Елена Васильевна Кротова еще студенткой принимала участие в заседании общества врачей Пермской губернии в 1881 г. Затем она вышла замуж за врача И.А. Александрова и работала с ним на Ряжевском заводе в 1885-1886 гг. Она выступала на губернских съездах врачей, избиралась в секретариат. В 1890 г. И.А. Александров возглавил медико-статистическое бюро, в его штат вошла и Е.В. Кротова- Александрова. После смерти мужа в 1892 г. она несколько месяцев исполняла его обязанности, а затем уехала участковым врачом в Камышловский уезд. В 1895 г. VI губернский съезд врачей озвучил известие о ее смерти, а земство взяло детей на попечение.

София Ильинична Нейвидель–Криницкая приехала в Пермь в 1887 г. после окончания Высших врачебных курсов. Затем за мужем она уехала в Бийск, но после его смерти снова вернулась в Пермь, где помогла в приеме больных на железной дороге. После революции 1905 г. по требованию железнодорожного рабочего комитета она была принята в штат железнодорожным врачом акушером-гинекологом. Пироговские съезды врачей в начале XX в. часто были в оппозиции власти. В первом десятилетии от них отпочковались съезды заводских и железнодорожных врачей. В 1913 г. С.И. Криницкая выступала с докладом о работе.

Таким образом, на первоначальном этапе женщины добивались права получения образования наравне с мужчинами.

Активная жизненная позиция способствовала их работе на самых трудных участках как в специализации, так и в территориальном расположении. В этот период многие демократические взгляды выражались через проблематику санитарного состояния губернии. Двойные фамилии женщин–врачей указывают, с одной стороны, на самостоятельность в профессиональном плане, с другой – на заключение браков внутри медицинской среды.

Д.Ю. Аверина-Луговая,
Симферополь, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА: ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В конце XIX – начале XX в. система здравоохранения Таврической губернии, как и всей Российской империи, остро переживала проблему кадровой дефицитарности[1]. Кадровый состав врачебного персонала был существенно дисбалансирован (т.е. численность среднего медицинского персонала была существенно ниже необходимой, соотношение врачей различных медицинских профилей не отвечало потребностям населения). Характерной особенностью названого исторического периода было также диспропорциональное распределение специалистов данной отрасли по половому признаку.

В основу настоящего исследования легли факты, изложенные П.И. Кольским в обобщающем труде «Список врачей Таврической губернии»[2]. В своих выводах Кольский, в свою очередь, полагался на данные регистрационных карточек, заполненных респондентами в период с сентября 1893 по апрель 1894 г. Кроме того, при подготовке доклада нами были учтены данные годовых медицинских отчетов (Государственный архив в Автономной республике Крым).

В 1893-1894 гг. врачебной практикой в Таврической губернии занимался 271 врач. Следует отметить, что указанная цифра не совпадает с данными, приведенными в Памятной книжке по Таврической губернии за 1889 г. (170 врачей)[3], а также материалами годовых отчетов 1887-1893 гг.[4], что объясняется несовершенством

[1] Крымский вестник. 19.04.1896. № 87. С. 3.
[2] Кольский П.И. Список врачей Таврической губернии со включением некоторых данных о их личном составе доктора медицины П.И. Кольского. Симферополь, 1894.
[3] Памятная книжка Таврической губернии. Т.9 / Сост. Статистич. бюро Губернского Земства, под ред. К.А. Вернера. Симферополь, 1889.
[4] Государственный архив в Автономной республике Крым (далее – ГААРК). Ф. 27. Оп. 12. Д. 155; ГААРК. Ф. 27. Оп. 12. Д. 198; ГААРК. Ф.

системы ведения делопроизводства на региональном и общегосударственном уровнях. По мнению П.И. Кольского, истинное количество врачей составляло 280–290 человек. Из зарегистрированных 271 врачей лишь 11 (4,06%) были женщинами (по России данный показатель достигал 3,26%, т.е. из 12521 человек, занимавшихся лечением больных, женщинами были 409)[1].

То обстоятельство, что женщины-врачи были малочисленным «явлением» общественной жизни Таврической губернии, позволяет кратко изложить факты биографии всех без исключения специалистов.

Высочинская Антонина Станиславовна [2], родилась в 1861 г., уроженка г. Симферополя. Окончив Санкт-Петербургские женские врачебные курсы, всецело посвятила себя, как и ее отец, Высочинский Станислав Семенович, медицине, занимаясь врачебной практикой при сиротском отделении богоугодных заведений[3]. На момент проведения исследования, т.е. в 1893–1894 г., Антонина Станиславовна состояла в браке.

Гурьян Анна Семеновна[4] родилась в 1864 г., основы врачебного дела изучила при Санкт-Петербургском военном госпитале, в 1886 г. переехала на постоянное место жительства в Таврическую губернию. В конце XIX в. А.С. Гурьян состояла в браке и была вольнопрактикующим врачом в г. Ялте.

Зевина Антонина Моисеевна [5] родилась в 1862 г., в 1887 г. окончила Санкт-Петербургские женские врачебные курсы и в тот же период переехала на постоянное место жительства в Таврическую губернию. Профессиональная деятельность Антонины Моисеевны была связана с Мелитопольским земством.

---

27. Оп. 12. Д. 232.

[1] Кольский П.И. Указ. соч. С. 37.

[2] Там же. С. 32.

[3] Широков В.А., Доля А.И. Симферополь: Улицы и дома рассказывают. Симферополь, 2006. С. 65.

[4] Кольский П.И. Указ.соч. С. 40.

[5] Там же. С. 46.

Кернер Любовь Григорьевна[1] родилась в 1858 г., в 1878 г. окончила Санкт-Петербургские женские врачебные курсы, а в 1883 г. переехала в Таврическую губернию. Любовь Григорьевна имела собственный дом в Симферополе на Греческой улице, где и вела частный врачебный прием. В 1893–1894 гг. в браке не состояла.

Коген Берта Давыдовна[2], 1863 года рождения, в 1885 г. окончила Санкт-Петербургские женские врачебные курсы, а в 1886 г. переехала в Таврическую губернию. В 1893–1894 гг. занимала должность санитарного врача в г. Бахчисарае с окладом в 800 рублей в год (в указанный период в браке не состояла).

Колоколова–Гурина Александра Федоровна[3] родилась в 1859 г. В 1882 г. она окончила Санкт-Петербургские женские врачебные курсы, в 1886 г. переехала на постоянное место жительства в г. Геническ Мелитопольского уезда, где и занималась частной практикой. В 1893–1894 гг. состояла в браке.

Машковцева Ольга Аркадьевна[4], 1851 года рождения, уроженка г. Вятки. В 1878 г. стала выпускницей женских медицинских курсов при Санкт-Петербургском Николаевском госпитале. В 1885 г. переехала на постоянное место жительства в Таврическую губернию, длительное время вела частный врачебный прием в г. Симферополе. Кроме того, Ольга Аркадьевна занималась интенсивной научно–исследовательской работой, отдельные ее статьи, написанные самостоятельно и в соавторстве, были опубликованы[5].

Хотинская Софья Ааароновна[6] родилась в 1855 г. В 1881 г. окончила Санкт-Петербургские медицинские курсы. Связала свою судьбу с земской медициной: в 1893–1894 гг. она занимала должность земской фельдшерицы-акушерки, ведя прием в г. Ялта (ее оклад составлял 580

---

[1] Там же. С. 50.
[2] Там же. С. 52.
[3] Там же. С. 54.
[4] Там же. С. 64.
[5] Трахома в таврическом епархиальном женском училище по данным поголовного осмотра и мер к борьбе с ней / [Соч.] Д-ров П. И. Кольского и О. А. Машковцевой. Киев, 1898.
[6] Кольский П.И. Указ. соч. С. 100.

руб. в год). С 1887 г. Софья Ааароновна пользовалась правом на земскую эмеритуру[1].

Чернобаева Лариса Львовна[2], 1861 года рождения, в 1881 г. окончила Санкт-Петербургские женские врачебные курсы. В 1884 г. Лариса Львовна переехала на постоянное место жительства в Таврическую губернию и вышла замуж. В 1893–1894 гг. жила в Феодосии в собственном доме, где и вела прием, выезжая, помимо этого, по вызову.

Шлее-Люстих (Люстиг) Мария Матвеевна, 1857 года рождения, в 1886 г. окончила Бернский университет, а в 1887 г. – женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале в Санкт-Петербурге. С 1887 г. подвизалась на поприще земской медицины (Булганакский участок Симферопольского уездного земства, немецкая колония Кронеталь). В 1900 г. Мария Матвеевна переехала в Симферополь, где интенсивно занималась общественной, педагогической и научной деятельностью[3].

Фамилиант Виктория Львовна[4], 1857 года рождения, в 1885 г. окончила Бернский университет, а 1887 г. прошла специализацию на женских врачебных курсах в Санкт-Петербурге. Виктория Львовна работала врачом при Симферопольском уездном земстве (Дуванкойский участок), в 1893-1894 гг. получала оклад в размере 1000 руб. в год, а также снимала квартиру за счет земства. Правом на земскую эмеритуру пользовалась с 1893 г.

Таким образом, некий сводный портрет женщины-врача может быть выстроен с учетом следующих ориентиров: (1) средний возраст – около 34 лет; (2) специализация – акушерство, гинекология, педиатрия (специфика исторического периода: ограниченное число профильных учебных заведений, особенности ментальности населения Российской

---

[1] Эмеритальная (пенсионная) касса Таврического земства была образована в 1886 году: участник кассы пользовался правом получения пенсии в полном объеме (в размере 1200 руб.) после 21года службы, а также мог претендовать на выплату частичного оклада (1/2 оклада – за 18 лет службы, 1/3 – за 12).

[2] Кольский П.И. Указ. соч. С. 101.

[3] ГААРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 430; Ф.376. Оп.2. Д.990; ГААРК. Ф. 42. Оп. 991.

[4] Кольский П.И. Указ. соч. С. 94.

империи конца XIX – начала XX в.); средний возраст женщин в момент окончания профильного учебного заведения составлял 26,8 лет (для сравнения, мужчин – 25,9 лет); (3) вольнопрактикующий врач (т.е. сумма оклада в большинстве случаев не была жестко фиксирована); (4) уровень материального благополучия – средний (большинство женщин не имели собственного недвижимого имущества); (5) вовлеченность в научно-исследовательскую работу – низкая; (6) семейное положение – замужем (7 из 11, т.е. 63,64%).

Т.А. Минеева,
Омск, Омский государственный педагогический университет

«НАУКА ДЛЯ ВСЕХ ОДНА, ОСОБОЙ НАУКИ ДЛЯ ЖЕНЩИН НЕТ И БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО»: ЖЕНЩИНЫ–ИСТОРИКИ В РОССИИ ВО ВТОР. ПОЛ. XIX В.

В российской научной среде существовала стойкая традиция отрицания участия женщин в науке, ведь эта сфера деятельности долгое время считалась мужской. Впервые женщины появились в высших учебных заведениях в 1859-1861 гг., в период подъема общественного движения. Но уже в 1862 г. женщин перестали допускать на лекции в Петербургском университете, а в 1863 г. циркуляр Министерства народного просвещения категорически запретил женщинам появляться во всех университетах [1]. Своим запрещением женщинам посещать университет Министерство народного просвещения поступило вопреки практике, наметившейся на Западе, тем самым, изменив путь развития высшего образования в России.

Женщины, которые пришли во втор. пол. XIX в. к занятию исторической наукой, имели разное социальное происхождение. Большинство из них являлись представителями дворянского сословия. Так, в семье потомственных дворян родилась М.А. Островская, а также С.К. Брюллова дочь знаменитого историка К.Д. Кавелина. Отец О.А. Добиаш-Рождественской был профессором греческой филологии

[1] Песковский М.Л. Университетская наука для русских женщин // Русская Мысль. 1886. Кн. 11-12. С. 42-65.

Нежинского историко-филологического института. В семье чиновника Архангельской губернии родилась А.Я. Ефименко. Среди женщин–историков были и представители других сословий. Так, например В.Н. Харузина родилась в богатой купеческой семье.

Изменения, происходившие в системе образования во втор. пол. XIX в., положили начало открытому гимназическому всесословному образованию женщин в России. Так, одна из первых – С.К. Брюллова, поступила в открытые тогда женские гимназии. С золотой медалью закончили гимназии О.А. Добиаш-Рождественская и В.Н. Харузина. Мариинскую женскую гимназию закончила М.А. Островская, Архангельскую женскую гимназию закончила А.Я. Ефименко. Получение среднего образования давало женщинам право преподавания, они получали звание домашней учительницы, но для занятия наукой этого было недостаточно.

С ведением университетского устава в 1863 г. о высшем женском образовании в России на время можно было забыть. Русским женщинам не оставалось ничего более как уезжать за границу[1], о чем свидетельствуют множество исследований, посвященных женскому вопросу[2]. В начале 70-х гг. XIX в. женщины для получения высшего образования стали ездить в Швейцарию, Францию, Германию.

Так, с семнадцати лет С.К. Брюллова слушала в Берлине лекции по истории, вызывая там удивление своими познаниями и глубоким пониманием истории, а также занималась изучением памятников искусства, пользуясь руководством лучших профессоров и знатоков.

Изменение ситуации в получении общего высшего женского образования в России, происходит уже в 1872 г. в связи с открытием Высших Женских курсов в Москве, а в 1878 г. и в Санкт-Петербурге. Так, Е.Н. Щепкина, посещала в Москве Высшие Женские Курсы профессора Герье, а М.А. Островская, была принята в число слушательниц историко-филологического отделения Высших женских (Бестужевских) курсов. Также окончила Высшие Женские Курсы в Санкт – Петербурге и О.А. Добиаш-Рождественская.

---

[1] Деревецкий А.Н. Женское образование в России и Заграницей. Исторические справки и практические указания. Одесса, 1902. С.4.

[2] Тишкин Г.А. Женский вопрос в России (50-60-е годы XIX века). Л., 1984. С.13.

Не все женщины-историки имели возможность обучения на Высших Женских Курсах или поездки за границу для получения университетских знаний, но это не являлось препятствием для занятия историческими исследованиями. К сожалению, не получила высшего образования А.Я. Ефименко, а также В.Н. Харузина, для которой настоящим «университетом» стали ее братья – Михаил, Алексей и Николай, все оставившие большой след в естествознании, антропологии, этнографии и немалое научное наследие.

Приход женщин к занятию исторической наукой был возможен двумя путями: через педагогическую деятельность и непосредственное написание исторических исследований. Так, С.К. Брюллова, занимаясь преподаванием, параллельно переводила работы по европейской истории, а также занималась написанием исторических статей по Екатерининской эпохе. Не ограничиваясь педагогической деятельностью, С.К. Брюллова также печатала свои статьи и заметки в педагогических журналах; в то же время, «прекрасно владея словом, она принимала самое деятельное участие в диспутах педагогических обществ, причем всегда обнаруживала серьезность познаний, находчивость и меткость возражений»[1].

Во втор. пол. XIX в женщины уже не ограничиваются только педагогической деятельностью, и примером служит А.Я. Ефименко которая, занимаясь историческими исследованиями, мало уделяла внимания преподаванию. Она изучала историю Архангельской губернии, нередко беседовала со ссыльными, ездила в город для ознакомления архивными материалами, жизнью и обычаями жителей севера. Часто посещала Архангельский архив, и за короткий срок собрала большой материал по истории, праву, экономике и этнографии северного края.

Постепенно занятие исторической наукой становится профессиональной деятельностью для О.А. Добиаш-Рождественской, Е.Н. Щепкиной, М.А. Островской, В.Н. Харузиной. Но научная деятельность женщин-историков не давала им возможности материально себя обеспечивать. Как пишет А.Я. Ефименко, «мое

[1] Тургенев И.С. Из письма в редакцию «Вестника Европы» по поводу смерти С.К. Брюлловой // Тургенев И.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 12. М., 1979. С. 44.

семейное положение и вытекающие большие материальные стеснения вынуждают меня быть навязчивой, как это не противно. Профессорский гонорар избавил бы меня от печальной необходимости искать заработка….»[1]. Такая же ситуация была и у М.А. Островской, которая обращалась к Платонову С.Ф. с просьбой о материальной помощи: «Мне хотелось бы по делу издания «Олонецких актов» <….> не возьмет ли на себя комиссия расходы по переписке актов, а так же не оплатит ли она и мой труд по изданию?»[2]. Занятие историей не приносило им практически никаких доходов, потому как статус женщины–ученого отличался от статуса мужчины, занимающегося наукой.

Постепенно ситуация меняется, и в нач. XX в. первой почетное звание доктора российской истории получила А.Я. Ефименко. Что же касается В.Н. Харузиной, она получила звание профессора этнографии и преподавала с 1907 г. на вновь открывшихся Высших женских курсах и в Московском археологическом институте.

В 1908 г. О.А. Добиаш-Рождественская была командирована за границу для занятия историческими науками, где она занималась написанием научных статей, и уже в 1915 г. она становится первой в русской науке женщиной–магистром и профессором всеобщей истории. В Санкт-Петербургском университете в 1914 г. впервые защищена женщиной–выпускницей Высших Женских Курсов М.А. Островской диссертация на степень магистра русской истории.

Хотя большинство историков в России составляли мужчины, женщины получили возможность и право войти в историческое научное сообщество. И изменения очевидны, как мы видим во фразе М. Песковского: «Наука для всех одна, особой науки для женщин нет и быть не должно»[3].

Е.А Кикахина,
Омск, Омский государственный педагогический университет

---

[1] Ефименко А. Письма Платонову С.Ф. // ОР РНБ (Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки). Ф. 585. Ед. хр. 2891.
[2] Островская М.А. Письма Платонову С.Ф. // ОР РНБ (Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки). Ф. 585. Ед.хр. 3741.
[3] Песковский М.Л. Указ.соч. С. 50-65.

Э.К. ПИМЕНОВА И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

С 60-х гг. XIX в. женщины в России начинают активно заявлять о себе. В это время они вступают на путь высшего образования, совершают побеги из родительского дома, используют фиктивный брак как средство обретения личной независимости. По мнению Б. Пиетров–Энккер, «высвобождение женского сознания из традиционных уз создает предпосылки для сочетания самостоятельности с профессиональной деятельностью и общественной активностью»[1]. Происходит некоторая трансформация традиционного понимания роли женщины.

Одна из представительниц женщин той эпохи – Э.К. Пименова. Ее жизненный путь может быть примером происходивших изменений в сознании женщин. Она родилась в 1855 г., окончила женские медицинские курсы. Была врачом в Колпино, затем уехала в Петербург, где работала переводчицей и журналисткой. В начале XX в. Пименова создает мемуары, в которых повествует о своей жизни. Эти воспоминания являются важным источником не только для изучения биографии писательницы, но и для ситуации второй половины XIX в., сложившийся в издательской среде, а также положения женщины в это время.

Детство Пименовой прошло в живописном уголке Прикаспия. Ее отец был моряк и вскоре решил оставить морскую службу. Семья переехала жить в поместье, но через несколько лет решила вернуться на остров Ашур-адэ. В это время, как пишет Н.П. Ефремова, там «установились традиции разночинно-революционной среды» [2] . Девушка с интересом их воспринимает. Через несколько лет, чтобы уехать в Петербург и поступить на женские курсы, решается на фиктивный брак. Вскоре она и правда оказывается на курсах, которые успешно заканчивает через пять лет. Муж ее, И.Г. Пименов в это время получает работу в Колпино, и девушка начинает там вести

---

[1] Пиетров – Энккер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 188.

[2] Ефремова Н.П. Эмилия Пименова // Вопр. истории. 1990. № 11. С. 161.

врачебную практику. Жизнь оказывается довольно тяжелой, полной многочисленных лишений, она начинает сожалеть о положении в браке. «Да, я не должна была превращать свой фиктивный брак в настоящий, тем более что для меня даже не послужила оправданием страстная любовь» [1] . Пименова стремится сохранить свою идентичность, поэтому она решает уехать из Колпино, «выбраться из болота», несмотря на все трудности, связанные с финансовыми проблемами и большой семьей (к этому времени у нее четверо детей). Мы видим, что Пименова берет на себя роль главы семьи, она уезжает в Петербург с детьми, муж в это время остается в Колпино. Так происходит смещение традиционных женской и мужской ролей в семье.

В Петербурге ей удается устроиться переводчицей, и жизнь начинает налаживаться. В это время очень остро прослеживается переживание и осознание своей принадлежности к общественным группам, то есть формируется политическая идентичность. Переводчицей она работает в журнале «Гражданин» консервативной направленности, но знакома она с народническими кругами, именно их взгляды разделяет, к тому же считает себя нигилисткой («мы были передовые женщины нигилистки…»)[2]. Мемуаристке по роду своей профессии приходится интересоваться политикой, «просматривая ежедневно до 20 иностранных газет и читая иностранные журналы, запрещенные русской цензурой, я уже в 1903 году заметила, что политический горизонт покрывается тучами…»[3].

В последних главах воспоминаний Э.К. Пименова описывает деятельность журналов «Мир Божий» и «Русское богатство», рассказывая о приемах, встречах, беседах, происходящих между работниками журналов. Будучи газетным и журнальным сотрудником, Пименова сближается с видными деятелями общественности и литературы Н.К. Михайловским, А.И. Богдановичем, Н.Ф. Анненским, Г. Успенским, В.Г. Короленко и др.

За время своей работы в периодических изданиях Э.К. Пименова становится профессиональной переводчицей, писательницей и

[1] Пименова Э. К. Дни минувшие. М.-Л. С. 107.
[2] Там же. С. 101.
[3] Там же. С. 188.

журналисткой. Она создает работы по социально-политической тематике («Борьба за свободу в Австрии и Венгрии», «Первое рабочее движение в Англии (Чартизм)», «Французская революция 1848 г.» и др.). Является автором публикаций по географичеким и этнографическим темам («Небесная империя и ее обитатели (Очерки Китая)», «Австралия и ее обитатели», «Природа и люди Африки», «Страна великих озер», «Эрин – Изумрудный остров» и др.), переводит книги зарубежных авторов (М. Твен «Похищение белого слона и другие юмористические рассказы», В. Бельше «Гибель мира и другие очерки» и т. п.).

В целом, соотношение частного и публичного в тексте воспоминаний постепенно вытесняется в сторону публичного, и в конце Э. Пименова пишет уже только о деятельности журналов. Писательница рассказывает о своей профессиональной деятельности, связанной с переводами, и практически не касается жизни семейной, а ведь у Пименовой в это время уже пятеро детей. В мемуарах, прежде всего, показана новая роль женщины в мужском мире. Пименова становится главой семьи и своим профессиональным трудом зарабатывает деньги, она активно пишет и публикуется, интересуется политической жизнью в стране. В итоге мы видим мать, которая заботится о своих детях, но в первую очередь она предстает женщиной, реализованной в профессиональной деятельности.

Таким образом, жизнь Э.К. Пименовой служит ярким примером, в котором показана трансформация ценностей и жизненных ориентиров женщин, открытие новых возможностей и социальных ролей.

Ю.В. Литвин,
Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ОТХОДНИЧЕСТВА И ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЕСЛЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ КАРЕЛЬСКИХ КРЕСТЬЯНОК В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Избранный временной отрезок отсылает нас, с одной стороны, к традиционным практикам патриархального общества, с другой — показывает, как развитие модернизационных процессов повлияло на

важнейшую составляющую жизни любого крестьянина — трудовую деятельность. Экономическая ситуация в Олонецкой и Архангельской губерниях, как и везде на Севере, не благоприятствовала развитию сельского хозяйства, в результате чего крестьянские семьи были вынуждены закупать зерно в течение 2–6 месяцев в году[1]. Что же позволяло выживать в таких суровых условиях? Не в последнюю очередь – наличие побочных промысловых занятий. Согласно переписи 1897 г., почти половина населения участвовала в различных ремесленных производствах (в Повенецком уезде этот показатель равнялся 61,7%, в Кемском — 55,2% [2]). Однако большинство крестьянских семей сочетали ремесленно-кустарное производство и сельское хозяйство. Только около 4,3% не имели запашки[3].

Главное отличие между ремесленниками и кустарями заключалось в том, что первые работали по заказу потребителей, а вторые — на рынок. В то же время не следует забывать о подвижности понятий «кустарь» и «ремесленник», особенно в условиях зарождения мелкого товарного производства в дореволюционной Карелии. Традиционно промысловые занятия включали в себя рыболовство и охоту, сбор грибов, ягод; извоз; тягу судов; заготовку, вывоз и сплав леса, изготовление обуви, колес, бочек, корзин, деревянной и глиняной посуды.

Большинство дореволюционных и современных исследователей чаще уделяли внимание типично мужским видам промыслов не только потому, что они были наиболее распространенными, но и потому, что сами исследователи-мужчины находились под влиянием гендерных стереотипов и связывали получение дохода только с вкладом главы семейства, которому предписывалась роль добытчика. Мы хотели бы рассмотреть некоторые традиционные виды женских промыслов, а также обратить внимание на случаи, выходящие за рамки привычных представлений о месте женщины в семейной экономике.

---

[1] Покровская И.П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 105.

[2] Там же.

[3] Кораблев Н.А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии (вторая половина XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 2009. С. 5-6.

В Российской империи процесс вовлечения женщин в экономическую деятельность пришелся на конец XIX — начало XX в. Именно в это время все большее количество крестьянок Карелии также втягиваются в отхожие промыслы. Из Олонецкой Карелии уходили на заработки в основном в город (Петербург, Петрозаводск). В Петербурге женщины работали рабочими, казенной и частной прислугой, няньками, кухарками, портнихами, сиделками, сестрами милосердия, прачками, служащими. Женщины и девушки из южной Карелии составляли также немалую часть «капорок» — работниц, трудившихся летом на обширных пригородных огородах столицы. Для того, чтобы замужней женщине получить отдельный от мужа паспорт и уехать из деревни в Петербург, необходимо было представить в волостное правление разрешение от супруга[1]. Крестьянки северной Карелии занимались традиционно развитым коробейническим промыслом, отправляясь вместе с мужем и детьми торговать в Финляндию. Некоторые из них уходили на зиму в финские города, где находили временную работу, дававшую средства для содержания семьи. Например, представительница рода рунопевцев Малиненых – Анни Лехтонен из д. Войницы – на протяжении нескольких лет в 1910-х гг. отправлялась на заработки в далекий финский город Оулу[2].

На страницах Вестника Олонецкого губернского земства в начале XX в. появилась статья П. Успенского, который обратил внимание на распространение нетипичных для губернии женских промыслов. Так, например, в селе Кондуши Неккульской волости на промысел отправлялись женщины: «Они закупают там (*в Петербурге — Ю.Л.*) товар, — пишет автор, — затем ходят лето по селам и деревням, распродавая, что можно и возвращаются домой уже к осени, принося выручку не редко до 100 и 200 руб.»[3]. Торговали в основном тканями, кружевами, готовыми костюмами. П. Успенский отметил двойственные

---

[1] Трифонова Л. В. Отходничество заонежан в Петербург в конце XIX — начале XX века [электронный ресурс]: http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/kizhi_vestnik/kizhi_vestnik5/01_history/vestnik5_04.htm

[2] Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб, 2007. С. 37.

[3] Успенский П. Женские промыслы в Олонии // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 24. С. 17.

последствия такого новшества. С одной стороны, экономическая целесообразность женского отходничества была очевидна: «И сельское хозяйство не падает, и деньги зимой есть»[1]. С другой, — автор пишет о расшатывании традиционной модели семьи: «дома такая промышленница держит себя очень независимо. От нее приходится хозяину брать деньги на нужды дома, она же и справляет свадьбы, выдавая замуж дочерей»[2]. Однако подобное распределение ролей носило скорее локальный характер. Этот же автор сообщает, что в соседнем селе Мегреге был еще женский промысел, но уже домашний — плетение соломенных шляп. Сбывали изделия приезжающему специально для этого скупщику. Но труд оплачивался плохо — по 4 коп. за штуку, а в день успевали сделать 3-4 шляпы[3].

Если женское отходничество было скорее социальной проекцией развития экономических отношений, и женщины в этой сфере еще не могли составить заметную конкуренцию мужчинам, то традиционные женские занятия стабильно развивались. К традиционным женским занятиям мы относим прядение, ткачество, вязание, вышивание, белошвейное, золотошвейное, кружевное мастерство. География распространения того или иного вида промысла зависела от степени близости к центрам сбыта (Санкт-Петербургу, Петрозаводску). Например, в Рыпушкальской волости Олонецкого уезда занимались прядильно-ткацким, вязальным, вышивальным, кружевным ремеслами, в то время как в Поросозерской волости Повенецкого уезда — только вязальным[4]. По подсчетам Н.А. Кораблева, из 645 мастериц Олонецкой губернии 417 находились в карельских уездах[5]. Наиболее популярным оставался прядильно-ткацкий промысел, однако большинство изделий по-прежнему шло на удовлетворение потребностей семьи, и только излишки продавались. Например, продажей ниток занимались только крестьянки селения Кондуши

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / сост.: И.И. Благовещенский, А.Л. Гарязин. Петрозаводск, 1895. С. 75.

[4] Подсчитано по: Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / Сост. Н.Г. Простнев, Н.Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 85-86.

[5] Кораблев Н.А. Указ. соч. С. 32.

Неккульской волости. Нитки сбывали ранней весной в Петербург по 50 коп. за фунт[1]. Причем работали женщины на прялках «первобытного устройства». Кроме того, в связи с ограниченным кругом покупателей, крестьянки вынуждены были продавать свой товар за полцены[2].

Вышивальный промысел мастериц Карелии высоко ценился даже в столицах. В 1879 г. с успехом экспонировались вышитые полотенца Степаниды Афанасьевой (Мелеховой) из с. Горки Кондопожской волости и Ирины Михеевой из д. Тарасы Великогубской волости на Московской антропологической выставке.[3] Вышивка платков золотом в начале XIX в. оценивалась в 100 руб. и более за штуку, в конце XIX в. за три месяца (с 1 апреля по 1 июля) мастерица делала около 10 платков, заработок ее составлял около 80 руб.[4]. Мастериц по золотошвейному промыслу к началу XX в. насчитывалось единицы. А.П. Косменко рассказывает о жительнице с. Шуезеро Евдокии Андроновой, работавшей в молодости в прислугах в Поморье, где она и научилась золотошвейной вышивке. Вернувшись, она зимой, «между делом», выполняла заказы на шитье повойников для свадеб и в праздники[5]. Получило некоторое развитие кружевное производство. В связи с этим следует отметить работы Татьяны Ивановны Риккиевой из Рыпушкальской волости Олонецкого уезда, которая в 1900 г. была удостоена серебряной медали на Парижской Всемирной выставке[6].

Как свидетельствуют приведенные данные, женские заработки в основном были низкими. В лучшем случае они доходили до 50-90 руб., но в среднем составляли 10-25 руб. в год при постоянном занятии ремеслом и 1-15 руб. при временном[7]. Такой низкий уровень заработков зависел и от посреднической роли скупщиков, и от сокращения круга покупателей, и от возрастающей роли фабричных изделий. Но если с ростом фабричной конкуренции мастерицы не

---

[1] Кустарная промышленность в Олонецкой губернии… С. 98.
[2] Там же. С. 99.
[3] Кораблев Н.А. Указ. соч. С. 35.
[4] Кустарная промышленность в Олонецкой губернии… С. 101.
[5] Косменко А.П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002. С. 155
[6] Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губ. / Сост. Н.Г. Простнев, Н.Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 88.
[7] Там же.

могли бороться, то участие скупщиков многие крестьянки пытались исключить. Так, жительницы Вытегорского уезда пешком ходили в Петербург, благодаря чему их заработок за 3–4 месяца составлял 30–60 руб.[1].

Проведенный анализ состояния женских промысловых занятий позволяет говорить о некотором проникновении модернизационных процессов в карельскую деревню к концу XIX столетия. Несмотря на то, что в большинстве случаев выбор промысла подчинялся гендерным стереотипам традиционного общества, появились и окрепли первые ростки интереса женщин к экономической самостоятельности.

С.В. Кольчугина,
Пенза,Пензенская государственная технологическая академия

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–НАЧАЛО XX В.)

История отечественного предпринимательства не может быть полной без рассмотрения участия женщин в данном процессе. В отличие от стран Западной Европы, такое явление, как женская предпринимательская активность, в России имело место. Хотя брак и означал общее владение имуществом супругов, каждый из них мог иметь и вновь приобретать отдельную собственность. Приданое жены, равно как и имущество, приобретенное ею или на ее имя во время замужества, признавалось ее отдельной собственностью. Более того, супруги могли вступать друг с другом в отношения передачи имущества по дарственной или по акту купли-продажи как совершенно посторонние лица. Если не было сделано особого завещания, муж и жена не имели особого участия в имуществе друг друга и в качестве наследников. Жена после смерти мужа получала из недвижимого имущества одну седьмую часть, а из движимого – одну четвертую.

Вот почему по русскому праву жена могла открыть и вести торговлю помимо и даже вопреки воле мужа. В частности, Устав торговый подчеркивал: «Лица женского пола причисляются к

[1] Там же. С. 89.

купеческим гильдиям на одинаковом отношении с мужским»[1]. Также закон не чинил никаких препятствий жене купца, если она пожелает объявить капитал отдельно и самостоятельно осуществлять «торговые действия». Ответственность за них падала на ее собственность, за исключением случаев несостоятельности, когда имущество мужа по Уставу судопроизводства торгового привлекалось к судебной ответственности. Однако, если жена несостоятельного должника не признавалась соучастницей в делах его, то она имела право записаться в гильдию по собственному желанию.

Но если замужняя женщина собиралась производить сделки от чужого имени в качестве приказчицы, то положение резко менялось. По законам гражданским, жена не могла наниматься без позволения мужа, а он, в свою очередь, был вправе прекратить отношения по найму. Что же касается выдачи векселей, то здесь существовали некоторые нюансы. Векселя, выданные замужней женщиной по гражданским сделкам без согласия мужа, являлись недействительными, тогда как векселя, выданные замужней женщиной, которая производила торговлю от своего собственного имени, то есть купчихой, были действительны и без согласия мужа. Это постановление Вексельного устава означало, что купчиха могла выдавать векселя без согласия мужа в пределах своего промысла, а за его пределами она нуждалась в согласии супруга, например, если хотела купить под вексель бриллиантовое кольцо для своей дочери по случаю ее замужества.

Перечисленные выше ограничения не распространялись на вдов, разведенных жен и девиц, отделенных от родителей. Закон предоставлял им те же права, что и мужчинам[2].

Кроме того, правительство даже стимулировало женскую предпринимательскую активность путем налоговых льгот для отдельных категорий населения. В частности, от взятия свидетельства на мелочный торг освобождались оставшиеся после смерти священно-

---

[1] Устав торговый // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. II. СПб., 1857. Ст. 14.

[2] Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М., 1994. С. 69–70; Ульянова Г. Купчихи–благотворительницы // Былое. 1996. № 5. С. 19.

и церковнослужителей вдовы и незамужние дочери, а также солдатские жены, вдовы и незамужние дочери[1].

Думается, что подобная мера имела целью предоставить указанному кругу лиц необходимые средства к существованию, поскольку их положение в обществе ограничивало их перспективы. Например, часть солдаток вынужденно занималась проституцией. Только из зарегистрированных проституток каждая пятая была солдаткой, тем же ремеслом часто промышляли и солдатские дочери. Вероятно, одним из побудительных мотивов для занятий проституцией у солдаток была неопределенность ее фактического семейного статуса. В семье мужа она часто считалась «лишним ртом» и находилась на низшей иерархической ступени в «большой» семье[2].

Незавидной являлась и участь женщины из духовной среды, особенно жены сельского священника. Основными ее функциями являлись рождение и воспитание детей, а также выполнение обязанностей сообразно своему социальному статусу: работа «просфорнею», проведение тарелочных и кружечных сборов в храме и пр. Часть собранного полагалась ей в качестве заработка, только оказывался он очень невелик – рублей 10–12 в год. Если семейная жизнь неожиданно завершалась вдовством, то бедную женщину ожидала в дальнейшем нескончаемая череда унижений, поскольку со смертью духовного лица вся казенная недвижимость переходила в собственность преемника по должности, а отложить в «пенсионный фонд» даже настоятель прихода, как правило, мало, что успевал. Несмотря на то, что еще с екатерининских времен стал формироваться фонд для поддержки семей духовенства, а с 1866 г. по всем епархиям был установлен особый сбор для его пополнения, помощь овдовевшим попадьям и их детям оказывалась незначительной и нестабильной. В принципе, вдова могла получать от 65 до 90 руб. в год – по крестьянским понятиям, это немало. Но вот только срок выплаты пенсиона устанавливался короткий, приходилось вновь и вновь хлопотать о его продлении. Неудивительно, что

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собр. втор. Т. XI. № 41779. Ст. 43.

[2] Щербинин П. Непотребных в лагере не терпеть // Родина. 2002. № 7. С. 69.

удельный вес самостоятельно трудящихся дочерей священников рос год от года[1].

Разумеется, наиболее впечатляющих успехов добивались те, кто занимался крупным промышленным предпринимательством – например, винокуренном. В 1888 г. в с. Знаменское Пензенской губернии был построен винокуренный завод графини Марии Александровны Келлер, производительность которого была 1705 ведер спирта в сутки. На заводе работало до 500 рабочих, причем условия труда были строгие: винокурня работала круглосуточно, в 2 смены по 12 часов. В правилах работы также были оговорены высокие штрафы за прогулы и употребление спирта на территории завода (от 80 коп. до 3 руб.), кроме того, при входе и выходе с предприятия рабочие подвергались тщательному личному досмотру, что исключало незаконный вынос спирта[2]. Однако заработная плата составляла у рабочих до 10 руб., что было в 1,5 раза выше, чем на других подобных предприятиях[3].

Подтверждением того, что завод был выгоден не только владелице, но и местным жителям, явились события осени 1905 г. Во время беспорядков недовольные крестьяне подвергли полному разгрому имение графини, но винокуренный завод остался нетронутым, несмотря на то, что он был брошен администрацией на произвол судьбы. Оберегая свои интересы, крестьяне первыми потребовали возобновления винокуренного производства[4].

При введении казенной винной монополии графиня Келлер заключила с Министерством финансов договор на строительство за свой счет ректификационного отделения для очистки спирта на 250 тыс. ведер в год. При этом условия заключения договора были в пользу заводчицы, так как власти обязались ежегодно покупать у графини не менее 200 тыс. ведер ректификованного спирта[5].

---

[1] Леонтьева Т. Матушка // Родина. 2001. № 10. С. 48–52.
[2] ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 67. Л. 172.
[3] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7326. Л. 35.
[4] Отчет по казенной продаже питей по Пензенскому Акцизному Управлению за 1905 год. Пенза, 1906. С. 8.
[5] ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 576. Л. 128.

Высокие прибыли завода определялись как современной техникой, так и грамотно подобранными кадрами. Гордостью и заслугой заводовладелицы был винокур Г. Гайзенпот, прошедший специальную подготовку в Германском обществе винокуров «Алкоголь». Необходимо отметить, что из 92 винокуренных заводов, постоянно действовавших в Пензенской губернии к 1913 г., только на трех работали винокуры, получившие специальное техническое и профессиональное обучение[1].

В целом доля женского предпринимательства в винокуренном производстве края была довольна высока.

Таблица 1. Женское предпринимательство в винокуренной промышленности Пензенской губернии[2]

Год	Общее количество винокуренных заводчиков	Количество женщин – владелиц винокуренных заводов	Доля женского предприни-мательства (в процентах)
1847	31	9	29
1917	40	11	27,5

Залогом коммерческого успеха многих заводовладелиц было следование веяниям времени. Так, сохранились материалы обследования фабрик и заводов Пензенской губернии на предмет использования пара в производственных целях на рубеже 1850-60-х гг. Предполагалось обложить заводчиков ежегодным сбором, а собранные средства истратить на жалование губернскому механику. Хотя большинство респондентов предпочитало водяное колесо, а

[1] ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 185. Л. 23; Суменкова М.В. Деятельность немецких спиртопромышленников и винокуров в России в годы казенной винной монополии 1901–1917 гг. (на материалах Пензенской губернии)//Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 10. Пенза, 2006. С. 126–127.

[2] Составлено по: Тюстин А.В. Во благо Отечества: из истории предпринимательства Пензенской губернии. М., 2004. С. 159–162.

также конную и людскую силу, нашлись и те, кто отдал предпочтение инновациям. Свое согласие дали 5 предпринимателей, из них – 2 женщины: владелица суконной фабрике в с. Голицино Нижнеломовского уезда Лубяновская и пензенская купчиха Муравьева, хозяйка лесопильного и мукомольного производства[1].

О степени развития женского предпринимательства мы можем также судить и по материалам официальной статистики. Согласно данным Пензенского губернского статистического комитета, в 1868 г. в Пензенской губернии среди местных купцов 18,6 % являлись женщинами[2]. Здесь следует отметить, что среди дам доля тех, кто вовсе не занимался никакой коммерческой деятельностью, была довольно значительной – 24,7 % (для сравнения: доля мужчин – всего 7,2 %). Данная тенденция имела место по всей России. Она была связана с привлекательностью самого купеческого статуса.

Что касается купчих, осуществлявших «торговые действия», то в основном они занимались хлебной и бакалейной торговлей (25,8 %), а также содержанием питейных заведений различного рода (11,8 %). Круг деятельности остальных был довольно широк – от мелочной торговли до содержания фабрично-заводских предприятий[3].

В дальнейшем процесс приобщения женщин к предпринимательству продолжался. В частности, в 1899 г. доля женщин-коммерсантов в г. Пензе составляла 25,3 %. Поскольку «Положение о государственном промысловом налоге» 1898 г. уже не связывало торгово-промышленные занятия с обязательной принадлежностью к купеческому сословию, социальный состав предпринимательниц был довольно разнообразным: мещанки (55 %), крестьянки (1,3 %), купчихи и цеховые (по 3,8 %) и др.[4].

Таким образом, российское законодательство создавало благоприятные условия для женщин-предпринимателей. Буржуазная эволюция российского общества второй половины XIX – начала XX вв., способствовавшая расширению и обновлению отечественного делового мира, также стимулировала процесс приобщения женщин к

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3793. Л. 3.
[2] ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 160.
[3] ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 156.
[4] ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1–3.

коммерческой деятельности. В большинстве случаев эти возможности позволили женщинам повысить качество жизни.

Г.А. Нагаева,
Новороссийск, Новороссийский политехнический институт Кубанского технологического университета

ЖЕНЩИНЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Реконструкция роли и места женщин в социокультурном пространстве российской провинции – одно из актуальных направлений современных исследований. Оно предполагает изучение воздействия женщин на разнообразные сферы жизни социума, изменений в самосознании женщин, проявлявшихся в стремлении к самоорганизации, формированию активной гражданской позиции.

Черноморская губерния, развиваясь в общем русле российской истории, имела свои особенности. Изучаемая губерния в конце XIX в. принадлежала к регионам со значительным преобладанием мужского населения, что было в целом характерно для бывших пограничных территорий. В 1897 г., согласно данным Всероссийской переписи населения, в губернии проживало 34776 мужчин и 22702 женщин[1].

Женщины рассматриваемого региона в конце XIX – начале XX в. были представлены разными сословными группами. Преобладали крестьянки и мещанки[2]. Ранние браки, равно как и разводы в губернии представляли собой исключительное явление[3].

Модернизирующееся общество нуждалось в большом количестве образованных людей – как мужчин, так и женщин. Грамотных мужчин в городах Черноморской губернии в 1897 г. было 62,5% и в селах 37,9%, грамотных женщин в городах – 37,6%, в селах – 14,4%. Высокий

[1] Архив администрации г. Новороссийска (далее ААН). Ф.74. Оп.1. Д. 7. Лл.5–5об.
[2] Там же. Д.15. Л. 3.
[3] Там же. Д.7. Л. 8.

процент грамотности объяснялся прежде всего тем, что значительная часть населения губернии проживала в городах[1].

Первым учебным заведением для девочек в Новороссийске было начальное одноклассное женское училище, открывшееся осенью 1872 г. Оно содержалось на частные пожертвования[2]. К 1914 г. в губернии были открыты учебные заведения для девочек: Новороссийская Александрийская женская гимназия, Новороссийская 2-ая женская гимназия В.М. Аммосовой, 1-ая и 2-ая школы кройки и шитья[3].

Сфера профессиональной деятельности женщин была ограничена. Это было обусловлено российским законодательством и спецификой региона. Наибольшее количество работающих женщин в губернии было занято в услужении или на поденщине. Женщины также занимались земледелием, изготовлением одежды, учительствовали, работали в сфере торговли и пр.[4]. Мотивация активизации женщин на рынке труда была схожей у различных социальных групп. В основном это были экономические причины. Территориальная специфика региона, наличие портов способствовали присутствию значительного количества проституток в губернии[5].

Найти работу женщинам было сложно. Желающим «поступить на должность» иногда приходилось подолгу ждать «открытия вакансии». В Новороссийской Городской Управе в 1907 г. существовало бюро труда. За 4 месяца с 1 мая 1907 г. по 1 сентября 1907 г. женщин, ищущих работу, было записано 37, мужчин – 44. Из записавшихся только около 20 женщин получили работу[6]. Это являлось характерной чертой для всей Российской империи.

Одной из доступных интеллигентных профессий для женщин была должность учительницы. Процесс включения женщин в образовательную сферу в России в конце XIX – начале XX в. в малых

---

[1] ААН. Ф.74. Оп.1. Д. 7. Л. 36.
[2] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 48. Л. 1-2.
[3] Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 15. Л. 34 об.-35.
[4] Там же. Д. 7. Л. 47 об.- 48.
[5] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 69.
[6] Черноморский голос. 1907. 28 апреля. С.3.

городах шел медленно. Тем не менее, многие дамы в губернии были заведующими учебными заведениями (О. Родионова[1], А. Ракович[2], Е. Минц[3], А.П. Щеглова[4], Е.А. Шилова[5]).

Правительственный курс на развитие отечественной индустрии способствовал дальнейшему развитию рыночных отношений в стране, что нашло своё выражение и в росте частного предпринимательства.

Российское законодательство начала XX в., претерпев ряд изменений, традиционно ущемляло права женщин и все же не смогло предотвратить процесс включения женщин России в предпринимательскую деятельность, причем это было характерно не только для крупных городов империи.

Основным направлением предпринимательской активности провинциалок явилось содержание мелких и средних заведений, часто кустарного характера. Особую активность женщины проявляли в сфере услуг. Они были хозяйками гостиниц, постоялых дворов, трактиров и лимонадных. Владелицами гостиниц были Т.А. Морозова, Е.Я. Александрова, К.А. Чепуриная[6]. Трактиры и постоялые дворы принадлежали О.П. Клюшниченко, С.Г. Ченидчевой, П.Н. Шумаковой, Н.И. Глуховой, Т.М. Быковой[7]. К числу предпринимательниц можно отнести и содержательниц публичных домов Рейгер и Р.М. Бабскую[8].

Отдельные женщины были владелицами учебных заведений: в Сочи функционировала школа Л.А. Покровской[9], в Новороссийске – начальные училища Теренецкой–Климович, Кузнецовой, Амосовой[10], Корчагиной[11].

---

[1] ААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 181.
[2] Там же. Д. 487. Л. 28.
[3] Там же. Д. 234. Л. 42.
[4] Там же. Д. 768. Л. 19.
[5] Там же. Д. 708. Л. 74.
[6] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 658. Л. 304.
[7] Там же. Л. 305-306.
[8] Там же. Д. 103. Л. 5-6.
[9] Черноморское побережье. 1903. 7 ноября.
[10] ААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 56–57.
[11] Там же. Д. 658. Л. 349.

Войны последней четверти XIX – начала XX в. оказали глубокое воздействие на традиционный уклад жизни общества. Массовая мобилизация мужчин способствовала доступу женщин к новым профессиям. Многие из них в Черноморской губернии заменили мужчин на тяжелых работах. В годы Первой мировой войны женщины работали грузчиками в порту, извозчиками, водолазами, ремонтировали железнодорожные пути[1]. В 1915 г. им было разрешено работать во Владикавказском почтово-телеграфном ведомстве[2].

Важным показателем самоорганизации женщин Черноморской губернии являлись общественные объединения. Их деятельность охватывала медицинскую, образовательную и культурно-просветительскую сферы. Вовлечение женщин в общественную жизнь в Черноморской губернии шло медленнее по сравнению с центральными регионами страны и затрагивало в первую очередь тех, кто принадлежал к привилегированным слоям городского населения.

На Юге России первые общественные организации, оказавшие значительное влияние на культурное развитие региона, стали появляться в середине XIX в. [3] . Наиболее многообразными по направленности действий были женские благотворительные организации. В Новороссийске, по данным городской полиции, на 1 января 1916 г. насчитывалось более 20 благотворительных и культурно-просветительных обществ: местный комитет Общества Красного Креста, Общество вспомоществования учащимся в средних и высших учебных заведениях, Общество взаимной помощи, Общество женского клуба и др.[4].

Благотворительными обществами была охвачена практически вся система образования Черноморья. На благотворительные средства по инициативе Н.Б. Пиленко, супруги Начальника Черноморского округа, в

---

[1] Черноморская газета. 1913. 18 августа, 1914. 2 мая.

[2] ААН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Лл. 103–103 об.

[3] Оспищева Л.Е. Истор. благотворительных орг-ций Кубани (конец XIX-начало XX вв.): Автореф. дис. кан. ист. наук. Майкоп, 2000. С.20.

[4] Герасименко А.Б, Санеев С.А. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С. 310, 459.

1872 г. была построена и содержалась первая женская школа[1]. По инициативе В.А. Волковой, супруги Черноморского губернатора, была открыта первая женская профессиональная школа кройки и шитья[2].

В Черноморской губернии, как и в Кубанской области, активно действовали дамские клубы. Деятельность дамского клуба Новороссийска во главе с Е.А. Франгопуло была разнообразной. Дамы уделяли большое внимание воспитанию и социальной адаптации детей из бедных семей. Клуб формировал досуговое пространство провинциального общества посредством устройства любительских спектаклей и концертов[3].

Женские благотворительные общества принимали участие в создании и содержании богаделен и приютов. В 1907 г. по инициативе председательницы общества пособия бедным С.П. Березниковой было устроено временное убежище для выздоравливающих, где главным образом получили приют заболевшие тифом железнодорожные и портовые рабочие[4].

Особый интерес для нас представляет история женщин в кризисные периоды российской истории начала XX в. в силу тех глубоких и часто необратимых перемен, которые произошли в правовой и политической сфере, бытовой культуре и менталитете россиян и россиянок. Войны, в которых участвовала Россия в начале XX в., оказали глубокое воздействие на традиционный уклад жизни общества, повседневно-бытовую культуру, общественные настроения населения России.

Самой крупной общественной организацией, принимавшей активное участие в оказании помощи фронту, было Российское общество Красного Креста (РОКК), которое создавалось как полугосударственное формирование под крылом ведомства учреждений императрицы Марии. Новороссийский комитет РОКК был создан в 1891 г.[5]. В 1895 г.

---

[1] ААН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 48. Л. 1-2.
[2] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 227. Л. 118-119об., 120.
[3] Черноморское побережье. 1907. 10 ноября. С. 3.
[4] Черноморский голос. 1907. 28 апреля. С. 3.
[5] ААН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. Л. 198.

комитет возглавила Е.П. Мезелинцева [1], в последующие годы его традиционно возглавляли жены губернаторов Черноморья: В.И. Тиханова (1898 г.) [2], В.А. Волкова (1903 г.) [3], С.П. Березникова (1906 г.) [4], Л.В. Барановская (1914 г.) [5].

В 1904 г. во время русско-японской войны на Дальнем Востоке действовал Черноморский лазаретный отряд, сформированный по инициативе местного комитета РОКК на благотворительные средства, в составе которого работали сестрами милосердия А. Варинская, П. Котельвинина, А. Клебер, Е. Ильяшевич, Тесля и др.[6].

Первая мировая война усилила активность женского населения и вызвала к жизни новые формы ее организации. В Новороссийске в годы Первой мировой войны активно работали комитет РОКК во главе с Л.В. Барановской, дамский благотворительный комитет при Департаменте таможенных сборов по оказанию помощи воинам и их семействам под председательством г-жи Н.Г. Шателен [7]. Многие женщины Черноморской губернии стали работать в больницах и лазаретах в качестве сестер милосердия.

Процесс трансформации российского общества сопровождался изменением роли государства, граждан и ростом гражданских инициатив, в том числе и женских. Государственная власть Российской империи в конце XIX – XX в. оказалась неспособной решить комплекс назревших проблем в таких важных сферах, как образование, внешкольное просвещение, организация культурного досуга, социальная защита обездоленных.

Общественная активность женщин Черноморской губернии в конце XIX – начале XX в. охватывала практически все сферы социально-культурной жизни. Больше всего женщины проявили себя в благотворительности. Росту женской активности в благотворении

---

[1] Там же. Д. 2. Л. 15.
[2] Герасименко А.Б, Санеев С.А. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С. 271.
[3] ААН. Д. 6. Л.3.
[4] Там же. Д. 7. Л. 68.
[5] Черноморская газета. 1914. 23 августа.
[6] ААН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
[7] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 14.

способствовал и тот факт, что именно благотворительные общества были легитимной формой их самореализации.

В целом, вовлечение женщин в сферу оплачиваемой занятости сыграло в рассматриваемый период значимую роль. Они становились экономически независимыми, что явилось важным условием развития личности и духовного раскрепощения. Вместе с тем, основная масса работающих женщин в Черноморской губернии была занята на поденных работах или находилась в услужении.

Л.В. Лебедева,
Пенза, Пензенская государственная технологическая академия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОПРАВИЯ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯНСКОГО СОЦИУМА)

Формирование юридического равенства связано с нововведениями советского государства, предусматривающими переосмысление общественных ролей мужчины и женщины. Новая власть конституционными нормами провозглашала равноправие обоих полов. Женщины наделялись правом избирать и быть избранными в органы власти. Но реализация законодательства, нормативные предписания и ожидания, предъявляемые мужскому и женскому поведению, наталкивались на традиции, которые сохранялись в обществе. Представляется интересным анализ реализации провозглашенного стандарта. С этой целью рассмотрим нормы повседневной жизни российского общества в первое десятилетие Советской власти, акцентировав внимание на крестьянском социуме, политических правах и положении женщины.

Порядок выборов в органы сельской власти основывался на нормах избирательного права Конституции РСФСР 1918 г. Избирать и быть избранными в Советы могли граждане РСФСР обоего пола старше 18 лет независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, неэксплуатирующие чужого труда[1]. С переходом к нэпу РКП (б) старалась усилить роль низовых органов власти. В 1922 г.

[1] Декреты советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 550 – 564.

были приняты положения о сельских Советах, о волостных, уездных, губернских советских органах, которые определяли их функцию и компетенцию. Но выборы в Советы 1922 г. показали, что основная масса крестьян была пассивна. В них приняло участие лишь 22% избирателей, а в следующем, 1923 г. – 37, 2% [1]. Крестьяне не стремились к участию в работе волостных исполкомов и сельсоветов. Сказывался материальный и хозяйственный факторы: низкое жалование низовых советских работников и отрыв от работы в своем хозяйстве. Низкий процент участия сельского населения так же был связан с самоустранением женщин от избирательных прав; отсутствием привычки к избирательным делам; недовольством сельского населения работой Советов[2]. На политическую активность крестьян влияла так же слабая агитационно-массовая и организационная работа, недовольство случаями незаконного лишения середняков избирательных прав, администрированием при выдвижении кандидатов в Советы и другие нарушения демократии.

Переломными стали перевыборы в сельсоветы в 1924 г., которые проходили в связи с тем, что прежние были признаны незаконными, вследствие отсутствия большинства. Для улучшения деятельности местных Советов 16 октября 1924 г. ВЦИК были утверждены Положения об уездных и волостных съездах Советов и их исполкомах и Положения о сельских Советах, расширяющие их права и уточняющие задачи. Приложения нацеливали усилить участие крестьянок в общественной жизни[3]. Под нажимом государства с этого времени начинает прослеживаться рост женской активности. Крестьянская корреспонденция свидетельствует, что наряду с единичным посещением женщинами собраний[4], появились случаи их массового участия в общественной жизни: «На сей раз отношение к перевыборам было совершенно другое, чем раньше. На собрание явилось абсолютное большинство, а самое главное можно отметить,

---

[1] История крестьянства СССР. История советского крестьянства: в 5 т. Т 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти 1917–1927. М., 1986. С. 234 – 235.

[2] Советы, съезды советов и исполкомы. М., 1924. С. 6.

[3] История крестьянства СССР… С. 311–313.

[4] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 472. Л. 29.

что женщины, на ранее происходивших перевыборах, совершено отсутствовали, а на этот раз явилось около 60» [1]. Интересны наблюдения комиссий Пензенского губкома партии, проводивших обследование деревни в 1924–25 гг.: «Во время весенних перевыборов женщин “пригласили” силой, и у выхода стояла милиция, которой был дан наказ следить, чтобы женщины не ушли из помещения. А рядом с этим в другой волости крестьянки живут и чувствуют себя, как 20 лет тому назад и до сих пор не знают, что они имеют право участвовать на сходах, разрешать общественные вопросы и выбирать в советы!»[2].

Постепенно женщины стали вести себя активнее при обсуждении кандидатов, смело выступали с критикой. Иногда криком срывали доклады[3] или проявляли организованность, проходя ночью «все дома с агитацией – выйти завтра всем и не допустить провала женских кандидатов». Осаждали «насмешников мужчин» [4]. В результате избирательной компании 1924 г. количество крестьянок – членов сельсоветов в целом по стране выросло до 40 тыс., что составляло 7,9%. Около 100 были избраны председателями сельсоветов, около тысячи являлись членами волисполкомов[5].

В последующие годы политическая активность крестьянок постепенно росла. Так, по данным перевыборов сельских Советов в 1925 г., в 54 губерниях РСФСР членами сельских Советов было избрано 42449 женщин, в том числе 171 – председателями сельских Советов; членами волостных исполкомов – 1125 женщин, в том числе 6 председателями волисполкомов. Общее число крестьянок в низовом аппарате в сельских Советах составляло примерно 60 тыс., в волисполкомах – 1200 человек[6].

---

[1] Там же. Л. 42.
[2] Росницкий Н.А. Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств Пенз. губ. М.-Л., 1926. С. 112.
[3] Там же. Л. 36.
[4] Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крюкова. М., 2001. С. 193.
[5] История крестьянства СССР… С. 242.
[6] Там же. С. 313.

Источники свидетельствуют, что крестьяне-мужчины к равноправию относились иронично – поддерживали общественную деятельность женщины, если это не касалось собственной семьи и высказывались резко против, когда это относилось к их женам. Такое новшество расценивалось крестьянином как нарушение его собственных прав. Наблюдения членов комиссий Пензенского губкома партии по обследованию деревни показательны: «За самым редким исключением, к общественной работе крестьянок почти все относятся отрицательно, говоря, что «баба – она баба и есть, она себя не подымет, не то что хозяйство всей волости»; «Крестьяне, за немногим исключением, относятся к женщине как общественной работнице с большой иронией» [1]. Такое отношение к общественной работе крестьяне мотивировали просто: «Если бабы по собраниям будут шляться, то мы без штанов находимся». Отсюда известная солидарность: если мою бабу выбирают в совет – это плохо, если моя баба ходит на собрание – это сплошной разор, но если все это относится к соседской бабе, то ничего в этом плохого нет, пожалеешь лишь соседа за такое «несчастье» [2]. Еще более резким было отношение к равноправию в татарских селах. Посещение комиссиями губкома ВКП (б) с. Алтары Кривозерьевской волости Пензенской губернии совпало с весенними перевыборами советов. Волостной уполномоченный стал призывать сход привлечь к перевыборам женщин, на что один из крестьян заявил, что «по шариату женщине ходить вместе с мужчиной не полагается» и что «бабы на сходку не придут, мы этого не допустим». Старшее поколение на увещевание уполномоченного реагировало более эмоционально – требовало удалить с собрания всех, кто стоит за женщин, выкрикивая: «Баб не нужно водить на сходку. Умрем за религию!». Получасовой спор закончился единогласной резолюцией «Женщин на сходку не водить». По предложению губкомиссии, было принято дополнение, что «если женщины сами придут на сход, то не препятствовать и со схода не прогонять» [3].

---

[1] Росницкий Н.А. Указ. соч. С. 112.
[2] Там же. С. 112.
[3] Там же. С. 119.

В начале восстановительного периода местные парторганизации состояли преимущественно из крестьян. Например, в Пензенской губернии после чистки 1921 г., сократившись на 26,7%, она насчитывала 3704 члена и кандидата в члены партии, 61,2% которых были крестьянами[1]. Женщин в рядах коммунистической партии было очень мало. В 1922 г. в целом по России крестьянки составляли 4,8% членов и кандидатов партии. Мало их было и в комсомольских рядах. В январе 1924 г. они составляли по стране 15,7% от всех членов Союза[2]. В Пензенской губернии девушек членов и кандидатов РКСМ в сельских школах I ступени из 186 человек их было 11%; в школах ликвидации неграмотности из 91 человека – 18%; в школах крестьянской молодежи из 155 человек – 23%.[3]

Отношение крестьян к партии большевиков и комсомольцам возникало непосредственно от их деятельности на местном уровне. В большинстве сел и деревень ячейки не пользовались авторитетом. К коммунистам и комсомольцам крестьяне относились как к людям, отказавшимся от работ на земле, «готовящим себя в чиновники» и занимающихся бесполезной работой. К такому выводу пришли члены комиссий ВКП (б), обследовавшие Пензенскую губернию в середине 1920-х гг. [4] . Нередко родители подавали заявления с просьбой исключить их детей из ячейки[5]. Комсомолка в селе почти повсеместно считалась «последней девкой». Девушек, вступивших в комсомол, нередко выгоняли из дома[6]. Родительское неприятие выразилось в бытовавших частушках того времени:

Думал–подумала… // А потом решила,
Не послушала отца, // В комсомол вступила[7].

---

[1] Очерки истории Пенз. организации КПСС. Саратов, 1983. С.142 -143.
[2] История крестьянства СССР… С. 240 - 241.
[3] Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920 - 1926 гг. Пенза, 1927. С. 152.
[4] Росницкий Н.А. Указ. соч. С. 87.
[5] Революция в деревне. М.-Л., 1924. С. 84.
[6] Там же. С. 87.
[7] Цит. по: Морев Н. Старое и новое // Старый и новый быт. М., 1924. С. 107.

С целью активизации женщин и достижения фактического равенства в системе партийных органов еще в 1919 г. были созданы женотделы. Однако в большинстве губерний они существовали только на бумаге. С переходом к нэпу ЦК РКП (б) ставил задачу их восстановления, укрепления квалифицированными кадрами и проведения агитационной работы среди крестьянок [1]. Женотделы организовывались в губкомах и укомах. В волостях назначались организаторы по работе среди женщин. Там, где женорганизации возникали, крестьянки посещали их с большим интересом [2]. Так, Б.Н. Гвоздев, исследовавший жизнь крестьян в Пензенской губернии в 1923 г., отмечал «два начальных факта едва заметной революционной эмансипации мордовок»: посещение спектаклей и собраний, устраиваемых представителями женотделов, притом, что мордовки не принимали участия в сельских сходах[3]. Те же настроения находим в крестьянской корреспонденции: «7-го марта 1925 года в 6 часов вечера наши женщины собрались в клубе на торжественное воспоминательное заседание. На этом заседании женщины вспоминали, как проводился их праздник в прошедшие годы. С какими потугами пришлось достичь организации женщин. Выступали все, кто только мог. Зал был битком набит. Были даже сгорбившиеся старушки.<…> И бабы все радовались, что они такие же люди, как и ихи мужики» [4].

Важной формой вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь были делегатские собрания. Делегатки избирались на общих собраниях на 6 месяцев, проходили политико-просветительный курс, практически знакомились с работой советских, хозяйственных, профсоюзных организаций. Постепенно делегатское движение набирало силу. Если 1921 г. в стране насчитывалось 29 тыс. делегаток, в 1922 г. – 55688, в 1923-1924 гг. – 121511, в 1924-1925 гг. – 246702, а после выборов осенью 1925 г. – 311699, т.е. за два года их

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 2. С. 477.
[2] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 477. Л. 111, 114.
[3] ПГКМ. О.ф. № 12960/4. Л. 20.
[4] Крестьянские истории… С. 184.

число увеличилось более чем в 2,5 раза[1]. Политическая активность сельских женщин наталкивалась на непонимание в обществе. Например, в письме в редакцию журнала «Крестьянка» организатор женотдела делилась опытом отстаивания своих прав: «Первое время мои делегатки боялись пересудов и крались в темноте… Но теперь кажется определенно свыклись со всем и идут вперед». В результате 1 мая 1923 г. им удалось организовать почти всех женщин села на демонстрацию и митинг, где «делегатки женотдела высказывали речи и приветственное слово празднику». Но в то же время она жаловалась: «Как мне не легко достается вся моя работа от своего мужа, сколько оскорблений и чуть не колотков приходится принимать. Он не хочет что бы я работала, хочет что бы сидела не печке, но я ни перед чем не останавливаясь, иду вперед и хочу быть работницей великой октябрьской революции, мне надело быть бабой, хочу быть человеком» [2] . Мужчины-крестьяне нередко «подсмеивались», находясь на женском собрании или «присылали разгонщика», избивали, грозили разводом, в результате чего делегатки посещали собрания в отсутствие мужа[3].

Таким образом, первое десятилетие советской власти стало поворотным в гендерных отношениях. Государство определило новое место женщин в обществе, предоставив им равноправие в различных сферах жизни. Соответственно, происходило новое моделирование отношений, коррекция поведения в связи с нормативными предписаниями и ожиданиями, которые им предъявлялись. Однако переосмысление социальных ролей, осознание своих новых возможностей женщиной и положительное отношение к равноправию мужчин происходили очень медленно. Низкая политическая активность крестьянок была связана и зависела от располагаемых ими ресурсов участия: уровня образованности, информированности, заинтересованности и ценностных ориентаций. В течение 1920-х гг. самореализации женщины в политической сфере мешали стереотипы о женском предназначении, а также отсутствие равенства возможностей использования своих прав.

---

[1] История крестьянства СССР… С. 242, 313.
[2] Крестьянские истории… С. 175.
[3] Там же. С. 176, 179, 180, 184.

Г.А. Никитина,
Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ДОКОЛХОЗНОЙ УДМУРТСКОЙ ОБЩИНЕ (1917 – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)*

Автором предпринята попытка проанализировать процессы структурирования советской властью новых моральных и культурных устоев в доколхозной общине по освобождению удмуртской женщины от «рабского положения». Проблема рассматривается не с внешней, формально-официальной стороны, а изнутри: небезынтересным представляется узнать, как вела себя удмуртка в критических условиях 1920–1930-х гг., какое складывалось к ней отношение внутри мирского сообщества.

В 1925 г. в докладе комиссии СНК РСФСР по изучению экономического, финансового и культурного состояния Вотской автономии констатировалось, что на сельских сходах и собраниях по-прежнему доминируют мужчины, «из женщин в них участвуют только вдовы, признанные в качестве глав хозяйств, и то к ним отношение со стороны мужчин снисходительно-насмешливое». Сообщается, что на выборы в сельсоветы в некоторых районах приходит всего 20% населения, а женщин – 12% [1]. Документ наводит на мысль, что привлечение женщин на сторону новой власти шло не без труда.

В то же время ряд архивных данных позволяет предположить, что удмуртское общество в принципе (и хотя бы внешне!) не воздвигало непреодолимой стены перед женщиной (особенно деловитой, сметливой, пользующейся авторитетом среди односельчан, тем более – грамотной), желающей удовлетворить свои общественно-политические

*Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой»).

[1] Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф.Р-195, оп. 1, д. 346, л. 49.

амбиции. Сельские сходы ставили на повестку дня заслушивание докладов «О женском дне 8 Марта», «Охране материнства и младенчества», «Быте и жизни женщин в старое время и теперь», обсуждали проблемы устройства ясельных групп, обучения девочек в школах, проводили выборы делегаток на различные конференции, в члены сельских советов и других местных хозяйственных и общественных организаций[1]. Однако на практике община все же не спешила с предоставлением удмуртке фактического равенства. Традиционно воспринимая женщину как хозяйку дома (даже правую руку мужа), жену, мать, хранительницу домашнего очага и благополучия, как субъекта религиозных культов, общинники не были склонны воспринимать ее как некую жертву, заложницу семейных пут и оков. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют архивные документы. Так, в Гожнинском сельсовете «депутатка Гуляева вышла замуж, после чего выполнение ее обязанностей возложили на ее мужа, дескать, после замужества она работать не сможет», в Средне–Постольском сельсовете двух женщин–депутаток не стали считать членами сельсовета как имеющих грудных детей» [2].

Одна из активисток Общества «Долой неграмотность!» в своих воспоминаниях писала о том, что бывали случаи, когда «женщин, посещающих ликпункт, избивали, бросали в них грязью, рвали в клочья буквари и тетради» [3].

Казалось бы, ни о чем ином как об успехах в решении «женского вопроса» говорят строки нижеследующих частушек, но нельзя не ощутить некоторую долю иронии и снисходительной насмешки, отражающей вполне определенное отношение общества к «женской эмансипации»:

Бывало, раньше говорили:
Сиди, хозяйка, у печи.
А теперь вот наша Дарья
В РИКЕ председательствует.
Как вступила в комсомол,

---

[1] ЦГА УР. Ф. Р-204, оп. 35, д. 108, л. 10; оп. 61, д. 30, л. 43.
[2] Там же. Ф.Р-195, оп. 1, д. 866, л. 1об.
[3] Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х годов). Ижевск, 1998. С. 115.

Облик девичий утратила.
Поразился на сельском сходе:
Выступала, как мужчина[1].

В глазах общества главным предназначением женщин по-прежнему оставалось служение семье и дому, и расставаться с этим стереотипом оно не желало. Парадоксально на первый взгляд, но подобные настроения ощущались и в основной массе самих удмуртских женщин. На первом съезде женщин-работниц Удмуртии в 1927 г. отмечалась отстраненность удмурток от общественной жизни, слабая посещаемость ими сельских сходов, низкий процент участия в выборах. В 1928 г. из Советской волости Ижевского уезда поступила информация, что «волостной съезд женщин – членов Советов не проведен. ВИК трижды созывал волостной съезд, но ни одна делегатка на него не явилась[2].

Активисток среди удмурток-крестьянок находилось мало. В силу жизненных обстоятельств таковыми чаще становились солдатки и вдовы, по возрасту – кто моложе, по социальному положению – кто беднее. Они избирались членами сельсоветов, участвовали в организации колхозов, хлебозаготовок и иных кампаний. Часть из них имела возможность пройти подготовку на специальных курсах, призванных превратить женщин в преданных проводников политики советской власти в деревне, подготовить к активному участию в выборных кампаниях, в перспективе – содействовать их выдвижению на руководящую советскую работу. Так, в 1932 г. в Ижевске были организованы двухмесячные курсы председателей сельсоветов, на которые «прибыло 17 женщин-удмурток» [3].

Специальные формы работы с крестьянками (губернские, уездные, волостные конференции, женские собрания и т. д.), усилия по ликвидации безграмотности среди них постепенно стали приносить свои плоды: к концу 1920-х гг. общая активность сельчанок выросла. Об этом можно судить хотя бы по решениям женских собраний. Так, крестьянки села Асаново в 1928 г. решили активно участвовать в перевыборах

---

[1] Удмурт калык кырзанъёс. Под ред. М. Петрова. Ижевск, 1936. С. 185. Подстрочный перевод с удмуртского языка – авторский.
[2] ЦГА УР. Ф.Р-195, оп. 1, д. 570, л. 14.
[3] Там же. Д. 614, л. 160.

сельских советов, «просить ВИК об открытии детплощадки и уделять больше внимания работе среди женщин», деревни Новые Алнаши – участвовать в перевыборной кампании, а также «создать кружок по домоводству» [1].

Чрезвычайную активность проявили женщины Нылги-Жикьинского района в 1930 г.: «В момент проверки работы сельсовета в 11 часов вечера в школе собралось более 120 женщин… выступило до 25 человек. Основная суть их выступлений: надоело нам сидеть и тухнуть дома, мы тоже хотим знать не хуже мужчин, что означает коллективизация, обобществление и вообще, какова политика партии и правительства по отношению к крестьянству и сельскому хозяйству, и куда мы идем. Нам хочется слышать толкового разъяснения на родном языке и обменяться между собой. …Они в принципе не против коллективизации и обобществления, но указывали на необходимость прежде создания необходимых для этого условий, улучшить вопросы быта, наладить политпросветительскую работу, иметь выборного зав. экономией из крестьян и удмурта… указывали на существующий на месте великорусский шовинизм, требовали отстранения с преданием суду заведующего экономией, отмечали бесхозяйственность, плохой уход и скверные условия содержания обобществленного скота…» [2]. Данный пример подтверждает мнение членов комиссии по улучшению труда и быта женщин при президиуме Облисполкома о том, что «женщина, особенно удмуртка, прежде чем пойти в колхоз, требует всестороннего освещения практической постановки работы в последних, ее интересуют не только вопросы того, чтобы быть более обеспеченной, но и такие вопросы, как постановка организации труда, учета, …любит, чтобы были приведены факты из близкой и знакомой жизни… с недоверием относится, чтобы идти в колхоз, когда видит плохие стороны колхозов» [3].

Порой активность женщин проявлялась вовсе не там, где ожидала официальная власть. В одной из достаточно типичных по содержанию партийных инструкций указывалось, что «требуется вести работу среди

---

[1] ЦГА УР. Ф. Р-204, оп. 30, д. 138, л. 6; д. 145, номер л-та в д. не указ.
[2] Там же. Ф. Р-195, оп. 1, д. 791, л. 122.
[3] Там же, д. 866, л. 151.

женщин, очень часто они противодействуют переделам и коллективизации, и намеченные планы выполнять не удается» [1].

Если в подобных документах речь шла об удмуртских женщинах, непременными были ссылки на их «темноту» и «невежество», а также сильную зависимость от «кулацкого, контрреволюционного» сельского схода удмуртской общины.

Любопытно, что «политической безграмотностью» женщин часто и, похоже, совершенно сознательно прикрывались их мужья, объясняя этим свой отказ, например, вступить в колхоз, обобществить скотину или закрыть местную церковь. Апеллируя к женской несознательности, мужская часть деревни рассчитывала на то, что большевистская власть остережется от репрессивных шагов против женщин; на первых порах по отношению к ним основная ставка все-таки делалась на убеждение и перевоспитание.

Безусловно, к началу 1930-х гг. основная масса удмуртских женщин «проснулась». Преодоление массовой неграмотности, вовлечение в общественно-политическую и производственную жизнь деревни, юридическая ликвидация семейно-бытового неравенства стали важнейшим условием их духовного раскрепощения, повышения социального статуса. Данные завоевания удмуртки осознавали совершенно четко:

Летом на пригорке // Алеет земляника.
Научилась писать, поумнела,
Себе в подарок купила красный платок.

Летом на лугах // Много красивых цветов (есть).
Чтобы развестись с плохим мужем, //.Новые законы нынче есть[2].

Резюмируя изложенное, осмелимся сказать, что последствия «эмансипации по-советски» для судеб сельской семьи и самой удмуртки в исторической перспективе имели неоднозначный характер. Изменились границы феминности и маскулинности в жизнеобеспечении сельской семьи, трансформировались содержание и характер внутрисемейных отношений, структурные изменения

[1] Там же, д. 749, л. 14об.
[2] Удмурт калык кырзанъёс. С. 160. 159, 158. Подстрочный перевод с удмуртского языка – автора.

переплелись с резкими функциональными сдвигами (эффект перегруженности женщин, потеря мужского престижа в семье, снижение воспитательной функции семьи и т. д.).

Н.В. Гонина, А.Ю. Вавиленко,
Красноярск, Гуманитарный Институт Сибирского Федерального университета

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ И СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ (1930 – 1950-Е ГГ.)

В 1930 – 1950 гг. развитие советской индустриализации стимулировало урбанизационные процессы. В эти годы огромные массы вчерашних крестьян переселяются из деревни в город, осваивают рабочие профессии, получают образование. За короткий срок происходит резкое изменение образа жизни и видов деятельности. Это оказало значительное влияние на общество, породило целый ряд новых тенденций, в частности, привело к изменению социальной роли и статуса женщины.

Советская власть, ее идеология и преобразовательная деятельность также привели к серьезным изменениям в жизни женщины. Достаточно вспомнить, например тезис В.И. Ленина о «кухарке, которая сможет управлять государством». В связи с этим интересно рассмотреть, как происходило взаимодействие двух факторов – урбанизации и советизации на примере отдельной социальной группы.

Нельзя не признать, что в женском вопросе за годы советской власти было сделано немало: установлено юридическое равноправие мужчин и женщин; много внимания уделялось защите матери и ребенка и т. д. Статья 122 Конституции СССР 1936 г. провозглашала, что женщины, которым предоставляются равные права с мужчинами, могут поступать на работу на любое предприятие, занимать любые должности в соответствии со своей квалификацией, получать одинаковую оплату труда. Женщины, признаваемые равноправными с мужчинами, активно вовлекались в общественное производство, причем основной упор был сделан на достижение количественных

результатов, и именно они стали основным критерием успешности решения женского вопроса[1].

Женщина, уравненная советской властью в правах с мужчиной, включилась в политические процессы. Она получила право голосовать, избираться, участвовать в управлении. Вспомним, какую роль играли женщины-большевички А. Коллонтай, Н. Крупская и др. Соответственно, женщина, как и все советское общество, должна была подвергаться идеологизации, а, следовательно, и получить образование.

На социально-экономическом уровне положение женщины также претерпело трансформацию. Женщина теперь проводит большую часть времени не дома, занимаясь хозяйством, а на предприятии, участвуя в общественном производстве. В этом плане она практически неотличима от мужчины. Тяжелый, непосильный труд становится главным атрибутом ее жизни. Тенденцией времени и важным элементом пропаганды стал выбор женщиной мужской профессии. Вспомним хотя бы движение Паши Ангелиной «Сто тысяч подруг на трактор». Конечно, это было обусловлено нехваткой рабочих рук в сочетании с недостатком механизации. Соответственно, меняется поведение женщины, оно становится более грубым, решительным. Распространяется ношение мужской одежды, курение, использование ненормативной лексики. Еще более тяжелой стала ситуация в годы войны, когда женщины заменили собой мужчин.

Однако государство не забыло, что женщина сочетает в себе не только трудовую активистку, но и заботливую мать, что требует к ней повышенного внимания. Согласно документам, труд женщин применялся не во всех сферах производства. Нельзя было использовать женский труд в тяжелых отраслях промышленности. Указом НКТ СССР от 10 апреля 1932 г. был введен список тяжелых и трудных работ, к которым женщина не допускалась. В список были включены профессии торфяной, нефтяной, лесной, озокеритной, судостроительной и судоремонтной промышленности, строительстве и подземных работах в горнодобывающей отраслях, на флотах рыбной

[1] Миллетт К. Сексуальная политика. М., 1994. С.147; Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936 г.) // Советские конституции. Справочник. М., 1963. С. 455.

промышленности. Данный список ограничений был поддержан постановлениями Совета Министров СССР от 13 июля 1957 г.

Весовые нормы были установлены постановлением НКТ СССР от 14 августа 1932 г., согласно которому при ручной переноске груза по ровной поверхности вес его не должен превышать 20 кг для одной женщины и 50 кг для двоих. Даже был предусмотрен законопроект для кормящих матерей и отдельно для беременных женщин. Приведем примеры данных постановлений, ограничивавших труд женщин. Итак, женщин запрещалось:

1. Привлекать к сверхурочным работам. Беременных женщин, начиная с пятого месяца, и кормящих матерей.
2. Привлекать к работе в ночное время, а именно с 22 часов до 6 утра.
3. Дежурство в нерабочее время, а также в выходные дни. Беременных женщин, начиная с пятого месяца, и кормящих матерей.
4. Ограничение при направлении в командировку беременных женщин, начиная с пятого месяца, и кормящих матерей.
5. Переводы на другую работу в связи с беременностью и кормлением ребенка.

Данные документы внушают оптимизм, но так ли это было на самом деле? Указы приняты в годы после войны, когда вся страна в разрушенном состоянии. Высокая потребность в восстановлении, как уже неоднократно отмечалось, требовала высокой мобилизационной силы. Приток рабочей силы осуществлялся в основном за счет женщин.

В том же время в 1939 г. был принят законопроект, определявший трудовые отношения. Дисциплина на рабочем месте приобретала более жесткий характер, включая уголовную ответственность за прогулы. Небольшая отлучка с работы грозила уголовным преследованием для женщин, даже для той, которая бегала покормить ребенка. Дети и подростки приобщались к труду. А дабы обеспечить прилив новых сил власти приняли указ о платном образовании в 1940 г. Указ явно снизил тягу к знаниям у молодежи. Женщины работали и днем и ночью. Условия были ужасными.

В связи с тем, что женщины долгое время отсутствовали дома, с маленькими детьми происходило огромное количество происшествий с летальными исходом, об этом нам говорят те же воспоминания женщин, которые приходили домой ночью и не находили свои детей

живыми: «…Про садики-то потом спохватились…позже намного. Пока ребятишки то не погибли, до того и не спохватились. Одного собака загрызла, другой в подполье упал, были случаи, что и с голода умирали…». В итоге были внесены некоторые коррективы. Женщинам разрешили делать перерывы для кормления ребенка, а на предприятиях создавали ясли[1].

В социально-бытовых отношениях ситуация несколько иная. За женщиной сохраняется роль матери. Она создает и поддерживает семью – «ячейку советского общества». Она рождает детей (чем больше – тем лучше, вспомним статус «Матери-героини»), отвечает за их воспитание в духе советской идеологии. Постановление от 27 июня 1936 г. запрещало аборты и их пропаганду, увеличивало пособия матерям, а также усложнило развод. С другой стороны, традиционный образ женщины – хозяйки очага, исчезает, так как она большую часть времени проводит не дома. Эти функции берет на себя государство. Столовые вместо домашней пищи, детские сады и ясли для маленьких детей.

Образ советской женщины в данный период кардинально менялся и являлся всецело продуктом социальной политики государства. В 1930 гг. намечается переход к так называемой политике «витрины социалистической повседневности» [2]. Яркой чертой повседневности был отказ от индивидуальности, порожденный террором и «режимом экономии». Мы наблюдаем серую массу, запуганную и отказывающуюся от какой либо дифференциации. Женский образ был стандартизирован до мелочей. Так, например, осуждалось ношение челки, капроновых чулок и др. Так М.И. Кудинова вспоминает: «…Да как одевались…да просто одевались. Две фуфайки, одна на работу, другая на выход, сапоги кирзовые, платье штапельное да платок с кистями…да и все…»[3].

Один-два раза в год на последних полосах журналов появлялись «женские рубрики»: мода, кулинария, здоровье, дети. Между тем, в «Работнице» подчеркивалось, что рисунки одежды предназначены для

---

[1] Интервью с М.И. Кудиновой, записано Вавиленко А.Ю. 11 мар. 2010 г.
[2] Ярская-Смирнова Е., Романов П., Лебина Н. Советская социальная политика и повседневность. М., 2008. С. 8.
[3] Интервью с М.И. Кудиновой…

перешивания старых платьев, а выкройки даются на «средний размер». В 1945 г. был учрежден журнал «Советская женщина», отвечавший за формирование и продвижение образа советской труженицы за рубежом. Популярная в то время книга «Домохозяйство» давала советы по приготовлению пищи и уходу за детьми, щедро сопровождая их пропагандисткими статьями.

Итак, как видим, на первый план выходила политика советского государства, которая лепила женщину по «образу и подобию» советского человека, не имеющего пола, и использовала ее как производственный и демографический ресурс. Идеи свободы, равноправия, саморазвития женщины отходили на второй план, а то и просто вытеснялись тяжелым трудом.

Что касается влияния урбанизационных процессов, то они носили крайне опосредованный характер. Развитие науки и техники в первую очередь призвано облегчать труд человека. Женщина же по-прежнему несла на себе груз домашнего хозяйства, который сочетался с производственной нагрузкой. Насаждаемая сталинской политикой традиционная семья только усложняла ситуацию. Широко разрекламированные права ложились дополнительным бременем. Просто неуместно здесь говорить о повышении качества жизни, хотя в отдельных случаях оно имело место. Но это определялось не проживанием в городе, а социальным статусом. Повышение культурного уровня также было абстракцией. Хотя число образованных женщин росло, но оно было значительно меньше числа мужчин.

Тем не менее, мы должны отметить зарождение определенных тенденций, которые получили активное развитие в 1950 – 1980-х гг. Во-первых, это социальная политика государства, направленная на защиту женщины-матери. Во-вторых, – значительное увеличение числа женщин, работающих в системе образования. В-третьих, возможности карьерного роста, правда, ограниченные в области науки и политики. В-четвертых, безусловное расширение кругозора благодаря грамотности.

Ю.Е. Гусева,
Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

РАВЕНСТВО В СИСТЕМЕ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕССЫ XX ВЕКА)

XX век – период сильных социальных изменений как в России, так и во всем мире. За это время существенно трансформировались экономические, социальные, межполовые и другие отношения между людьми. Подверглись трансформации и гендерные представления (гендерные представления – суждения о соотношении ролей и статусов мужчин и женщин, обусловленные социально-историческими изменениями, происходящими в обществе, а также социальной политикой государства в отношении мужчин и женщин). Большинство социальных изменений в той или иной степени находят отражение в средствах массовой информации, в частности, в прессе. Для женской прессы XX в. одним из ключевых вопросов становится дискурс равенства. Эта проблема наиболее активно начинает артикулироваться в прессе после революции 1917 г. Точнее, если в дореволюционный период идеи равенства мужчин и женщин инициировались в прессе отдельными представительницами женского движения (А.П. Философова, Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.Н. Энгельгард и др.) [1], то в послереволюционный период они обозначаются на государственном уровне и инициируются «сверху».

Анализ гендерных представлений проводился методом контент-анализа. Использовались тексты, опубликованные в журналах «Крестьянка» и «Работница» (1923–2005 гг.), «Делегатка» (1923–1931 гг.), «Cosmopolitan» (1995–2005 гг.) и содержащие гендерные представления. Выявлено и проанализировано 989 гендерных представлений. По результатам эмпирического исследования был сделан вывод о том, что в женской прессе XX в. понятие «равенство» не является однозначно трактуемым, в разных периоды в него вкладывался разный смысл.

В первые десятилетия советской власти равенство в женской прессе демонстрировалось преимущественно через трансляцию эгалитарных гендерных представлении (эгалитарный тип гендерных

[1] Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007; Юкина И.И., Гусева Ю.Е. Женский Петербург. Опыт историко–краеведческого путеводителя. СПб., 2004.

представлений характеризуется равенством полов и демонстрирует систему отношений, в которой мужчины и женщины имеют одинаковую возможность принимать участие в общественных отношениях, в равной степени могут быть задействованы в профессиональной и семейной сферах жизнедеятельности). Равенство означало в первую очередь независимость (моральную и финансовую) женщин от мужчин, равенство в труде и вообще возможность трудиться: *«Собирайтесь же, соседки, идите с мужем дружно в ряд: огни советской пятилетки зовут и пламенно горят»* [1], возможность для женщин быть свободной от гнета мужчин: *«Быть замужнею рабой | Не хочу, когда гражданка, | Я свободная собой»* [2], и включение их в трудовую деятельность: *«Правильным следует признать такое положение, когда оба работают»* [3]. Кроме того, заданный курс на равенство полов не отрицал того, что это равенство еще не достигнуто: *«На своих плечах он ощущал тот груз, который давит на бабьи плечи, весь груз старых пережитков, бабьей тяжелой доли»* [4], и для достижения его еще много нужно работать.

Эгалитарные гендерные представления демонстрируют независимость женщин: *«С высокой трибуны она, Убайда, первая, сорвав с себя паранджу, бросает ее в разложенный внизу большой костер. Тридцать узбечек следуют примеру юной комсомолки»* [5]. Снятие паранджи символизирует новую жизнь, отказ от патриархатных обычаев, от угнетения женщин. Равенство статусов связано и с отсутствием приверженности двойной морали в сфере сексуальных отношений: *«Люби, кого хочешь, живи с кем любо, а один надоел – смени, возьми другого»* [6]. Особое внимание уделяется в прессе тому факту, что отныне женщина может стать инициатором развода: *«По*

---

[1] Делегатка. 1931. № 7.
[2] Делегатка. 1923. № 3.
[3] Стратоницкий А. Вопросы быта в комсомоле. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1926. С. 94.
[4] Крестьянка. 1931. № 12.
[5] Крестьянка. 1951. № 2.
[6] Делегатка. 1927. № 14.

любви сойдусь, | А коль станет издеваться, | Разойдусь» [1]. Ю.Л. Осика считает, что символом эгалитарных гендерных представлений стала современная женщина-делегатка, образ которой складывался из таких выражений: *«хочет перестроить всю домашнюю жизнь», «ни у одной делегатки уже не найдешь икон», «у делегатки дети – пионеры»* [2].

Политика, направленная на изменение положения женщин в обществе, отразилась и в языке. А.В. Кириллина [3] отмечает, что в 1920-е гг. в прессе активно использовались «избыточные формы выражения фемининности» такие как «пролетарка», «ученая», «работница», «делегатка». Использование таких выражений являлось манифестом равного участия женщин во всех сферах социальной жизни. Равенство осуществлялось через овладение женщинами мужскими профессиями (трактористка, летчица, машинист) и через трансляцию образов прогрессивных женщин в прессе.

В тоталитарный период декларируемая политика равенства в реальности таковой не была. Реальная социальная политика была направлена на максимальное использование человеческого ресурса для достижения благосостояния страны. Постепенно укреплялись представления о двойной нагрузке женщин (двойная нагрузка отражает ролевой аспект гендерных представлений и демонстрирует возможность и желание женщин совмещать традиционно женские (материнство, ведение домашнего хозяйства) и традиционно мужские обязанности (внесемейная трудовая деятельность). С одной стороны, включение женщин в производственную деятельность укрепило сформировавшееся ранее представление о женщине как о работнице. С другой стороны, законодательные акты, направленные на укрепление семьи и повышение рождаемости (усложнение процедуры развода, запрет абортов) и демонстрирующие приоритет семейных ценностей на государственном уровне, вернули женщин к

---

[1] Там же.

[2] Осика Ю.Л. Труд и равноправие: образ работницы в советской прессе 1920-х годов [электронный ресурс]: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/readme

[3] Кириллина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. Сборник статей. М., 2000. С. 47-80.

традиционным обязанностям матери и домохозяйки. Если в первые годы советской власти семейные ценности чаще отвергались, чем принимались, прогрессивной считалась свободная любовь, то в тоталитарный период демонстрируется ценность совмещения для женщин профессиональной деятельности и семьи.

Символом равенства в тоталитарный период становятся типично-советские гендерные представления. Этому типу гендерных представлений соответствует следующее соотношение ролей и статусов: статусы мужчин и женщин равны, роли дифференцированы, детерминированность ролей носит специфический характер: семейные роли детерминированы биологическим полом, профессиональные – не детерминированы. Детерминированность биологическим полом семейных ролей проявляется в том, что все хозяйственные обязанности и обязанности по воспитанию детей являются прерогативой женщины, мужчина же практически не вовлечен в эту сферу деятельности. Отсутствие детерминированности биологическим полом профессиональных ролей проявляется в том, что и мужчины и женщины являются работниками.

Не считалось, что двойная нагрузка может быть бременем для женщин, напротив, обозначалось, что для них не составляет никакого труда выполнять одновременно несколько ролей. Члены семьи являются помощниками хозяйки дома, но основная ответственность лежит на женщине: *«Кто у нас сегодня помогает маме по обеденной части?»*[1]. Рассмотрим типичный пример демонстрации равенства мужчин и женщин в прессе в тоталитарный период: *«На вопрос: «Кто в семье главный: папа или мама?» – маленький Игорек Прошкин ответил бы так: «Оба главные!». У Елены Сергеевны хозяйство больше, чем комната, чем кухня и прочие бытовые заботы… Ее хозяйство – 55 прядильщиц и 26 огромных ватерных машин. Но Елена Сергеевна – в то же время и прекрасная жена, мать, домашняя хозяйка. Поэтому дома у Прошкиных всегда опрятно, уютно, а поммастера, улучив несколько свободных минуток, садится даже за вязание… Завтрак готов. Сейчас мужчины – Николай Евдокимович и Игорек – умоются. Все втроем они*

[1] Работница. 1951. № 2.

позавтракают, и начнется трудовой день» [1]. Мы видим, что героиня успешно совмещает трудовую деятельность и семейные обязанности.

К периоду оттепели равенство, о котором говорилось в первые десятилетия советской власти, оказалось достигнутым (юридически мужчины и женщины оказались уравнены в правах и обязанностях). Но фактическое равенство не было достигнуто. Труд перестал быть для женщины возможностью освобождения от мужчин, скорее, рассматривался как способ быть полезной стране. Труд на благо Родины стал символом прогрессивной женщины: *«С чего ей толстеть? Если б она, как ты, клушкой в гнезде сиднем сидела, а то ведь она весь день в движении, во все вникает. А по ночам учится»* [2]. В целом же в период оттепели и развитого социализма прослеживается тенденция, сформировавшаяся в тоталитарный период: типично-советские гендерные представления позиционировались как равноправные.

В период перестройки возрождение патриархатных ценностей сопровождалось критикой политики гендерного равенства. На короткий период символом равенства становятся традиционно-патриархатные гендерные представления, характеризующиеся более высоким статусом мужчин. Мужчина выполняет традиционные мужские роли (обеспечение семьи, принятие решений), а женщина – традиционно женские (роль матери как воспитательницы детей, хранительницы домашнего очага). Резко меняется отношение к традиционно-патриархатному типу гендерных представлений в прессе: «*– Кто в доме больше хозяин, вы или муж? – Это точно, хозяин в доме должен быть. И хозяйка. На том дом и стоит. А если хозяйка хозяином станет и наоборот, то уже не дом будет, а цирк»* [3]. Традиционно-патриархатные гендерные представления начинают поощряться в прессе и позиционироваться как представления, которым не только можно, но и целесообразно следовать.

В постсоветский период равенство преимущественно рассматривается в контексте эгалитарных гендерных представлений: *«Мужчина в моей жизни неприемлем на уровне «мужик-плечо-стена».*

---

[1] Работница. 1947. № 4.
[2] Крестьянка. 1951. № 1
[3] Крестьянка. 1985. № 3.

Мне нужен любимый, нежный, умный. А обеспечить себя я могу сама. Кухня, покупки для меня не в тягость. Но он тоже должен участвовать в подобных вещах. Я за равномерное распределение домашних дел» [1]. В эгалитарных гендерных представлениях нет жесткого распределения ролей и иерархии статусов мужчин и женщин: *«Оба спокойно относятся к тому, что Наташа больше зарабатывает – и это уже их личная заслуга»* [2]. Сумма вклада в семейный бюджет ситуативна и не определяет статусных позиций. Статус мужчины не понижается и не повышается от того, что он зарабатывает меньше или больше женщины. Именно в постсоветский период равенство описывается и через количественный показатель (сумма заработка).

В постсоветский период как вариант равенства проявляется псевдо-эгалитарный тип гендерных представлений, отличающийся от эгалитарного типа детерминированностью биологическим полом ролей мужчины. Дифференцированность ролей в данном типе гендерных представлений показывает, что за мужчиной закреплены традиционно мужские роли, в то время как женщина может выбирать те роли, которые хочет выполнять. Важной характеристикой данного типа является то, что равенство статусов мужчин и женщин выражается очень специфично. Женщина отказывается от традиционно женских обязанностей, например, от ведения домашнего хозяйства, занимаясь тем, что ей интересно: *«Преклоняюсь перед женщинами, которые пекут, жарят-парят, все у них накрахмалено, все блестит-горит. Мне Бог этих талантов не дал. У меня всегда были квалифицированные люди, прекрасно выполняющие домашние обязанности»* [3]. Героиня открыла клуб на деньги мужа. Это не способ заработать, это только увлечение. За мужчиной же закрепляется обязанность не только содержать женщину, но и помогать ей самореализоваться в первую очередь благодаря наличию у него средств: *«Я должна признаться, что вышла за него замуж скорее по голосу разума, нежели по зову сердца. <…> Но самое ценное для Ирины – это то, что муж помог ей открыть собственное дело. <…>*

---

[1] Cosmopolitan. 2001. № 8.
[2] Cosmopolitan. 1999. № 10.
[3] Cosmoplitan. 1997. № 2.

Причем Сильвио хотел, чтобы жена не тратила время на финансово-административную сторону. Только творчество!» [1].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в разные периоды XX столетия в женской прессе понятие «равенство» не трактовалось однозначно. Социально-исторические изменения оказывали существенное влияние на трансформацию представлений о равенстве.

***Ю. Градскова*,**
Стокгольм, Стокгольмский университет

ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В ПОЛИТИКАХ «ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА» (1990–2000-е)

Выступление посвящено истории политик гендерного равноправия (в контексте российской политики 1990–2000-х) и основано на результатах исследования в рамках коллективного проекта «Права человека и гендерная дискриминация: меняющиеся отношения между государством, международными организациями, коллективом и индивидом в перспективе Северной и Восточной Европы» [2]. Проект исследует деятельность международных организаций (в частности, Совета Северных стран), шведского института омбудсмана по гендерному равноправию (jämställdhetsombudsman, 1980–2008), а также женских и правозащитных организаций по разработке мер для достижения гендерного равенства в регионе Северной и Северо-Восточной Европы.

Как известно, принятие политических документов, направленных на достижение гендерного равноправия, стало результатом деятельности феминистского движения, добившегося включения защиты прав женщин в международные документы (конвенция ООН 1979, Пекинская платформа действий 1995). Международные документы повлияли, среди прочего, на стратегию «gender mainstreaming», принятую Европейским союзом. В тоже время каждая страна имеет свой историко-политический контекст включения женщин в публичную

[1] Крестьянка. 2001. № 8.
[2] Проект поддержан фон. Балтийского моря и швед. научным советом.

сферу и наметила собственные принципы действия по реализации международных программ, что привело к определенным различиям в практиках противодействия гендерной дискриминации. Так, например, создание института уполномоченного по гендерному равноправию в Швеции в 1980 г. было связано с ситуацией на рынке труда, в результае чего уполномоченный занимался в первую очередь вопросами гендерного равноправия в сфере занятости и оплаты труда [1] . С другой стороны, необходимо отметить некоторые противоречия в применении концепции «гендерного равноправия», например, замена феминисткого дискурса женского равноправия на «gender mainstreaming» подвергается критике некоторыми феминистскими исследовательницами в связи с возможностью нефеминистской и даже анти–феминистской трактовки последнего[2].

После начала процесса социально-политической трансформации в странах Восточной Европы идеи гендерного равенства были поддержаны здесь в первую очередь новыми женскими общественными организациями (НГО), передставительствами международных организаций, а также – западно-европейскими и американскими женскими организациями. Особую роль при этом играло включение мер по достижению гендерного равенства в состав изменений, необходимых большинству стран Восточной Европы для вступления в ЕС[3].

В первой части выступления я исследую общий социально-политический контекст в России, в условиях которого дискурс гендерного равенства развивался с начала 1990-х гг. В частности, я обращаю внимание на отсутствие развитого гражданского общества и правового сознания, недостаточное внимание к проблемам генедрного равенства в традиции диссидентского движения, а также на существенное ухудшение положения женщин в условиях

---

[1] Проблема домаш. насилия,н-р, не вход.в компетенцию омбудсмана.

[2] Bergqvist Ch. What is institutionalized gender equality? // Equal democracies? Gender and politics in the Nordic countries. Oslo: Scandinavian University Press, 1999. P. 164; Squires J. The new politics of gender equality. 2007.

[3] Например, уполномоченные по гендерному равноправию появились в Литве (1999) и Латвии (2004).

либерализации экономики [1] и враждебный климат в отношении «гендерного равенства» в условиях пересмотра советского гендерного порядка. С другой стороны, уже к середине 1990-х российские женские организации накопили значительный опыт и знания в отношении защиты прав женщин, а активное сотрудничество с международными организациями поставило на повестку дня много новых проблем и не было бесконфликтным[2].

Основная часть выступления посвящена анализу дискурсов и практик противодействия дискриминации по гендерному признаку на примере одного из регионов северо-запада России. В частности, в центре моего внимания находятся дискурсы и практики сотрудничества с международными и скандинавскими государственными и женскими организациями, сотрудничества местных женских организаций с институтом уполномоченного по правам человека, а также различные интерпретации «женских интересов» в контексте интерсекциональности (социальный статус и этничность). В частности, я уделяю внимание конфликтным интерпретациям приоритетов в достижении гендерного равенства местными и скандинавскими организациями – экономическая политика последних нередко вынуждает местные организации пересматривать свои программы, что не всегда соответствует местным потребностям. С другой стороны, практики женских огранизаций показывают многообразие интерпретаций «женских интересов» в зависимости от статусных позиций той или иной категории женщин (например, женщины–безработные, женщины–мигрантки). Также я исследую влияние нового российского пронатального дискурса, в соответствии с которым политики гендерного равноправия оказываются зависимыми от демографических приоритетов государства. Наконец, я обращаю внимание на трудности в реализации повседневных практик противодействия дискриминации по гендерному признаку, связанные с отсутствием четких предписаний в отношении гендерной

[1] Поленина С., Права женщин в ситеме прав человека: международный и национальный аспект. М., 2000.
[2] Kay R. Russian Women and their Organizations: Gender Discrimination. Palgrave, 2000. P. 223.

дискриминации в региональном законодательстве о деятельности уполномоченного по правам человека.

Н.В. Каткова,
Тверь, Тверской государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РОССИИ

Национальный механизм – объективно необходимый инструмент защиты интересов данной социальной общности, часть государственной машины, главная функция которой – учет настроений женской половины общества при выработке государственной политики и последующем осуществлении ее на практике.

Национальный механизм гендерного равенства имеет четыре основных компонента или признака:

- ✓ правовое;
- ✓ организационное;
- ✓ содержательное;
- ✓ образовательно-просветительское[1].

Законодательную базу национального механизма по гендерному равенству в России образуют: Конституция РФ, законы РФ, указы Президента РФ, постановления правительства РФ, международные обязательства по выполнению Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, конвенций и рекомендаций Международной организации труда, ратифицированных в РФ и др.

В России первой попыткой создания национального механизма можно считать Указ Президента № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» от 4 марта 1993 г., который был издан в «целях обеспечения одинаковых условий для

[1] Шведова Н.А. Доклад «Содействие участию женщин в работе директивных органов и принятии решений, включая государственные структуры, политические партии и общественные организации» // Второй Всероссийский женский съезд [электронный ресурс]: www.owl.ru

фактического равноправия женщин и мужчин в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны» [1]. Во исполнение этого Указа был создан Национальный совет по подготовке к IV Всемирной конференции по положению женщин, а в ноябре 1993 г. – Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации. Субъектам Федерации было рекомендовано разработать и утвердить региональные программы по улучшению положения женщин, а Совету Министров подготовить предложения о включении в перечень важнейших проблем, подлежащих программной разработке на федеральном уровне, Федеральной целевой программы «Женщины России». Это был первый шаг на пути формирования политики улучшения положения женщин на государственном уровне при активном привлечении национальных и региональных неправительственных женских организаций.

Разные концепции и программы были разработаны и утверждены некоторыми органами исполнительной власти в ряде субъектов Российской Федерации. После IV Всемирной конференции Национальный совет утратил свои полномочия, и пунктом 4 Постановления Правительства Российской Федерации № 6 от 8 января 1996 г. была создана Межведомственная комиссия [2]. Председателем Комиссии была назначена министр социальной защиты Л.Ф. Безлепкина.

Межведомственная комиссия имела статус координирующего органа, созданного в целях обеспечения согласованных действий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ. Однако Комиссия так и не приступила к работе в связи с произошедшими вскоре изменениями в составе правительства. Вскоре она была преобразована в Комиссию по вопросам улучшения положения женщин при Правительстве Российской Федерации, которую возглавил В.В. Илюшин.

---

[1] Указ Президента № 337 [электронный ресурс]: http://document.kremlin.ru/

[2] Развитие институционального механизма по гендерному равенству положения женщин [электронный ресурс]: http://www.femin.ru/pfo/rus/004.php

Организационно-техническое обеспечение деятельности Комиссии по вопросам улучшения положения женщин было возложено на Министерство труда и социального развития, в частности, на Департамент по делам семьи, женщин и детей.

Комиссия под руководством В.В. Илюшина просуществовала только 3 месяца, 30 апреля 1997 г. вышло Постановление Правительства № 504 «Об утверждении положения о Комиссии по вопросам улучшения положения женщин и дополнении ее состава», после чего ее возглавил заместитель Председателя Правительства РФ О.Н. Сысуев [1]. Комиссия по вопросам улучшения положения женщин получила статус рекомендательного координирующего органа, так как в ее состав стали входить представители министерств, комитетов и ведомств федерального уровня, несколько представителей субъектов Федерации и представители общественных организаций.

В целях дальнейшего укрепления национального механизма по обеспечению равных прав и равных возможностей, ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин Комиссия по вопросам улучшения положения женщин сосредоточила свои усилия на обеспечении согласованных действий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по выработке и реализации стратегий улучшения положения женщин в РФ. С 20 декабря 1998 г. эту Комиссию возглавила заместитель Председателя Правительства Российской Федерации В.И. Матвиенко, тогда же был утвержден и новый состав Комиссии[2].

В большинстве субъектов Российской Федерации были созданы комиссии по вопросам улучшения положения женщин, координирующие деятельность исполнительных органов власти и женских общественных объединений в осуществлении государственной политики по предупреждению случаев дискриминации женщин в вопросах предоставления работы, оплаты

---

[1] Постановления правительства РФ [электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/

[2] Национальный механизм улучшение положения женщин [электронный ресурс]: http://www.owl.ru/win/docum/rf/naz_mech/gl1.htm.

труда, участия в политической жизни, реализации прав на образование и др.

В целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, в том числе женщин, в 1996 г. в России учреждена должность Уполномоченного по правам человека в РФ[1]. Введение данной должности позволяет перенести конституционные гарантии, права и свободы женщин в плоскость общепринятых норм обеспечения прав человека. В структуре Уполномоченного по правам человека создан отдел по вопросам женщин, семьи и молодежи, но, к сожалению, ни руководителя, ни штата в отделе пока нет.

Оценивая состояние гендерной политики в РФ в последние годы, следует сказать, что, с одной стороны, все более заметен институциональный кризис, а с другой, – недостаток идей, способных принести что-то новое в органы государственной власти[2].

Несмотря на некоторые успехи в продвижении равноправия женщин, следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации не определен процессуальный порядок осуществления эффективной защиты женщин от дискриминационных действий. Формирование механизма судебной и административной защиты прав женщин является проблемой для государственных органов, поскольку органы исполнительной власти не всегда в должной мере способны обеспечить права женщин при реализации их прав на труд, на охрану здоровья, на образование, отдых и социальное обеспечение.

В качестве одного из основных условий для эффективного функционирования национального механизма предусматривается выделение бюджетных средств. Однако национальный механизм в России не имеет отдельного бюджета для осуществления своей деятельности и стратегии. Отсутствует открытая система отчетности национального механизма о своей деятельности перед правительством или премьер-министром, по меньшей мере, раз в год.

---

[1] Там же.

[2] Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов. М., 2008. С. 381.

Указом Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»[1] от 9 марта 2004 г. № 314 действующая система национального механизма была упразднена. Принятый в первом чтении в 2003 г. законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» не получил дальнейшую поддержку и отложен на неопределенный срок. В результате в России нет специального законодательства и эффективных процедур обеспечения равенства и предотвращения дискриминации.

В России существует высокая степень терпимости к нарушению равноправия мужчин и женщин. Это является причиной неравной представленности женщин в политике и на высоких постах государственной службы, нарушения их трудовых прав, сексуальных домогательств на рабочем месте, широко распространенных фактов домашнего насилия и торговли людьми[2].

Действенный механизм по гендерному равенству способен обеспечить равенство возможностей мужчин и женщин в политической и социально-экономической жизни, которое в настоящее время продекларировано, но не подкреплено изменениями в экономическом положении женщин и активной государственной политикой исправления накопленной дискриминации. В России разрушены те структуры, на которых должен быть построен механизм гендерного равенства. На сегодняшний день правительство не заинтересовано развивать гендерное равенство на правительственном уровне.

А.Л. Колесникова,
Иваново, Ивановский государственный университет

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЛЕЙБОРИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 60-Х – 70-Х ГГ. XX В.

[1] Указ Президента Российской Федерации [электронный ресурс]: http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=021438.
[2] Гендерное равенство в современном мире… С. 387.

После окончания второй мировой войны в Англии к власти пришло лейбористское правительство, возглавляемое К. Эттли (1945-1950). Помимо реформ в экономике (программа национализации), в социальной сфере был принят целый ряд документов: Закон о пособии многодетным семьям (Family Allowance Act, 1945), Закон о государственном социальном страховании (National Insurance Act, 1946), Закон о пособиях по производственной травме (Industrial Injuries Act, 1946), Закон о Национальной службе здравоохранения (National Health Service Act, 1946), Закон о государственном вспомоществовании (National Assistance Act, 1948). Эти акты обеспечили введение системы социального страхования, которая подразумевала выплаты различных пособий: по болезни, по безработице, при рождении ребенка, для инвалидов, а также пенсий по старости, введение бесплатной медицинской помощи. Все эти мероприятия заложили основу модели «государства всеобщего благосостояния» в Англии, которую шведский ученый Г. Эспинг-Андерсен впоследствии назвал либеральной моделью [1] . Социальная политика Третьего лейбористского правительства была направлена на ликвидацию последствий войны, достижение социальной справедливости, борьбу с бедностью, обеспечение занятости населения и не подразумевала никаких мероприятий, направленных на улучшение положения женщин в обществе.

Внимание гендерным проблемам лейбористы стали уделять с конца 60 – 70 х гг, когда улучшилось экономическое положение в стране. Именно тогда, во время пребывания у власти Четвертого лейбористского правительства (1964–1970), и, в большей степени, Пятого (1974–1979) происходит формирование основ политики гендерного равенства в Великобритании.

Это объясняется тем, что именно в это время во многих странах, в т.ч. и в Великобритании, поднялась «вторая волна феминизма», которая оказывала давление на политику английского правительства в целом, и, в частности, на политику лейбористской партии[2]. В отличие

---

[1]Esping-Anderson G.. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton University Press, 1990.

[2] Степанова Н.М. Гендерные перемены в соц.-эконом. жизни // Великоб. Эпоха реформ. 2007 / Под ред. Ал.А. Громыко. С. 129.

от «первой волны», когда женщины боролись за избирательное право, право на образование и за право владеть собственностью, требования «второй» сосредотачивались в основном на ликвидации дискриминации в сфере труда, а также в тех сферах, которые ранее «считались частными – домашнее насилие и репродуктивные права» [1].

С конца 60-х гг. начинается разработка и принятие нормативных документов, призванных ответить на требования феминисток. Первым таким актом стал Закон об абортах [2] (Abortion Act, 1967), который легализовал аборты по медицинским показаниям, таким образом «передав контроль над репродукцией в руки самих женщин» [3].

Что касается позитивных изменений в трудовой сфере, то в 1975 г. вступили в силу два акта, регулирующих государственную политику по отношению к женщинам, – Закон о равной оплате [4] (Equal Pay Act, 1970) и Закон о дискриминации по признаку пола [5] (The Sex Discrimination Act, 1975).

Закон о равной оплате был принят еще в 1970 г. консерваторами, однако потребовалось пять лет, чтобы он вступил в законную силу. Он запрещал неравенство в оплате женского и мужского труда в условиях найма. Исключение составляла трудовая политика, применяющаяся по отношению к беременным и родившим женщинам [6]. В остальном

---

[1] Там же.

[2] Abortion Act, 1967 [electronic resorse]: http://www.statutelaw.gov.uk/content.aspx?activeTextDocId=1181037 (12.05.10)

[3] Чикалова И.Р. Идеолог. и полит. действия британских консер-ров и лейб-тов в отношении к женщин. С. 390 [electronic resourse]: http://www.ecsocman.edu.ru/data/096/627/1219/chikalova_ideologiya_i_politicheskie_deystviya.PDF

[4] The Equal Pay Act 1970 [electronic resourse]: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1970/pdf/ukpga_19700041_en.pdf (12.05.10)

[5] The Sex Discrimination Act, 1975 [electronic resourse]: http://www.equalityhumanrights.com/uploaded_files/sex_discrimination_act_1975.pdf (05.05.10)

[6] См.: The Equal Pay Act, 1970… Clause 8.

женщина могла претендовать на одинаковую с мужчиной оплату труда, одинаковый размер пособия, отпускные и т.д. В том случае, если возникали споры, то и женщины и мужчины могли обращаться в суды по трудовым спорам, если они работали вместе с этими мужчинами у одного и того же предпринимателя и выполняли одинаковую или близкую по характеру работу[1].

Закон о дискриминации по признаку пола защищал от гендерной дискриминации в равной мере как женщин, так и мужчин, а также от дискриминации по семейному положению в сфере труда. В большей части закон относился к сфере занятости, образования; запрещал сексуальное домогательство на работе. В законе выделялась прямая дискриминация, когда женщину дискриминируют только потому, что она женщина, либо в зависимости от ее семейного положения, либо, например, из-за беременности; и косвенная, когда женщина ставится в неблагоприятное положение по сравнению с мужчиной, например, в ситуации приема на работу на полный рабочий день, когда предпочтения работодатель отдает мужчине[2]. Кроме того, в законе оговаривался такой вид как преследование, когда женщина дискриминируется из-за того, что она защищает свои права, гарантированные ей этим актом[3]. Документ содержал положение о наказании за дискриминацию в форме выплаты денежной компенсации обратившимся с жалобами людям.

Однако в процессе применения этих законов возникали сложности, так как они весьма сложны и запутаны, а кроме того, существовало много способов обойти эти нормы права[4]. Эти негативные явления были закономерны в контексте отсутствия прецедентной практики по данным вопросам и неподготовленности судей решать их.

Вместе с тем в то время как рассматривались и принимались антидискриминационные законы 1975 г., в вопросе предоставления пособий был сделан своеобразный «шаг назад». Дело в том, что

---

[1] The Equal Pay Act, 1970...

[2] The Sex Discrimination Act, 1975...

[3] Ibid.

[4] Степанова Н.М. Механихм гендерного равенство в Великобритании // Гендерное равенство в современном мире. Роль национальных механизмов. М., 2008. С. 90.

незадолго до этого Британия ввела пособие по уходу за инвалидами. Однако вместе с принятием упомянутых выше законов это пособие перестало выплачиваться замужним женщинам, ухаживающим за нетрудоспособными родственниками; мотивируется это тем, что забота и социальная помощь сами по себе являются обычными женскими обязанностями[1].

Кроме того, в 1976 г. был принят Закон, запрещающий домашнее насилие[2]. Совершенно ясно, что в подавляющем большинстве случаев истцами являлись женщины. Первая статья закона предусматривала, что суд может вынести постановление, запрещающее обидчику применять насилие по отношению к жертве. За нарушение (что означало повторное применение мужчиной силы) предусматривался арест. Четвертая статья закона в некоторых случаях допускала вынесение запрета на проживание в собственном доме для обидчика[3]. Данный закон обозначил переход некоторых вопросов (таких как насилие, совершенное по отношению к женщинам и детям) из сферы частного в сферу общественного, контролируемого законом и наказуемого.

В целом период пребывания у власти Четвертого и Пятого лейбористских правительств можно характеризовать как начальный в процессе достижения гендерного равенства. Были заложены основы антидискриминационного законодательства, начали формироваться механизмы обеспечения равенства между мужчинами и женщинами. Несмотря на то, что вышеназванные нормативные акты были гендерно нейтральными, по сути они были направлены на защиту прав женщин в большей мере, чем мужчин. Начала создаваться и накапливаться прецедентная практика по вопросам, связанным с гендерной дискриминацией. Кроме того, началось регулирование

---

[1] Lewis J. Equality, Difference and Gender in Twentieth Century Welfare States. P. 9 [electronic resourse]: http://vbn.aau.dk/fbspretrieve/14136155/36.pdf

[2] Domestic Violence and Matrimonial Proceedings Act 1976 [electronic resourse]: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1976/pdf/ukpga_19760050_en.pdf (01.05.10)

[3] Ibid.

сферы приватного – получили развитие как абортное законодательство, так и акты, регулирующие отношения в семье и между партнерами.

Ю.Е. Исакова,
Иваново, Ивановский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ EUROPEAN WOMEN'S LOBBY ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН – ИММИГРАНТОК

European Women's Lobby (EWL) – крупнейший альянс женских групп интересов в Европе, борющийся за развитие демократии, гендерного равенства и искоренение любых форм насилия и дискриминации женщин путем лоббирования их интересов на всех уровнях политики. Его образование в 1990 г. пришлось на начало «третьей волны» феминизма, возникшей в связи с усилением процессов глобализации и развитием новых информационных технологий, затронувшей страны второго и третьего мира и сделавшей феминизм бесконечно разнообразным. Параллельно происходило углубление процессов европейской интеграции**.** В настоящее время в EWL входит более 2500 организаций от 27 государств-членов и 3-х стран-кандидатов на вступление в ЕС, а также 21 общеевропейские и международные НПО.

Альянс уникален, поскольку, в отличие от многих сетевых объединений, является целостным образованием с единым уставом, бюджетом, внутренней организацией, стратегией, управлением, названием, символом и прочими атрибутами «центральности». Основную работу по лоббированию ведет Секретариат EWL, прибегая к мониторингу и исследованию, публикациям и рассылке информационных материалов, открытым обращениям к должностным лицам, особенно к президенту Европейской Комиссии, и консультациям при личных встречах, разработке предложений по решению проблем, проведению тематических семинаров и различных кампаний: популяризации, протеста/поддержки, информационные и просветительские компании.

European Women`s Lobby развивает несколько направлений деятельности, главные из которых – международные акции в поддержку прав женщин; повышение роли женщин в процессе принятия решений; социальная политика и занятость; европейская политика гендерного равенства и закон; борьба с дискриминацией;

миграция и предоставление убежища; основные права и свободы ЕС; пересмотр европейских договоров с целью усиления в них положений о гендерном равенстве; борьба с насилием в отношении женщин; развитие партнерства с другими группами интересов.

Проблема миграции и предоставления убежища женщинам является новым для EWL направлением работы, однако альянс не может обходить стороной данную сферу, поскольку в начале XXI в. объем иммиграционных потоков, 45% из которых составляют женщины [1], заметно возрос. Чаще всего иммигранты являются носителями иной культуры, и поэтому у многих правительств возникает необходимость в выборе проведения либо интеграционной, либо ассимиляционной политики по отношению к иммигрантам. В такой ситуации многие женщины рискуют подвергнуться множественной дискриминации: внутри своего сообщества, в ЕС, а также по признаку пола. По оценкам альянса, на сегодняшний день гендерным аспектам политики ЕС в области миграции и предоставления убежища уделяют недостаточно внимания.

Работа альянса по данному направлению основывается на тезисе, что иммигрантки имеют ряд специфических потребностей и проблем; интересам женщин-мигранток уделяется мало внимания и интеграционный политика ЕС остается гендерно-нечувствительной[2].

В феврале 2004 г. EWL сформулировал свою позицию в публикации «Интеграция гендерного подхода в иммиграционную политику ЕС», где заявил, что вследствие гендерно-нейтрального подхода к миграционной политике игнорируются права женщин, их жизненный опыт и потребности[3], при этом женщины сталкиваются с

---

[1] Project: Equal Rights, Equal Voices. Migrant Women in the European Union // European Women`s lobby: From December 2008 to August 2011 [electronic resourse]: http://www.womenlobby.org/site/1abstract.asp?DocID=2391&v1ID=&RevID=&namePage=&pageParent=&DocID_sousmenu=&parentCat=534 (15.03.10).

[2] Ibid.

[3] Integrating a Gender Perspective into the EU Immigration Policy // European Women`s lobby. February 2004 [electronic resourse]: http://www.womenlobby.org/SiteResources/data/MediaArchive/policies/Immi

проблемами трудоустройства, работорговлей и сексуальными домогательствами.

Динамичный и успешный старт работе по лоббированию интересов женщин-мигранток был дан в 2006 г., когда при поддержке Sigrid Rausing Trust [1] и Network of European Foundation for Innovative Cooperation (NEF) [2] EWL вместе с организациями, защищающими интересы женщин-мигранток, запустил проект «Равные права, равные голоса. Женщины-мигрантки в ЕС». Было проведено несколько тематических семинаров, некоторые в присутствии должностных лиц ЕС, на которых обсуждались проблемы прав человека и правового статуса иммигранток, их вовлеченность в процессы жизнедеятельности общества и сотрудничество между собой. Итоги обсуждений и общие наработки по данному направлению отразил подробный доклад EWL.

Позже EWL пригласил участниц проекта на семинары «Женщины, религия, Европа: открытие занимательных отношений» и по случаю заседания Генеральной Ассамблеи EWL в Болгарии, где пришли к осознанию потребности в более тесном сотрудничестве неправительственных организаций женщин–мигрантов и EWL.

Дальнейшее развитие проект получил в 2008 г. при поддержке тех же спонсоров. Вторая фаза была направлена на усиление сотрудничества между организациями женщин-мигранток и другими женскими группами интересов, особенно членов-координаторов EWL на национальном уровне; созданию информационной сети между организациями, представляющими интересы женщин-мигранток.

Вследствие активности женских организаций Еврокомиссия и Совет Европы рекомендовали национальным правительствам учитывать гендерную специфику в сфере миграции и интеграции, но это не повлекло за собой серьезных изменений. В связи с этим лоббистский альянс вместе с 15 организациями-партнерами национального уровня

---

gration/EWL%20position%20paper%20integration%20gender%20perspective%20into%20EU%20immigration%20policy04.pdf (15.03.10).

[1] Один из крупнейших благотворительных фондов Великобритании.

[2] Международная некоммерческая организация, созданная для укрепления потенциала сотрудничества между фондами на европейском уровне.

выдвинул 3 долгосрочные цели на период с декабря 2008 по август 2011 г.:

1. Поднимать вопросы, касающиеся женщин–мигрантов, в процессе принятия должностными лицами решений на национальном и наднациональном уровне.

2. Добиться расширения прав и возможностей женщин–мигранток посредством взаимной поддержки и обмена информацией.

3. Распространять сведения о позитивных последствиях интеграции мигрировавших женщин в общество ЕС.

В силу исторически сложившейся практики женские интересы мало учитываются при предоставлении убежища, и женщинам часто в этом отказывают в соответствии с существующими нормами международного права. Вопрос создания Единой европейской системы предоставления убежища присутствует в политической повестке дня ЕС с 2005 г., принятие соответствующих правовых актов ожидается в 2012 г. В связи с этим EWL намеревается лоббировать включение гендерного аспекта в Зеленую книгу Еврокомиссии по созданию единой системы предоставления убежища, принятие 2-ой части которой запланировано на конец 2010 г., в осуществление директивы Совета 2004/83/ЕС (апрель 2004 г.) и процесс предоставления убежища согласно директиве Совета 2005/85/ЕС (декабрь 2005 г.).

В феврале 2010 г. EWL с целью привлечения общественного внимания к проблеме выпустил информационный сборник под названием «Гендерная проблематика и миграция», в котором проанализировал и детально описал сложившуюся ситуацию, наметил пути совершенствования политики ЕС.

В настоящее время лоббистский альянс ведет консультации с Европарламентом относительно одобрения доклада его члена Фава о введении санкций против работодателей, нанимающих нелегальных иммигрантов. Представители EWL доказывают, что данная мера наряду с положительными приведет и к негативным последствиям: потенциальная прибыль работодателя может серьезно превышать риск попадания под санкции, что приведет к разрастанию социального мошенничества, ухудшению положения нанимаемых нелегальных работников, скрытому расизму и поставит под угрозу действие других директив ЕС, призванных содействовать найму иммигрантов на должности, требующие высокой квалификации.

В 2008 г. альянс опубликовал отчет о консультациях с органами ЕС по поводу приоритетных направлений развития на 2010-2014 гг. «Свобода, защита и справедливость: каким будет будущее?» В нем EWL предложил следующие направления совершенствования миграционной политики: улучшить защиту прав человека, включая права мигрантов; бороться с насилием против женщин, в том числе иммигранток; развивать общую европейскую миграционную политику и политику предоставления убежища; повышать стандарты защиты при предоставлении убежища и обеспечить доступ нему лиц, нуждающихся в убежище; укреплять внешние границы посредством визового режима; обеспечить иммигрантам возможность участвовать в жизни общества; развивать институт гражданства ЕС; сотрудничать с гражданским обществом в сфере миграции и интеграции.

Лоббистская деятельность альянса в данной области не ограничивается перечисленными мероприятиями, что подчеркивает повышенное внимание EWL к данной проблеме. Благодаря продвижению гендерной проблематики в миграционную политику ЕС, это относительно новое для EWL направление получило интенсивное развитие, затронув целый спектр актуальных для европейских женщин проблем. Лоббирование интересов женщин является трудоемким процессом, особенно в данной области, однако совместно с другими заинтересованными группами EWL уже смог убедить европейских политиков в необходимости внедрения концепции гендерного мейнстриминга политику ЕС, в том числе по миграции и предоставлению убежища. Роль EWL при этом особенно заметна, поскольку его деятельность по защите и лоббированию интересов женщин часто рассматривается другими женскими организациями как пример для подражания, из чего можно сделать вывод о том, что EWL является главной движущей силой по лоббированию интересов женщин в Европе.

Р.М. Мухаметзянова-Дуггал,
Уфа, Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

В июле 2007 г. впервые за 60-летнию историю независимости Индии на должность президента страны избрана женщина. Государство возглавила 72-летняя Пратибха Патил, ранее занимавшая пост губернатора штата Раджастхан. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что за последние полвека положение индийской женщины значительно измененилось.

Законодательство Индии предусматривает равные права женщин и мужчин в политической и в экономической жизни. Конституция 1950 г. гарантирует запрет на дискриминацию по половому признаку. Принят ряд законов, способствовавших улучшению положения женщин. Среди них закон об индусском браке (1955 г.), утвердивший моногамиию как норму, а также юридическую возможность развода; закон о наследовании (1956 г.), наделивший индусок этим правом; закон о запрете приданого (1961 г.) и последующие изменения в нем (1986 г.), направленные на борьбу с практикой обязательного приданого за невестой, которая приобрела огромные масштабы; закон об ограничении ранних браков (1978 г.), повысивший брачный возраст для девушек до 18 лет, для юношей – до 21 года. Далеко не все следуют этим правовым нормам, однако они являются индикаторами того, в каком направлении должно двигаться общество[1].

Важным фактором эмансипации индуски стали изменения в общественно-политической и экономической жизни в последние десятилетия. В результате выросла их роль в образовании и просвещении, здравоохранении, науке и культуре, государственном управлении, общественно-политической жизни в целом, повысилась их грамотность, возросла продолжительность жизни, снизилась младенческая смертность, сократился средний размер семьи[2].

Однако и сегодня в своей основной массе индийские женщины остаются более приниженной частью населения. Об этом свидетельствуют показатели последней переписи населения Индии, проведенной в 2001 г. Согласно данной переписи, мужское население страны (52%) количественно преобладает над женским (48%),

[1] Юрлова Е.С. Индия: гендерные проблемы на рубеже XXI века // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 84.
[2] Там же.

соотношение женщин и мужчин в целом по стране составляет 933:1000, соответственно[1].

Большинство индийских женщин не работают: 68% работающего населения это мужчины, и лишь 32% – женщины[2]. Как правило, неработающие женщины – домохозяйки и находятся в полной экономической зависимости от мужа и его семьи. Особенно заметно отставание женщины в области просвещения и образования. Так, уровень грамотности среди индийских женщин в целом по стране составляет 53,7%, среди девушек в возрасте от 15 до 24 лет – 67,7%, в то время как среди мужчин эта цифра в целом по стране составляет – 75,3%, среди мальчиков – 84,2%[3].

Дискриминация по половому признаку находит свое яркое отражение в росте числа абортов среди женщин, беременных девочками. Согласно докладу Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), обнародованному в декабре 2006 г., из 71 тысячи рождающихся каждый день детей 31 тысяча – девочки. Таким образом, в Индии на каждую 1000 рожденных мальчиков приходится 882 девочки, когда как в мире это соотношение составляет 954 девочки на 1000 мальчиков. Для того, чтобы соответствовать мировому уровню, в Индии должно рождаться 38 тысяч девочек в день, что на 7 тысяч больше нынешнего уровня. Согласно опубликованному докладу, каждый день в результате абортов погибает 7000 нерожденных девочек[4].

По данным влиятельного канадского медицинского журнала Lancet, ежегодно в Индии совершается около 500 тыс. таких абортов. В то же

---

[1] Census of India 2001. Population by sex and sex ratio [electronic resourse]: http://www.censusindia.net/census_sex.htm

[2] Census of India 2001. Distribution of population by workers and non-workers by sex [electronic resourse]: http://www.censusindia.net/t_00_007.html

[3] Census of India 2001. Number of literates and literacy rate by sex [electronic resourse]: http://www.censusindia.net/t_00_006.html

[4] Положение женщин в Индии ухудшается с каждым годом, заявляют католические епископы [electronic resourse]: http://www.religare.ru/print36221.htm

время «Индийская медицинская ассоциация» полагает, что истинный масштаб распространенности этого явления в 10 раз превышает данные, приведенные канадским изданием, и ежегодно в Индии производится около 5 млн. абортов из-за неподходящего пола ребенка[1].

Результатом такой дискриминации стала внушительная половая диспропорция, особенно заметная в Нью–Дели, где ультразвуковая диагностика наиболее доступна и распространена. По итогам переписи населения 2001 г., на 1000 мужчин в столице Индии приходилась всего 821 женщина[2].

Аборты по половому признаку запрещены индийским законом 1994 г.[3]. В связи с этим врачам запрещено определять пол плода по просьбе родителей. Во всех лабораториях, проводящих УЗИ, вывешены стенды с подобным предупреждением. Обязательным пунктом в писменном заключении ультразвукового исследования беременной женщины является упоминание о том, что врач никому и ни под каким предлогом не раскрывает и не разглашает информацию о поле будущего ребенка.

В последние годы известны случаи привлечения к ответственности врачей, проводивших нелегальные аборты женщинам, беременным девочками. Так, в 2006 г. индийскому врачу и его ассистенту был вынесен приговор о лишении свободы на два года. С 1994 г. это был первый приговор за предоставление подобных услуг[4]. В индийских СМИ также сообщалось об аресте врачей, желавших заработать деньги на абортах любым способом. Стало известно, что от этого пострадали родители, желавшие избавится от будущих девочек, но потерявшие мальчиков. Из-за низкого качества оборудования врачи не

---

[1] Саенко Л. Индианки митингуют против убийств нерожденных девочек [electronic resourse]: http://www.rian.ru/society/20060307/43979218.html

[2] Census of India 2001. Population by sex and sex ratio…

[3] Pre-Natal Diagnostic Techniques (Regulation and Prevention of Misuse) (PNDT) Act, 1994 [electronic resourse]: http://mohfw.nic.in/THE%20PNDT%20ACT%20(PRINCIPAL%20ACT)1994.htm

[4] India sex selection doctor jailed [electronic resourse]: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4855682.stm

могли определять пол ребенка на ранней стадии беременности, часто обманывали и убеждали ничего не подозревающих родителей сделать аборт. Они советовали, что лучше сейчас потратить 5 тыс. рупий, чем потом 500 тыс. рупий на выдачу девушки замуж[1].

Несмотря на запрет абортов по половому признаку, они имеют широкое распространение. Считается, что иметь мальчика предпочтительнее. Причины этого кроются в тадиционной системе ценностей индийцев – индуизме. Согласно индуистским представлениям, сын – продолжатель рода, в нем возраждается отец, ему принадлежит право наследовать имущество, он совершает заупокойные жертвоприношения, он же зажигает погребальный костер отца, который благодаря сыну достигает бессмертия[2]. Именно сын, повзрослев, берет на себя содержание престарелых родителей. Появление же девочки на свет часть индийских семей воспринимает как обузу и несчастье для семьи, т.к. после замужества девочка покидает семью. Чтобы найти достойного жениха, невесту необходимо обеспечить солидным приданым.

Что касается приданого за невесту, то часто родители потенциального жениха, даже не познакомившись с невестой, выставляют список вещей и называют сумму денег, которую они намерены получить за сына. Размеры приданого очень большие. Многие семьи вынуждены его выплачивать в рассрочку в виде бесконечных подношений и подарков зятю и его семье. И это стало нормой[3].

Невыплата приданого в срок пагубно отражается на отношении мужа и его родственников к молодой жене. Она становится объектом постоянных упреков и даже издевательств. Известно, что в стране каждый день погибает 20 женщин из-за приданого. Как правило, они

---

[1] Mini Pant Zachariah, Kohli N. Pre-natal sex selection // The Hindustan Times. 2007. 15 July; Orissa police find 30 bags filled with baby bones // The Hindustan Times. 2007 23 July; Chetan C. In Orissa, boys too suffer foeticide // The Hindustan Times. 2007. 3 August; Chetan C. Foetus in Orissa killed for just Rs 5,000 // The Hindustan Times. 2007. 2 August.

[2] Юрлова Е.С. Женщина в индуизме // Индуизм и современность. Материалы научной конференции. М., 1994. С. 72.

[3] Юрлова Е.С. Семья и брак // Индия сегодня. М., 2005. С. 374.

заканчивают жизнь самоубийством. Однако совсем недавно прогрессивная часть индийской молодежи создала брачный сайт под названием «Я не хочу приданого!» (www.idontwantdowry.com), на котором разместили свои анкеты более 5700 невест и женихов. Многие молодые люди, оставившие свои данные на сайте, имеют профессии, которые обычно имеют высокую цену на брачном рынке: врачи, инженеры, программисты, служащие корпораций и др. При этом по количеству анкет перспективные женихи, говорящие «нет» приданному, опережают невест. Таким образом, сайт стал местом встречи для тех, кто не хочет давать или брать приданое[1].

Проблема несбалансированной половой структуры населения в Индии является «гендерной» проблемой огромной важности, к решению которой подключены административные, финансовые и научные ресурсы страны. Так, например, одной из последних инициатив столичного правительства стала программа защиты девочек, названная «Делийская программа Ладли» (Delhi Ladli Scheme), осуществляемая с 1 января 2008 г. Данная программа нацелена на повышение социального статуса девочек в обществе и семье, гарантируя надлежащее образование, экономическую безопасность и защиту от дискриминации и лишений. Согласно ей правительство г. Нью–Дели по специально разработанной схеме перечисляет на банковский счет девочки 100 тыс. рупий, которыми она сможет воспользоваться по достижении 18 лет[2].

Результаты социологических опросов, проведенных в последнее время Центром изучения и развития женщин Делийского университета, свидетельствуют о более низком статусе девочек в индийских семьях по сравнению с мальчиками. Обследование показывает, что 56% матерей и 53% отцов согласны подготовить солидное приданое для своих дочерей, даваемое женихам соотвественно касте и его служебному положению. Большинство родителей не желают давать разрешения своим дочерям выйти замуж за человека согласно ее выбору. Так, 60% матерей и 62% отцов ответили, что не позволят своим дочерям решать, за кого им выйти

---

[1] Sandhu V. Come online to declare “I don't want dowry” // The Hindustan Times. 2007. October. P.11.

[2] Delhi Ladli Scheme // The India Post. 2009. 10 August.

замуж. Часть родителей готова забрать своих дочерей из школы или отказать им в медицинской помощи, помогая сыновьям, если в семье недостаточно средств.

Девушки считают, что они получают меньше любви и внимания от членов своих семей (47%) и должны брать большую ответственность по уходу за домом на себя (65%). В тоже время сами женщины не меньше, чем мужчины, способствуют сохранению патриархальных установок. Подавляющее число матерей (90%) и дочерей (93%) считают, что девушки должны быть хорошо сведущими в домашних делах. Мальчики, однако, должны привлекаться к ручному труду лишь в «тяжелых ситуациях», так считает 81% девушек и лишь 2% девушек полагает, что и мальчики должны знать, как пришивать пуговицу[1].

Индийские женщины подвергаются социальной дискриминации не только в детстве, но и в зрелом возрасте после получения образования и трудоустройства. Это касается прежде всего индианок, которые, получив высшее или специальное образование, работают учительницами, врачами, служащими в учреждениях и предприятиях государственного и частного секторов экономики. При равной с мужчинами квалификации женщины чаще встречаются с трудностями при поступлении на работу, продвижении по службе и в оплате труда.

Таким образом, в современной Индии декларируется равноправие мужчин и женщин перед законом. Органами государственной власти создаются правовые механизмы обеспечения гендерного равноправия и правовой ответственности за его нарушение. Однако в реальной жизни индийские женщины значительно отстают от мужчин по многим показателям и продолжают подвергаться дискриминации.

Р.Н. Сулейманова,
Уфа, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН

О РАВНОПРАВИИ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫМЫСЛЫ И ФАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

[1] Mukherjee A. Daughters aren't precious // The Hindustan Times. 2007. 27 July. P. 5.

Башкортостан, как и все регионы России, с началом демократических преобразований переживал процесс коренных изменений всей системы общественных отношений. Постепенно, через преодоление трудностей и противоречий, формируются основы для утверждения демократии, складываются основы гражданского общества. Значительным изменениям подвергаются структуры власти, начинается формирование многопартийной системы, все заметней становится деятельность общественных объединений и национальных движений. В общественно–политической жизни республики нельзя не признавать активизации женского фактора. Появились новые женские объединения, кроме существовавших традиционных, различающиеся между собой по профессиональному, национальному и иным признакам: клубы, союзы, общества, ассоциации, даже партия. Среди женских объединений национального толка, прежде всего, возникло Общество башкирских женщин, затем образовался Союз украинских женщин «Берегиня», Союз татарских женщин «Ак калфак» как отделение этого Союза, функционировавшего в Республике Татарстан (ныне это – Общество татарских женщин «Сахибжамал»), объединение русских женщин «Надежда». То есть, началось возрождение и в целом становление женского движения в республике. Этому способствовали принятые на государственном уровне меры по улучшению положения женщин, семьи, детей, в частности: Указ Президента РБ «О мерах по государственной поддержке семьи, материнства, детства и улучшению демографической ситуации в Республике Башкортостан» (1996 г.), закон «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» (1993 г.), республиканская целевая программа «Женщины Республики Башкортостан» (1997 г.), Указ Президента РБ «Об объявлении 2001 года Годом матери» и др. В 1996 г., когда была утверждена российским правительством «Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации», аналогичный документ был разработан и принят в Башкортостане.

Определенное влияние происходящих в современный период политических и социально-экономических процессов отражается на статусе и социальной активности женщин в обществе. Как видно из реалий жизни, сегодня женщинам более присущи такие черты поведения, как способность самостоятельно принимать решения, отстаивать свое мнение, защищать собственную независимость и

достоинство. Участвуя в начавшихся на волне «перестройки» политических событиях, выборах, референдумах – как бы ни был важен количественный результат этих кампаний, главное в другом: женщины республики, одна из крупных социально-демографических групп в структуре населения, определявшая в значительной мере трудовой и интеллектуальный потенциал Башкортостана, вновь заставляют говорить о себе как о силе, с которой необходимо считаться.

Рассмотрим на примере республики, как реализуются на деле равные права и равные их возможности, зафиксированные в Основном законе и целом ряде законодательных актов?

Управленческие структуры. Депутатский корпус. Выборы в советы всех уровней, высший законодательный орган республики показывает, какое на деле фактическое место занимают в обществе женщины. Конечно, сейчас они оказались на равных с мужчинами в условиях жесткой конкуренции и предвыборной стихии. И в условиях состязательности, тем более с занимающими в основном руководящие посты мужчинами, им крайне трудно одержать победу и сделать политическую карьеру.

Женская работа, женсоветовская система. Это традиционная сфера общественной деятельности женщин, специфические органы для проведения работы среди женщин еще с 1919 г., с образования автономной советской Башкирской республики. Безусловно, перестройка внесла свои коррективы и в постановку, и в проведение работы среди женского населения. Стала оживать женсоветовская система. Однако особо качественных изменений, большого разнообразия форм работы, тем более политической направленности в деятельности существующих женских организаций не чувствуется. Сколько времени доказывавшие свою необходимость и действенность работы эти органы на современном этапе не сумели стать самостоятельной силой в общественно-политической жизни. Забыт, а то и напрочь отброшен накопленный богатый позитивный опыт организации и проведения работы среди различных категорий женщин, в частности, по их приобщению и вовлечению в сферы управления, политические и государственные органы, общественной деятельности. А ведь в недавнем прошлом картина была совсем иной. Представительство женщин в партийно-государственных структурах республики в 1960 – 1970-е гг. составляло примерно 30%, в числе

депутатов местных Советов – почти половину, Верховного Совета БАССР 30-40%.

А что же сегодня мы видим? В марте 2003 г. среди 119 депутатов высшего представительного органа республики женщин-депутатов было 7 или 5,9% от общего числа депутатского корпуса. В составе органов местного самоуправления 390 женщин или 12,7%. После выборов представительницы женских организаций, сами женщины-парламентарии провели круглый стол на тему «Женщины и политика: итоги выборов 16 марта 2003 года». Было решено создать единый координационный центр и рабочую группу из женщин-депутатов, также своеобразную школу лидеров для женщин. Однако решение осталось благим пожеланием, что показали выборы 2008 г. На выборах в Государственное Собрание (Курултай) Республики Башкортостан прошли всего 6 женщин, то есть примерно на 30 мужчин–депутатов приходится 1 женщина-депутат. В общем числе депутатов всех уровней, а это свыше 13 тысяч человек, женщин было почти 4 тысячи или 32,5%. При, казалось бы, благополучных цифрах реальное положение дел оставляет желать лучшего. От Республики Башкортостан в состав Государственной Думы прошла единственная женщина и то по партийному списку «партии власти». Это является наглядным показателем низкого представительства женщин республики в органах представительной власти. В парламенте республики из 6 женщин–депутатов лишь одна возглавляет в нем Комитет. На основании этого можно сделать весьма неутешительный вывод, что в республике власть прочно сохраняет «мужское лицо». Не лучше ситуация в других регионах и в целом по Российской Федерации. Так, в парламенте страны женщины–депутаты в депутатском корпусе составляют не более 8%.

Примерно такова же ситуация в органах исполнительной власти, местного самоуправления, в министерствах, самом правительстве республики, других государственных органах. Женщин, занимающих должности руководителей или заместителей в органах исполнительной власти в республике нет. Их нет и среди руководителей представительных органов государственной власти городов, районов. Можно сказать, что, по сути, органы власти в республике – без женщин, так как они оказались фактически вытесненными из активной политической жизни, отчужденными от

участия в разработке и принятии государственных решений, особенно касающихся их самих.

Так же было и в начале прошлого века, когда женщины предпринимали безуспешные попытки получить разрешение на образование, на доступ к профессиональному труду, к участию в избирательных кампаниях и др. Как тогда, так и сегодня женщинам в основном отводятся должности в лучшем случае второго, а то и третьего плана, далекие от непосредственного участия в политике и связанные преимущественно с исполнительскими и техническими функциями. Поэтому имеющаяся ситуация с выдвижением женщин на руководящие должности наводит на весьма грустные размышления. Господствующая в обществе патриархальная политическая культура и по сей день затрудняет доступ женщин в политику, изображая ее как сугубо мужское дело. Перечислим некоторые из наиболее распространенных стереотипов и мифов о положении женщин в обществе: женское предназначение – дом и семья; женщина не может быть хорошим руководителем; занятость женщин на работе оказывает негативное воздействие на детей, в целом ведет к распаду брачно-семейных устоев; женщины не стремятся к успеху; политика – не женское дело. Эти и другие подобные мифы отражают реально существующее их неравенство в обществе. Потому необходимо принятие соответствующих мер, законов, которые бы регулировали подготовку резерва кадров из числа женщин, расширять их представительство в политических и государственных структурах. Сегодня, при острой нехватке квалифицированных кадров, большим минусом выступает, полагаем, незначительность использования женского потенциала, а то и вовсе его игнорирование. В столь сложный период невостребованной остается такая большая группа населения, как женщины. По мнению экспертов, для того, чтобы общество стабильно развивалось и функционировало, следует на всех уровнях иметь не менее 30–40% женщин. Для этого необходимо ввести квоты и разнарядки на кадры из числа женщин, что является нормой в условиях развивающейся демократии.

Еще на одном моменте хотелось остановиться. По данным социологических исследований, процесс политизации женского сознания в начале перестройки затем сменился разочарованием в политике, падением доверия ко всем партиям и общественным движениям. Возникший поначалу буквально взрыв социальной и

духовной активности людей, в частности, женщин, уже с начала 1990-х гг. пошел на убыль. Причин, объясняющих это, много. Так, одна из них – существующее противоречие между теорией и практикой демократизации общества, предусматривающих предоставление женщинам широких политических прав и свобод, реальную, а не словесную, формальную ликвидацию дискриминации по признаку пола во всех сферах общественной жизни, с одной стороны, и целенаправленным отчуждением женщин от политики, от власти, от участия в принятии государственных решений и ответственности за их осуществление – с другой.

В нашем обществе уже давно существует «двойной стандарт» в отношении к женщине. С одной стороны, – право быть избранной во все структуры власти, с другой, – низкий статус в общественном сознании, отсутствие должного представительства в руководящих органах. Хотя в мировой практике примеров женского представительства у руля государственной машины можно привести немало: Б. Бхутто, Х. Зия, Г. Брунтланд, М. Тэтчер, Э. Крессон, М. Бачелет, А. Меркель и др. Так, в Норвегии доля женского представительства в парламенте (стортинге) довольно внушительна – около 40%. Женщины возглавляют крупнейшие политические партии страны, объединение профсоюзов. В России сегодня на этом уровне до недавнего времени блистала единственная женщина-губернатор В.И. Матвиенко. Хотя ситуация и стала меняться, ведь в российском правительстве уже три министра женщины, еще две возглавили регионы, но это мало меняет сложившуюся ситуацию. В одном интервью на вопрос «почему Россия не готова к «женской власти?», В.И. Матвиенко ответила: «Россияне еще не готовы видеть дам на высоких госпостах». Поэтому вопросы подготовки женщин к управленческой деятельности сегодня приобретают большую общественно-политическую значимость. Среди путей решения этой задачи можно выделить следующие: создание учебных центров по подготовке женщин–лидеров в политической, экономической и культурных сферах; научное обеспечение их деятельности; формирование благоприятного общественного мнения о женщинах-руководителях, женщинах-политиках; государственная политика по поддержке и продвижению женщин в сферу политики, управления, предпринимательства, крупного бизнеса; изучение и внедрение международного опыта. Конечно, отрицать наличие многих позитивных

тенденций в активизации роли женщин в общественно-политической жизни, других сферах на современном этапе не можем. Но невостребованность огромного женского потенциала – налицо. Истинные причины подобного положения более глубокие, они исходят, прежде всего, из того, что женскому вопросу в государственной политике всегда отводилось и продолжает отводиться второстепенное значение.

В.Э. Бармина,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия современного искусства

«БАБЫ БОГОМЕРЗКИЕ» КАК МОДЕЛЬ ЖЕНСКОГО АНТИ-ИДЕАЛА В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В христианской картине мира через женщину пролегает путь к гибели и, одновременно, через нее обретается спасение. Этим двум архетипическим моделям – светлой и темной, – соответствуют два женских символа Конца времен. Апокалипсис представляет вавилонскую блудницу как сгущающуюся тьму, в то время как на другом полюсе в последний момент истории сияет Новый Иерусалим, описываемый в терминах света[1].

Двойственность в отношении к женщине в средневековой культуре нашла свое отражение в словесности, особенно в церковной, где женский образ постоянно варьируется, приобретая черты всех ликов – от высшей точки – идеала, до самой низшей – анти-идеала.

Физиологические и биологические особенности женского организма (менструальный цикл, роды) видятся в «культуре мужчин» как дурные элементы, проявляющие нечистоту женской натуры, нечист также и тот, кто прикоснулся к источнику этой нечистоты – женщине. Объект воздействия темных сил, существо, в котором происходят странные физиологические процессы, немощная телом и нечистая по природе, пустая и пассивная – такой представляется женщина мужчине – существу активному и творческому[2]. Значение этого отношения к женщине, в особенности, в русском православном менталитете подчеркивал Г.П. Федотов, который отмечал, что «…убеждение в неполноценности женщины постепенно развивалось на Руси более из

[1] Евдокимов П. Женщина и спасение мира: О благодатных дарах мужчины и женщины / Пер. с фр. Кузнецовой Г.Н. Минск, 2007. С. 211.
[2] Там же. С. 174.

идеи ритуальной нечистоты, чем из представления о ее моральной неустойчивости» [1].

История грехопадения и роль в ней Евы становятся, по сути дела, топосом в христианской «женофобской» литературе. Коварство, мстительность, злоба библейских женщин создают в христианском мировоззрении представление о женщине не только как об опасности вообще, но и как о пособнице дьявола, что также является постоянным мотивом рассуждений на «женскую тему». «О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!» – восклицает Даниил Заточник[2].

Женский социокультурный идеал представлял собой определенный установленный набор добродетелей. В то время как оппозиционный образ разворачивает перед читателем гораздо более широкую панораму качественных характеристик. Это позволяет предположить, что демонический анти–идеал своей отвратительностью способствовал утверждению христианских канонов и одновременно наглядно демонстрировал отступление от них.

Реальная практика христианства в Средние века вопреки сути Евангельского учения оказалась насильственной, агрессивной, маскулинной. В связи с этим встреча мужского и женского социумов не образует органической целостности[3]. Кризис маскулинной матрицы проявляется в том, что реальное господство мужского порождает его трансцендентное преодоление в маргинальных формах ведовства. Это поддерживалось и дохристианскими представлениями. Способность женщин к продолжению рода, а значит и связь их с древними могучими хтоническими силами, вызывала в народном сознании образы чародеек, колдуний, ведьм.

С этим, по нашему мнению, связано появление образа «баб богомерзких». Этим именем называли на Руси XI–XVII вв. колдуний,

---

[1] Федотов Г.П. Русское религиозное сознание: Киевское христианство, X –XIII вв. // Православие и католичество: социальные аспекты. М., 1998. Серия «Актуальные проблемы Европы». Вып.3. С. 122–152.

[2] Моление Даниила Заточника // Древнерусская литература. М., 1996. С. 133.

[3] Ерошенко Т.И. Биполярность и целостность мужского и женского как универсальная проблема человека. Автореф… д.ф.н. Ростов/н/ Д., 2007. С. 16, 27–28.

ведьм, «наузниц», которые, скорее всего, являлись хранительницами языческих обрядов и верований. Дореволюционный исследователь С.И. Смирнов справедливо указывал, что именно благодаря этой группе женщин («бабы–идоломолицы» или «бабы богомерзкие») «в нашем народе после крещения долго жила старая религия» [1].

Женщины средневековой Руси были не только хранительницами ведовских практик, но и основными потребителями их возможностей, что связано, на наш взгляд, с кругом проблем, на которые могли влиять колдуньи.

В первую очередь, ведьмы, как представлялось в средневековом общественном сознании, могли оказать помощь во взаимоотношениях с противоположным полом. В связи с чем обращение к ним по этим вопросам было достаточно частым, что обеспечило длительность существования этих практик.

Кроме решения вопросов взаимоотношений между полами были востребованы также медицинские знания и навыки ведьм – знахарок. Эти знания позволяли оказывать реальную врачебную помощь, поэтому женщины обычно носили больных детей своих к волшебницам, а не к священнику на молитву.

Обращались к «бабам богомерзким» русские женщины и по вопросам женского здоровья, в частности, бесплодия. В этом случае применялись радикальные меры – вроде «детиной пупорезины», «детинного ложа», «семенной скверны». Они же давали женщинам зелья затем, чтобы извести плод[2].

Сфера деятельности русских ведьм, таким образом, охватывала в первую очередь поле «женских интересов» – дом, любовь, здоровье. В связи с этим влияние языческих представлений оказывалось посредством женщины – хранительницы домашних устоев на все население страны и находило свое воплощение в культуре общества.

Стремясь искоренить ведовство в практической жизни, православная идеология, внедряемая в общество, противопоставляет

---

[1] Смирнов С.И. Бабы богомерзкие // «А се грехи злые, смертные…»Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX– начала XX века. В 3-х книгах. Кн.2. М., 2004. С. 273.
[2] Смирнов С.И. Указ. соч. С. 282.

народным кумирам – идеал святости, служения и божественной милости. Характерному для «бабы–идоломолицы» образу действий и жизни противопоставляется некий набор добродетелей, характерных для святой. Источники четко фиксируют процесс, а скорее, даже технологию конструирования женских социокультурных типов, как идеальных, так и анти–идеальных.

Сами образы абсолютны и шаблонированы, практически лишены индивидуальных характеристик, описание их устойчиво и неизменно на протяжении столетий. В постоянном коррелировании идеала и анти-идеала выстраивается определенная социо–культурная аксиологическая система, которая проявляет себя в самом конструировании этих абсолютных, полярных позиций.

Следует отметить, отсутствие в письменной культуре русского Средневековья образа «злого мужа» – противоположного, женского взгляда. Этот взгляд представлен в фольклоре, то есть находится вне письменной традиции. Подобная ситуация в полной мере демонстрирует «маргинальность» женского субъективного присутствия в русской традиционной культуре.

О.В. Саламатова,
Архангельск, Поморский государственный университет

АПОЛОГИЯ ЖЕНЩИН И ЖЕНСКОГО В РАБОТАХ ДЖОНА ДОННА И ОУЭНА ФЕЛЬТАМА

В 1601 г. при обсуждении в палате общин вопроса об ответственности главы семейства за отсутствие в церкви жены Энтони Дайет заметил: «Всякий человек может обуздать мегеру, но только не тот, кто ее имеет» [1]. Шутка прикрывала стремление защитить женкатоличек, равно как и финансы их мужей, однако она была начинена характерным для того времени сарказмом в отношении женщины. Это было время, когда оформлялась английская мизогинисткая литература, хотя ее расцвет наступил уже после смерти царствовавшей тогда королевы Елизаветы Тюдор. Аргументы о

[1] Townshend H. Historical Collection or An exact Account of the Proc-ings of the Four last Parliaments of Q. Elizabeth. London, 1680. P. 224.

порочной природе женщин английские авторы нередко заимствовали у своих предшественников из античности и средневековья. Если Диоген или Катулл высмеивали у женщин склонность к злословию и непостоянство, то Св. Амбросий или Св. Хризостом видели в них глубоко греховную природу. Известные в начале XVII в. высказывания последних именовали женщину «вратами Ада», «аллеей зла», «жалом скорпиона» и «острейшей стрелой дьявола» [1].

Нападки на женщин породили ответную волну памфлетов и речей в их защиту. В этой дискуссии наиболее интересными представляются идеи тех авторов-мужчин, которые выступили против очернения женщин. В их работах почти не было экстравагантных заявлений, они не стремились шокировать окружающих, а содержали позитивный взгляд на женскую природу, объясняли, кем или чем должна быть женщина в этом мире по замыслу Создателя. Данное исследование является попыткой рассмотреть эти вопросы на примере работ двух авторов первой трети XVII в. – выдающегося проповедника и поэта Джона Донна и писателя-моралиста Оуэна Фельтама. Эти люди обладали различным социальным опытом и духовным настроем. О. Фельтам к тому же был еще очень молодым человеком, когда создавал свои эссе, в отличие от Донна, писавшего в зрелом возрасте. Сопоставление их взглядов может показать различные практики конструирования гендера в дискурсе той эпохи и пролить дополнительный свет на место женщины в английском обществе с точки зрения гуманистических и религиозных представлений.

Фельтам неоднократно обращался к женской теме в своем главном труде *«Resolves: Divine, Moral, Political»* (1623), содержащем отдельное эссе «О женщинах», и других работах и письмах. У Дж. Донна эта тема наиболее полно раскрывается в проповеди о женщинах и в проповеди, посвященной памяти Леди Дэнверс (1627).

Эссе «О женщинах» Фельтама и одноименная проповедь Донна начинаются с осуждения идеи о женской неполноценности, крайним проявлением которой было отрицание создания женщины по образу и подобию Божьему. Однако далее каждый автор следует своим путем. Фельтам объясняет господствующее положение мужчины не его прерогативой в связи с более высокими достоинствами, а наказанием

[1] Felltham O. Resolves: Divine, Moral, Political. London, 1670. P. 357–358.

женщины за грех *(«Если бы воздержались они оба, ...она никогда не была бы в подчинении»*). Все его эссе нацелено на то, чтобы доказать, что женщина есть лучшее создание Творца. Физически для воспроизведения потомства она устроена более искусно, чем мужчина. Согласно Библии, мужчина был «сделан» *(«God made man»)*, а женщина «построена» *(«God builded her»)*, как если бы Бог занимался созданием более превосходной постройки с точной композицией. Переходя к психологической характеристике женщины, Фельтам сравнивает ее с мужчиной и утверждает, что Бог не вложил бы худшую душу в лучшее тело. Умеренность и скромность женщины, определяемые ее лучшей конституцией, сопоставляются с неистовством, дерзостью и склонностью к насилию мужчины. Ее милосердие намного превосходит мужское, то есть она ближе к Богу, согласно главному принципу христианства. Таким образом, в женщинах не меньше добродетелей, чем в мужчинах, и по качеству, и по количеству, но политическое устройство общества («*Мужчины всегда заседают в парламенте и предписывают свою волю...»)* и разница в воспитании позволяют представлять женщин виновными в пороках[1].

Однако Фельтам не так далеко ушел от мизогинистов, как представляется на первый взгляд. Он скорее подтверждает, чем опровергает их идею о склонности женщин к греху, указывая, что души женщин более «ковки», мягки, доверчивы, поэтому они могут быть и много лучше и много хуже, чем мужчины. В последнем случае они являются видом *«самых отвратительных, самых мерзких созданий».* Возникает вопрос, действительно ли Фельтам считал, что женщина была создана равной мужчине, если она столь внушаема и зависима от внешнего влияния? Он пишет, что единственное различие было в поле *(«in the Sex»)*, «*иначе говоря, они оба были Человеком/Мужчиной»(«they both were Man»)* [2]. Но то, что поистине может сделать женщину равной – интеллект, проявление воли, – Фельтам по сути считает мужскими качествами, не присущими женской природе. Так в эссе «*О браке и одинокой жизни»* говорится, что мудрая жена – женщина по своему телу и мужчина внутри, потому что

[1] Ibid. P. 51–53.
[2] Ibid. P. 51.

ее душа подобна душе мужа. Рассудительные и добрые женщины – «*женщины только телом*» [1]. В другом эссе он называет раздраженную женщину сердитым мужчиной женского пола – *she-angry-man* [2]. В письме к даме он комплиментарно сообщает: «*Вы имеете дарования выше возможностей вашего собственного хрупкого пола*» [3]. Парадокс заключается в том, что признавая женщин равными мужчинам, Фельтам не признавал равным мужское и женское. Отсюда достойная женщина получала двойственную природу. Вероятно, он не смог уйти от христианского стереотипа, что Ева была создана *для* Адама: «*Если бы Бог не сделал Женщину с умом подходящим (подчеркнуто мной – О.С.) Адаму, любое животное, какое он сделал, так же служило бы для утоления, как она*». С другой стороны, противоречивость восприятия подводит Фельтама вплотную к идее женской сущности Христа, которую он, впрочем, не развивает: «*Вся плоть, которую имел наш Спаситель, была женской, без всякого мужского вклада в нее*» [4].

Проповедь о женщинах Дж. Донна состоит из двух частей – апологетической и критической. В первой он решительно выступает против всякого искажения Святого Писания относительно женщин и души вообще. Женоненавистнические сочинения, по его мнению, порождены обидами, недостатком мудрости и жаждой парадоксов. Он отрицает различия между дарованиями и умом женщин и мужчин не с помощью спекулятивных рассуждений, а ссылаясь на исторические примеры руководящей роли женщин в управлении государством, дипломатии и религиозных движениях на Западе и Востоке, в древности и современности. И первым ярким примером является Елизавета Тюдор: «*Наш век дал нам такую королеву, какой редко был равен какой-нибудь прежний король*» [5]. В критической части он

---

[1] Ibid. P. 130.
[2] Ibid. P. 219.
[3] To Remilia // Felltham O. Op. cit. P. 73–74.
[4] St. Luke 14.20. And another said, I have married a Wife and therefore I cannot come // Felltham O. Op. cit. P. 64, 359.
[5] Donne J. Women // Donne's Sermons: Selected Passages. Oxford, 1919, P. 86.

обращается к теме плотского греха, в котором чаще всего упрекали женщин. Он его не опровергает, но с помощью риторики фактически минимизирует и делает заурядным по отношению к другим грехам: «*Я желал бы, чтобы нужно было думать так, что из-за того, что она была женщиной, ее называли грешницей, таким образом, [именно] этот грех должен быть ее, как будто они [женщины] не способны на другие грехи»* [1]. Далее он говорит о грехе гордыни. Некоторые женщины только из-за нее не опускаются до плотского греха, и они тоже грешницы. Некоторые из-за презрения к другим сохраняют свое достоинство, и они также грешницы, хотя и не грешат. Таким образом, Донн показывает, что соблазн, приписываемый женщинам, далеко не всеми ими практикуется. Многие от него воздерживаются из-за других грехов, которые не являются уже чисто женскими – грех гордыни считался более свойственным мужчинам. Формально конец проповеди выглядит как порицание греха и поучение. Фактически и в этой части Джон Донн утверждает равенство женщин с мужчинами, но уже не через их дарования, а через их грехи.

Идеям этой проповеди конца правления Елизаветы Тюдор можно приписать политические соображения. Однако проповедь, прозвучавшая в 1627 г. при погребении Магдален Херберт, Леди Дэнверс, уже не могла быть ориентирована на правление женщины. Он представляет историю жизни Леди Дэнверс в виде последовательной смены социальных ролей и связанных с ними ассоциаций. В детстве и ранней юности он уподобляет ее цветку, в первом замужестве – библейскому Иову, поскольку она произвела на свет 7 сыновей и 3 дочерей. Но далее наступило вдовство. Именно этот самостоятельный период Донн называет «величайшим предприятием» *(greatest business)* ее жизни, так как она 12 лет посвятила наилучшему воспитанию своих детей и приумножению состояния. Переселившись в Оксфорд, она компенсировала детям потерю отца второй матерью – Университетом. *Alma mater* имеет в данном случае и обратную ассоциацию, возвышающую деятельность покойной. Второе замужество Магдален он рассматривает с точки зрения ее женских достижений, а также хозяйственной и общественной деятельности. Именно благодаря своим исключительным женским

[1] Ibid. P. 87.

качествам она вышла замуж за Сэра Джона Дэнверса, который был моложе ее на 10 лет, обладал значительным состоянием и положением при дворе, то есть брак был по любви. По согласию мужа она продолжала управлять состоянием и была активным благотворителем. Донн называет ее «Божьим стюардом», в полном объеме в женском варианте применяя идею Фомы Аквинского о частной собственности. Благотворительность Леди Дэнверс предстает как неустанная общественная работа. Обращаясь к ее загробной жизни, Донн объявляет ее последнюю и вечную «социальную» роль – быть примером для других – и ассоциирует ее со святыми. К концу жизни она объединила в себе все социальные роли: была лучшей Супругой для одного, лучшей Матерью для многих, лучшим Соседом для города, лучшим Другом для большого количества благородных друзей, и наилучшим примером Святой Души для всего мира[1].

Модель жизни Магдален Херберт, выстроенная Дж. Донном, содержит наряду с женскими мужские ассоциации – Иов, Университет (постольку, поскольку это был мужской институт), Друг, Стюард, Благотворитель *(Almoner)*. Однако, в отличие от Фельтама, двойственную позицию Магдален Херберт Донн считает естественной для женщины ее происхождения и не делает никаких оговорок насчет способностей ее пола. Это была линия христианского гуманизма, рассматривавшая всех людей вне зависимости от пола или этнического происхождения с позиции равенства и не нуждавшаяся в интеллектуальных усилиях для интегрирования женщины в систему по преимуществу «мужского» мира.

Е.В. Ануфриева,
Волгоград, Волгоградский институт бизнеса

ПОНЯТИЕ «ЖЕНСТВЕННОСТЬ» В «МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ» И. БАХОФЕНА

Изменение характера общественных отношений приводит к новому взгляду на женщин, особенно на роль женственности в судьбах человечества. Понятие «женственность» выражает специфику

[1] Donne J. Funeral Sermon on Magdalen Herbert, Lady Danvers, 1627 // Donne's Sermons. P. 36–37.

личности женщины, позволяет сделать это объективно при условии соотнесения понятия «женственность» с понятием «мужественность», поскольку первое существует и имеет смысл лишь при наличии второго.

Анализируя процесс изменения социальных отношений в разные периоды времени, важно учитывать доминирующий в обществе тип социализации, механизм передачи существующих норм и ценностей. Развитие патриархата определяет в качестве доминирующего начала и, соответственно, главного критерия социальных ценностей мужское начало. Это находит отражение, в первую очередь, в ужесточении бинарного восприятия мира, противопоставлении мужского женскому, построению социальных отношений на принципах господства–подчинения.

Возникновение и развитие феминизма как явления общественной жизни многих европейских стран послужило началом продолжающейся до сего дня дискуссии о женских добродетелях, о правильности оценки роли женщин в истории человечества, о феминизации как женщин, так и мужчин, особенно в настоящее время. Особенный интерес в данном контексте представляет, по нашему мнению, обращение к толкованию понятия «женственность» в гинекократическом учении, выдвинутом и тщательно разработанном И. Бахофеном.

В книге «Материнское право», обосновывая свой метод исследования, И. Бахофен выявляет характерные черты и религиозные основы матриархата [1]. Материнское право, по его мнению, относится к более ранней ступени развития, чем система патриархата, и лишь с победоносным наступлением последнего его (материнского права) полное и ничем не стесненное процветание сменяется упадком.

Особенно ярко, по мнению И. Бахофена, гинекократическая культура [2] демонстрирует единство господствующей мысли. Все ее

---

[1] См. подробнее: И. Бахофен. Материнское право. Классики мирового религиоведения. М.,1996. С. 216–267.

[2] Гинекократия («женовластие») – термин, введенный в научный оборот Бахофеном для обозначения одной из стадий в развитии человеческого общества. Ее основными признаками он считал учет родства по материнской линии и главенство женщин в общественной жизни. В современной литературе вместо термина "гинекократия"

проявления отлиты по одной форме, все несут на себе печать единой, замкнутой в себе ступени развития человеческого духа. Принципат материнства в семье нельзя рассматривать как обособленное явление. То самое противоречие, в котором находится принцип патриархата и принцип материнского права, с необходимостью должно пронизывать все формы жизни, которые присущи каждой из двух систем.

Первое наблюдение, которое подтверждает внутреннюю логичность гинекократического мира, состоит в преимуществе левой стороны перед правой. Левое относится к женской, страдающей, правое – к мужской, деятельной природной потенции. Не меньшее значение имеет при этом и второе проявление того же самого фундаментального закона: преимущество ночи перед днем, рождающимся из ее материнского лона. Противоположное отношение полностью противоречило бы гинекократическому миру. Уже древние ставили в одну линию преимущество ночи и предпочтение левой стороны, связывая и то и другое с принципатом материнства; именно здесь древнейшие нравы и обычаи демонстрируют нам, что мы имеем дело не с абстрактной философской мыслью позднейшего происхождения, а с реальностью первоначального образа жизни – это и использование ночи как единицы исчисления времени, и выбор ночи для битвы, для переговоров, для правосудия, и предпочтение темноты для культовых действий.

Если в отцовском праве основным является принцип ограничения, то в материнском – божественный принцип любви, единения и мира, принцип всеобщности: первый предпочитает замкнутость в узком кругу, второй не знает никаких границ – так же как и жизнь природы.

Является общепризнанным, что из многих существующих рычагов развития всякой цивилизации наиболее могущественным выступает религия. Но даже религиозное возвышение женщины перед мужчиной вызывает зачастую некоторое удивление, и преимущественно потому, что это противоречит распределению физической силы между полами. Закон физической природы передает скипетр власти сильнейшему. И если его вырывают более слабые руки, значит, в дело вступили другие стороны человеческой природы, значит, сыграло свою роль воздействие более глубоких, нравственно-психологических сил.

чаще всего употребляется термин "матриархат".

Известно, что во все времена женщины оказывали большое влияние как на мужчин, так и на образование и культуру всего народа благодаря тому, что женский дух устремлен к сверхъестественному, божественному и чудесному, то есть, неподвластному закономерности и иррациональному; женщины имеют преимущественное предрасположение к богобоязненности и особенно призваны к тому, чтобы охранять почитание божества. Эти утверждения восходят по преимуществу не к греческой мудрости, но к более древней – восточной, к «неподвижному африканскому и азиатскому миру».

Следует подчеркнуть имеющую место в философии убежденность в том, что издавна вся набожность исходит от женщин и распространяется на мужчин, и что ими – женщинами, – охраняется, питается и укрепляется вера. Большей физической силе мужчины женщина противопоставляет сильнейшее влияние ее религиозности, принципу силы – принцип мира, кровавой вражде – примирение, ненависти – любовь. Внутренняя связь гинекократии с религиозным характером женщины открывается во многих частных явлениях.

Гинекократия оказалась, по мнению И. Бахофена, периодом религиозного углубления и предчувствия, периодом богобоязненности, набожности, благоразумия, благонравия, справедливости – свойств, которые проистекали в основном из единого источника и с примечательным единодушием прославлялись в древности всеми материнскими народами. Нельзя не усмотреть во всех этих явлениях внутренней взаимосвязи.

В эпоху по преимуществу женского господства все, что отличает женскую природу от мужской, должно было сказаться и на той гармонии, которую древние обозначали главным образом как «женственность», и в той религии, в которой любовь возвышается до всеобщего осознания ее тождества с главным законом Вселенной как высочайшая потребность женской души. Кроме того, отличие женской природы от мужской можно увидеть и в том постоянстве, в том консерватизме всего бытия, к которому женщина предназначена самой природой. Развитие патриархата выдвинет на передний план совершенно иные черты человеческой природы.

С женщиной связано первое возвышение человеческого рода, с женщиной – прогрессивное движение к цивилизации, к упорядоченному бытию, и первое воспитание, главным образом, религиозное, и познание радости всякого высшего блага. Одним

словом, гинекократическое бытие – это упорядоченный натурализм, его идеальный закон – это плотское, его развитие – преимущественно физическое; это ступень культуры столь же необходимо связанная с материнским правом, сколь непостижимая и чуждая для патриархата.

Если закон человеческого развития с необходимостью предполагает переход от кочевой жизни к домашнему поселению, то это в высшей степени отвечает предрасположенности женской души и с удвоенной скоростью осуществляется там, где влияние женщины действительно значимо. Женский пол ощущает свое природное предопределение в фиксации жизни. Возвышение бытия и всей цивилизации зависит преимущественно от обоснования и обустройства домашнего очага.

Концепция матриархата И. Бахофена оказалась в центре внимания русской философии. Например, Н.А. Бердяев в работе «О назначении человека» приходит к следующему выводу: «В мире происходит встреча, взаимодействие и борьба солнечного, мужского начала с лунным, муже-женственным и с женственным началом земли. В зависимости от преобладания того или иного начала сменяются мировые эпохи. Архаическая, первоначальная эпоха человечества, по И. Бахофену, есть эпоха господства женского начала, матери земли, богов подземных, хтонических» [1]. Для Н.А. Бердяева пробуждение и личности, то есть начала «солнечного» и мужского, и победа его исконным господством матриархата над первобытным космическим коммунизмом, над женской религией земли и подземных богов, есть положительный космический процесс.

Многочисленные толкования женственности / мужественности сводятся к обоснованию их взаимодополнения, как в единстве противоположностей, так и в выполнении социальных ролей.

Сущность женского начала постигалась и в осмыслении различий отцовства и материнства. В философской мысли Серебряного века, последнее, трактуется как метафизический принцип. Женское начало в его материнской ипостаси воспринималось как начало, посредствующее между богом и человеком. С трактовкой специфики женской природы связаны представления об особой женской религиозности. Наиболее отчетливо эта мысль оформлена В.И. Ивановым: мужественная «добродетель внутреннего дерзания»

[1] Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 68-69.

есть начало самоутверждающееся и потому богоборствующее; между тем как «религиозная в собственном смысле этого слова душа» есть душа женская [1] . Вероятно, представление об особой предрасположенности женщины к религии, ее связь с подсознанием, ее таинственность, ее неоформленность и потому отсутствие предела дали основания для представлений об апокалиптичности женского начала.

В условиях доминирования женской культуры, представленной в концепции матриархата И. Бахофена, «женственность» определяется как гармония с природой, богобоязненность, набожность, справедливость, постоянство, консерватизм всего бытия, к которым женщина предназначена самой природой. В современном обществе, по нашему мнению, предпринимается попытка идеализации подобного представления женственности, что позволяет, по мнению инициаторов этого процесса, возродить ценность всего того, что традиционно связывают с семейными ценностями.

Д.В. Минец,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ЗАПИСКАХ Н.А. ДУРОВОЙ «КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА. ПРОИСШЕСТВИЕ В РОССИИ»

Настоящая статья посвящена исследованию гендерной интерференции в записках Надежды Дуровой «Кавалерист–девица. Происшествие в России» (1836). Под гендерной интерференцией понимается не только сам факт переодевания (в терминологии О.С. Осиновской [2] – кросс-гендерное переодевание), то есть перевоплощения женщины в мужчину, но и особый вид языка, точнее – разноголосие, то есть разнообразие стилей речи внутри одного

[1] Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 88.
[2] Осиновская О.С. Гендерная интерференция в фильме «Здравствуйте, я ваша тетя» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. № 3. С. 259–264.

говорящего субъекта и речевого жанра (автодокумент как способ построения собственной идентичности).

Записки Н.А. Дуровой – «редкий случай прижизненной публикации мемуарно-автобиографического текста[1], написанного женщиной со специфической судьбой» (Дурова, уйдя в 23–летнем возрасте из родительского дома, 10 лет провела на армейской службе, выдавая себя за мужчину, участвовала во многих военных кампаниях; до конца своих дней носила мужской костюм и называла себя в мужском роде).

На всем протяжении текста, за исключением первой главы, между нарратором и героем существует определенный зазор, эксплицитно выраженный в различии пола и имени. Женский нарратор (Дурова), обозначающая себя грамматически в женском роде, рассказывает о себе–персонаже, который носит имя сначала Дуров, а потом Александров и именуется в мужском грамматическом роде. Текст, ясно соотносимый *с традицией «мужского» жанра военных мемуаров*, в качестве *референтной группы адресата* предполагает, однако, женщин. Предлагая «Записки» для издания Пушкину, Дурова пишет: *«Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественниц»*.

В дискурсивном аспекте «Записки» – также сложное автодокументальное образование. Военный дискурс является доминирующим типом рассматриваемого автодокументального дискурса Дуровой, включая в себя при этом и другие виды общения (художественный и бытовой типы дискурса, способствующие: первый а) повышению читательского интереса, б) активизации образного восприятия читателем выстраиваемых автором персонажей; второй – установлению доверительных отношений с адресатом, созданию иллюзии его непосредственного участия в акте коммуникации, для чего максимально упрощается лексическое и синтаксическое наполнение дискурса).

Непоследовательная гендерная позиция автора составляет специфику самопрезентации Дуровой как языковой личности. Дневниковый текст первой части обозначает гендерную проблематику:

---

[1] Савкина И.Л. «Пишу себя…»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere, 2001. С. 158.

«Я»–модель подростка, изначально выстроенная на общей оппозиции «я – мир», по ходу текста вытесняется частной ее вариацией *«я – другие»* (рассказ своей истории как истории изначально ненормативного существа), которая в свою очередь обозначает две тематические парадигмы самоидентификации, условно дефинируемые как а) *не–женское («Я была необыкновенной величины, имела густые черные волосы и громко кричала»)*; б) *не–мужское («…мне должно носить усы, а их нет и, разумеется, не будет»).* Доминирующие в приведенных текстовых фрагментах слова с повторяющимся структурным или семантическим формантом «не», с семантикой отрицания указывают на повторяющуюся идею «отсутствия» привычных для культурного сознания обычного человека репрезентов мужского / женского, что логично интерпретировать как некий кризис идентичности. Дискурс вынужденного выбора мужского мира обусловлен тем, что именно мать закрывает возможность самоидентификации с женским. Поведение матери, реконструированное Дуровой, маркировано семантикой насилия и разрыва, в то время как мужчины – это те, кто жалеют и защищают. Не только мать, но и все другие женщины детства маркированы однозначно негативно: семантика контроля, принуждения, соотносимая с традиционным патриархатным, мужским дискурсом, здесь маркер женской когнитивной сферы.

В русской картине мира роль женщины, как правило, ограничивается пространством дома. Женская когнитивная субсфера эксплицирована *концептами замкнутого, тесного пространства* (дом, горница, угол) и когнитивными метафорами процессуального характера (пеленание, шнурование, заплетание волос в тугую косу), следствием чего становится их гендерная маркировка: несвобода как неотъемлемый атрибут женственности: «*Может быть, я забыла бы наконец все свои гусарские замашки и сделалась обыкновенною девицею, как и все, если б мать моя не представляла в самом безотрадном виде участь женщины. Она говорила при мне в самых обидных выражениях о судьбе этого пола: женщина, по ее мнению, должна родиться*, *жить и умереть в рабстве*…». Мужской пол, наоборот, становится репрезентом свободы. Мужская и женская когнитивная сферы обуславливают наличие семантической оппозиции «свое / чужое» и соприсутствие двух способов речевой организации в тексте: близость описываемого явления или события «мужскому» миру

Дуровой характеризуется позитивно-оценочным тоном повествования (в прагмалингвистическом смысле – «мужской» дискурс).

Семантика гендерной «особости», «инакости» доминирует в автодокументальном дискурсе Дуровой. Она актуализируется автором специализированными речевыми сигналами – *маркерами.* В случае с Дуровой к таковым следует отнести заглавную *автономинацию* «кавалерист-девица» (сложная в аспекте грамматического рода двухкомпонентная словоформа определит ее «речевой портрет»), а также ряд косвенных валентностей образа: *«гусар–девица», «гусар–девка», «дочь–богатырь»*. Бинарная структура гендерной метафоры–номинации носит культурно–символический характер. Оценочные характеристики других субъектов мемуарно-автобиографического дискурса характеризуются гендерным рассогласованием: словарные дефиниции номинаций первой части *«дитя», «ребенок»* не подразумевают гендерную определенность. Дихотомия мужского / женского как позитивного / негативного подчёркивает превалирование маскулинной установки.

Женщины-авторы придают в своем творчестве большое значение характеристикам *ума*, что является признаком осознания своей роли в обществе и попытке её изменить: «*При таком-то расположении ума и воли моей…*». В автотексте Дуровой встречаются типичные для женского восприятия концептуальные метафоры, в основе которых скрыт уклад привычных для женщины занятий (к таковым относится когнитивный предикат «разглаживание белья»): «*Воинские мечты мои начинали понемногу изглаживаться в уме моем*».

Для мемуарно–автобиографического дискурса Дуровой характерно нарушение семантического согласования при введении полупредикативных структур сравнений и приложений, заданных именами, обозначающими лиц мужского пола или являющимися интертекстуальными элементами, традиционно трактуемыми общественным сознанием как эталоны мужественности («*…воинственного вида, делавшего меня похожею на Ахиллеса в женском платье…*»). Однако последовательную семантику «мужского» дискурса у Дуровой нарушает экспрессия, поддержанная синтаксисом и характерная для канонического жанра женского дневника (*говорение «курсивом»*): *«…бедные гуси! Вид их припомнил мне просьбу Подъямпольского! припомнил, что одному из них непременно надобно будет умереть! Ах, как мне стыдно писать*

это!». Подобное языковое поведение не соответствует гендерной модели идеала мужественности, ограничивающей проявления чувств (исключение ненависть к врагу, любовь к родине): женская сентиментальность табуирована в военном дискурсе.

Ее автодокумент в этом плане написан (сама манера писать) вне гендерных рамок. По замечанию И.Л. Савкиной[1], в ее дискурсе имеет место четкое *дистанцирование концептов* «воин» и «насилие»: сцены сражения, непосредственно кровавого боя практически отсутствуют в тексте, а те, что есть, получают эмоциональную оценку ужаса и сострадания (женский дискурс). Теми же коннотациями сопровождается и близкий к военному дискурс охоты, также маркируемый как сугубо мужской. Что касается изображения женщин и мужчин в военной части, то оно традиционно и укладывается в рамки существующих культурных канонов мужественности / женственности. Когнитивная сфера мужского и формула личности самой Дуровой выстроена с опорой на *«лингвокультурный типаж»* [2] *гусара*, чье поведение было обусловлено общими этнокультурными доминантами России. Для русского социума в целом культурогенными являются характеристики поведения людей, чье основное занятие – вести войну или готовиться к войне. В этом плане формула личности Дуровой, «женщины–гусара», скорее подчеркивает маскулинность этого лингвогендерного типажа, изначально ориентированного на героический архетип. Весь текст Дуровой пронизан протестом против сковывающих женщину гендерных стереотипов; ее ситуация «на границе», на нейтральном полюсе между женственностью и мужественностью дает ей свободу, но и создает кризис идентичности. Не соглашаясь со стереотипами женственности, она в то же время не во всем принимает и современные ей стереотипы мужественности: этакий «неполноценный гусар» [3]. Как итог имеем согласовательную аномалию, подчеркивающую противоречивость наличия в одной предикативной единице «мужских» и «чисто женских» грамматических характеристик. В записках имеем дело с целой последовательностью

---

[1] Там же. С. 185.

[2] Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. С. 3.

[3] Савкина И.Л. Указ. соч. С. 185–186.

грамматических метаморфоз (*ж.р.* ↔ *м.р.*): *«Я сказала, что желал бы служить в Коннопольском полку…»*.

Автор намеренно «выходит из сферы, назначенной природой и обычаями женскому полу, присваивая новую гендерную и половую идентичность (Дуров, Александров) и отвергая существующие «исконно женские» гендерные стереотипы. Наперекор закрепленному в обществе мнению на первый план выходят иные гендерные ценности: личностная свобода, слава. Формульная номинация «кавалерист–девица» как продукт гендерной интерференции в социокультурных целях синтезирует когнитивные сферы мужского и женского, конструируя новую гендерную идентичность. При этом речь идет не о смене пола, а о смене гендерного статуса, маркером которого и становится свобода. Написание автобиографического текста стало для Дуровой еще одним, самым главным способом через создание «графической» самости обрести эту самость – не женскую и не мужскую (или и женскую, и мужскую), – персональную.

У.С. Кузнецова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

«ВОСПОМИНАНИЯ» Т.А. АСТРАКОВОЙ КАК САМОИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Женская автодокументальная проза на протяжении всего XIX столетия подвергалась дискриминации со стороны «большой» [1] литературы; исключение составляла, пожалуй, лишь та часть «женских» воспоминаний, которая «служила» мужчине и была обращена к освещению «его» жизни и деятельности. Большинство исследователей полагают, что подобная тенденция объяснима тем, что долгое время в обществе существовало убеждение, согласно которому описания и, как следствие, памяти достойны лишь события и лица, признанные значимыми в истории и для истории. Однако уже в XIX в. известно немало женщин, чьи мемуары важны для истории литературы, в первую очередь, как произведения, запечатлевшие

[1] Савкина И.Л. «Пишу себя ...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere, 2001. С. 10.

жизненный путь «социально значимых» мужчин. Ярким примером воспоминаний с подобного рода установкой являются «Воспоминания», принадлежащие Т.А. Астраковой, которая известна как одна из участниц московского кружка А.И. Герцена.

«Воспоминания о А.И. Герцене» явились главным литературным трудом Т.А. Астраковой, над которым она работала в 70-х гг. по просьбе родственницы А.И. Герцена Т.П. Пассек, создавшей книгу «Из дальних лет». В результате в разные главы второго тома книги Пассек оказались включены отрывки из воспоминаний мемуаристки, в которых рассказывается о женитьбе Герцена, о жизни его с женой во Владимире, затем в Петербурге и Новгороде. Примечательно, что полный текст воспоминаний Астраковой остается неизвестным, а потому рассматривать их можно только в составе книги Пассек.

Воспоминания Астраковой с точки зрения своей установки являются весьма традиционными, т.к. *формально* они посвящены рассказу о жизни и деятельности А.И. Герцена. Однако фактически большая часть текстового пространства отведена в них отнюдь не воспоминаниям о крупнейшем деятеле русского освободительного движения, а воспоминаниям о его жене – Н.А. Герцен, которая и становится их главной героиней. Подобный «маневр» писательницы может расцениваться, с одной стороны, как «мимикрия к существующим социокультурным нормам» [1], но, с другой, напротив, - как некий бунт против них. В этом смысле «Воспоминания» Т.А. Астраковой находятся в позиции даже не «тройной маргинальности» [2], присущей, по мнению И.Л. Савкиной, всем женским автодокументам. К трем и без того компрометирующим произведение писательницы факторам, среди которых и «пограничность» его жанра, и «второстепенность», с точки зрения патриархальной традиции, добавляется еще один. Ничем не завуалированное описание женского «Я», доминирующее во всех смыслах над «Я» мужским, делает воспоминания Т.А. Астраковой еще более сомнительными в свете тенденции к «социальной значимости» объекта описания.

Т.А. Астракову и Н.А. Герцен связывали долгие дружеские отношения, которым обе оставались верны до конца своей жизни. Это

---

[1] Там же. С. 53.
[2] Там же. С. 29.

во многом проявилось в том, что Т.А. Астракова, создавая свои «Воспоминания» в 70-х гг., сумела чрезвычайно эмоционально рассказать о событиях едва ли не тридцатилетней давности. Кроме того, в оценках главной героини произведения, Н.А. Герцен, прослеживается если не желание увековечить образ идеальной, с точки зрения Т.А. Астраковой, женщины, то попытка реабилитировать её в глазах общественности. При всем этом интерес может представлять не только рассказ Т.А. Астраковой о Наталье Александровне и Александре Ивановиче, но и попутно излагаемая «история» самого автора, потому как, по словам И.Л. Савкиной, «… любой авторский текст – повествование о себе, саморепрезентация и конструирование собственного идентитета» [1].

Полный текст «Воспоминаний» Т.А. Астраковой остается неизвестным, до нас дошли лишь его фрагменты, посвященные нескольким эпизодам из жизни семьи Герценых, и, как следствие, самого автора. По этой причине говорить о реконструкции целостного психологического портрета автобиографической героини «Воспоминаний» едва ли возможно. Произведение дает представление лишь о некоторых свойствах души Астраковой, которые поддаются воссозданию на основе анализа способов конструирования авторского «Я».

В тексте «Воспоминаний» очень мало моментов, где Т.А. Астракова говорит о себе и о своих чувствах прямо. Эпизоды, в которых она комментирует и описывает свои эмоции, связаны с воспоминаниями об одном из самых драматичных моментов взаимоотношений Астраковой и Натальи Александровны – отъездом семьи Герценых за границу, ставшем для первой буквально трагедией. «Моё горе было самое тяжелое, – пишет Астракова, – я так привыкла видеться с Наташей, делиться с нею взаимно мыслями и жизненными вопросами, наконец, любить её, что для меня было немыслимо остаться без неё… Мне ещё представлялось, что я *хороню* её…»[2].

Мотив смерти и сопряженные с ним мотивы похорон, холода, скорби неоднократно возникают в рассказе Астраковой о том, как Герцены покидали Россию; и это свидетельствует, вероятно, о

[1] Пассек Т. П. Из дальних лет. М., 1963. Т. 2. С. 191.
[2] Там же. С. 641.

глубочайшей душевной травме Татьяны Алексеевны, вызванной тем, что она вынуждена была расстаться с едва ли не с самым близким ей человеком. «У меня постоянно щемило сердце, - отмечает Астракова, - не знаю, предчувствие ли разлуки *навсегда* (*У.К.*) или вообще, потому что я искренно глубоко любила Наташу, и мне было *холодно* (*У.К.*) оставаться без неё» [1]. Таким образом, разлука с Натальей Александровной оказывалась для Астраковой сопоставимой разве что со смертью подруги, отношения с которой во многом были основаны на душевном родстве, неоднократно подчеркивающемся мемуаристкой самыми разными способами.

Так, достаточно часто Астракова, рассказывая о Наталье Александровне, использует своего рода прием «отождествления», будто бы ставя знак равенства между собой и своей героиней: «Случалось, когда *мы* вдвоем сиживали в сумерки в её кабинете, то часто удивлялись, почему не хотят люди понять *нас* и все ищут в *наших* словах то самолюбия, то лицемерия, тогда как положа руку на сердце *мы* можем сказать, что ни того, ни другого нет в *наших* отношениях к друзьям» [2]. Употребление Астраковой местоимения «мы» указывает на полное тождество авторского «Я» и «Я» героини, и потому является одним из способов самоописания.

Еще более часто не столько для построения своего «Я», сколько для утверждения уникальности Натальи Александровны, Астракова сравнивает себя с ней, причем это сравнение всегда не в пользу автора: «Наташа была снисходительнее меня – она была и добрее и развитее меня, она многое прощала людям» [3]. Подобное сравнение со своего рода попутным самоуничижением рождает в конечном итоге нечто похожее на формулу самоописания: Наталья Александровна – воплощение идеала, а я – простая женщина, наделенная качествами, присущими этому идеалу.

Сам факт, что в качестве объекта описания Астракова выбирает именно Наталью Александровну, говорит о том, что через рассказ о ней писательница с наибольшей полнотой и точностью может рассказать о себе.

---

[1] Там же.

[2].Там же.

[3] Там же. С.642.

Астракова, стремясь создать положительный женский образ, останавливается лишь на характеристике узкого круга качеств Натальи Александровны, укладывающегося в «традиционную триаду»: «заботливая мать», «хорошая хозяйка», «верная жена». При этом, несмотря на то, что Астракова наделяет героиню безупречными с точки зрения патриархального взгляда на мир характеристиками, ей, осознанно или неосознанно, удается «бросить вызов» существующим социокультурным нормам.

Так, рассказывая о Наталье Александровне как об идеальной жене, преданной и самоотверженной, Астракова нарушает один из принципов господствующего культурного канона: А.И. Герцен в воспоминаниях писательницы теряет всякие привилегии, предоставленные ему как крупнейшему деятелю русского освободительного движения, и перестает быть непогрешимым. «Для меня странно было одно, – пишет Астракова, – что всякая вина Александра была отнесена на влияние Наташи – почему? <…> Наташа страшно страдала за эгоизм и промахи своего мужа, но её вина была разве в том, что она никому не жаловалась на Александра, никому не выдавала его, напротив, при случае старалась извинять его разными доводами …»[1].

Даже обрисовывая Наталью Александровну с точки зрения легитимированных женских ролей, Астраковой удается представить её как женщину «нового» мира, интересы которой выходят далеко за рамки узкого круга домашних забот и обязанностей. «Я много говорила её детям о достоинствах их матери <…> и если они сумеют описать её жизнь и её характер как следует, то это будет полезно для характеристики русской женщины, которая, выросши под гнетом деспотов, сумела развить свой ум, душу и сердце и стать наряду с замечательными личностями - как женщина, как жена, как мать, и вместе с этим она не была чужда общественных интересов…»[2]. Это приобретает еще большее значение в связи с тем, что, в отличие от Натальи Александровны, все мужчины, описываемые, пусть и очень скупо, Астраковой, (Грановский, Галахов, Огарев) «деидеологизированы» и показаны только в свете личностных

[1] Там же. С.643.
[2] Там же. С.632.

характеристик. В этом смысле подобный угол зрения Астраковой на свою героиню оказывается своего рода вызовом всем существующим социокультурным нормам.

Таким образом, строя свои «Воспоминания» как повествование о других, а не как собственное последовательное жизнеописание, Астракова все же выражает и своё женское «Я», которое будто бы «растворяется» в образе Натальи Александровны, как наиболее близком и значимом для неё образе женщины.

Н.Д. Крючкова,
Ставрополь, Ставропольский государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОГО ОДИНОЧЕСТВА В РОМАНЕ Э. ГАСКЕЛЛ «КРЭНФОРД»

В XIX в. Англия дала миру многих блестящих писательниц, более, чем когда-либо ранее. Им приходилось творить в рамках «мужской» культуры, так или иначе адаптируясь к ней, но их произведения были другими, с иными акцентами, иными оценками, иной манерой изложения. Произведения женского пера нельзя унифицировать, они были разными настолько же, насколько разными были судьбы их авторов. Однако «женская тема» так или иначе присутствовала во всех работах. Вне зависимости от отношения к доминирующим гендерным стереотипам (романы, например, Дж. Остен, воспроизводили более традиционные модели женственности, тогда как у Ш. Бронте, Дж. Элиот более отчетливо выражена тема женской эмансипации), эти работы объединяло стремление говорить о женщине не как об объекте желаний и страхов, а как о субъекте, как о личности, которая хочет иметь право выбора собственной жизни. Помыслы женщины не могут быть связаны исключительно с замужеством и семейной жизнью, необходимо развитие ее индивидуальности. В то время как в патриархальном литературном каноне викторианской эпохи утвердился стереотипный образ незамужней женщины как «старой девы» (персонаж отталкивающий и нелепый), «женские» тексты викторианской эпохи открывают значительно большее разнообразие характеров, их восприятие одиноких женщин и более дифференцированное, и более сочувственное.

К теме женского одиночества обращались многие викторианские романистки, наиболее часто она звучит в работах Элизабет Гаскелл. Однако проблему одиночества нельзя рассматривать изолированно от отношения писательницы к проблеме женской эмансипации, выражавшегося в реальной жизни и впоследствии проецировавшегося на сюжеты, проблематику и образы героинь ее произведений. Критики приклеивали ей самые разные ярлыки, подчас диаметрально противоположные, от феминистки до традиционалистки и даже апологета патриархальной идеологии. Вряд ли жизнь или творчество писательницы можно однозначно уложить в рамки, которые предполагают данные определения.

С одной стороны, Гаскелл, даже находясь в браке, вела достаточно независимую жизнь. Она могла путешествовать в одиночку, распоряжаться собственными деньгами, вести переговоры с редакторами и издателями. В круг общения писательницы входили известные активистки женского движения середины XIX в., иногда она принимала участие в кампаниях в защиту прав женщин. Впрочем, общественно-политическими акциями Гаскелл не увлекалась. Она не видела в законодательных реформах панацеи от неудач в браке, проведение реформ, по ее мнению, полезно только в области политики, но не в области человеческих взаимоотношений, где существует множество иных способов добиться желаемого, не обращаясь к закону.

С другой стороны, институт брака для Гаскелл был чрезвычайно важен. Она была женой священника и рассматривала брак прежде всего с христианских позиций. Для нее это был союз души и разума, в котором оба супруга выполняют свой долг. В сравнении с супружескими обязанностями все остальное, в том числе и литературная деятельность, отходило на второй план. Она не раз выражала благодарность Господу, «что я жена и мать и что я так счастлива в исполнении этих ясных и определенных обязанностей» [1].

Вследствие этого неудивителен интерес, который проявляла Э. Гаскелл к женщинам, «лишенным своих естественных обязанностей как жен и матерей», которым приходилось подыскивать другие

---

[1] Langland E. Nobody`s Angels. Middle-Class Women and Domestic Ideology in Victorian Culture. Ithaca; London, 1995. P. 115.

обязанности, если они хотели чувствовать удовлетворение от жизни[1]. При этом она понимала, что отсутствие брака вовсе не обесценивает женщину. Она может и должна вести полноценную жизнь. Гаскелл волновали причины одиночества. Остаются ли женщины одинокими в силу недостатков собственной внешности или характера, или большую роль играют внешние обстоятельства. Жизненные наблюдения, общение с многочисленными незамужними приятельницами помогали Гаскелл в исследовании этой проблемы. Тема женского одиночества звучит во многих рассказах Гаскелл, прослеживается в ее крупном биографическом произведении «Жизнь Шарлоты Бронте». В наиболее развернутом виде она представлена в романе «Крэнфорд» (1853).

С первых же строк романа Гаскелл обозначает городское «общество» как женский домен: «Начнем с того, что Крэнфордом владеют амазонки: если плата за дом превышает определенную цифру, в нем непременно проживает дама или девица.., какова бы ни была судьба мужей, в Крэнфорде их не видно. Да и что бы они там делали?»[2] Крэнфорд – это мир бездетных вдов и старых дев.

Репрезентация женского одиночества в романе демонстрирует сложность и неоднозначность отношения Э. Гаскелл к проблемам положения женщин, гендерных ролей и стереотипов, вопросам взаимоотношения полов. В тексте не звучит идея одиночества как свободного выбора женщины, скорее, это результат обстоятельств, воспрепятствовавших вступлению в брак. Некоторые из героинь романа не смогли обратить на себя внимание мужчин, некоторые не вышли замуж из-за болезни, некоторые, из-за разницы в социальном положении, некоторые из-за преданности семье. Причины одиночества индивидуальны, как индивидуальны характеры героинь. В них нет какой-то общей черты, которая бы провоцировала одиночество.

Гаскелл считает брак наилучшей возможностью устройства судьбы женщины и наилучшей сферой реализации ее способностей. В «Крэнфорде» нет героинь, которые отказались бы от заключения брака, все героини романа втайне мечтают выйти замуж, пусть надежды на это и не осталось. Сюжеты, оканчивающиеся

---

[1] Ibid.

[2] Гаскелл Э. Крэнфорд. М., 1973. С. 20.

заключением брака, представляют собой хэппи–энд. Отношение Гаскелл к женщинам, не имеющим возможности выйти замуж, скорее сочувственное.

Во многом изображение одиноких женщин укладывается в рамки предписываемых викторианством гендерных ролей. Основная сфера самореализации одиноких женщин – частная. Женщины Крэнфорда замкнуты в городском пространстве и, за исключением рассказчицы Мэри Смит, не имеют никаких контактов с окружающим миром. Приглашения и нанесение визитов, обеденный церемониал, одежда, разговоры, особенности межличностных взаимоотношений, устройство быта, хозяйственные заботы – обыкновенная рутина, которая в викторианской культуре считалась частью так называемой частной, то есть типично женской, сферы.

Они используют традиционные «женские» способы самореализации, то есть те, которые касаются воспроизводства социального и культурного капитала. Это прежде всего регулирование вопросов статуса и социальных взаимоотношений. Осуществляя контроль над доступом в общество, отслеживая соблюдение установленных норм поведения, крэнфордские дамы могли подтвердить собственный авторитет. Этикет в основе своей был тем же, что и в любом другом месте Англии, но он наполнялся многочисленными мельчайшими правилами, которые обладали собственными смыслами, понятными только членам сообщества. Даже отклонения от традиционного этикета становились знаками включенности в сообщество.

Демонстрация влияния происходила и в надзоре за нравственностью общества. При этом нравственность понимается односторонне – главным образом как соблюдение пристойности в вопросе взаимоотношения полов. Поскольку в крэнфордском «светском обществе» молодежи не было, объектом пристального внимания становилась прислуга. Практически все хозяйки вели нравоучительные беседы со своими служанками, воспрещали им заводить «дружков», стремясь сделать из них некое подобие самих себя. Такой образ действий придавал смысл повседневной жизни стареющих женщин, что в отсутствие семьи и работы становилось чрезвычайно важным.

Характерно, что в основе своей дамское сообщество Крэнфорда полагается на ценности, считавшиеся в викторианском обществе

типично женскими: сотрудничества и взаимовыручки, сочувствия, доброты. Оно строится по принципу бинарной оппозиции мужскому миру, превозносившему ценности конкуренции и выживания сильнейших.

Вместе с вышеуказанными традиционалистскими представлениями в романе звучат идеи, близкие современному Гаскелл женскому движению и предвосхищавшие будущее развитие феминизма. Так, во-первых, Э. Гаскелл привлекает внимание к проблеме ненадежного экономического положения одиноких женщин из среднего класса. Эти женщины не были приучены к содержанию самих себя. С детства им была внушена мысль, что за финансовое благополучие женщины отвечает мужчина, что работа женщины свидетельствует о неспособности мужчины прокормить семью и, следовательно, понижает статус семьи. В «Крэнфорде» женщины оказываются в особо сложной ситуации – отсутствия не только мужей, но и братьев или других родственников мужского пола, способных позаботиться о них. Они существуют на скромную ренту, оставленную их отцами, не имея других источников дохода. Проблема недостаточности получаемого женщинами образования и отсутствия доступа к профессиям эксплицитно не выражена, но об этом нельзя не думать во время сцен, связанных с вынужденным поиском работы. Здесь Гаскелл, по сути, вторит лозунгам женского движения середины XIX в. в поддержку законодательных реформ.

Во-вторых, Э. Гаскелл показывает, что у одиноких женщин достаточно ресурсов, чтобы жить активной полноценной жизнью. Непременным условиям для этого является женская самоорганизация и женская солидарность. Женщины Крэнфорда черпают силы в своем сообществе, справляются с проблемами, с которыми в одиночку вряд ли смогли бы справиться. При необходимости женщина может действовать успешно и в рамках мужского, публичного мира, она может проявлять душевное мужество, гибкость, может импровизировать. Мобилизация женских ресурсов, как показывает Гаскелл, может быть не менее эффективной, чем мужская, в самых разных жизненных ситуациях. То есть Гаскелл повышает статус женщин и частично выражает идею женской самодостаточности, особенно популярную в следующей фазе развития женского движения.

И, в-третьих, не все персонажи Гаскелл укладываются в стереотипные рамки «мужского» и «женского». Одни женщины

(например, мисс Мэтти Дженкинс) - мягкие, добрые, любящие, нерешительные, застенчивые, нуждающиеся в опоре, - являют собой воплощение «инфантилизации женщин» в XIX в. Другие (мисс Дебора Дженкинс) наделены, по сути, маскулинными свойствами – волей, решительностью, энергией, бескомпромиссностью. Такие женщины интеллектуально и эмоционально подготовлены к самостоятельной жизни и не ощущают дискомфорта от одиночества. Дебора и Мэтти – полярные противоположности, олицетворяющие противоположность мужского и женского в викторианской культуре. Тот факт, что мужскими качествами наделяется женщина, свидетельствует, что Гаскелл была готова принять идею об изменчивости и взаимозаменяемости гендерных ролей и стереотипов – представление, которое получило развитие в феминизме в более поздние годы.

Е.Н. Меньшикова,
Белгород, Белгородский государственный университет

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-КУПЧИХИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Специфика предлагаемой работы состоит в интерпретации литературного материала второй половины XIX – начала XX в. с точки зрения конструирования репрезентативного образа женщины-купчихи. Как известно, литературно-художественные памятники рассматриваются современной исторической наукой как «нетрадиционный» вид источников [1]. Учитывая ограниченность в количественном отношении женского купеческого нарратива, произведения художественной литературы оказываются весьма полезными источниками при изучении различных проблем женской истории купеческого сословия России.

В литературных произведениях второй половины XIX – начала XX в. образ женщины купеческого звания следует рассматривать сквозь призму самоощущения купечества в социальной

[1] История России XIX–XX веков: новые источники понимания. М., 2001; История и литература // Отечественная история. 2002. № 1 и др.

структуре имперского общества: купеческое сознание включало в себя, с одной стороны, убеждение в неполноправности и ущербности по сравнению с дворянством, с другой стороны, – имплицитное желание любым способом причислиться к благородному сословию. Эту дуалистичность крупный купец Н. Вишняков характеризовал так: «…Отношение купечества к дворянству как к сословию правящему, привилегированному, замкнутому в себе и заинтересованному в преследовании лишь своих узкоклассовых целей, было, естественно, полно недоверия, зависти и недоброжелательности. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху в дворянской. Если купец принимал дворян, это значило, что он добивался подряда, ордена или медали, норовил дочь выдать за “благородного”»[1].

В свою очередь, представители дворянского сословия реагировали на купечество высокомерно и пренебрежительно. Такую реакцию «благородного» сословия ярко проиллюстрировал С. Атава: «На купца смотрели не то чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас. Такой же ты мужик, как и все, вот только синий сюртук носишь, да и пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собою вместе всё-таки нельзя – в салфетку сморкаешься» [2].

Едва ли полностью справедливыми можно считать подобные уничижительные «обрисовки типов купеческого звания» [3]. Вместе с тем в женском мире купеческого сословия указанная специфика взаимоотношений между дворянством и купечеством проявлялась достаточно очевидно, а именно в стремлении девушек купеческого происхождения непременно выйти замуж за «благородного» человека. Вот типичные мысли купеческих девушек – героинь художественных произведений 40-х гг. XIX в.: «Где хочешь возьми, а достань благо-

[1] Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762–1847), собранные Н. Вишняковым. Ч. II. М., 1905. С. 62.
[2] Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 96.
[3] Там же.

родного» [1], «Мне какой бы ни был муж, хоть и собой-то невзрачен, да был бы дворянин» [2].

Таким образом, в первой половине XIX в. в среде российского гильдейского купечества, преуспевавшего в практической деятельности и всячески стремившегося приблизить своё общественное положение к тому уровню, на котором находилось «благородное» сословие, брак с представителями дворянства имел престижное значение и рассматривался как своего рода продвижение по социальной лестнице.

Пореформенное капиталистическое развитие России оказывало существенное влияние на социальную психологию купеческого сословия: осознание купечеством своих возможностей значительно повышало его самооценку. В женской психологии купеческого сословия индикатором возросшей гордости за своё сословие было то, что женщины-купчихи стали иначе относиться к перспективе быть связанной браком с человеком из «благородного» сословия. Поскольку теперь, во второй половине века, купеческий стиль жизни все более становился схожим с дворянским. В такой ситуации купечество рассуждало так: «…У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного, … выйдете вы за благородного – да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. …Одеваются тоже не больно пышно-с…»[3].

Многие литературные источники, аккумулировавшие в себе информацию об образе жизни купечества пореформенного времени, часто однозначно оценивают купеческую среду как отсталую и невежественную, которой были свойственны замкнутость и рутина[4]. Жизнь женщины-купчихи протекала в доме, который «жил тихой, издревле установленной жизнью, полной старых привычек. Никто не смел нарушать в нём заведённые порядки» [5]. Вот примеры типичных

---

[1] Островский А.Н. Свои люди – сочтёмся. М., 1987. С. 41.
[2] Гоголь Н.В. Женитьба. Л., 1988. С. 134.
[3] Островский А.Н. Указ. соч. С. 79.
[4] Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 72.
[5] Дмитриев С.В. Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 121.

описаний устройства и характера купеческого домохозяйства дореформенного периода: «После десяти вечера ворота в доме наглухо запирались. Жизнь велась замкнуто. Принимали только родных, к ним же ездили в гости. Все отношения носили характер церемонный, формальный, почти официальный» [1]. Литературные источники наделяют женщину-купчиху в таком быту функциями сохранения и сбережения того, что приобретает муж[2]. Бережливость купеческих жён иногда граничила со скаредностью и рождала «быт, характеризовавшийся тяжеловатой зажиточностью» [3]; где «царствовала не то чтобы скупость, а какое-то упорное скопидомство» [4]. В качестве яркой иллюстрации бережливости в хозяйстве купеческой семьи служит история происходившей из купеческой среды героини М.Е. Салтыкова-Щедрина – Анны Павловны Затрапезной (в девичестве Глуховой). Она, жалея бумагу, вела по возможности всю корреспонденцию на лоскутках; если это не удавалось, то брала «лист серо-жёлтой бумаги и разрезала его на четвертушки»; для избегания почтовых расходов отправляла письма с оказией[5]. Эта же женщина вместе со своей дочерью-невестой «ухитрялась, в большинстве случаев, проходить даром» на бал, хотя билеты «стоили всего пять рублей ассигнациями» [6].

В художественных произведениях исследуемого периода подробно вырисовывается и внешний облик женщины купеческого звания. В течение XIX в. он претерпевал постепенные изменения, связанные с отходом от традиционно русского направления в одежде, характерного для первой половины века, к костюму, ориентированному на современную дворянскую моду. Колоритно иллюстрирует перемены в сознании – слом традиционного мировоззрения купечества – следующая характеристика купеческой женщины, переживающей вместе со страной период Великих реформ: «Купеческая жена

---

[1] Сведения о купеческом роде Вишняковых… С. 148.
[2] Бюхнер Л. Призвание женщины и её воспитание. СПб., 1857. С. 98.
[3] Боборыкин П.Д. Китай-город. М., 1960. С. 79.
[4] Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М., 1950. С. 19.
[5] Там же. С. 48.
[6] Там же. С. 244.

низенькая расплывшаяся во все стороны женщина, в тёмном платье, пёстром ковровом платке по синему полю, с разноцветными каймами. Полное, старое расплывшееся лицо было очень добро, просто и ничего не выражало. Кроме может быть некоторого уже давно сложившегося удивления, как это ей, пришлось сарафан переменить на ситцевое платье, ситцевое на шерстяное, шерстяное на шёлковое»[1].

Представители дворянского сословия находили, что костюм купеческих женщин «был слишком уж богат, всё в нём переливало через край…» [2]. Вот как дворянин описывал наряды купеческой женщины: «Платье из тяжёлого светло-песочного пая. Этот песочный цвет отзывался «купчихой». Разумеется, самый купеческий цвет. Выбор материи и выдаёт в ней купчиху» [3]. Уничижительные дворянские характеристики внешнего вида купеческих женщин не расходились с саркастической оценкой писателя и драматурга А.Н. Островского, который ярко, но однозначно вывел образ русского купечества 40–50-х гг. XIX в.

Но вместе с растущим в пореформенный период самосознанием к купечеству одновременно пришло понимание того, что приличная, изящная простота нисколько не ниже богатства; а бессмысленное хвастовство и стремление перещеголять друг друга в роскоши всегда доводит до разорения[4]. С другой стороны, наличие у женщин-купчих финансовых средств и прямых возможностей приобретения одежды и обуви, украшений и прочего (они сами – купеческие женщины, – или члены их семейств являлись поставщиками и распространителями необходимых всем сословиям товаров) действительно приводило к тому, что всё чаще они внешне становились мало чем отличающимися от женщин высшего сословия – дворянства. А иногда «туалеты купчих и вовсе решительно убивали дворянские» [5].

---

[1] Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 216.
[2] Наше купеч. с серьёзной и карик-ной стор-ны. М., 1867. Вып. 3. С. 49.
[3] Боборыкин П.Д. Указ. соч. С. 61.
[4] Бюхнер Л. Указ. соч. С. 122.
[5] Боборыкин П.Д. Указ. соч. С. 337.

Вообще подавляющее большинство описаний внешнего облика женщин купеческого звания содержат указание на их дородное сложение и полноту фигуры. Среди высказанных мнений о внешнем виде купеческих женщин встречаются такие, которые носят негативную окраску. К ним принадлежит и следующее суждение: «…В уток жирных, в наших упаточившихся купчих превращаются, которые столько же похожи на женщину… как вот хоть бы эта свинья, из которой вот эта ветчина вырезана» [1]. Вместе с этим во внешнем образе женщины-купчихи отмечалось и явное присутствие чувства собственного достоинства и некоторой горделивости. Иллюстрируют это следующие примеры: «...Овал лица, сановитость его, что-то неуловимое в движениях говорило о коренной Руси» [2]; «…как кланяются купчихи первых домов, одной головой, без наклонения стана» [3].

Таким образом, литературные памятники второй половины XIX – начала XX в. характеризуют образ женщины купеческого звания обширным комплексом структурно–содержательных компонентов, прежде всего выражающихся в раскрепощении стиля ее жизни. А также в осознании себя как представительницы социальной общности, которая отличается реальным влиянием на общество, чья жизненная практика по многим аспектам вплотную приблизилась к образу жизни высшего сословия – дворянства.

Ю.А. Сафронова,
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

ДЕЛО ПРАСКОВЬИ КАЧКИ. ОТ «ЖРЕБИЯ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ» ДО «УБИЙСТВА В ПРИПАДКЕ УМОИССТУПЛЕНИЯ» – МЕТАМОРФОЗЫ ВОСПРИЯТИЯ

15 марта 1879 г. в Москве на студенческой вечеринке девятнадцатилетняя Прасковья Качка застрелила из револьвера

[1] Наше купечество с серьёзной и карикатурной стороны… С. 49.
[2] Боборыкин П.Д. Указ. соч. С. 49.
[3] Там же. С. 48.

студента Бронислава Байрашевского. Это «пикантно–кровавое дело», мотивами которого в конце концов признали «старые как мир» любовь, измену, ревность, больше года будоражило российское общество.

Оставляя в стороне преступницу и причины, побудившие ее совершить убийство, я хотела бы обратиться к тому, каким образом это дело было воспринято судебными властями, журналистами, обществом. Каким содержанием наполняли убийство из ревности, какие стереотипы оказывали влияние на его осмысление. В центре внимания – восприятие «нигилистки», женщины из «кружковщины».

Сразу после первых известий об убийстве появился соблазн увидеть в Качке новую Веру Засулич, женщину-террористку, совершающую убийство по приказу революционной организации. Немало способствовали такому толкованию внешние обстоятельства: в Петербурге разыскивали организаторов покушения на шефа корпуса жандармов А.Р. Дрентельна, а в самой Москве 5 марта был найден труп Н.В. Рейнштейна с запиской: «<...>изменник, шпион, осужден и казнен русскими социалистами-революционерами; смерть иудам-предателям» [1]. М.Н. Катков, сообщая 17 марта в передовой статье об убийстве, задавал читателям вопрос: «Расправа с Байрашевским не находится ли в связи с деятельными розысками, производимыми теперь в Петербурге?»[2].

Так как закон запрещал сообщать в печати любые сведения, обнаруженные дознанием, до судебного заседания, то в газетах появились лишь заметки о похоронах Байрашевского. Примечательны последние были, во-первых, малым числом провожавших гроб, а во-вторых, тем, что никто не вышел проститься с покойным, когда процессия остановилась возле Технического училища [3]. Этот факт показывает, насколько широко распространилось убеждение, что Качка «казнила» Байрашевского по поручению «социально-революционной партии»: бывшие соученики убитого, менее чем за год до того оставившего училище, демонстративно не приняли участие в погребении. Молва придумала и причину «приговора»: Байрашевский

---

[1] Справка по делу об убийстве агента III Отделения Н. Рейнштейна // ГАРФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

[2] Москва, 16 марта // Московские ведомости. 1879. 17 марта.

[3] Последняя почта // Там же. 19 марта.

был участником демонстрации 3 апреля 1878 г., закончившейся в Охотном ряду, а затем дал откровенные показания мировому судье. С этого дела, якобы, началось его сотрудничество с III Отделением[1].

Хотя П. Качка призналась на следствии, что убийство совершено ею из ревности, и прокурор Московской судебной палаты уже 18 марта писал в Министерство юстиции, что преступление не носит политического характера[2], публика этому объяснению не верила. Апофеозом всего дела стало решение суда во время процесса провести дополнительную медицинскую экспертизу. Судьи попытались уличить подсудимую, заявившую, что Байрашевский соблазнил ее, во лжи и тем самым доказать, что она террористка. Аргументом служило утверждение, что подсудимая «страшно некрасива», а потому едва ли могла состоять с кем-нибудь в любовной связи[3]. Как В. Засулич приходилось доказывать отсутствие отношений с Боголюбовым, так теперь П. Качке, в которой желали видеть «вторую Засулич», нужно было доказать такую связь. Товарищ прокурора П.Н. Обнинский писал о реакции на освидетельствование: «Результат [подтвердивший лишение девственности - *Ю.С.*] был для суда и защиты неприятной неожиданностью»[4].

Несмотря на старания прокуратуры представить дело Качки как обыкновенное уголовное дело, в нем все равно искали политический подтекст. Убийство, если в нем не видели террористический акт, старались объяснить нравами «кружковщины», а из Качки сделать закоренелую «нигилистку». М.Н. Катков, например, утверждал, что подсудимая была слушательницей Высших женских курсов, что для московского публициста, очевидно, само по себе было достаточным доказательствам «нигилизма»[5]. Из вопросов, которые председатель

---

[1] Козлинина И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 301–302.
[2] Рапорт прокурора Московской судебной палаты, 18 марта 1879 // РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 2500. Л. 1 об.
[3] Козлинина И. Указ. соч. С. 304.
[4] Представление П.Н. Обнинского прокурору Московской судебной палаты // РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 2500. Л. 12.
[5] Москва, 22 марта // Московские ведомости. 1880. 23 марта.

суда задавал подсудимой, становится ясно, каким виделся ему образ жизни «прогрессивной женщины». Она должна была посещать Курсы, слушать лекции по анатомии, заниматься в Публичной библиотеке[1]. Хотя Качка утверждала, что ходила в библиотеку «от скуки», круг чтения выдавал ее с головой. «Опыт исследования позитивной философии» О. Конта; «Логика» Д. Милля, «Капитал» К. Маркса красноречиво свидетельствовали о ее принадлежности к определенной среде. Корреспондент «Петербургской газеты» иронически комментировал этот набор: «Ах, напрасно юные девы читают этот марксов «Капитал»; трудно себе в голову этот капитал приобрести и невинность соблюсти. Последняя же для дочерей Евы есть лучший капитал, нежели тот, что придуман главою интернационала Марксом» [2]. Также свидетели преступления, которых прокуратура рассматривала как лиц, «давно известных своей неблагонадежностью» [3], показывали, что Качка была «женщиной недюжинною, энергичною, смотревшею на жизнь серьезно, <...> хотела трудиться, приносить чем-нибудь пользу обществу, большей частью занималась текущей журналистикой и всеми общественными вопросами. Занималась политическою экономией» [4]. Эту картину жизни женщины, получающей образование и желающей трудится, портил роман Качки с Байрашевским, под руководством которого она занималась.

Журналисты консервативных изданий смаковали роман подсудимой, который был для них наглядной иллюстрацией нравов, царящих среди «нигилистов». Даже целомудренно-сдержанная газета «Санкт-Петербургские ведомости» позволила себе прокомментировать результат медицинской экспертизы: «Как вам нравятся эти своеобразные нравы и обычаи? Настаивать и пояснять здесь нечего, да и более чем неудобно» [5]. Журналист «бульварной» «Петербургской

---

[1] Судебная хроника // Русские ведомости. 1880. 24 марта.
[2] Ежедневная беседа // Петербургская газета. 1880. 26 марта.
[3] Рапорт прокурора Моск. судебной палаты, 18 марта 1879. Л. 1 об.
[4] Судебная хроника. Заседание 22 марта // Московские ведомости. 1880. 24 марта.
[5] Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1880. 27 марта.

газеты» не был столь скромен. Он уверял читателей, что в «кружках» царят «поголовный нигилистический разврат», «общность жен и мужей», «свобода половых наслаждений и всякая мерзость», а «падение девушки и переход ее на роль «социальной жены» есть обыденный факт» [1].

У дела П. Качки, кроме террористического и «нигилистического», было еще и третье толкование, всегда имевшее большое значение для русских присяжных. Журналист либеральной газеты «Голос», очевидно не желавший видеть в деле малейший политический подтекст, писал: «Поучительность процесса Качки, однако, не в юридической его стороне: гораздо важнее социальная обстановка, среди которой создаются Качки» [2]. Выступившая на процессе мать подсудимой показала, что ее муж дворянин Оренбургской губернии Петр Качка пил запоем, «когда пил, то буйствовал ужасно, бегал за другими с оружием, выкидывался в окно, словом, находился в это время почти в диком состоянии», а «момент зачатия подсудимой был во время пьянства мужа» [3]. В 17 лет Прасковья оказалась в Москве без присмотра родственников. Оценивая сложившуюся ситуацию, психиатр Добров утверждал, что причина преступления в неправильном воспитании: девушка осталась без надзора «в самую пору развития умственных способностей», она «не видела примеров, из которых могла бы почерпнуть представление о неправильности своих действий» [4].

Шесть врачей-психиатров, призванные выяснить степень психической вменяемости подсудимой, дали экспертное заключение не столько по этому вопросу, сколько о том, каким должно быть воспитание и поведение «нормальной» женщины, не «нигилистки». По их мнении, П. Качка совершила преступление, т.к. не получила никакого религиозно-нравственного воспитания (эксперт Добров), не было «здорового влияния» со стороны родителей (эксперт Булыгинский). При этом врачей, впрочем, как всех участников этого дела, более всего волновала потеря невинности вне брака. Врач

---

[1] Ежедневная беседа // Петербургская газета. 1880. 25 марта.
[2] Воскресные наброски // Голос. 1880. 30 марта.
[3] Суд. хр. Заседание 22 марта // Московские ведомости. 1880. 25 марта
[4] Суд. хр. Заседание 23 марта // Московские ведомости. 1880. 25 март.

Державин, единственный, кто утверждал, что подсудимая психически больна, говорил, что тою «командовали половые органы» [1]. Остальные врачи обращали внимание на любовную связь как доказательство «дурного воспитания»: воспитанная девушка никогда бы не «пала». Аналогичного мнения придерживался прокурор П.Н. Обнинский, в обвинительной речи объяснивший роман отсутствием «руководства» молодыми людьми[2]. Следует отметить, что поведение в этой ситуации Байрашевского почти никем не осуждалось. Некоторые журналисты, напротив, выражали сочувствие молодому человеку, который «страдал, избегая ее [Качки – *Ю.С.*] настойчивых преследований, проклиная себя и судьбу» [3].

В конце концов, судьбу П. Качки решил именно «половой вопрос». Прокуратура изначально относилась к подсудимой очень мягко: прокурор включил в вопросительный лист пункт «убийство совершено в припадке запальчивости и раздражения» [4]. Присяжный поверенный Ф.Н. Плевако настаивал, что преступление совершено в состоянии аффекта[5]. На решение присяжных, очевидно, огромное впечатление произвела безобразная сцена, разыгравшаяся в момент назначения председателем суда медицинской экспертизы: «Качка, уступая понятному чувству женской стыдливости, в истерическом припадке упала на скамью, судорожно билась о нее головою, оглашая залу и коридор суда судорожными рыданиями и раздирающими душу стонами» [6]. В итоге присяжные вынесли приговор, глубоко возмутивший одних и одобренный другими: убийство совершено «в припадке умоисступления и совершенном беспамятстве» [7].

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Счастливый приговор // Новое время. 1880. 25 марта.
[4] Москва, 23 марта // Московские ведомости. 1880. 24 марта.
[5] Судебная хроника. Заседание 23 марта // Московские ведомости. 1880. 26 марта.
[6] Кассационный протест по делу дворянки Прасковьи Качки // РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 2500. Л. 9.
[7] Москва, 23 марта // Московские ведомости. 1880. 24 марта.

Дело Прасковьи Качки, известное сегодня разве что биографам Ф.Н. Плевако, позволяет увидеть отношение русского общества к молодой женщине в конце 1870-х гг. Обсуждение убийства Байрашевского прокуратурой, судебной властью, прессой выявляет царившие в это момент стереотипы, страхи, представления о норме в отношении трех женских типов – террористки, «нигилистки», «воспитанной девушки». Обращает на себя внимание, что во всех трех случаях в центре обсуждения оказался «половой вопрос»: невинность или ее отсутствие позволяли судить о причинах преступления, искать смягчающие или отягчающие обстоятельства. Девственность оказывалась тем атрибутом молодой женщины, благодаря которому власть и общество делали заключение о характере, воспитании, поведении и даже степени виновности Прасковьи Качки в совершенном убийстве.

Р.С. Черепанова,
Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

ИДЕНТИЧНОСТЬ, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА В ЖИЗНИ РУССКИХ ЖЕНЩИН–ИНТЕЛЛИГЕНТОК В ЭПОХИ БУРЖУАЗНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (ПО АВТОБИОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)[1]

В так называемом русском «освободительном движении» (всех его оттенков, от либерального до радикального) всегда чрезвычайно большую роль играли женщины, а «всплески» этого движения симптоматично совпадали с витками «освобождения нравов», демократизации моды, обострения «женского вопроса» и тому подобного. Свою роль в такой общественной активности образованных русских женщин - декабристок, держательниц либеральных салонов, писательниц, курсисток, нигилисток, народоволок, диссиденток, – сыграли, вероятно, и традиции христианства, которое в своей ранней истории продвигалось в значительной мере подвижничеством женщин;

[1] Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.). Мероприятие 1».

и философия Просвещения, идеализировавшая «природу», в том числе в облике женщины; и сочинения (как и сама личность) Жорж Санд; и идеи А. Сен-Симона, Л. Фейербаха, Ч. Дарвина; и две волны сексуальной революции, пришедшиеся на 1960-70-е и на 1990-е гг., соответственно. В любом случае: гендерные практики русских (советских, постсоветских) интеллигенток были весьма специфичны (по сравнению с дворянскими, мещанскими, крестьянскими, рабочими), что обозначалось особенно остро в моменты «больших скачков» на пути от традиционного общества к модерному, а именно: во второй половине XIX и в конце XX в. Мне показалось интересной задачей сравнение женского интеллигентского мира второй половины XIX в., с его разнообразными практиками, и женских интеллигентских установок конца XX в. Помимо того, что уже было сказано разными исследователями о подчеркнуто «не-мирском», агрессивно отвергающем все «профанные» практики интеллигентском морально-этическом кодексе (с помощью которого интеллигенция самоидентифицировалась и обосновывала перед народом и властью собственную миссию в модернизирующемся обществе) [1], мне хотелось очертить свойственные именно женщинам-интеллектуалкам ценностные установки, гендерные модели (вместе с их рационализациями, способами усвоения, их переплетением с политическими убеждениями и идеалами). Материал для анализа я планировала почерпнуть, с одной стороны, из автобиографических текстов (писем, воспоминаний, автобиографий, записок) таких героинь, как Н. Тучкова-Огарева, А. Панаева, Л. Шелгунова, С. Перовская,

[1] См. об этом: Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в. Материалы конференции. Сост. К.Н.Морозов / Под редакцией Б.Ю.Иванова и А.Б.Рогинского. М., 1996; Могильнер М.И. Мифология подпольного человека. Спб., 2001; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII- нач. XIX в.). СПб., 1997.; Ольшанский Д.В. Психология террориста // Психология террористов и серийных убийц. Мн., 2004; Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма. [Авторизированный перевод с английского Т. Я. Казавчинской.] М., 1996; Черепанова Р.С. Интеллигенция и «тайное знание» // Неприкосновенный запас. 2010. № 1 (69).

С. Бардина, В. Засулич, В. Фигнер, а, с другой стороны - из устных биографических интервью, записанных мной и моими помощниками в 2005-2007 гг. с пожилыми представительницами интеллигентских профессий.

При кажущейся авантюрности поставленной задачи, на самом деле между интеллигентскими установками с разницей в сто лет можно было обнаружить генетическую связь. И дело тут не только в «сходстве» исторического момента - ограниченные буржуазные реформы в обществе с сильными патриархальными структурами (особенно сильно давящими на женщин-интеллектуалок), проводимые бюрократией и не удовлетворяющие ни «правую», ни «левую» интеллигенцию,- но и в том, что, при всех сокрушительных ударах XX в. по русской интеллигенции, ее этос продолжал сохраняться, ретранслироваться и воспроизводиться как по личным каналам[1], так и через классическую русскую литературу, и, наконец, будучи частично включенным в этику «строителя коммунизма» (аскетизм, антимещанство, приоритет общественного блага над личным и т.д.). Так что можно вести речь не только о существовании устойчивого интеллигентского дискурса, но и о женском варианте этого дискурса. Сказать, что русские интеллигентки, жившие в сложные периоды слома старых моделей, совершенно отказывались от своей женской природы в пользу «мужского образа жизни», и полностью

[1] Приведу в качестве примера показательный отрывок из интервью с преподавательницей одного южно-уральского ВУЗа, 1936 г.р.: «*Напротив нас жил такой Сергей Михалыч Ш. – он граф бывший был, жена у него была замечательный врач, Софья Михайловна; такая интеллигентная семья, он знал шесть языков, он работал в институте, у него рояль стоял огромный – они всю квартиру занимали, он всегда приглашал нас – моих подружек, с кем я училась, - у него клавиры были опер, он их выставлял и играл на рояле; он дружил с Шаляпиным, у него стоял портрет Шаляпина с личной подписью. А какая у него библиотека была – и коридор, и все было в книгах. У него было то, чего я никогда больше не видела: у него были ежегодники императорских театров, огромные толстые книги с такими фотографиями*» (рассказчица М4, 1936 г.р. – материал из коллекции автора).

распространить на них характеристики мужского интеллигентского кодекса, означало бы сильно упростить ситуацию. И кокетство (В. Фигнер, как «Верочка-Топни-Ножкой» [1]), и «женственность» (понимаемая как готовность к подвижничеству, бесконечному терпению, страданию и состраданию), и сексуальные связи с мужчинами, и страстные однополые дружбы отнюдь не исключались в этой женской среде, и, наряду с практиками отказа от своей сексуальности ради «служения долгу» распространены были и практики, например, «свободных» отношений, гражданских сожительств и фиктивных браков. Иное дело – дети, которые представали опасным соблазном частного буржуазно-мещанского, анти-интеллигентского быта, угрозой потери своего интеллигентского предназначения. Если дети все-таки появлялись (что, к слову, иногда было невозможно просто по причине расстроенного физическими и нервными испытаниями женского здоровья[2]), то их место в системе

---

[1] Ср. также: «*За мной всегда ухаживали…*» (рассказчица Д1, 1928 г.р.), *«В меня влюблялись многие, я была уверенная в себе, у меня был парень, у меня были поклонники… Просто я была избалована вниманием. Я могла поехать на поезде или пойти на танцы – тут же познакомиться»* (рассказчица Т1, 1938 г.р.) – материалы из коллекции автора.

[2] Нередко профессия и сам образ жизни интеллигентки (подвижнический или богемный) пагубно сказывались на женском здоровье. Сравним: «Девушки, привыкшие к барской обстановке, к чистоте и комфорту, должны были работать буквально по пятнадцать часов в день, при отвратительной пище, состоявшей из ломтя плохо выпеченного хлеба и жидкой болтушки с мочалами вместо говядины… ночевать приходилось на фабрике же в общих спальнях, где каждой работнице отводилось узенькое место на полатях, расположенных в несколько ярусов очень тесно, так что зимою при закрытых окнах голова кружилась от духоты и вони. Постелью служил грязный сенник и такая же подушка, разумеется без всяких признаков белья. Количество же паразитов — блох, вшей и в особенности клопов — было таково, что все углы и щели просто кишели ими, а по ночам они расползались по всем направлениям, грызли тело, падали с потолка на голову, так что в первые дни от нервного раздражения невозможно

ценностей женщины-интеллигентки, и само их воспитание были весьма своеобразны, будем ли мы вести речь о Лизе, дочери Н. Тучковой-Огаревой, или о детях опрошенных респонденток[1]. По крайней мере, высшей ценностью в женском интеллигентском дискурсе устойчиво выступала личностная самореализация[2], а «семья» понималась прежде всего как духовное родство. Специфическое интеллигентское «служение делу» могло оборачиваться либо принципиальной аполитичностью (как вариантом «бунта» против навязываемой лояльности к государству), либо, напротив, фанатичной фиксацией на достижении какого-либо политического идеала. И то, и другое, разумеется, в очень значительной степени выполняло сублиматорные функции, так что «политические» сны Веры Павловны можно рассматривать и как сны эротические. Небезынтересно оказалось также сравнить женские политические идеалы и представления о власти. При своем

было уснуть всю ночь, несмотря на смертельную усталость» (Степняк-Кравчинский С. С.И. Бардина. http://scepsis.ru/library/id_1554.html); «*…мне предлагали и в театре жить, кто-то там жил и в театре прямо, но там зимой в гримерных вода застывала, там остаться это совсем здоровье потерять…»* (рассказчица К2, 1940 г.р. – материал из коллекции автора).

[1] Как специфически интеллигентскую установку по отношению к детям можно констатировать стремление предоставить им максимальную «свободу личности», максимально уважать их «выбор», что на практике нередко приводило к семейным трагедиям. Рассказчица К2, певица, в интервью заявила, что много и хорошо занималась воспитанием своей дочери, поскольку активно водила ее вместе с собой на музыкальные премьеры, никогда не мешала делать то, что хочется и не применяла насилия по поводу плохой успеваемости и своеволия (материалы из коллекции автора).

[2] См.: *«Мы дружили, нам было весело. Но выйти замуж – это не было главной целью»,* – уверяет К3, преподавательница музыкального института. *«Я очень любила работу»,* – признается Л1, певица. *«Я жила работой»,* – заявляет У14, учительница 1941 г.р. *«Главное было – учиться, развиваться как-то, совершенствоваться»,* – К2, певица (материалы из коллекции автора).

декларируемом свободолюбии женщины-интеллигентки ощутимо нуждались в присутствии сильного лидера, кумира, наделяемого практически непререкаемым авторитетом. Таким образом, система ценностей и набор социальных ролей женщины-интеллигентки отражали острый кризис традиционного сознания в эпоху модернизационных перемен.

А.Н. Полосина,
Тула, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Вся жизнь Льва Толстого прошла под знаком женщин: бабки гр. П.Н. Толстой, которая организовала основательное образование внуков-сирот; матери, которую он едва помнил и воспоминание о которой было для него священным; теток Алины Остен-Сакен и Полины Юшковой, которые опекали сирот-племянников; троюродной тетки Т.Н. Ергольской, которая научила его «духовному наслаждению любви»; Зинаиды Молоствовой, к которой он испытал «поэтическое чувство влюбления», и которое, так и не отрыв ей, увез с собой на Кавказ; казачки Марьянки (настоящее имя неизвестно), опьянение любовью к которой привело к литературному опьянению, отраженному в «Казаках»; Е.Ф. Тютчевой, на которой он «был почти готов без любви спокойно жениться» [1]; кн. И.И. Паскевич[2], которая из патриотизма и любви к творчеству Толстого под псевдонимом «русская» впервые перевела «Войну и мир» на французский язык в 1879 г., открыв писателю небывалую популярность на Западе; камер-фрейлины гр. А.А. Толстой, пятидесятилетняя дружба с которой выразилась в обширной, «дышащей самой искренней привязанностью», переписке, которую Толстой назвал «своей лучшей автобиографией»; соседкой по имениям В.В. Арсеньевой, письма к которой были полны неопределенностью чувств и планов совместной жизни; синеглазой

[1] Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): В 90 т. М., 1928–1958. Т. 48. С. 17. Далее сноска на это издание дается в тексте в скобках с указанием тома и страницы.
[2] Свидетельств об их переписке или личном знакомстве нет.

замужней яснополянской крестьянки Аксиньи Базыкиной, страсть к которой отображена в повести «Дьявол»; сестры гр. М.Н. Толстой, с которой он был связан глубоким чувством братской любви; дочерей, Татьяны, Марьи и Александры, продолжательниц дела отца и т.д. И, наконец, жены С.А Толстой, с которой он прожил сорок восемь лет совместной жизни. Их брак завершился не только его уходом из дома, но и смертью на захолустной железнодорожной станции далеко от Ясной Поляны. История их отношений – это символичное воплощение сказки А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке». Дочь московского врача немецкого происхождения стала графиней (столбовая дворянка), жила в родовом имении Ясная Поляна (высокий терем), получила авторские права на произведения, вышедшие до 1881 г. (вольная царица). Во вторую половину жизни добивалась авторских прав на все творческое наследие (т.е. владычества морского), и это стало ее идеей фикс.

Система гендерных воззрений Толстого была предопределена патриархальной семейной традицией. Она отстаивалась на фоне напряженной полемики о женской эмансипации в общественной жизни России, отраженной в трудах В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, славянофилов и др. Обсуждение женской проблемы активизировалось в связи с появлением в печати в 1869 г. книги английского философа и социолога Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины».

Неповторимые женские образы, созданные в «Войне и мире», «Анне Карениной», «Крейцеровой сонате», «Фальшивом купоне», «Отце Сергии», «Дьяволе» и т.д. – это многослойный социальный срез представительниц всех слоев общества: высший свет, деревня, тюрьма, суд, каторга: от светских дам до падших женщин.

Для Толстого «идеалом всякого совершенства» была мать, который он мечтал возобновить со своею женой, со своей семьей. Так Левин (читай Толстой), «едва помнил свою мать. Понятие о ней было для него священным воспоминанием, и будущая жена его должна быть в его воображении повторением того прелестного, святого идеала женщины, каким была для него мать» (18, 101). Толстой, подобно Левину, не мог себе представить любви к женщине без брака, «он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе <…> не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для Левина это было главным

делом жизни» (18, 101). Левину противопоставлена позиция Вронского: «В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги. <…> Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которому они все принадлежали, в котором надо быть, главное, элегантным, красивым, великодушным, смелым, веселым, отдаваться всякой страсти, не краснея, и над всем остальным смеяться» (18, 121).

Как видим, Толстой больше сочувствует «низшему сорту». Убеждения же Вронского он объясняет отсутствием патриархальных семейных традиций: «Вронский никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества, и в особенности после, много романов, известных всему свету. Отца своего он почти не помнил и был воспитан в Пажеском корпусе» (18, 61).

В романе «Анна Каренина» воплощены наиболее характерные женские типы. Стива Облонский делит женщин на два типа: на которых женятся и на «прелестных падших созданий». Устами Стивы Облонского, не признающего жизни без любви, Толстой рассказал читателям, что такое «оссиановская женщина» [1]. Это «тип женщин, <…> которых видишь во сне» (18, 171). По его мнению, «эти женщины бывают наяву... и эти женщины ужасны» (18, 171). Однополчанин

---

[1] Оссиан (Ossian) – легендарный кельтский бард III в., от лица которого написаны поэмы Макферсона и его подражателей. Оссиановская женщина – это романтическая героиня «Песен Оссиана» (1765) Дж. Макферсона (1738–1796). Оссиан воспевал женщин, непоколебимо верных и самоотверженных. Оссианизму отдали дань Гёте, Виньи, Мюссе, Ламартин. Образами Оссиана вдохновлялись Гюго, Байрон, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, В.А. Озеров, Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, К.Н. Батюшков, Н.С. Гумилев и О.Э. Мандельштам и др. Энгр создал картину «Сон Оссиана» (1813).

Вронского Серпуховской считает, что «женщины все материальнее мужчин. Мы делаем из любви что-то огромное, а они всегда terre-à-terre» [1] (18, 330). Решение проблемы любви он видел в браке: «Женщины – это главный камень преткновения в деятельности человека. Трудно любить женщину и делать что-нибудь. Для этого есть только одно средство с удобством, без помехи любить – это женитьба. <…> Нести fardeau [2] и делать что-нибудь руками можно только тогда, когда fardeau увязано на спину, – а это женитьба. И это я почувствовал, женившись. У меня вдруг опростались руки» (18, 329).

Образ «доброй матери семейства» воплощен в Наташе Ростовой (в эпилоге «Войны и мира»), Долли Облонской и Кити Щербацкой («Анна Каренина»). Идеальный образ женщины-матери – это Пашенька (Прасковья Михайловна) из «Отца Сергия» и, в какой-то мере, образ Марии Семеновны из «Фальшивого купона». Для Наташи, Долли и Кити (в будущем) – исполнение «закона рождения детей»: семья, материнство, дети, быт – это следование естественной природе: «закону рождения детей». Они, как хранительницы старых традиций, придерживаются старых устоев, в их власти поддерживать общественное мнение, но не менять его. Пашенька и Мария Семеновна – это образы-символы доброты, простоты и непротивления. Пашенька, как и Мария Семеновна, ненадолго появляются в конце повести, но оказывают большое влияние на духовно-нравственное преображение, одна на отца Сергия, своего друга детства Степана Касатского, другая, ценой своей смерти, на Степана Пелагеюшкина, после которой прекратилась эскалация зла.

По Толстому, ложному отношению к женщине как к предмету наслаждения, удовольствия, приведшее героя «Крейцеровой сонаты» к семейной драме, способствовали государство, наука, искусство и общественное мнение. Начинающий жизнь Позднышев попадает в ситуацию замкнутого круга, не оставляющую ему выбора в поведении. К убийству его приводит извращенное отношение к женщине, в которой он видит «орудие наслаждения». По мнению писателя, одним из нравственных требований в отношении полов является целомудрие, то есть брачная чистота и непорочность. Свою

---

[1] будничны, прозаичны (фр.).
[2] груз (фр.).

излюбленную мысль о нравственной чистоте как необходимом условии внутренней свободы человека, писатель развил в «Дьяволе». Но, как бы вопреки аскетическим тенденциям, проявившимся в «Крейцеровой сонате», в «Дьяволе» с необычайной силой изображены страсти, не подвластные воле человека. Герой повести Иртенев по личным качествам типичный толстовский герой: искренний, честный, не терпящий никаких компромиссов и сделок с совестью, что и обусловило остроту конфликта, завершившегося самоубийством, во втором варианте окончания – убийством героини.

Молодой Толстой начинал жизнь с правил по самосовершенствованию. 16 июня 1847 г. он записал в дневнике правило поведения с женщинами: «Смотри на общество женщин как на необходимую неприятность жизни общественной и, сколько можно, удаляйся от них. <…> Кто виноват, <…> что мы лишаемся врожденных в нас чувств: смелости, твердости, рассудительности, справедливости и др., как не женщины?» (46, 32–33). Со временем отношение Толстого к женщинам, как к «необходимой неприятности жизни», за исключением периода влюбленности в будущую жену, мало изменилось. В связи с этим, отметим, что ему очень нравилось высказывание Лессинга из эпиграммы «Злая жена» [1]. Впервые оно приведено в одной из первых редакций «Крейцеровой сонаты»: «Я решил себе, что она не человек, что такое мне выпало несчастье жениться на животном в образе человеческом <…> (Я не знал тогда изречения Лессинга, который говорит, что суждение каждого мужа о своей жене такое: была одна скверная женщина в мире, и она-то и моя жена» (27, 385). Далее мотив злой жены повторяется, вероятно, не без учета тридцатилетнего опыта супружеской жизни, в дневнике 5 октября 1893 г.: «Мужья ненавидят именно своих жен, как Лессинг сказал: была одна дурная женщина, и та моя жена. В этом виноваты сами женщины своей лживостью и комедиантством. Они все играют комедию перед другими, но не могут продолжать играть ее за кулисами перед мужем, и потому муж знает всех женщин разумными,

[1] Ein einzig böses Weiblebt höchstens in der Welt. Nur schlimm, dass jeder seins für dieses einz'ge halt – одна единственная злая женщина существует на свете, но, к сожалению, каждый считает свою жену такой единственной женщиной (нем.).

добрыми, одну только свою знает не такой» (52, 103). Не исключено, что проблема злой жены стояла перед Толстым так остро, что к афоризму Лессинга он вновь вернулся спустя семь лет, скорее всего для того, чтобы утвердиться в своих мыслях: «Лессинг, кажется, сказал, что каждый муж говорит или думает, что одна на свете была дурная, лживая женщина и она-то моя жена. Происходит это оттого, что жена вся видна мужу и не может уже его обманывать, как обманывают его все другие» (54, 14). Судя по записи в дневнике год спустя, 16 июля 1901 г., тон Толстого в оценке сущности женщин нисколько не смягчился: «Женщин узнают только мужья. Только муж видит их за кулисами. От этого Лессинг и говорил, что все мужья говорят: одна была дурная женщина, и та моя жена. Перед другими же они так искусно притворяются, что никто не видит их, какие они в действительности, в особенности пока они молоды. Главная особенность женщин – это угадывание, кому какая роль нравится, и играть ту роль, которая нравится» (54, 105).

О.В. Чуракова,
Архангельск, Поморский государственный университет

КАК ИЗБЕЖАТЬ В ЭПОХУ ВОЙН КРИЗИСА ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ? ОПЫТ «ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ДОМОХОЗЯЕК» ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Женский культурный мир – отражение общих ментальных установок общества, его традиционных ценностей и культурных предпочтений. Древние римляне ввели в оборот понятие *Mundus muliebris*, что означало «мир женщины». Они обозначали им те предметы, к которым прибегала знатная дама, совершая утренний туалет. Позднее этот концепт стал включать в себя все, что входило в сферу женского приватного (семейный очаг, воспитание детей, здоровье свое и близких) и публичного (успешность, профессионализм). Прекрасным источником для изучения мира женщин служит дамская пресса XX в. В ней, как в зеркале, можно увидеть историю страны, смену культурных ориентиров, эволюцию художественных стилей и гендерных маркировок.

В начале XX в. в России было три вида женской прессы: «журналы для домохозяек», политизированные рупоры феминисток и партийные издания для пролетарок.

Страницы органов РСДРП («Работница», «Голос работницы», «Доля работницы») были лишены визуальных репрезентации женских образов, но проецировали четкие политические и социальные позиции будущих советских гражданок. Здесь «озвучивались» проблемы борьбы пролетариата и не уместным считалось размещать картинки и разные «мещанские штучки».

Феминистские научно-литературные журналы, посвященные равноправию и улучшению положения женщин («Женский вестник», «Женская жизнь», «Женское дело»), вели летопись женского движения, обсуждали проблемы женского труда, положения женщины в семье, обществе и государстве; публиковали биографии выдающихся женщин, женскую беллетристику и поэзию. В последних разделах журналов помещалась хроника культурной жизни страны. Здесь превалировали «новые» женские ценности: феминизм, суфражизм. Обсуждение вопросов личной жизни переходило в плоскость рассмотрения природы сексуальности, что было весьма революционно для того времени. Но часть культурного мира женщины все же оставалась «за кулисами». Проблемы домашнего быта, фасоны модных нарядов, реклама товаров – все это считалось недостойным размещения в «продвинутых» журналах российских «равноправок».

Самая широкая читательская аудитория была у популярных литературно-художественных журналов: «Мир женщины», «Женский календарь», «Женская энциклопедия», «Женщина и война», «Женщина и хозяйка», «Журнал для хозяек». Здесь пропагандировались вечные ценности: любовь к ближнему, подвижничество, вера, смирение, но осторожно проводилась «линия на освобождение» от зависимости семейного бремени.

Если в начале XX в. российское общество переживало очередную модернизацию, то истинный гиперстресс страна и её «женская половина» пережили в период Первой мировой войны. Первая мировая, а в рамках этого периода и революция 1917 г., и начавшаяся гражданская война, буквально перевернули женский культурный мир. Женщина вышла из приватной в публичную сферу жизни; появилась

новая культурная символика, эволюционировала мода, нормативные предписания, переосмысливалась гендерная идентичность.

Культура войны имеет устойчивые гендерные стереотипы: мужчина – воин (защитник, агрессор, адепт войны), женщина – жертва, миротворица. Таким образом, женщина и война – семантические антиподы, но в кризисные моменты общественного развития агентами деструкции (и визуальными и реальными носителями культуры войны) могут быть и женщины. Так, например, трансформировались культурные концепты «мужественность» и «женственность» в период Первой мировой войны. Появились гендерные феномены, связанные с участием женщин в военных действиях, общественном движении, освоением новых профессий и коммуникативных практик.

Женские журналы того времени демонстрируют корреляцию автостереотипов и вербальной самоидентификации российских женщин. «Ситуация культурного перехода заставляет и человека и социум постоянно осмысливать свою идентичность», – полагают ученые [1] . Стиль статьей журналов был очень эмоционален; публикации полны вербальных демонстраций удивления, восхищения примерами героизма российских женщин и их союзниц на театре войны и зависти к ним. Но новые стратегии поведения (участие в боевых действиях в качестве медицинских сестер, врачей, или военных – летчиц, добровольниц) считались уделом избранных. Изменился и арсенал вербальной презентации внутреннего самоощущения российских женщин, – все чаще на страницах дамских изданий звучат слова «либеральный», «свободомыслящий», а применительно к себе женщина озвучивает понятие «НОВАЯ». Под воздействием войны появляется лексика, отражающая психоз, безумие войны (для врага находились самые жесткие эпитеты: «варвар», «зверь», «изверг», «злодей», «скот», «свинья»). В содержании текстов и «способах говорения» много патетики.

Не менее показательны и изменения визуальных канонов женских журналов. Журналы украшались в основном рисунками, – фотографий было немного, особенно с русского фронта, так как у женских журналов не было своих репортеров. И редкие снимки женщин-

[1]Румянцева М.Ф.Теория истории. Учебное пособие. М., 2002. С. 13.

фронтовичек, добровольниц, медицинских сестер вызывали бурю эмоций.

Любопытные казусы были в репрезентации женского тела: на редких кадрах российской военной хроники мы видим мужиковатые фигуры добровольниц в грубой военной форме (как это было в действительности), а на нарисованных картинках – женщин в облегающих мундирчиках и сапожках на каблучках. Так была представлена желаемая визуализация воинствующей женственности.

При психосемантическом анализе стереотипов женского поведения в России следует принимать во внимание, что эволюция женской революционности (не столько политической, сколько знаковой) проходила в обстановке войны. Изменение ролевого поведения в это время, – это не просто эмансипация, это вызов войне. В культуре войны доминирует негатив и ответ женщин на него – попытка остаться женственной или встать на защиту отчества и вынужденно (!) измениться. Это лишь смена внешних маркировок. Россиянки сумели сохранить свой мир (внутренний и внешний *Mundus muliebris*) и не допустить марганализации пола. Так, в годы мировой войны со страниц дамских журналов еще не исчезли отделы по кулинарии и рукоделию, домоводству и воспитанию детей. Кроме того, и во время войны женщины не торопились «переодеваться», в моде оставались те же фасоны. Модели платьев, а особенно, шляпок, правда, становились менее шикарные, и на страницах журналов женщин ждали рекомендации о том, «как дешево сшить вечернее меховое манто». Обязательными в туалете российской дамы были шляпки, перчатки, хотя в журналах других стран уже мелькали женщины в летных комбинезонах, девочки-скауты в коротеньких юбочках, специальных фетровых – мужских! – шляпках и армейских сапожках.

Таким образом, к периоду революций Mundus muliebris россиянок - женский культурный мир, – содержательно не изменился, хотя их взгляды претерпели изменения. Анонс журнала для женщин на 1917 г. обещал новые и традиционные рубрики. Порядок перечисления, вне сомнения, соответствовал иерархии ценностей. На первом месте стояли вопросы общественной, на втором – личной жизни женщин. Но до нового «идеала» женщины – коротко остриженной чекистки в кожаной куртке с маузером, призванной совершать геройские поступки и умирать «для и во имя», еще далеко (не по времени, а по историческому пространству).

Историки моды полагают, что в 20-е и 30-е гг. в женских журналах появились два типа женщин как проекция разделения женского мира на интеллигенцию (тип утонченной женщины – эстетки, эталон – актрисы) и женщин рабочее крестьянского мира. На самом деле, этот второй тип появился на фотографиях периода мировой войны. Это были женщины-воины и работницы: дворники, кондукторы. Но это были единичные случаи, представленные как казус, хотя именно эти образы «цепляли глаз» и вызывали эмоции – чаще усмешку и неприятие. Но данные образы отвечали духу времени, демонстрировали наличие гендерной трансформации в мире женской культуры. Эпохи реформ всегда сопровождаются сменой знаковой системы социума, в том числе и внешних маркировок.

Революционной эпохой в истории российских женщин принято считать год 1917, но на самом деле периодом революционного «переодевания» наших соотечественниц стал 1918 г. Социалистическая и семиотическая революция изменили облик страны, существенной повлияв на естественные языки, письменность, систему летоисчисления, образный строй искусства, топонимику и т.п.[1]. Женщины–работницы стали культурными героями, но, скорее, символами, нежели реалиями эпохи революции. Визуально это закрепилось и в сакральной топографии советского искусства: женщина оставалась на периферии коллективного изображения, не была главным героем агиток. Оппозиции левое/правое, верхнее/нижнее соблюдались в социальной иерархии: женщина по-прежнему не занимала ключевых постов в политике и экономике страны, ей отданы были на откуп сферы обслуживания, она допущена была в культурные круги в качестве «услады глаз». Наиболее трагична судьба лидеров женского движения. Российские «равноправки», жизнь положившие на алтарь революции, были отлучены от борьбы, от страны. Рупоры феминизма «Женский вестник», «Женская жизнь», «Женское дело» были закрыты, а деятельность организаций объявлена вне закона. Дамские журналы «для домохозяек» исчезли сами собой при отсутствии финансирования и реципиентов.

---

[1] Котылев А.Ю. «Мальчишка, люби Революцию…» Гендерный аспект развития российской культуры 19171–1933 гг. // Гендер и общество в истории. СПб., 2007. С. 621.

Оставшиеся социалистические журналы транслировали новые «перелицованные» образы – унисексуальные, или подчеркнуто асексуальные. Налицо был кризис традиционной женственности и женской идентичности в пореволюционную эпоху. Но дамские журналы периода Первой мировой войны свидетельствуют: женщины России в эпоху войн способны хранить свои незыблемые ценности: нравственную чистоту, желание помочь ближнему, жертвенность, женственность. Это наиболее важный для человечества опыт, ибо «неправильное» поведение женщины – хранительницы устоев общества, – чревато разрушительными последствиями для человека и его окружения.

A. Linhardt,
Duke University, USA

KRESTIANKA, RABOTNITSA, AND KOLKHOZNITSA: IDENTITIES OF RUSSIAN WOMEN IN SOVIET PROPAGANDA POSTERS IN THE 1920S

This paper examines the evolution of women's portrayal and identity in propaganda posters through the 1920s. Three main identities put forth in posters targeting women were the *krestianka, rabotnitsa,* and the *kolkhoznitsa*, the peasant woman, the worker-woman, and the peasant woman of the *kolkhoz*, respectively. Each of these identities reflects a specific part of the Bolshevik agenda to transform Russian women in to the New Soviet Woman as part of the greater effort to build socialism. Throughout the decade, the portrayal of these women changed alongside the political and economic agendas of the Party, representing a broader emphasis on specific goals and tasks women were expected to fulfill. It has been shown, however, that these identities were just another part of the Bolshevik ideology that did not align itself with reality and furthered the gap between utopian dreams and everyday life.

Н.А. Черняева,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия современного искусства

«ЧТО ДОЛЖНА ЗНАТЬ РАБОТНИЦА-МАТЬ»: УЧЕБНИКИ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ В КОНСТРУИРОВАНИИ НОРМАТИВНОГО МАТЕРИНСТВА В СССР, 1917-1930.

Историки, изучающие параметры гендерного контракта в СССР, отмечают, что конструкция женского гендера в советской идеологии имела «фрагментированный» (А. Крылова [1]), или «гибридный» (В. Голдман[2]) характер, так как она основывалась на двух, в сущности, противоположных концептах. Во-первых, на идее равенства мужчины и женщины в сфере как производительного труда, так и участия в политической жизни и, во-вторых, на представлении об уникальной биологической и социальной роли женщины – быть матерью. Тогда как в Западной Европе и США в первой половине XX в. материнство конструировалось как самая главная карьера в жизни женщины, в СССР официальная идеология никогда, даже в пик пронаталистских настроений конца 1930-х гг., не провозглашала, что место женщины – дома, с детьми.

В разные исторические периоды соотношение между идеологией производительного труда и идеологией материнства в конструкции женского гендера реализовывались по-разному, в зависимости от множества экономических и социально-политических факторов в развитии страны. Цель моего доклада – проанализировать сложное, нелинейное взаимодействие между этими конструктами в период между революцией 1917 г. и началом индустриализации (1930 г.), используя в качестве материала для анализа популярную литературу по уходу за ребенком, которая издавалась в СССР в это время.

Учебники по уходу за детьми активно печатались в России с середины XIX в., и к 1900-м гг. на рынке циркулировали несколько бестселлеров, таких как, например, «Мать и дитя» В.И. Жука[3], 985-страничный фолиант, выдержавший более 10 изданий. Учитывая

---

[1] Krylova A. Stalinist Identity from the Viewpoint of Gender: Rearing a Generation of Professionally Violent Women–Fighters in 1930s Stalinist Russia // Gender and History. 2004. Vol. 16, no. 3. P. 626-653.

[2] Goldman W.Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. Cambridge; New York, 1993.

[3] Жук В.И. Мать и дитя. СПб, 1911.

низкий уровенъ грамотности среди крестьянского женского населения России, очевидно, что большинство книг были расчитаны на матерей городского среднего класса и дворянства. После 1917 г. санитарное просвещение матерей становится одной из приоритетных задач созданного в 1918 г. отдела Охраны материнства и младенчества (ОММ) [1]. Согласно ежегоднику «Книги Российской Федерации», с 1923 по 1929 гг. количество книг по уходу за ребенком и их тиражи стабильно росли, и если в 1925 г. в стране было выпущено 8 новых книг по данной тематике, то это количество выросло до 39 в 1927 г., 65 в 1929 и 128 в 1930 г.[2]. В 1920 г. ОММ создал свое издательство, и к концу 1920 г. общий тираж популярной литературы по уходу за ребенком составил 200 000 экземпляров[3], а к 1927 г. тираж вырос до 1 млн. 114 тыс. экземпляров[4]. Поскольку целевой аудиторией для этих изданий были женщины – представительницы рабочего класса и крестьянства, неудивительно, что большинство данных изданий старались говорить со своими читателями максимально доступным языком, иногда сбиваясь на жаргонизмы и простречия, подкрепляя где возможно текст визуальными образами: картинами, фотографиями, несложными графиками.

Как и все книги данного жанра, издания по уходу за детьми, выпущенные в Советской России, учили матерей простейшим правилам кормления ребенка, основам ухода за ним и тому, как организовать режим дня для ребенка, приучению к горшку и воспитанию гигиенических навыков, приемам социализации ребенка в семье и т.д. Одновременно эти книги транслировали и доминирующие в обществе идеологии материнского и женского. Как говорит американский социолог Н. Вейс, «книги по уходу за детьми можно переименовать в книги по воспитанию матерей. За каждым правилом,

---

[1] Созданный в январе 1918 под эгидой Комиссариата Социального обеспечения, отдел был передан в мае 1920 года в ведомство Наркомздрава, и просуществовал в таком качестве до 1938 года, когда он был соединен с Отделом охраны здоровья детей и подростков НКЗ.
[2] Книги Российской Федерации. М., 1923, 1925–1929.
[3] Материалы Первого Всерос. Совещания по Охране Материнства и Младенчества. Москва, 1–5 декабря 1920 года. М., 1920. С. 15.
[4] См.: Госу. Архив Российской Федерации, фонд А–482, оп.1, дело 615.

регламентирующим поведение ребенка, просматривается послание для матери, недвусмысленный совет о том, как себя вести, и рекомендация по тому, как правильно и этически безупречно организовать свою жизнь» [1].

Учитывая тот факт, что литература по уходу за ребенком в 1920-е гг. издавалась преимущественно государственными издательствами и была лишь малой частью машины санитарной пропаганды среди матерей, другие части которой включали постоянные и передвижные выставки в поликлиниках, консультациях, клубах и избах-читальнях, плакаты, лекции с показом «живых картин», конкурсы на лучшего младенца, уголки «мать и ребенок» в сельских магазинах-кооперативах, школы будущих матерей и другие формы, можно предположить значительную идеологическую ангажированность данных текстов. Логично думать, что представление о «хорошей матери» в данной литературе шло в унисон с тем, как это представление формулировалось в официальном дискурсе того времени.

В официальных документах отдела ОММ начала 1920-х гг. главная роль этой организации определяется как то, что она помогает женщине «совместить материнство с общественно-полезным трудом». На Первом Всероссийском совещании по охране материнства и младенчества (декабрь 1920 г.) глава ОММ Вера Лебедева говорит о неприемлемости для советского государства сводить социальную роль женщины только к рождению и воспитанию детей: «Возвращение в лоно семьи и сферу исключительно забот о детях для женщины совершенно не нужно. Это – ее право, но она сама его отвергает. Самая семья будет семьей только при условии раскрепощения женщины, когда женщина фактически станет в те же условия трудовой и социальной жизни, как и мужчина» [2].

---

[1] Weiss N Pottishman. Mother, The Invention of Necessity: Dr. Benjamin Spock's
Baby and Child Care // American Quarterly. 1977. No. 4. P. 519–546.

[2] Материалы Первого Всероссийского Совещания по Охране Материнства и Младенчества. Москва, 1-5 декабря 1920 года. М.: Издательство ОММ, С. 9.

Очевидно, что Лебедева в своем обращении к делегатам воспроизводит представление, которое к 1920 г. прочно укоренилось в официальной большевистской идеологии – о том, что раскрепощение женщины возможно только через ее вовлечение в общественно-полезный труд и что поглощенность домашним хозяйством, равно как и воспитанием детей, отупляет и принижает женщину. В «Великом почине» (1919) В. Ленин излагает данную позицию, когда говорит, что в России «женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба… против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство» [1].

Главный идеолог женской эмансипации А. Коллонтай обещает, что советское государство снимет с плеч женщины «крест материнства» и перенесет его на свои плечи. «Коллектив, – пророчествует Коллонтай в своем докладе «Охрана материнства и младенчества и работница», - возьмет на себя всю тяжесть материнства и предоставит матерям только радость и улыбку материнства» [2].

Вопреки ожиданиям, популярная литература по уходу за детьми, выпущенная издательством ОММ и другими государственными издательствами с 1918 по 1929 гг., конструирует роль женщины в гораздо более консервативном, традиционном ключе. Авторы этих учебников рассуждают о необходимости для матери полностью посвятить себя ребенку, словно не замечая, что большинство представительниц их целевой аудитории вынуждены совмещать материнство с работой на производстве или в поле. Официальная позиция ОММ, согласно которой учреждения ОММ (ясли, прогулочные

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 38. С. 271.

[2] Коллонтай А.М. «Охрана материнства и младенчества и работница» // Отчет по отделу Охраны материнства и младнчества. С 1 мая 1918 года по 1 май 1919 года. М.: Народный Коммисариат Социального Обеспечения РСФСР. 1919. С. 39.

группы, детские сады) должны взять на себя часть забот по уходу за ребенком и что сознательная мать должна использовать эти учреждения по максимуму, также зачастую игнорируется. «Никто не может заменить ребенку его мать. …Пока мать кормит своего ребенка грудью, она и младенец представляют собой единое целое», - говорится в книге, выпущенной в 1924 г.[1]. Даже заголовки книг доносят до читателя идею, что уход за ребенком – это исключительно прерогатива матери. Вопреки официальной эгалитарной гендерной идеологии, в учебниках по уходу за детьми мать и отец никогда не конструируются как взаимозаменяемые родительские фигуры. Из всего объема изданий, опубликованных в 1920-е гг., только одна книга упоминает в заголовке отца ребенка[2]. Все остальные книги имеют такие заголовки как «Азбука материнства», «Книга матери», «Беседы с девушками о материнстве», «Мать и дитя», «Гигиена материнства» и др.

Абсолютное большинство авторов данной литературы принадлежали к поколению докторов, чье обучение и профессиональное развитие пришлось на конец XIX и первое десятилетие XX в. Многие из них были активистами движения по борьбе с детской смертностью в дореволюционной России (А.А. Кисель), участниками Московского общества «Охрана материнства» (А.Н. Рахманов, Г.Л. Грауэрман, Г.Н. Сперанский) и Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества в Санкт-Петербурге (А.Н. Антонов, З.О. Мичник). После революции 1917 г. многие из них оказались в руководстве создаваемых большевиками государственных бюрократических структур по охране материнства и детства. Несмотря на изменившиеся социальные контексты и значительные трансформации в официальных идеологиях семьи, материнства и женского, эти авторы продолжали выражать точку зрения дореволюционной медицины, согласно которой «женщина есть организм, из всего животного мира наиболее приспособленный для деторождения и наименее всего приноровленный для внешней работы» [3].

---

[1] Лагутяева А.И. Гигиена материнства. М., 1924. С. 31.

[2] Альтгаузен Н.Ф. Отец и ребенок. М., 1928.

[3] Новиков А.М. «Охрана материнства» // Союз для борьбы с детской

Ряд книг по уходу за детьми были перепечатками дореволюционных изданий, и в них разрыв между официальной большевистской идеологией и медицинским взглядом на материнство был особенно разителен. Так, книга Г.Н. Сперанского «Уход за ребенком раннего возраста» (1922), явившейся перепечаткой с изданий 1909 и 1917 гг., высказывает глубокое сочувствие женщинам «тех классов, которые в дополнение к своим нелегким материнским обязанностям и недугам, связанным с родами, должны также заботиться о том, как заработать себе на пропитание» [1]. Даже и та литература, что была создана после 1917 г., несет на себе черты конфликта между медицинским и политическим дискурсами материнства. Так, же уже в 1930 г., т.е. на первом году индустриализации, учебник А.Н. Антонова «Работница-мать: что должна знать работница о беременности, родах и уходе за ребенком» предупреждал читательниц о несовместимости детородной функции женщины и интенсивного физического труда[2].

Таким образом, представления о том, что есть «хорошая мать» и каким образом советская женщина должна совмещать материнство и труд на производстве, были далеко не монолитны в России в 1920-е гг. Параллельно с точкой зрения официальной пропаганды о том, что женщина является «равноценной с мужчиной трудовой единицей» [3], циркулировала и точка зрения, поддерживаемая авторитетом медицины, согласно которой главная социальная роль женщины – быть матерью. Анализ полулярной литературы по уходу за детьми позволяет проследить сложное взаимодействие, взаимное проецирование этих позиций, тем самым проблематизируя стереотипное представление о советской идеологии как хорошо отлаженной машине, все части которой работали синхронно и без сбоев.

сметртностью. Отчет о деятельности Уральского отдела в Екатеринбурге за 1911 год. Екатеринбург. 1912. С. 15.

[1] Сперанский Г.Н. Уход за ребенком раннего возраста. М., 1922. С. 18.

[2] Антонов А.Н. Работница–мать: что должна знать работница о беременности, родах и уходе за ребенком. М.–Л., 1930. С. 3.

[3] Коллонтай А.М. Охрана матер-ва и младенчества и работница. С. 28.

С.В. Пушкарева,
Москва, ЗАО Промстройконтракт

КОНЦЕПЦИЯ РОЛИ «ЖЕНСКОГО» И «МУЖСКОГО» НАЧАЛА В ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Антуан де Сент-Экзюпери часто обращался «к изначальным значениям», к древней символике. Отсюда концепция женщины, связанной по самой своей сути с землей, природой, цикличностью, биологической и мистической, скрывающей в себе тайну жизни. В этом к Сент-Экзюпери относимы слова Р. Блеккера: новое искусство модернизма устремлено к прообразам, покоящимся в глубине, ему свойственны усилия выйти за границы времени, пространства и личности, что придает современной литературе черты высокой всеобщности. Эти слова передают всю глубину творчества Сент-Экзюпери, космическую гармонию его высокой простоты. Духовный подвиг писателя-гуманиста близок провидческой идее Вяч. Иванова, видевшего выход из «кризиса современного сознания» в прозрении в «я» человека-микрокосма-мира-Вселенной, из которого должно вырасти новое духовное сознание будущего века.

Связи порождают и сохраняют устойчивость мира. Это священные нити, связующие человека с жизнью. Мужчина – пионер, завоеватель, он рожден для борьбы, он зажигает огонь семейного очага. Женщине суждено обеспечивать сохранность того, что завоевано, поддерживать огонь в семейном очаге. Кто-то должен думать о воине, радоваться его победам, печалиться поражениям, иначе поход не будет иметь смысла. Эти связи, которые в «Южном почтовом» будто бы еще подчинены миру женщины, и действие, принадлежащее миру мужчины, – два главных элемента в философии Сент-Экзюпери. Они служат опорой смысла и содержания жизни. Герой «Южного почтового» пилот Жак Бернис еще недостаточно осознает всю мощь и необходимость этих связей.

«Я видел тебя, Жак Бернис: в твоем взгляде не было ниточки, связывающей тебя с землей», – говорил сотоварищ пилота. Жак ищет выход в действии. Цель, возможно, ничего не решает, но действие, движение освобождает от бессмысленности. Действие, сознательная деятельность, ответственность, целеустремленность – вот спасительный путь для героев «Ночного полета», «Планеты людей».

Это простые и вечные истины «Маленького принца» и путь самого пилота А. де Сент-Экзюпери. Только истинная любовь к человеку и страх за него могли дать основание для вывода, что главное – это победа над самим собой и над мнимым одиночеством в мире вещей. Победив внешнюю стихию, необходимо победить стихию в самом себе. Показать это — одна из главных задач Сент-Экзюпери, писателя и человека. Роль литературы для него в том, чтобы, воздействуя на сознание, защищать человека от падения и оберегать в нем самое ценное.

«Куда идут Соединенные Штаты? К человеку выхолощенному, неспособному создать новый танец, новую песню, человеку, вскормленному серийной стандартной культурой, наподобие того, как скот вскормлен сеном. Видите ли, жить холодильниками, политикой, кроссвордами больше нельзя! Нельзя! Восприняв в виде духовной пищи лишь математику и автомашины Бугатти, мое поколение вовлечено сегодня в чисто стадную деятельность». Это – вторая ступень духовного кризиса, который начался в Европе еще на рубеже веков. Молодой Сент-Экзюпери писал: «Я люблю людей, которым жизнь открывается во всей наготе, потому что им приходится заботиться о собственном пропитании, о том, чтобы прокормить детей и дотянуть до очередной получки. Таким людям многое понятно без философствований. Вчера, на автобусной остановке я встретил женщину, простоволосую, с пятью ребятишками. Она преподала им очень много полезных вещей, и мне тоже!» «Ненавистны люди, пишущие ради эффектов. Надо иметь, что сказать. Чтобы писать, надо жить». Неприятие всего вторичного, того, что не есть плод непосредственного переживания, – типичная черта Сент-Экзюпери.

В системе Георгия Гурджиева говорится, что человеческий организм получает пищу трех видов, обычную, воздух и *впечатления.* «Без впечатлений организм бы умер, - передает П. Успенский слова Г. Гурджиева. – Впечатления являются «высшей пищей», источником для вырабатывания более тонких субстанций, духовной работы над самим собой». Именно для этого необходима чистота впечатления. И эта черта *естественна для Сент-Экзюпери*, она составляет *основу его писательского сознания*. Писательское сознание Сент-Экзюпери сформировалось еще прежде, чем он написал свою первую книгу. Писатель навсегда остался верен своим юношеским представлениям.

Из заметки А. Де Сент-Экзюпери об Ибсене и Пиранделло: Ибсен «пытался дать *истинное понимание человека*. Вот почему надо любить Ибсена». А «первое условие понимания есть своего бескорыстие, забвение самого себя»... «И не увлекаться Пиранделло, не увлекаться никакими ложными эффектами. Непонятное всегда привлекательнее того, что ясно. Из двух объяснений какого-нибудь явления люди инстинктивно предпочитают сверхъестественное. Потому что другое, истинное объяснение просто: от него волосы не встают дыбом. Парадокс всегда притягательнее, и большинство предпочитает парадокс... Светские же люди используют науку и философию, искусство, как они используют шлюх... И Пиранделло для них тоже своего рода шлюха».

Но «правильное мышление можно воспитать лишь путем строжайшей дисциплины мысли. И это одно из самых драгоценных качеств. Люди всячески стремятся обогатить свою память, свои познания, упражняются в красноречии, но они почти никогда не заботятся о культуре мышления. Они стараются рассуждать логически, не заботясь о том, чтобы правильно мыслить. Они смешивают эти вещи», – отмечал Сент-Экзюпери.

Таким образом, Антуан де Сент-Экзюпери внутренне, интуитивно следовал пути, намеченному Германом Гессе: пути духовного прорыва в новое тысячелетие, предполагавшем поиск синтеза двух образов мышления, «установочно разных систем» западного рационализма и чувственного познания Востока. В своих произведениях 1920–30-х гг. Г. Гессе попытался использовать духовный опыт различных религиозных систем – даосизма, Веданты, буддизма. Но главное – Гессе удалось снять одно из самых страшных переживаний «западного» человека, проблему конечности существования, неизбежно вставшую перед европейским сознанием с разуверением в христианской истине. Антуан де Сент-Экзюпери показал человеку законы, по которым он должен развивать себя.

Простые законы Стыда и Совести, «давно забытые понятия», как говорит Лис в «Маленьком принце», выполнять которые очень трудно. Но в них Путь человека к самому себе, пробуждению себя «настоящего». Проблема многих людей в том, что их сознание спит. «Они пишут, считают, работают и при этом спят. Им не осознать впечатления, не вспомнить себя, не пережить его еще раз», – передает П. Успенский мысль Г. Гурджиева.

Мы должны воплотить в себе духовную общность мира. Для того, чтобы спасти мир и самих себя. Ибо каждый в отдельности отвечает за всех – в этом состоит сама идея сообщества. Ее смысл можно объяснить таким образом: представим себе, что человек это слово. Смысл поэтического образа иной, чем смысл составляющих его слов. Потому каждый отвечает за всех. Отвечает каждый в отдельности. Духовная общность мира, как сверхзадача человечества, о которой писал Сент-Экзюпери, как учили Махатмы, противоположна разъятию и разделению, и состоит в том, чтобы сочетать и создавать Прекрасное как результат. «Мы жители одной планеты, одного корабля», – таков призыв Антуана де Сент-Экзюпери в романе «Планета людей», и мы способны найти путь, чтобы понять друг друга.